КОРОЛЕВА КРИСТИНА

Борис Григорьев

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Королева Кристина (1626–1689), удивительная во многих отношениях женщина, достойна пристального внимания не только историка, но и самой широкой публики. Её личность не менее интересна, чем личности Екатерины II, Екатерины Медичи, Марии Стюарт или Елизаветы I, и имеет право занять почётное место в любой галерее исторических портретов.

Мимо неё не прошло ни одно крупное европейское событие. Обладая пытливым умом и безупречным художественным вкусом, она собрала великолепную библиотеку и уникальную коллекцию предметов искусства. Она общалась и переписывалась с выдающимися людьми своего времени: кардиналом Мазарини, французским королём Людовиком XIV, с римскими папами Александром VII, Климентом IX и другими, композиторами Алессандро Скарлатти и Арканджело Корелли, скульптором Лоренцо Бернини, учёными Рене Декартом и Джованни Кассини и многими, многими другими.

Только внешняя канва её жизни поражает воображение: дочь и наследница великого Густава II Адольфа, героя Тридцатилетней войны и создателя великодержавной Швеции, образованная и воспитанная в духе следования своему монаршему долгу, вполне благополучно правившая страной в течение одиннадцати лет, на двадцать девятом году своей жизни она неожиданно отказывается от трона, навсегда покидает родину, переходит в католичество и после бурных лет частной жизни в одиночестве умирает в Италии.

-
-
- ВВЕДЕНИЕ
- Часть первая
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвёртая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая

- Глава двенадцатая
- Часть вторая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая
  - Глава пятнадцатая
  - Глава шестнадцатая
  - Глава семнадцатая
  - Глава восемнадцатая
  - Глава девятнадцатая
  - Глава двадцатая
  - Глава двадцать первая
- СЕРЕБРЯНАЯ МАСКА
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРОЛЕВЫ КРИСТИНЫ
- БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71

- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115

- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155

Жизнь замечательных людей ®

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
29

Борис Григорьев

КОРОЛЕВА КРИСТИНА

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2012

Libero io nacqui e vissi e morro sciol[1]

ВВЕДЕНИЕ

История пишется для установления строгой истины.

Плиний Младший

Тридцатилетняя война в Европе (1618–1648) завершилась подписанием Вестфальского мирного договора. Де-юре он наградил Шведское государство солидными территориальными приобретениями. Теперь Швеция, кроме солидной денежной компенсации за свои моральные и материальные потери в войне, получила лютеранские земли в Пруссии, Померании и Мекленбурге, включая город Висмар и епископство Бремен и Верден. Все крупные реки Балтийского бассейна — Нева, Висла, Одер и Эльба — оказались под контролем военной монархии Швеции, а Балтийское море превратилось в «шведское озеро». Швеция вышла на орбиту большой европейской политики и стала играть в ней чуть ли не первую скрипку. Её уважали, почитали, боялись страны, обладавшие намного большими людским потенциалом и материальными ресурсами.

Но вынести бремя великодержавия маленькой стране с преимущественно сельским — натуральным — укладом жизни и населением около миллиона человек, с зачатками мануфактурного производства, слабо развитой торговлей и низким по сравнению, например, с Голландией, Германией, Францией, Англией и Испанией культурно-образовательным уровнем было трудно. Почти полувековая война, которую Швеция вела против России, Дании, Польши, а потом против габсбургской Контрреформации, изнурила страну. Особенно сильно пострадали от неё «подлые» сословия крестьян, городских ремесленников и купцов, но недовольство охватило и небольшую клерикальную прослойку, и дворянство. На войне нажились королевский дом и военно-аристократическая верхушка страны. Король Густав II Адольф и его доблестные военачальники не гнушались грабежом немецких храмов и замков и вывозом награбленного добра в любимую Швецию. Особенно сильно пострадали от этого Прага и города Южной Германии. Бесценные культурные ценности Чехии и Германии до сих пор украшают коллекции шведских музеев, библиотек и храмов.

Страной после смерти короля Густава (он пал в битве под Лютценом в 1632 году) стали фактически править канцлер Аксель Оксеншерна (1583–1654) и его клан. Канцлер объявил себя

истинным толкователем и последователем воли покойного Густава II Адольфа (в чём до сих пор сомневаются некоторые шведские историки) и, отстранив от кормила власти вдовствующую королеву Марию Элеонору, стал во главе опекунского совета безраздельно властвовать в Швеции.

В 1634 году Оксеншерна провёл на Нючёпингском риксдаге своё предложение о форме правления королевством, по которому вся власть до совершеннолетия дочери Густава II Адольфа Кристины передавалась в руки Государственного совета, то есть нескольким представителям аристократического дворянства. Сбывалась давняя мечта кучки аристократов отщипнуть от пирога королевской власти свой лакомый кусок. Благо со стороны шестилетней наследницы трона, принцессы Кристины, никакого сопротивления не ожидалось.

Власть же Госсовета практически концентрировалась в опекунском правительстве, образованном по решению риксдага от 14 (25) марта 1633 года[2], в которое, кроме всемогущего и всемудрейшего канцлера, исполнявшего обязанности премьер-министра и министра иностранных дел, вошли его родной брат и риксдротс[3] Габриэль Густавссон Оксеншерна (1587–1640), двоюродный брат и главный казначей Габриэль Бенгтссон Оксеншерна, фельдмаршал, участник русской Смуты и шведско-польской войны в Лифляндии, марск[4] Якоб Делагарди (де ла Гарди) (1583–1652) и сводный брат покойного короля адмирал Карл Карлсон Гюлленъельм (Юлленъельм).

Такого в истории Швеции ещё не было, чтобы в опекунское правительство не вошёл кто-либо из королевской семьи: ни вдовствующая королева Мария Элеонора, ни тётка принцессы пфальцграфиня Катарина (Екатерина), ни её муж пфальцграф Юхан (Иоганн) Казимир, управлявший страной в отсутствие короля. Формированию опекунского правления сопутствовала подковёрная борьба: Юхан Казимир, риксадмирал К. К. Юлленъельм, сподвижник Густава II Адольфа Ю. Шютте и епископ Ю. Рюдбек выступили против «аристократического» засилья оксеншернистов, но под давлением силы были вынуждены уступить.

Приняв присягу на верность наследнице принцессе Кристине и шведскому народу, опекунский совет поспешил отвергнуть все претензии Польши на корону Швеции[5].

После Вестфальского мира Шведское государство, территориально раздувшееся до непомерных размеров, практически оказалось банкротом. Платить жалованье чиновникам и офицерам было нечем. Канцлер Оксеншерна, ещё задолго до окончания войны, нашёл выход в том, чтобы дарить,

продавать, отдавать в аренду или под залог государственные земли и налоговые сборы.

Земли в Шведском королевстве было более чем достаточно. Плотность населения на территории самой Швеции и Финляндии составляла два человека на квадратный километр[6]. К описываемому нами периоду 600 дворянских семей владели около 66 процентами всех усадеб и хуторов. Вместо свободной крестьянской деревни, не знавшей крепостничества, вокруг дворянско-помещичьих усадеб возникли хутора подневольных арендаторов. Основная масса свободных шведских крестьян стала всё больше зависеть от своих хозяев-дворян, которые отнюдь не всегда оказывались добрыми и справедливыми. Естественно, крестьяне выражали сильное недовольство своим положением, и их часто поддерживали представители Церкви и города. Недовольство простого населения страны дворянским засильем выплёскивалось на заседаниях риксдага.

В религиозном отношении Швеция внешне оставалась страной монолитной, где безраздельно правила лютеранская церковь, а каждый росток иноверия и вольномыслия искоренялся ею с беспощадной последовательностью и жестокостью. Религиозная непримиримость, усугублённая длительным династийным спором с польским — католическим — королём Сигизмундом III, изолировала Швецию от других более культурных стран Европы, но опыт только что закончившейся войны, в ходе которой шведы могли познакомиться с жизнью немецких княжеств, делал культурные и религиозные барьеры весьма шаткими.

Единственным источником информации и образования, а также примером подражания для шведских дворян и людей культуры и искусства долгое время были лютеранские княжества Германии. Но германское лютеранство переживало кризис, оно скоро погрязло во внутренних спорах и распрях и раскололось на несколько враждующих школ и сект. Шведские лютеране, эпигоны германских, автоматически переносили все эти противоречия на свою почву. За мнимым религиозным единством скрывались разочарование, вольнодумство, ересь и интерес к другим вероисповеданиям, особенно к утраченной католической вере — тем более что в католических странах духовная жизнь оказалась намного богаче и интереснее, нежели в лютеранских.

В средневековом шведском обществе главенствующее положение занимал мужчина. Уделом женщины, к какому бы социальному слою она ни принадлежала, было беспрекословное подчинение главе семейства — мужу или отцу, ведение домашнего хозяйства, рождение и воспитание детей. Даже

богатые дворянки не смели мечтать о «высоких материях», и каждая попытка нарушить Богом заведённый «домострой» строго пресекалась. В дворянских семьях круг интересов женщины ограничивался кухней, детьми и церковью. Многие из них были безграмотными[7].

В Европе XVII век ознаменовался бурным развитием естественных наук. Человеческая мысль стала постепенно продираться сквозь инквизиторские препоны и нагромождения церковных догм и делать попытки по-новому объяснить мир. В Австрии Иоганн Кеплер сформулировал законы движения планет, в Италии подняли свой голос Джордано Бруно и Галилео Галилей, поддержавшие гелиоцентрическую теорию Николая Коперника, в Дании Тихо Браге доказывал свою теорию движения планет вокруг Солнца. В Испании Лопе де Вега, а в Англии Уильям Шекспир развивали основы драматургии и театра. В Англии работал философ Фрэнсис Бэкон, а в Голландии, на «ярмарке сект», трудились вольнодумцы со всех стран Европы, включая французского философа и математика Рене Декарта (1596–1650) и чешского педагога и мыслителя Яна Амоса Коменского (1592–1670).

Одним словом, отовсюду повеяли ветры вольнодумия и инакомыслия. Их свежее дыхание достигло закутавшейся в пуританские одежды Швеции, что во многом определило то развитие событий, о котором пойдёт наше повествование.

Часть первая
ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Для государства нет большего горя, чем иметь королём ребёнка.

Кристина

Глава первая
РОЖДЁННАЯ В СОРОЧКЕ

Я была ребёнком, не знавшим ни
своей фортуны, ни своего несчастья.

Кристина

О рождении и раннем детстве королевы Кристины никаких официальных отчётов не осталось. Сохранились лишь скупые упоминания в письмах родственников короля-отца, лаконичные комментарии канцлера Акселя Оксеншерны и автобиография самой королевы, написанная в более зрелые годы не без участия её близкого друга кардинала Сфорцы Паллавичино.

Достоверность сведений, сообщённых о себе королевой, многими историками подвергается сомнению: во-первых, пожилой уже женщине могла отказать память, а во-вторых, Кристина могла придать автобиографии соответствующее направление. Да и от кардинала Паллавичино тоже можно было ждать всякого. Современный шведский писатель Свен Стольпе полагает, что с некоторыми оговорками верить автобиографии всё-таки можно: память Кристине никогда не отказывала, тем более что работать над автобиографией она начала сразу после того, как покинула Швецию, то есть в возрасте двадцати девяти лет. Кроме того, вряд ли у неё возникла необходимость искажать правду о первых днях своей жизни.

«Я родилась в сорочке, и только лицо, руки и ноги были голыми, — вспоминала королева много лет спустя. — Моё тело покрывали волосы, и у меня был грубый, сильный голос. Поэтому повивальные бабки, принимавшие роды, подумали, что я была мальчиком. Их радостные голоса заполнили залы дворца и на какое-то время даже ввели в заблуждение самого короля. Надежда и желание, соединившись, способствовали обману, а когда ошибка обнаружилась, женщин охватило глубокое смятение. Они долго пребывали в нерешительности относительно того, как сообщить правду королю. Эту миссию взяла на себя принцесса Катарина, сестра короля. Она несла меня на руках таким образом, чтобы король сам убедился в том, что она не осмеливалась сказать… Но этот великий государь не выказал никакого удивления, а взял меня на руки и оказал мне все знаки любви, как будто вовсе не был разочарован в своих ожиданиях. И он сказал принцессе: „Возблагодарим Всевышнего, сестра. Надеюсь, эта девочка станет для меня так же хороша, как

мальчик. Молю Бога, раз он дал мне её, хранить её“»…

Описываемое событие произошло 8(19) декабря 1626 года. В этот день, как поспешили засвидетельствовать подхалимы-астрологи, расположение Солнца, Венеры, Меркурия и Марса было таким же, как при рождении великого Густава II Адольфа. Свидетели рождения рассказывали, что, появившись на свет, новорождённая закричала басом, как мальчик, и все приняли её за мальчика, пока отец не взял её на руки и не выяснил, что родилась девочка.

— Она вырастет хитрой, ибо всех нас обманула, — сказал он.

Это был первый обман принцессы.

Матери новорождённой, королеве Марии Элеоноре, было отчего впадать в отчаяние. Четвёртая дочь по счёту, причём ни одной из них к этому времени уже не было в живых: двое родились мёртвыми, а одна, Кристина Августа, прожила всего несколько недель. Все, особенно король Густав II Адольф, ждали наследника. Так что можно было понять её состояние — узнать и возрадоваться, что родила наследника, а потом услышать, что произошла ошибка, явилось тяжёлым ударом для её чувствительной и экзальтированной натуры. Только тактичное поведение супруга помогло Марии Элеоноре справиться с чувством вины и разочарования. А Густав II Адольф хорошо знал, насколько больна его жена, и больших надежд на появление сына не возлагал.

В приведённом выше отрывке из биографии Кристины обращают на себя внимание два момента: желание показать свою исключительность и восхищение величием своего отца. Только исключительные люди, отмеченные Богом, могут родиться в сорочке, а она, королева Кристина, была именно таким человеком. Что касается отношения к отцу, королю Густаву II Адольфу, то оно было неподдельно искренним, и королева пронесла его через всю свою жизнь. Отец во всех отношениях был для неё непререкаемым авторитетом, великим полководцем, государственным деятелем и образцом для подражания.

Далее Кристина пишет, что возблагодарила Бога за то, что он не снабдил «её душу присущими её полу признаками слабости», а сделал «всю её сущность» целиком мужской. И это было сущей правдой: и волевой, непреклонный характер, явно унаследованный от отца из рода Васа, и телосложение, и весь образ поведения — всё свидетельствовало о том, что ей нужно было родиться мужчиной. Природа сыграла с ней шутку, которая окажет решающее влияние на её судьбу.

Особенности физической и психической конституции королевы Кристины, конечно, не могли не дать повода её

биографам и историкам для многочисленных спекуляций. Мы ограничимся на сей счёт выводом, сделанным С. Стольпе: Кристина была, употребляя современный медицинский термин, псевдогермафродитом, то есть ложным гермафродитом или мужеподобной женщиной.

При крещении новорождённая получила имена умершего до этого ребёнка — Кристина Августа.

Будучи уже взрослой, королева писала, что придворный священник, осуществлявший обряд крещения, смоченными в святой воде пальцами начертал на её лбу крест. Тем самым она как бы подчёркивала, что её переход в католическую веру был «запрограммирован» с самого первого дня жизни. Эпизод, на наш взгляд, малодостоверен и был сконструирован Кристиной в расчёте на римскую публику. Элемент католического обряда в лютеранском королевском доме, совершённого на глазах у многих людей, был просто невозможен — если, конечно, этому священнику на следующий день не отрубили голову.

Проявлениями родительской любви и внимания Кристина была явно обделена. Мать, бранденбургская принцесса, красавица, добрая и чувствительная, но взбалмошная и истеричная женщина, постоянно скучала по мужу, находившемуся на войне. В своей экзальтированной любви рвалась к нему и презирала шведов и Швецию, тем самым возбуждая к своей особе со стороны придворных неприязнь и раздражение. Настоящего воспитания ребёнку она дать не могла. К тому же вряд ли она любила Кристину, находя её слишком уродливой. Дочь платила матери той же монетой. Она вспоминала потом, как безразлично реагировала мать на то, что нянька несколько раз роняла её наземь, из-за чего у неё было сломано предплечье и одно плечо осталось на всю жизнь ниже другого.

Несомненно, маленькая принцесса рано познала чувство горечи, рано ощутила своё одиночество и ненужность в этом мире, что привело к раннему развитию комплекса вины и неполноценности, который она потом с успехом компенсировала скрытным нравом, упрямым характером, вызывающим непослушанием и полученными знаниями.

Король Густав II Адольф, всегда и для всех сохранявший по отношению к Марии Элеоноре декорум верного и заботливого супруга, но в душе считавший её душевнобольной женщиной, незадолго до своей гибели имел конфиденциальную беседу с канцлером Акселем Оксеншерной о своей семейной беде. Канцлер вспоминал, как король в течение часа буквально «обрабатывал» его, чтобы вырвать у него клятвенное обещание в случае своей смерти назначить опекуна над «жалкой женщиной»

(супругой) и позаботиться о малолетней принцессе. Канцлер якобы клясться отказался, но обещание дал. О том, как Оксеншерна сдержал свое слово, мы увидим ниже. Во всяком случае, указаний на то, чтобы исключить Марию Элеонору из списка опекунов дочери, в завещании не было[8].

Итак, отец Кристины перманентно отсутствовал, находясь в походах то в Ливонии, то в Польше, то в Пруссии, то в Германии, а в 1632 году, когда Кристине было всего шесть лет, погиб в сражении под Лютценом. В короткие промежутки времени между баталиями он уделял дочери некоторое внимание. Видеть отца ей пришлось всего несколько раз в жизни. Трёхлетней девочке запомнился эпизод с проводами отца в германский поход летом 1630 года. Отец выступал перед риксдагом и говорил о том, что Бог до сих пор был милостив к нему и хранил его во всех сражениях, но он может из этого похода не вернуться. Принцесса стояла рядом с ним и готовилась сказать отцу на прощание несколько заготовленных дома фраз. Но Густав II Адольф всё время был занят и внимания на неё не обращал. Тогда она подошла к нему и дёрнула за сюртук. «Когда он увидел меня, — вспоминала потом королева Кристина, — то взял на руки, и слёзы потекли по его щекам — так рассказывали мне те, кто находился рядом». Густав II Адольф поднял дочь высоко над головой, показал её депутатам и военным и провозгласил её своей наследницей.

Принцесса три дня плакала неутешными слезами. Больше отца она не увидит.

Сохранилось её письмо шведскому королю в Германию то ли от 1631-го, то ли от 1632 года, написанное неуверенной детской рукой явно под диктовку учителя, матери или тёти Катарины. Письмо построено по всем правилам эпистолярного жанра того времени и было предназначено для того, чтобы показать отцу, каких успехов добилась его малолетняя дочь:

«Всемилостивейший, дорогой господин Отец,

Имея счастие быть Вашего Королевского Величества дочерью, посылаю В. К. В. мой скромный портрет. Прошу В. К. В. не забывать меня и осчастливить своим скорым приездом или послать мне что-нибудь красивое. Обещаю быть скромной, прилежно учиться и молиться. Слава Богу, я здорова. Пусть Господь Бог даст нам добрую весть от Вашего Величества. Остаюсь навечно Вашего Королевского Величества послушная Дочь Кристина, П. Ш.[9]».

Одетую мальчиком дочь король Густав Адольф несколько раз брал с собой на инспекционные смотры воинских частей и удивлялся, что она нисколько не боялась пушечных залпов.

Однажды он ей пообещал:

— Так, так… Надо подумать, не взять ли мне тебя как-нибудь в другое место, где тебе понравится?

Историки пишут, что король хотел взять Кристину в один из своих походов. Как бы то ни было, но в детстве и отрочестве принцесса часто мечтала стать во главе армии и вести её на войну с басурманами, например с турками.

После смерти супруга Мария Элеонора буквально находилась на грани умопомешательства и заниматься малолетней дочерью была просто не в состоянии. Достаточно лишь упомянуть, что она, поставив в июле 1633 года гроб с телом супруга в замке Нючёпинга в своей спальне, до июля 1634 года не хотела отдавать его для захоронения. Поскольку в её желании ей было отказано, вдовствующая королева «утешилась» тем, что приказала поместить его сердце в сосуд и повесить над своей кроватью. Всё это время она запиралась в спальне, непрерывно рыдала и заставляла дочь делить с ней её печаль и страдания. И вот только тут Мария Элеонора неожиданно воспылала любовью к дочери и стала бурно проявлять своё чувство. Это страшно пугало девочку, она тоже начинала плакать и просить мать выпустить её из комнаты. Кристина вспоминала: «По смерти отца моя мать выразила свою любовь и скорбь таким несоразмерным образом, что её нужно было скорее простить, чем оправдать. На меня, которую она до сих пор не могла терпеть, ибо я была безобразна и родилась девочкой, она вдруг обрушила целый шквал нежности — нежности одновременно эгоистичной и неразумной».

Завещание Густава II Адольфа в интерпретации А. Оксеншерны, отстранившее Марию Элеонору от участия в управлении страной и воспитании дочери и ставшее ей известным сразу по прибытии гроба с телом мужа из Германии, также мало способствовало улучшению её общего состояния. Всю свою неприязнь и обиду она закономерно обратила на канцлера Оксеншерну. Но женская истерия бессильна против холодного непоколебимого разума мужчины. В 1636 году на вдовствующую королеву соберут «компромат» и дочь, «по государственным соображениям», у неё отнимут.

Экстравагантность королевы-вдовы, её истеричность, нетерпимость к окружающим, разбросанность, рассеянность и абсолютная неприспособленность к максимам жизни конечно же ещё больше отдаляли её от сухой, наблюдательной, умной, образованной и практичной дочери. Мать постоянно придиралась к ней, одёргивала и критиковала её за неряшливый внешний вид, а дочь молча выслушивала нотации и продолжала делать всё по-своему. Мать постоянно требовала от дочери, чтобы она

отказалась от мальчишеских замашек, но Кристина, помня заветы отца, все слова Марии Элеоноры пропускала мимо ушей. Дочь терпеть не могла пива, которое считалось тогда в Швеции непременным напитком и для детей, и для взрослых за любой трапезой — будь то ранний завтрак или поздний ужин, но мать всё равно заставляла её пить его. Дочь не любила свинину, и это тоже служило поводом для раздражения матери. Мария Элеонора, к примеру, обожала всяких карликов, шутов и прочих уродцев и заставляла дочь играть с ними, в то время как для Кристины это было неприятным напоминанием о собственной некрасивой внешности, и она всячески избегала эту шумную, грубую и назойливую публику. Мать и дочь никогда не понимали друг друга, чурались друг друга, а их редкие встречи были натянутыми и неестественными. Принцесса вспоминала потом, что учёба и занятия с преподавателями и гувернёрами были единственной отрадой в её жизни. Она откровенно смотрела на мать как на больную женщину, презирала её за слабость и потакание своему истеричному характеру и отвечала ей дерзостью даже в присутствии посторонних. «Для одарённой, рано созревшей молодой девушки мать была поучительным примером отсутствия контроля за эмоциями», — пишет С. Стольпе, характеризовавший Марию Элеонору как «женщину с низкими и скудными инстинктами»[10].

Мы видим, что свой нрав Кристина проявила ещё в раннем детстве.

Она хорошо запомнила момент признания её королевой Швеции: «Я, помню, восхищалась тем, как все припали к моим ногам и целовали мою руку». Особенно сильное впечатление на неё произвело то, что Юхан Казимир и его супруга Катарина, тётя принцессы, тоже воздали ей честь. До сих пор они были просто её вторыми родителями, а она — их дочерью, и вот теперь они пали перед ней на колени!

Принцесса не походила на обычную девочку, зато хорошо переносила жару и холод, могла сколь угодно долго ходить пешком или скакать на лошади и нисколько не уставать. Физические упражнения — охота, игры — доставляли ей столько же удовольствия, сколько учёба или чтение. Она могла довести своих нянек и гувернёров до изнеможения, не давая им ни минуты покоя ни днём ни ночью. Когда женская прислуга попыталась отучить её от такого неугомонного образа жизни, она сказала служанкам: «Если вам хочется спать, подите и лягте. Я и без вас справлюсь».

За малым исключением, принцесса редко могла выдержать дамское общество. Она демонстрировала «непреодолимое

отвращение ко всему тому, о чём дамы говорили и что они делали. Я оказалась совсем непригодной к женской ручной работе и женским занятиям, и не было никакой возможности изменить меня».

Несомненно, принцесса, будучи умной и сообразительной девочкой, рано стала задумываться над своей необычной «конституцией» и наверняка познакомилась с соответствующими медицинскими представлениями о ней. На этот счёт есть однозначные свидетельства её докторов и собственные высказывания по поводу «своего бурного и горячего темперамента, слегка склонявшегося к меланхолии»[11]. Но горячим и сухим, по Аристотелю, должен был быть мужчина, в то время как женщина должна быть холодной и влажной. Вероятно, из-за предположения о том, что в печени принцессы была примесь чёрной желчи, врачи прописали ей традиционное шведское питьё — свагдрикку — лёгкое пиво, вид браги, предназначенное разжижать эту желчь. «Я полагаю, что это вызвало некоторые осложнения в печени, — писала потом королева, — моя печень странным образом сжигала мою кровь. Я никогда не пила ничего иного, если в этом не было крайней необходимости».

Зная о своём темпераменте, Кристина принимала меры к его обузданию. Воздержание от употребления горячительных напитков, пива и вина она объясняла именно тем обстоятельством, что не хотела «раздувать пожар в своём теле». Пила она главным образом воду. Постепенно у неё выработалось естественное неприятие к вину и пиву. На фоне сплошного пьянства той разгульной эпохи это являлось, конечно, положительным моментом.

То, что принцесса была необычной девочкой, заметили все. Несмотря на свой малый рост, она, вопреки тогдашней моде, не носила туфель на высоких каблуках. Кристина редко надевала длинные декольтированные и туго зашнурованные поверх талии платья, не обращала внимания на свою причёску, не скрывала за приклеенными на лицо мушками прыщи, не пряталась от солнца, пытаясь сохранить белизну кожи. Она ходила в туфлях на низких каблуках и в коротких практичных юбках. Волосы её, скреплённые гребнем или бантом, прядями свисали с головы, а кожа всегда была смуглой от загара. Она прекрасно держалась в седле, часами могла скакать верхом на лошади, стреляла и фехтовала.

Гораздо хуже, особенно для государства и обеспокоенных опекунов, было то, что Кристина рано сделала свои выводы в отношении замужества. «Горячие и сухие» женщины, согласно бытовавшим представлениям, были мало пригодны для деторождения. Для них всегда существовал риск родить какого-

нибудь урода или монстра. Инстинктивное восприятие женской неполноценности подтверждалось в данном случае наукой, и брак для принцессы был определённо заказан. Недаром принцесса, когда окружение в очередной раз приступало к ней с увещеваниями выполнить свой долг и подарить стране наследника, отвечала грубой репликой: «Я ведь легко могу родить как Нерона, так и Августа» (то есть монстра или героя). И вообще сама мысль стать беременной, кормящей или рожающей матерью была ей противна, а замужество и брак — противоестественными.

Позже её отношение к браку станет ещё более непримиримым. При итальянском дворе Кристины имелись красивые фрейлины, которые выходили замуж и время от времени находились в интересном положении. Таким дамам она запрещала появляться себе на глаза, а если когда и возникала в какой-нибудь из них необходимость, то говорила: «Позовите-ка мне эту корову!» или: «Похоже, вы скоро станете коровой. Будьте любезны: не показывайтесь мне в таком состоянии!»

Настоящая женщина, сделает вывод Кристина уже в зрелом возрасте, никогда не может стать хорошей правительницей. Женщина по своей сущности рождена подчиняться, а не править. Это резко противоречит тем воззрениям, которые королева проповедовала в молодости. Такая эволюция взглядов на своё предназначение является одним из примеров её внутренней противоречивости, парадоксальности и непоследовательности. Но об этом мы поговорим позже.

Как же выглядела «ненастоящая» женщина?

На сохранившихся портретах, изображавших уже взрослую Кристину, перед нами предстаёт и на самом деле тип далеко не женский. Королева на них скорее похожа на кавалерийского полковника, нежели на представительницу слабого пола. Недаром, когда она появилась во Фландрии, при виде её телосложения люди открывали от удивления рты. «У неё нет ничего женского, кроме самого пола; её поведение, осанка да и самый голос были полностью мужскими», — писал один местный наблюдатель.

А вот зарисовка итальянского современника: «С губами, самого красивого красного цвета, она могла бы сойти за Венеру, если бы вследствие всего прочего в её фигуре и осанке нельзя было не поручиться за то, что она была Марсом. Короче: она больше мужчина, нежели женщина». Другое описание внешности Кристины сделано тоже в Италии: «Тёмный цвет кожи, покрытой плотным слоем волос, чёткий, почти строгий профиль, слишком подчёркнутые брови, слишком длинный нос, широкий рот, глубокий голос, угловатость и жёсткость в движениях». А вот

внешний вид королевы глазами священника: «Кроме самого пола, ничего женского у этой государыни нет; её походка, её черты лица и вся осанка носят на себе черты мужчины. Я не говорю того, что не видел собственными глазами».

Может быть, французы узрели в ней нечто, что пропустили итальянцы и фламандцы? Посмотрим, как воспринял её герцог де Гиз: «Красивые руки, белые и хорошо сложенные ладони, но более мужские, нежели женские, странно взбитая причёска — она носит грубый мужской парик, ходит в мужских туфлях, у неё голос мужчины и почти все его манеры». Внучка короля Генриха IV, герцогиня Монпансье, находила её «joli petit garçon» — «красивым мальчиком».

Д. Мэссон обращает внимание на дурную наследственность принцессы Кристины. По материнской линии дед Марии Элеоноры был сумасшедшим, да и по линии отца у королей Эрика XIV и Юхана III, родных братьев её деда, с психикой тоже было не всё в порядке.

Инстинктивное и благоприобретённое неприятие Кристиной женщин, женского образа жизни и женских обязанностей усугублялось, по всей видимости, взаимоотношениями с матерью, которые, как мы видели, были далеки от гармоничных. Мать никогда не могла служить дочери образцом для подражания — скорее, наоборот: она была примером того, какой нельзя было быть. Зато увлечённость искусством, архитектурой, живописью, музыкой и всем изящным Кристина, несомненно, унаследовала от матери, доведя свой эстетический вкус едва ли не до полного совершенства.

У матерей, по мнению принцессы, не должно быть никакого иного предназначения, как «следить за здоровьем и жизнью ребёнка». Когда в стране умирает король и после него остаётся наследник-принц, то «первым делом следует отделить его от матери, чтобы внушить ему чувства, достойные его высокого положения, и выучить его соблюдению своего долга, к чему матери неспособны». Такова была логика Кристины. Какая уж тут дочерняя любовь! Впрочем, швед Л. Ослунд считает это общепринятое тогда мнение тоже сомнительным и приводит слова из автобиографии Кристины, где та признаётся, что питала к матери уважение и «нежную любовь», но оговаривается, что ей трудно было примириться с тем, как сильно и «безгранично» любила её мать, видевшая в ней лишь «живой образ умершего короля».

Подданные тоже не понимали вдовствующую королеву, презирали её и смеялись над её причудами, а она стала их всех ненавидеть. Оскорблённая отстранением от трона и воспитания

дочери, Мария Элеонора в 1640 году решилась на отчаянный шаг — тайно бежать из ненавистной Швеции куда глаза глядят. Глаза повернулись сначала в сторону Дании. Мария Элеонора через посла Дании в Стокгольме вступила в доверительный контакт с датским королём Кристианом IV и попросила у него убежища: «Лучше на чужбине сесть на хлеб и воду, чем пользоваться в Швеции королевским столом». Заговор был обнаружен ищейками Оксеншерны, и канцлер обратился за помощью к Кристине, попросив её употребить всё своё влияние на мать, чтобы отговорить её от такого безрассудного и позорного шага.

Принцесса вызвала мать из Грипсхольма в Стокгольм и целые часы проводила с ней в длинных беседах. Её слова не упали на благодатную почву. Мария Элеонора была способна притворяться. Ни о чём не договорившись с дочерью, она вернулась в свой замок в Грипсхольме и приступила к реализации своего плана. Удалившись в свою комнату, она попросила в течение нескольких дней не беспокоить её, потому что хотела якобы «попоститься и помолиться». Июльской тёплой ночью она вместе с немецкой фрейлиной спустилась из окна в сад, села в лодку, переплыла на другой берег озера Мэларен, села там в присланную датским послом карету, добралась в ней до Нючёпинга, поднялась на борт датского судна и доплыла до острова Готланд, где её ждали два датских военных судна, доставившие её в Копенгаген. Согласимся, что подобное испытание выдержала бы не всякая женщина, в особенности такая «слабая, нервная и хрупкая» особа, каковой все считали Марию Элеонору.

Когда бегство матери открылось, Кристина написала своему приёмному отцу Юхану Казимиру спокойное письмо о том, что «она и правительство так были удивлены бегством королевы, что не знают что делать». Придворные, канцлер Оксеншерна и Государственный совет были возмущены «эскападой вдовствующей королевы» до глубины души, риксдаг принял решение конфисковать все владения Марии Элеоноры в пользу казны, канцлер лишил её апанажа, и королева какое-то время испытывала материальные трудности. Церковники вычеркнули её имя из поминальных списков членов королевской семьи.

Через несколько месяцев выяснилось, что Дания так же мало подходила для Марии Элеоноры, как и Швеция, поэтому она решила перебраться в родной Бранденбург. Её брат, курфюрст Георг Вильгельм, принять сестру, однако, отказался. Через год братец, правда, скончался, и Мария Элеонора по приглашению нового курфюрста Фридриха Вильгельма, своего племянника и бывшего жениха принцессы Кристины, переехала в Германию. В Швеции ходили слухи, что она собиралась выйти замуж за

овдовевшего короля Польши Владислава IV. В конце концов Марии Элеоноре надоело и в Германии, и через семь лет она снова затосковала по Швеции. Встречали её на правительственном уровне, торжественно, и сам канцлер Оксеншерна приложился к её ручке. Кристина, рискуя жизнью, на небольшом судёнышке в шторм вышла в море, чтобы встретить мать в стокгольмских шхерах. Вдовствующую королеву простили, обласкали и положили солидную сумму на проживание.

В жизни принцессы Кристины, по её собственным словам, кроме родного и приёмного, было ещё три отца: «главный опекун» канцлер Аксель Оксеншерна, основной учитель-гувернёр Юханнес Маттиэ и «дополнительный» гувернёр Аксель Банер — выпивоха и бабник, но «добрый малый».

Густав II Адольф в своё время позаботился о том, чтобы назначить дочери приёмных родителей. Ими стали его сводная сестра принцесса Катарина (1584–1638) и её муж пфальцграф Юхан Казимир (1589–1652), проживавшие в своём дворце в Стегеборге, примерно в 300 километрах к югу от столицы. Тётя с мужем заменили Кристине родителей, и общение с ними было единственной возможностью для девочки познать тепло семейного очага и проявить свои искренние чувства. Здесь она росла и играла вместе с двоюродными братьями Карлом Густавом, будущим королём Карлом X, и Адольфом Юханом, а также с кузинами Марией Ефросиньей, Кристиной Магдаленой и Элеонорой Катариной. Когда королева Мария Элеонора в 1631 году отправилась вслед за мужем в Германию, то принцессу Кристину оставили на приёмных родителей. С 1636 года они несли за её воспитание уже формальную ответственность.

Пфальцграф Юхан Казимир, образованный, умный и честолюбивый, войдя в королевскую семью, длительное время занимал в ней почётное место, был одним из первых помощников короля Густава, участвовал в его сватовстве и женитьбе на Марии Элеоноре и вообще проявил себя способным администратором. Было время, когда он в официальных бумагах называл себя титулом: «Мы, Юхан Казимир, Божьей милостью». Оксеншерны отодвинули Юхана Казимира от кормила государства и ограничили его обязанности воспитанием принцессы. Когда пфальцграф-немец как-то спросил Оксеншерну, как ему воспитывать своих детей — делать из них немцев или шведов, канцлер буркнул: «Делайте, как вам заблагорассудится!»

Несмотря на всё это, приёмный отец Кристины ещё сохранял некоторое влияние при дворе, его сторонниками были все «антиоксеншернисты» — в первую очередь бывший учитель и

наставник Густава II Адольфа Юхан Шютте (1577–1645), член опекунского совета и сводный брат короля К. К. Юлленъельм, искусный дипломат и любимец Густава II Адольфа Юхан Адлер Сальвиус[12], влиятельный аристократ Пер Банер и «папа» Ю. Маттиэ. В отличие от своей жены, Юхану Казимиру удалось сохранить хорошие отношения и с Марией Элеонорой.

Супруга Юхана Казимира, тётя Катарина, тоже была уважаемой при дворе и в стране женщиной, обладавшей спокойным, разумным и уравновешенным характером, и племянница испытывала к ней самые тёплые чувства. Если посмотреть на то, как приёмные родители воспитывали своих пятерых детей, то можно сказать, что их «программа» была незатейлива, традиционна и подобно другим аристократическим семьям основывалась на принципах христианской морали. Детям нужно было прививать богобоязненность, уважение к старшим и любовь к родителям, послушание, соблюдение чести и собственного достоинства. Дети не должны быть высокомерными, их нужно приучать к бережному обращению с деньгами, к мирному сожительству с окружающими и состраданию к ближнему; нужно следить, чтобы они не попадали в дурную компанию и т. д., а во всём остальном — благодарить Господа.

Положение тёти Катарины при дворе было не простым. Во-первых, её невзлюбила Эбба Лейонхювюд — фрейлина Марии Элеоноры, принадлежавшая к клану Оксеншернов. Во-вторых, её то и дело шпыняли опекуны во главе с тем же Оксеншерной, обвиняя в слишком мягком воспитании наследницы престола. Отношения с золовкой, то есть с матерью Кристины, в самом начале были дружескими и тёплыми, но после 1636 года сильно испортились. Причина была очевидна: Мария Элеонора не могла пережить потерю дочери и сильно ревновала её к Катарине, к которой принцесса Кристина привязывалась всё больше и больше.

Сохранилось письмо Кристины тёте Катарине, написанное в возрасте восьми лет. Вот оно: «Сиятельнейшая принцесса, достопочтенная и любимая тётушка! Желаю Вашему Королевскому Высочеству благословений свыше и благодарю за оказываемую мне с вашей стороны тёплую заботу и великую любовь. Особенно я благодарю Ваше К. В. за любезные письма, которыми вы меня удостоили почтить. Я живу в благословенной надежде на то, что дружба Вашего К. В. на меня будет распространяться и впредь, а я, в свою очередь, обещаю, что моей второй натурой станет желание всегда оказывать мою к Вашему К. В., Вашему высокоуважаемому супругу и всему Вашему семейству благодарность. Несказанная преданность Вашего К. В. делает меня навечно Вашим должником. Остаюсь ныне и навсегда

Вашего К. В. единственная племянница Кристина».

О тесных и тёплых отношениях приёмной дочери с приёмным отцом свидетельствуют письма, которыми они часто обменивались между собой. Кристина пишет ему то о пропавшей собаке, то о падении кузена Карла Густава с лошади, то радуется скорому с ним свиданию, то докладывает дяде о его ленивой дочке Марии Ефросинье, не приготовившей урок по математике, но чаще всего делится новостями о собаках. Юхан Казимир информировал её о заграничном путешествии сына Карла Густава, сообщал подробности о жизни и учёбе других своих детей, о их болезнях, успехах и вообще о семейных событиях. Письма проникнуты духом искреннего взаимного доверия и семейного тепла. Доверие достигло таких пределов, что в 1639 году переписка стала вестись с применением шифра.

В 1641 году Кристина и Юхан Казимир в своих письмах обсуждали вопрос о назначении девятнадцатилетнего Карла Густава на должность риксдротса на место умершего Г. Г. Оксеншерны. Существовала теоретическая возможность того, что молодой кузен принцессы стал бы её опекуном. Пятнадцатилетняя принцесса активно вмешиваться в государственные дела ещё не решалась и высказывалась по этому поводу сдержанно, полагая такое назначение нереальным. Опасалась она также и того, что враги партии Юхана Казимира подольют его сыну в пищу «итальянского супчика», то есть яду. Разумеется, заинтересованно и оживлённо обсуждались смерть приёмной матери принцессы Катарины (1638) и бегство Марии Элеоноры во враждебную Данию (1640).

Юхан Казимир присылал Кристине немецкие газеты, а она отчитывалась перед ним о их прочтении и делилась впечатлениями о последних политических событиях: о войне с Данией (1638), которая, по предположениям Кристины, закончится шведской победой, о захвате турками-османами «Вавилона», то есть Багдада (1639), что должно было, по её разумению, привести к миру в «бедной Германии», об эдикте императора Фердинанда III, распорядившегося изгнать всех лютеран из Богемии, что, по мнению принцессы, могло способствовать усилению шведских позиций в Тридцатилетней войне, и др.

Из переписки наглядно видно, какие успехи в приобщении к государственным делам сделала принцесса Кристина под руководством «второго папы» и нового — дополнительного — гувернёра риксмаршала Акселя Банера, брата известного полководца и главнокомандующего шведской армией в Германии Юхана Банера. Из её писем явствует, что она находилась в курсе

противоречий, которые существовали между группой Юхана Казимира и клана Оксеншернов. В частности, комментируя в 1641 году начавшиеся переговоры о мире в Германии, она высказывала опасения, что назначенные главами шведской делегации Ю. А. Сальвиус и сын канцлера Юхан Оксеншерна (1612–1657) вряд ли смогут договориться между собой и выработать общую позицию на переговорах. Сама же она втайне симпатизировала более гибкому и опытному в делах Сальвиусу.

К сожалению, дальнейшая судьба принцессы Кристины сложилась таким образом, что животворный контакт с приёмными родителями постепенно угас: после смерти тёти Катарины общение с приёмным отцом стало заочным, а потом прекратилось вовсе. Д. Мэссон справедливо замечает, что если бы принцесса провела больше времени в кругу пфальцских родственников, то, возможно, из неё получилась бы более гармоничная натура, задатки которой у неё, несомненно, присутствовали. Они просто были подавлены тяжестью изнурительной учёбы и рано принятых на себя непосильных обязательств по отношению к будущему государственному поприщу.

Канцлер Оксеншерна, человек высокообразованный и талантливый, сухой прагматик, истый лютеранин, трудоголик, выдающийся дипломат, администратор и ловкий царедворец, символизировал для неё отца-наставника в государственных делах, а преподобный Маттиэ — наставника в науках. Конечно, роль канцлера, занявшего свой пост ещё в 1612 году, в воспитании Кристины как будущего монарха велика и неоспорима. В этом неоднократно и подробно признавалась и сама героиня нашей книги. «Я любила этого великого государственного мужа как второго отца», — пишет она в автобиографии. Его влияние на формирование государственных взглядов принцессы было таким же всемогущим и всеобъемлющим, как велики и всемогущи были его знания, опыт и заслуги перед страной. Аксель Оксеншерна, этот шведский кардинал Ришелье, с полным основанием мог сказать: «Шведское государство, шведское великодержавие — это я».

Кристина: «После возвращения из Германии канцлер проводил со мной по три-четыре часа ежедневно и учил меня понимать мой долг. Именно ему я собственно обязана искусству управлять страной». Принцесса, пока находилась под опекой, слушалась его беспрекословно во всём. Потом, став совершеннолетней правительницей, она обнаружила, что Оксеншерна заботится не только о Шведском государстве, но и о благополучии аристократии за счёт других слоёв населения. Это

станет причиной непримиримого конфликта, и канцлер найдёт в ней достойную противницу.

Юханнес Маттиэ (1593–1670), наставник принцессы по наукам и образованию, был, по мнению Л. Ослунда, культурным и образованным человеком, выдающимся шведским церковным деятелем, гуманистом и настоящим европейцем. Он, как и многие шведы того времени, учился в Германии, стал профессором поэзии в Упсальском университете, занимался теологией, филологией и другими гуманитарными науками.

Король Густав сделал его в своё время старшим дворцовым проповедником и возил с собой по Германии. В 1632 году король приказал ему вернуться в Швецию и стать учителем дочери. После гибели короля Маттиэ некоторое время был вынужден оставаться при вдовствующей королеве и только в феврале 1633 года приступил к своим учительским обязанностям в королевском дворце.

Но прежде всего учитель был страстным экуменистом, мечтавшим и работавшим над тем, чтобы сблизить между собой различные церкви. Экуменизм Ю. Маттиэ предполагал открытое отношение к другим ветвям христианства и критический взгляд на шведское лютеранство, а это вызывало сильную неприязнь лютеранских ортодоксов и самого канцлера Оксеншерны.

Несмотря на поддержку королевы Кристины, Маттиэ потерпит в своих начинаниях полный крах. Но семена здорового скептицизма и интереса к религии и философии в душе ученицы он посеет. Они упадут на благодатную почву, дадут всходы, мутируют под влиянием других учителей и веяний и будут способствовать формированию из неё королевы-вольнодумки. Но это произойдёт позже. А пока же Кристина с утра до вечера сидела за книгами, жадно поглощала знания, размышляла и обсуждала прочитанное со своим учителем.

Ю. Маттиэ по меркам того времени, хотя и не был Яном Коменским, обладал тем не менее неплохими педагогическими способностями и, кроме гувернёрства в королевском дворце, являлся ещё ректором так называемой Collegium illustre — академии для молодых дворян, которые учились по составленному им плану. Его августейшая ученица была весьма восприимчива к знаниям. Казалось, симбиоз в результате должен был получиться великолепным.

По части образовательной оно так и получилось, чего нельзя было сказать о развитии и воспитании. Как пишет американка Маргарет Голдсмит, средневековые «тьюторы» принцессы так увлеклись способностями своей ученицы, что пропустили, может быть, самое главное: они не научили её оригинальности

мышления и творческому осмыслению заученного. Она многое, может быть, слишком многое для своего возраста, узнала, но не была способна формулировать собственные идеи. Её эмоции далеко отставали от интеллекта, а её ум уподобился пышно расцветшему дереву, на котором не завязался ни один плод.

Пустоцвет.

А когда Кристина делала попытки осмыслить полученные знания, учителя, в первую очередь Маттиэ, грубо прерывали их и душили проявления творческой инициативы в самом их начале.

Детство Кристины превратилось в сплошной академический процесс обучения. Вся её энергия изо дня в день была направлена на тренировку ума. Ей не позволялось быть просто ребёнком, всё время от неё ожидали реакции взрослого человека, взрослой женщины. Ей не дозволяли побегать, порезвиться или поиграть, когда захочется. У неё не было друзей, да на них просто не хватало времени. Её день был строго расписан по часам и минутам. Она не имела никакого досуга, когда можно было бы поразмышлять или отдохнуть.

Приёмные родители, более-менее разумные в обычном смысле люди, тоже не всегда понимали всё это, да и потом они скоро ушли из жизни.

В бушующем жизненном мире Кристина осталась наедине с богатыми знаниями и слабо развитыми эмоциональными способностями.

Глава вторая
ВОСПИТАНИЕ И УЧЁБА

Король приказал…дать мне чисто мужское воспитание и научить меня всему тому, что молодой принц должен был бы знать для достойного управления страной… Он хотел, чтобы я во всём была похожа на молодого принца и приобрела все его добродетели и умения.

Кристина

Завещание Густава II Адольфа воспитать наследницу трона принцессу Кристину как «молодого принца», естественно, не предполагало делать из неё в полном смысле мужчину. Имелось в виду дать ей такое же нравственное воспитание и образование, которое было необходимо для мужского наследника трона. Именно так понимали это и опекуны принцессы. Менять женскую сущность Кристины воспитательными мерами никому в голову не приходило. Другое дело, что сама природа распорядилась так, что её мужские наклонности совпали с пожеланиями отца.

К воспитанию королей в описываемое время подходили со всей тщательностью и основательностью — особенно в Швеции, где это дело считалось не частным, а сугубо государственным. Существовала целая литература о том, какими идеальными качествами должен был обладать правитель страны и какими путями необходимо было их прививать. Центральное место в ней занимало учение о добродетелях, ибо всякий правитель должен быть добродетельным.

Добродетельный король обязан быть в первую очередь добрым христианином, воспитанным в вере своей страны. Он должен быть справедливым, мудрым, мужественным, вести высоконравственный образ жизни и во всём служить образцом для подражания своим подданным; он должен находиться в добрых отношениях со своим народом, уважать традиции и законы страны, проявлять постоянную заботу о процветании своего королевства и о благосостоянии подданных.

Согласно представлениям XVII века, женщина на роль правителя не годилась: это было не угодно Богу и противоречило разуму. Лишь в исключительных случаях «лучшие люди страны» могли позволить себе посадить на трон женщину-правительницу:

когда, в силу объективных и непреодолимых обстоятельств, не оказывалось наследника мужского пола, когда это позволяли законы и когда женщина обладала разумом, знаниями и другими добродетелями и качествами для управления государством.

Швеция к описываемому моменту находилась в форс-мажорных обстоятельствах, и принцесса Кристина по всем параметрам безусловно могла считаться кандидатом на шведский трон. Оставалось только снабдить её необходимыми знаниями. (Заметим, что официальный титул шведского монарха, независимо от его пола — «король». Королевой могла быть лишь супруга короля.) Женщина-монарх в своих полномочиях ничем не ограничивалась, она исполняла их в полном объёме, установленном для короля-мужчины.

В феврале 1633 года Кристина была официально представлена собранию сословий Швеции. На заседании риксдага семилетняя принцесса сидела на огромном троне и спокойно смотрела в зал. Ларе Ларссон, представитель крестьянской секции в парламенте, дородный детина, встал с места и крикнул:

— Где эта дочь Густава Адольфа?! Мы не знаем её, и многие из нас никогда её не видели.

Лантмаршал[13] риксдага подошёл к Кристине, взял её на руки и показал Ларссону:

— Вот она — теперь видишь?

Крестьянин, впившись глазами в лицо принцессы, удивился важному виду и недетской серьёзности принцессы и громко сказал:

— Да, это она, у неё глаза, лоб и нос короля Густава, так что она будет нашим королём!

После этого риксдаг со всей серьёзностью и шведской основательностью принялся за обсуждение вопроса о воспитании принцессы. В поручении риксдага опекунскому совету от 1633 года говорилось, чтобы тот проявлял «величайшую заботу и ревность в том, чтобы Е. К. В. наставлялась и воспитывалась в духе нашей истинной религии, всех христианских королевских добродетелей, признанных шведских обычаев, а также в преданности собственной стране и подданным».

Роль инспектора, контролировавшего учебно-воспитательный процесс, выполнял, как мы уже упомянули выше, гувернёр Аксель Банер — по характеристике Кристины, «очень благородный и добрый человек… и очень слабый по части женщин и вина». В своё время он был верным спутником принца и короля Густава Адольфа в амурных похождениях и прочих развлечениях. У А. Банера никакого образования не было, но он хорошо знал двор, поэтому его влияние на принцессу выразилось в основном в

передаче знаний о дворцовом церемониале и манерах поведения. У Банера был помощник Густав Хорн, в отличие от гувернёра, образованный и культурный человек. Он-то и дал Кристине первые уроки французского языка, но на этом его педагогическая деятельность закончилась.

Следующее постановление риксдага на эту же тему было принято 24 марта 1635 года, когда Кристине исполнилось восемь лет. Требования к воспитанию принцессы конкретизируются: риксдаг предлагает назначить ей наставника, гофмейстера и гофмейстершу, которые наблюдали бы за ней и во время учёбы, и при приёме пищи, а также при смене одежды, во время игр и прогулок и ограждали бы её от опасностей и нежелательного влияния со стороны окружающих. Принцессе полагалось несколько фрейлин и товарищей по учёбе, которые способствовали бы её развитию, усвоению хороших манер, делили бы с ней досуг и развлечения. В качестве товарищей по учёбе были рекомендованы её кузен пфальцграф Карл Густав и его сёстры пфальцграфини Элеонора Катарина и Мария Ефросинья.

Риксдаг обращал внимание на то, чтобы принцессе не попадались в руки еретические книги и чтобы на неё не оказывали зловредного влияния кальвинисты и католики. Королева должна была быть доброй лютеранкой. Ну и, конечно, принцессе надобно было уделить серьёзное внимание изучению истории Швеции, её обычаев и законов, а также иностранных языков (выбор — на усмотрение опекунов), а опекунам необходимо было определить круг «учёных людей», которые должны были учить Кристину, и список «хороших» книг для чтения. А в целом, полагал риксдаг, конкретные детали обучения должен определить опекунский совет, когда для этого наступит время. Не депутатское это дело — учить королей! Дж. Мэссон называет этот документ риксдага «ужасным», имея в виду, что он предназначался для восьмилетнего ребёнка, и без того по горло загруженного учёбой.

Впрочем, риксдаг несколько запоздал со своими советами: Юханнес Маттиэ уже два года учил принцессу Кристину элементарным основам школьных дисциплин, хотя официально, специальным королевским письмом, был определён в наставники лишь 27 августа (7 сентября) 1635 года. Одновременно Маттиэ назначался и дворцовым проповедником.

Именно в это время впервые было замечено, что маленькая принцесса склонна к меланхолии. Был вызван немецкий доктор, и тот дал совет читать принцессе «короткие, занимательные, поучительные и весёлые истории» или играть «короткие приятные

музыкальные сочинения», а также показывать ей живописные картины с изображением «зверей, растений, цветов, рыб и пр.».

И в это же время у Государственного совета обострились отношения с королевой Марией Элеонорой. Список её прегрешений был велик: она проявляла «экономическую безответственность» при управлении имением[14], выделенным для её «прокормления» государством; она дурно влияла на свою дочь; и более того, эта «подлая лгунья» вступила в тайные сношения с врагом Швеции датским королём Кристианом IV, а также со своим братом курфюрстом Бранденбурга и информировала его о том, какие меры шведское правительство предпринимает в отношении курфюршества. Неслыханное предательство!

Габриэль Оксеншерна в 1635 году писал брату Акселю в Германию: «Вдовствующая королева совсем взбунтовалась, она чрезвычайно затрудняет воспитание нашей маленькой принцессы, склоняет её ко всякого рода отвратительным поступкам, а также к ненависти к нам лично и к народу в целом, она не позволяет наказывать дочь и даёт ей волю проказничать наравне с другими».

Августейшая вдова не осталась в долгу и, со своей стороны, через своего губернатора-управляющего, известного уже Акселя Банера, предъявила требования к правительству. Во-первых, пусть оно распорядится о назначении в её распоряжение двух государственных советников, которые бы вместе с ней принимали пищу; во-вторых, пусть оно информирует её обо всём, что происходит в королевстве, включая собственные решения; и, в-третьих, пусть оно увеличит суммы апанажа.

Реакция Акселя Оксеншерны, только что вернувшегося из Германии, на демарш вдовствующей королевы была молниеносной. Он не обратил внимания на требования Марии Элеоноры, потому что считал их вздорными. Для него важнее было дело воспитания принцессы Кристины. 27 июня (8 июля) 1636 года канцлер собрал Государственный совет и поставил на повестку дня один за другим вопросы: будет ли вдовствующей королеве и впредь позволено управлять выделенным ей государством имением, жить в королевском дворце и распоряжаться воспитанием своей дочери?

Свойственник Марии Элеоноры, адмирал Юлленъельм, попытался взять королеву под защиту, доложив присутствовавшим, что Мария Элеонора поклялась перед Богом в том, что никакого предательства по отношению к Швеции не совершала. Оксеншерна обрушился на него со словами: «Неправда, она делает это! Того, кто секретно переписывается с

Польшей и Данией, следует считать врагом, а не другом нашего государства!»

Но главным вопросом, конечно, была судьба принцессы, которая до сих пор формально находилась на попечении придворной лекарши Лукреции Шлёцер. В самом начале заседания Пер Брахе[15] поставил под сомнение правомерность обсуждения упомянутых вопросов без соответствующего мнения риксдага. Все молчали. Ни у кого язык не поворачивался сказать, чтобы у матери отняли дочь. Но канцлер выложил сильный козырь: этого требуют воспитание и образование будущей королевы. Есть опасность, что молодая королева будет воспитана в духе презрения к своим подданным.

Вопрос перешёл в плоскость безопасности королевства!

Риксмаршал Якоб Делагарди привёл ещё один аргумент в поддержку мысли канцлера: вдовствующая королева вряд ли может дать правильное религиозное воспитание. И тут же брат канцлера Г. Г. Оксеншерна предложил поставить вопрос на голосование. Голосование предполагало не только «вотирование», но и возможность для члена правительства высказать своё развёрнутое мнение. Каждое высказывание протоколировалось на бумаге.

Аксель Банер согласился с тем, что королева-мать не способна дать дочери надлежащее воспитание, но при отделении дочери от матери, по его мнению, нужно соблюсти такт. Его поддержал Оке Даг-ок-Натт (День-и-Ночь). Финско-шведский аристократ Клаэс Флеминг сказал, что ему неприятна постановка вопроса, но «лучше перегородить ручей до того, как он превратится в реку». Риксадмирал К. К. Юлленъельм говорил, что даже хорошие матери, «как обезьяна своего детёныша», могут испортить своего ребёнка, но отделение дочери от матери нужно обставить очень деликатно. Риксмаршал Я. Делагарди заметил, что если принцесса и не воспитывается в пороке, то при существующем положении она вряд ли может стать богобоязненной и любящей своих подданных королевой. Самый сильный аргумент высказал риксдротс Г. Г. Оксеншерна: «Её Величество ничего хорошего в смысле уважения или любви к стране из уст госпожи матери не слышит, и Её Величество вряд ли сможет иметь о своих подданных благоприятное мнение, когда её мать дурно высказывается о нашей стране».

Оксеншерны давят со всех сторон. Но окончательное решение даётся трудно. Советники, по выражению канцлера, испытывая почтение к вдове и благоговение перед памятью короля Густава II Адольфа, снова пускаются в рассуждения. Канцлер бросает интересную реплику о том, что если в результате разлуки с

матерью принцесса умрёт, то в случившемся будут винить его. Все молчат, но в душе соглашаются: ведь это он, Аксель Оксеншерна, «заварил» всю эту кашу, как только появился в Стокгольме. И снова, и снова они заходят в один и тот же тупик: существуют сотни аргументов «за» и «против», но государственные интересы требуют, чтобы… В конце концов, рассудили государственные мужи, принцесса Кристина будет разлучена с матерью не навечно и вдовствующей королеве можно позволить иногда навещать свою дочь. Гранитная твёрдость Оксеншерны и оппортунизм министров решили дело.

Совет постановил, что сначала следует попытаться договориться с матерью мирно, но если этого сделать не удастся, тогда нужно применить силу и увезти принцессу в Упсалу. Если же Мария Элеонора попытается поехать вслед за дочерью, то надо устроить так, чтобы ни для неё лично, ни для её двора в Упсале не нашлось резиденции. Струсивший К. К. Юлленъельм предложил не указывать в протоколе заседания слова о том, что Мария Элеонора дурно влияет на свою дочь, но ему резко возразил канцлер: нет, наоборот, потомки должны знать мотивы, которыми руководствовался совет при принятии такого важного и трудного решения. (Естественно, потомки должны были также узнать, что решение принимал не один только канцлер, а все члены Государственного совета.)

Что касается общего направления, в котором должна была воспитываться наследница трона, тут у членов Госсовета разногласий не возникло. На этот счёт уже высказывались и риксдаг, и члены совета, так что обсуждать было нечего. Детали учебно-воспитательной программы должны были определить наставники и гувернёры принцессы. Главное, подчеркнули Аксель Оксеншерна и прочие члены совета, чтобы будущая королева лояльно относилась к народу. (Естественно, под народом они подразумевали самих себя, ну, в крайнем случае, дворянское сословие.) Необходимо было, по крайней мере, не допустить со стороны принцессы абсолютистских наклонностей. Больше всего для Оксеншерны подошла бы monarchia mixta — правление, при котором власть в королевстве была бы поделена между монархом и аристократией. Ну, конечно, при формальном участии риксдага[16].

Ю. Маттиэ в период своего наставничества составил не один, а целых пять учебных планов для своей ученицы: два плана он успел сочинить до своего формального назначения на пост, а ещё три были написаны уже в процессе преподавания (последний был составлен в 1642 году). Сверх всякой меры скрытная и замкнутая Кристина прониклась к бывшему придворному капеллану

доверием и любовью и стала делиться с ним своими сокровенными мыслями. «Оба они, — вспоминала Кристина много лет спустя о Маттиэ и Банере, — были прекрасными людьми, и испытывая к ним чувство дружбы и уважения, я была готова сделать для них всё… и я их во всём слушалась. Они знали, как со мной обращаться, и они завоевали мою дружбу и полное доверие… Но всё-таки, несмотря на их власть надо мной… я подвергала их ответы сомнению и пыталась разобраться во всём сама».

Маттиэ придерживался того мнения, что преподавание предметов детям знатных родителей должно быть сугубо целенаправленным и практичным. К примеру, ученикам незачем было тратить время на тонкости грамматики, фокусы логики или заучивание наизусть стихов — это всё, по его мнению, являлось схоластикой. Излишняя учёность была не нужна будущим представителям королевской администрации. И будущим королям тоже.

Основы вероучения, конечно, являлись основополагающим предметом, но и здесь не следовало перегружать учеников церковной догматикой, правильнее больше внимания уделять ежедневному усвоению молитв. На изучение теории лютеранства Маттиэ отводил лишь одно воскресенье. Этого, по его мнению, было достаточно для того, чтобы любой аристократ, равно как и королева в будущем могли выступать как защитники веры. Принцесса вместе с наставником внимательно штудировала и Библию, и катехизис Лютера, читала труды известных теологов того времени. И конечно же в лекциях Маттиэ о лютеранской вере она не могла не услышать экуменистский мотив о богоугодности прекращения среди христиан всех распрей и призыв к примирению и сближению всех ветвей христианства — католиков, кальвинистов и лютеран.

Много места занимало изучение латыни — языка дипломатии, науки и литературы. Владение латынью было основополагающим признаком учёности и культуры человека того времени. Изучение латыни, в соответствии с методикой, разработанной известным педагогом и мыслителем Яном Амосом Каменским, начиналось у принцессы с устных упражнений, с правильного произношения и заучивания целых фраз наизусть, а потом сменилось изучением грамматики. На первых порах Кристина должна была овладеть небольшим словарным запасом, достаточным для самых простых рассказов, но постепенно вокабуляр обогащался, грамматика усложнялась, пока ученица не достигла совершенства в передаче и понимании самых сложных текстов античных авторов (Тацит, Юстин, Ливий, Цицерон, Юлий

Цезарь и др.). Для шлифования языка и стиля Маттиэ практиковал упражнения, сходные с тем, что мы сейчас называем изложением.

Кроме латыни Кристина учила греческий, а из современных языков — французский и итальянский (немецкий, так же как и шведский, был для неё родным языком). Д. Мэссон обращает внимание на унаследованную от отца способность Кристины обучаться языкам на слух. Герцог Гиз много лет спустя отметит, что французским языком королева владела в совершенстве и любой француз принял бы её за парижанку.

Важными предметами считались история (античная и шведская), государствоведение и философия. Практические и неформальные занятия по государствоведению с принцессой проводил канцлер Аксель Оксеншерна. Кроме того, Кристина по достижении пятнадцатилетнего возраста стала регулярно присутствовать на заседаниях Государственного совета.

Преподавались принцессе и основы математики (арифметика, геометрия), физики, астрономии, а также географии. Большое место в подготовке Кристины занимала риторика — искусство убеждать. Владение этим искусством считалось тогда необходимым для каждого потентата. Для Кристины был подготовлен курс так называемой практической риторики. Она училась логическому построению публичных выступлений, обсуждению противоречивых тем, анализу аргументов «за» и «против», подготовке контраргументов и парированию выступлений оппонента. Для этого Маттиэ устраивал дебаты «понарошку», а позже, по мере взросления, принцесса «проходила практику» на заседаниях Государственного совета.

Не менее важным и интересным был предмет под условным названием «искусство корреспонденции», на котором оттачивалось владение эпистолярным жанром. Здесь правила риторики и изящного стиля применялись для написания письма — делового, официального, дружеского и т. п. Особое значение в переписке, как известно, имело правильное обращение к адресату и употребление его титула, а также усвоение различных вариантов комплиментов, стиля, изъявления вежливости и пр.

Естественно, Кристину учили хорошим манерам, этикету и прочим светским и придворным условностям, в том числе танцам, которые она очень любила. А. Оксеншерна по возвращении из Германии в 1636 году для неё и детей шведской знати выписал из Франции учителя балетных танцев Антуана де Больё, который, по всей видимости, и привил будущей королеве любовь к балету. Через два года А. Больё поставил первый балетный спектакль, в котором танцевали его шведские ученики, включая молодых

графа Магнуса Делагарди, кузенов Кристины пфальцграфов Карла Густава и Адольфа Юхана и пфальцграфинь Ефросинью и Элеонору.

Поощрения и похвала были главными стимулами для достижения августейшей ученицей высоких результатов в учёбе. Наказания применялись не так часто. Чтобы Кристина не уставала, Маттиэ чередовал занятия и предметы: изучение классики, например, перемежал уроками иностранного языка или развлекательной паузой («Ибо отдых — это хорошая приправа к работе»). Учёба ни в коем случае не должна была быть скучной. Принцесса ежедневно тренировала свою память, наставник следил, чтобы ни один день не проходил для ученицы напрасно — нужно было узнать хоть что-то новое. Повторенье — мать ученья, поэтому для повторения пройденного Маттиэ отводил целых два дня в неделю. Продуктивно, считал гувернёр, было иметь несколько товарищей по учёбе, но они, по мнению наставника, должны были быть хорошо воспитаны и так же хорошо, как принцесса, успевать в учёбе, иначе они могли оказать на неё дурное влияние или тормозить процесс учёбы.

Товарищи по учёбе, дети тёти Катарины и дяди Юхана, в целом подходили под это определение, хотя никакой конкуренции для молодой принцессы не представляли. Она во всех отношениях — и по способностям, и по характеру — была на целую голову выше своих кузин и кузена. Даже Карл Густав, старше принцессы на целых четыре года, вынужден был во всём подчиняться ей, и отнюдь не потому, что она была королевой, а он — её подданным. Он был не глуп, но слишком медлителен, а умственную неповоротливость Кристина в людях не выносила. Она сразу почувствовала своё не только интеллектуальное, но и физическое превосходство над двоюродными родственниками и стала проявлять его. Она специально писала свои сочинения на латинском языке, чтобы её «пфальцтоварищи» ничего из него не поняли. Она доводила толстяка-кузена до изнеможения на уроках фехтования и никогда, никому и ни в чём не давала себя победить. Совместная учёба с кузенами в конечном итоге лишь способствовала развитию у неё чувства высокомерия, которое она потом плавно перенесёт на всё своё окружение. Ведь все они, придворные — чиновники, слуги, военные, министры — не блистали ни умом, ни образованием и заслуживали лишь презрения. Особенно дамы — с ними и говорить-то было не о чем!

И снова в расчётах взрослых произошёл прокол!

Детали воспитательного процесса принцессы нам неизвестны. Мы не знаем также, как она тренировала своё тело, в какие

подвижные игры играла, как, к примеру, научилась верховой езде и какими ещё мужскими «видами спорта» занималась. Известно только, что всё это входило в её обязательную программу подготовки как короля Швеции. Несомненно одно: занятия и с Маттиэ в классе, и с наставниками по физической подготовке на воздухе проходили очень продуктивно. Кристина с утра до позднего вечера и с огромным увлечением занималась воспитанием духа и тела и по достижении совершеннолетия могла вполне соответствовать высоким требованиям, предъявляемым к шведским монархам, а также полагать себя одной из самых образованных персон в Европе, включая мужчин.

Зададимся таким вопросом: чем, кроме соответствующих задатков, объяснялось необычное рвение Кристины к наукам и вообще к учёбе? Чем мотивировались её чуть ли не фанатичные прилежание и целеустремлённость? Сама Кристина утверждала, что учёба представляла для неё единственную возможность избежать общения с матерью. Современный шведский историк П. Энглунд тоже пишет, что «бегство принцессы к книгам» было бегством из душной, мрачной и затхлой обстановки непрекращающегося траура по отцу, который установила для себя Мария Элеонора.

Возможно, так оно поначалу и было. Создаётся, однако, впечатление, что главной двигательной силой были её непомерное честолюбие и тщеславие. Раннее осознание своей женской неполноценности обострило чувство честолюбия до предела. Если нельзя блеснуть красотой и женским обаянием, то можно многого достигнуть в другой области. Она должна была стать, как её отец. Нет, превзойти его и совершить для страны нечто грандиозное! Если отец прославился на поле брани, то она станет знаменитой на почве миротворчества. Она покажет всем, на что способна эта «девчонка из барской усадьбы, получившая в своё управление целое королевство».

Непомерное тщеславие, помноженное на впечатляющие успехи в учёбе и высокое привилегированное положение, способствовало возникновению у Кристины большого самомнения и высокомерия по отношению к окружающим её людям, а замкнутость, скрытность, сильная воля, упрямство и самоуверенность сделали её эгоистичной и лицемерной. Воспитанная без родительской любви и ласки, напичканная до предела знаниями, но лишённая здоровой естественной эмоциональности, она была полностью лишена чувства сострадания к ближнему.

С сохранившихся портретов молодой королевы, сообщает П. Энглунд, на нас смотрит «молодая дама с большими слегка

грустными синими глазами, большим носом, двойным подбородком и плохо ухоженными русыми волосами. Её мимика, подобно голосу, полна динамики: она могла быть попеременно то задумчивой и говорить светлым девичьим голосом, то мрачной и говорить, как мужчина». Эта двойственность внешних проявлений, игра мимики и голоса навевают загадочный образ Моны Лизы — естественно, в шведском варианте.

В начале XVII столетия в культурных кругах Европы повсеместно культивировался стоицизм. Идеалом считался человек, способный контролировать свои эмоции, превозмогать трудности и лишения жизни и искать убежище в состоянии внутреннего покоя. Это гарантировало защиту человеческой души от всякого зла и способствовало развитию благородных помыслов и побуждений.

Если отвлечься от нюансов, Кристина в молодости, несомненно, была стопроцентным стоиком. Разумеется, она считала себя правоверной лютеранкой и никоим образом не подвергала свою веру сомнению. Но она также мнила себя неким подобием античной героини с чрезвычайно развитым чувством собственного достоинства. Например, она вообразила себе, что Швеция во время её правления стала сильным государством, хотя с экономической точки зрения всё было как раз наоборот. Она искренно верила в то, что отдаёт всю свою жизнь на благо своих подданных, что шведская армия при ней постоянно побеждала, что именно она была творцом Вестфальского мира. Её идеалом были герои античной истории — Кир, Александр Македонский, Цезарь, Сципион Африканский. Иногда она даже утверждала, что ценит их больше своего великого отца.

Её учили, что монарх любой ценой обязан скрывать свои истинные чувства и, наоборот, должен уметь заставить других людей раскрывать перед собой их внутреннюю жизнь. В случае с Кристиной такое воспитание привело к изощрённому лицемерию, фальши и двойной игре. Составной частью стоического воспитания являлось культивирование чувства долга. У Кристины это чувство, основанное на высоких моральных помыслах и добродетелях, было доведено до совершенства и изумляло каждого, кто с ней встречался. Пафос её мышления состоял в том, чтобы не делать того, чего можно было бы стыдиться, и любой ценой подчинить своё личное счастье долгу. Другой вопрос, конечно, где у королевы проходила граница между долгом и личными интересами.

С самого детства Кристина привыкла к тому, что её считали уникальным ребёнком и что ею все восторгались. Как она сама выразилась на страницах автобиографии, «она в высшей степени

была довольна своей персоной». Она признавалась позже, что рано была отравлена ядом высокомерия к людям и всю жизнь пыталась бороться с этим недостатком. Но это было не таким простым делом: ведь Кристина была королевой (в смысле, королём) Швеции, а, стало быть, объектом направленной идеологии, центральным звеном которой была её абсолютная позиция как Божьего помазанника. Разумеется, Кристина воспринимала эту идею серьёзно, основательно и без всякого сомнения. Чувство высокомерия подогревалось и культивировалось этой идеологией ежедневно, ежечасно, ежеминутно. Кристина всегда говорила, что она никому, кроме Бога, и ни в чём не должна отдавать отчёта, а став католичкой, невзлюбила исповеди.

Среди биографов королевы Кристины установилось трафаретное мнение о том, что она, с точки зрения своих способностей и полученных знаний, была феноменально культурной и образованной личностью. Это мнение легко опровергают современные изыскания. В частности, Л. Ослунд, не отвергая утверждений о хорошем образовании и воспитании, полученных Кристиной, о её способностях и разносторонних увлечениях (искусство, архитектура, алхимия, музыка, опера, живопись, скульптура, театр, философия, теология и литература), делает вывод, что даже в своём веке она не могла считаться ни гениальной, ни феноменально талантливой в какой-либо области. Она во всём оставалась любительницей, хотя и любительницей страстной.

По мнению С. Стольпе, королеву Кристину нельзя назвать великой личностью, но у неё были такие черты характера, как, к примеру, мужество и сильная воля, которые, несомненно, выделяют её из числа заурядных личностей — как монархов, так и простых смертных — и заставляют нас с уважением и должным вниманием отнестись к ней.

Мы уже писали выше, как шестилетняя принцесса сделала своё первое публичное выступление. Это произошло в феврале 1633 года, когда она приняла представителей сословий или, как тогда говорилось, была официально представлена риксдагу.

В том же году — вероятно, в мае или июне — она участвовала в церемонии приёма русского посольства, прибывшего выразить соболезнование по поводу гибели её отца, засвидетельствовать факт её восхождения на престол и подтвердить Столбовский мирный договор от 1617 года[17]. Кристина вспоминала, как риксдротс Брахе и риксадмирал Юлленъельм тщательно инструктировали её о деталях церемонии и уговаривали её не бояться «московитов». «А почему я должна испугаться?» —

спросил их ребёнок. А потому, ответили взрослые дяди, что русские носили длинные бороды и одевались совсем не так, как «цивилизованные» шведы. «Да какое мне дело до их бороды? — возразила принцесса. — У вас тоже бороды, но я ведь не боюсь вас».

Русское посольство прибыло в Нючёпинг, где находилось ещё незахороненное тело короля Густава и куда съехались вдовствующая королева, принцесса Кристина и весь двор. Кристина вспоминала потом, что она сидела со строгим видом и взирала на русских. Посол боярин Б. И. Пушкин приложился к ручке принцессы и передал ей приветы от «брата» царя Михаила. Рядом стояли члены Госсовета и от имени Кристины вели с послом беседу. Французский дипломат Шарль Ожье (Ogier), работавший в это время в Швеции и присутствовавший на церемонии приёма русского посла, оставил об этом событии воспоминания. Согласно Ожье, боярин Пушкин, представляясь королеве и постоянно кланяясь, долго перечислял все титулы царя, после чего передал ей свои грамоты и отскочил назад, словно передавал кусок хлеба слону. Первая в жизни будущей королевы встреча иностранного посла прошла вполне достойно.

Двадцать девятого июля (9 августа) 1634 года произошла церемония официального признания кронпринцессы и она принимала тогда поздравления от риксдага и присягу от правительства, то есть Государственного совета.

На протяжении пяти лет опекуны к вопросу о воспитании Кристины больше не возвращались, но Оксеншерна исподволь и прямо всегда контролировал этот процесс. Кажется, он мог быть довольным, расчёты покойного Густава Адольфа, его самого и членов правительства оправдывались: принцесса Кристина превращалась, по словам канцлера, в «мужественную и разумную женщину».

На заседании Госсовета 5 (16) января 1642 года канцлер А. Оксеншерна напомнил присутствующим о том, что принцессе недавно исполнилось 15 лет и она достигла того возраста, когда многое уже может понимать и в состоянии хранить государственную тайну. С его стороны последовало предложение о приглашении принцессы на заседания Государственного совета.

Предложение канцлера, как всегда, было хорошо обоснованно. В его пользу говорили следующие моменты: королева успешно готовится к управлению страной; ей необходимо начать привыкать к государственным делам; для правильного понимания возможной критики в адрес правительства королеве полезно заранее познакомиться с трудностями правительственной работы; она должна привыкать к

общению со своим народом и понимать, что для него полезно и что вредно. Аргументы «против» сводились к тому, что в настоящий момент королева ещё не в состоянии высказывать своё мнение и принимать участие в дискуссиях совета; что присутствие на заседаниях будет мешать учёбе и что церемония принятия королевы в Госсовете связана с потерей драгоценного министерского времени.

После небольшой дискуссии было принято решение всё-таки допускать принцессу на заседания Государственного совета, но не чаще одного раза в неделю. Впрочем, окончательный вердикт так и не был вынесен, но с этого момента Кристину стали регулярно информировать о ходе военных действий в Германии и о других внешнеполитических событиях.

Д. Мэссон указывает на следующую фразу из обращения канцлера к членам Госсовета: «Я с удовлетворением наблюдаю — и Бог да будет свидетелем, что Её Величество не такова, как представительницы её пола. Она добра и разумна до такой степени, что, если не позволит себе испортиться, способна оправдать самые смелые надежды». Что же имел в виду канцлер под словом «испортиться»? Мэссон считает маловероятным, что Оксеншерна имел в виду женскую фривольность. Не почувствовал ли он в таком случае нечто более серьёзное, например склонность Кристины к интриге, обману и притворству, перед которыми даже он окажется бессильным?

Ярким примером дальновидного расчёта молодой королевы может служить следующий эпизод.

После смерти Габриэля Оксеншерны в Государственном совете освободилась вакансия канцлера юстиции и правительство обратилось к Кристине с просьбой предложить на неё своего кандидата. Чтобы угодить ей и облегчить задачу, министры предложили, со своей стороны, назначить канцлером юстиции её двоюродного брата Карла Густава. Кристина сразу почувствовала подвох — её подвергали испытанию: назначит ли она в правительство своего родственника или нет? Она с честью выдержала проверку и дипломатично предложила определить нового канцлера юстиции обычным путём, то есть с помощью жеребьёвки. Жребий пал на Пера Брахе, который и стал новым министром.

Седьмого (18) января Госсовет продолжил обсуждение вопроса о возможности привлечения Кристины к государственным делам, и на сей раз аргументы «за» перевесили. Нужно было налаживать сотрудничество с королевой заблаговременно, не дожидаясь её совершеннолетия. Договорились пригласить её на первое заседание, посвящённое

мобилизации рекрутов и взиманию контрибуции. Канцлер призвал членов совета высказывать в ходе обсуждения аргументы «за» и «против», чтобы из деловой встречи сделать наглядную лекцию.

Первая «лекция» состоялась уже 9 (20) января 1642 года в камер-зале Кристины. В учебных целях заседание запротоколировали более подробно, чем обычно. Выступающие с аргументами члены правительства, как и полагалось, обращались к королеве, перечисляя все её высокие титулы. Канцлер Оксеншерна делал заявления и напоминания, которые обычно подразумевались советниками само собой разумеющимися, но в данном случае должна была торжествовать наглядность урока. Когда канцлер обратился к королеве с просьбой утвердить или отвергнуть принятое советом решение, Кристина вполне уверенно ответила «милостивым» согласием. Одним словом, всё было по правилам.

С весны 1643 года королева подключилась к работе правительства на регулярной основе, посещая его заседания уже дважды в неделю. Далеко ходить не приходилось — комната совещаний Госсовета располагалась в королевском дворце на третьем этаже его восточного крыла. В правление Кристины Государственный совет собирался 11–12 раз в месяц.

При обсуждении назревавшего конфликта с Данией к Кристине обратились с просьбой высказать своё мнение. «Е. К. В. ответили, что они пока не обладают достаточными знаниями и оставляют решение вопроса на ответственность правительства и совета», — записано в протоколе заседания. (Из переписки с Юханом Казимиром известно, что Кристина из немецких газет достаточно хорошо была информирована о споре Швеции с Данией и в данном случае снова проявила завидный такт и скромность.)

Молодая королева подавала явные надежды на то, чтобы оправдать мужской титул короля. Семена просвещения падали на благодатную почву любознания, удобренную женским тщеславием и амбициозным стремлением доказать всему миру, что женщина ни в чём не уступает мужчине, в том числе и на королевском троне.

Теперь канцлер предпринял ещё один шаг на пути утверждения monarchia mixta. Он объявил основную учёбу королевы законченной и дальнейшее её образование взял в свои руки. Юхана Маттиэ с поста наставника уволили, единственная живая связь с приёмным отцом Юханом Казимиром была тоже навсегда прервана. Ни одного человека из лагеря пфальцграфа не осталось около королевы. Правда, в правительстве ещё сидел

Юхан Шюгге, но он был стар и дряхл и никакой опасности для «оксеншернистов» не представлял. Уходя, Маттиэ сделал последний залп по своим противникам, прочтя 12 мая 1643 года свою знаменитую проповедь, в которой изложил своё представление о том, каким должен быть идеальный король Швеции.

Аксель Оксеншерна в тот же день, 12 (23) мая 1643 года, на заседании Госсовета подвёл итоги учёбы королевы Кристины, выразил удовлетворение её успехами и похвалил себя и других опекунов за «проделанную работу». Канцлер вспоминал любимого короля Густава II Адольфа и выражал твёрдую уверенность в том, что порфироносная дочь будет достойна своего отца. Кристина выступила с ответной речью, но её содержание до нас не дошло, ибо её почему-то не запротоколировали. Заседание было перенесено на следующий день и закончилось принятием решения вступить в переговоры с Данией и одновременно угрожать ей войной.

Королева это решение поддержала.

В 1643 году, когда Кристине ещё не исполнилось и семнадцати лет, Госсовет сделал предложение объявить её совершеннолетней досрочно. Вопрос рассматривался на заседании риксдага, где королева настойчиво говорила о том, что нужно подождать её восемнадцатилетия. Она напомнила депутатам, что её отец короновался в этом возрасте и что она ещё плохо представляет себе, чем и как живут её подданные. И отправилась в путешествие по стране, чтобы познакомиться с работой серебряных и медных рудников. Её сопровождали подруга La Belle Comtesse, то есть прекрасная графиня Эбба Спарре, и французский посол Пьер Шану. Подруга прикорнула в уголке кареты и большую часть пути мирно спала, в то время как Кристина и Шану живо обсуждали различные философские и учёные проблемы, в частности труд Рене Декарта «Начала философии».

Весь этот год Кристина участвовала в работе Государственного совета, которая преимущественно была посвящена отношениям Швеции с Данией. «Лекции» получились наглядные, королева проследила все стадии и перипетии обсуждения вопроса, начиная с теоретизирования относительно справедливых и несправедливых войн и кончая объявлением войны Дании — естественно, справедливой. Вряд ли она могла в это время догадываться, что решение о войне было принято Оксеншерной задолго до показательных «лекций» в Государственном совете. За своё будущее и за будущее своего класса канцлер, кажется, мог быть спокойным. До

совершеннолетия королевы Кристины оставалось полтора года, и никаких признаков того, что она выйдет из-под его контроля, вроде бы не наблюдалось.

Кратко упомянем о шведско-датской войне 1643–1645 годов.

С распадом Кальмарской унии (конец XV века) противоречия между Швецией и Данией только обострялись и приводили к частым кровавым столкновениям. Ни один мир не оказывался прочным, а шведско-датские войны в течение трёх столетий стали перманентным явлением. По обе стороны пролива Эресунд смотрели друг на друга с большим подозрением, недоверием и едва скрываемой ненавистью. Последняя — Кальмарская — война 1611–1613 годов закончилась поражением Швеции, и Швеция по Кнэрёдскому миру была вынуждена выплачивать Дании огромную контрибуцию. Ей с трудом удалось сохранить за собой узкую полоску земли вокруг устья реки Гота, выкупить крепость Эльвсборг и удержать быстро развивающийся портовый город Гётеборг.

Война в Германии между тем выдвинула Швецию в первый ряд европейских государств, в то время как Дания, потерпев поражение от Габсбургов в первые же годы Тридцатилетней войны, была отодвинута на задний план. Ей оставалось только потихоньку интриговать против Швеции и вредить ей всеми доступными средствами, в том числе тайными и явными связями с католической Веной. Но вопрос о том, кто являлся главным на Балтике, оставался между тем открытым: у Дании был большой и хорошо оснащённый флот.

Кроме последствий Кнэрёдского мира шведов сильно не устраивали эресундские пошлины[18]. Канцлер Оксеншерна посчитал 1643 год благоприятным для того, чтобы на время отвлечься от войны в Германии и маленьким победоносным блицкригом отомстить Копенгагену за все былые обиды, а заодно поживиться датской территорией и утвердить господство Швеции на Балтике. К этому времени недовольная Данией Голландия заключила со Швецией военный союз, в то время как союзница Дании Англия с головой погрузилась во внутренние проблемы, связанные с революцией 1640–1660 годов. Оксеншерна на всякий случай решил подстраховаться с востока и «для подогрева дружбы» с другим своим врагом отправил пышное посольство в Москву.

Война, начатая без всякого объявления, застала датчан врасплох. Шведская армия под командованием талантливого полководца Торстенссона зимой вторглась в Ютландию, и победа казалась уже не за горами. Но датчане с помощью своего флота

внесли перелом в, казалось, уже проигранную кампанию и стали теснить шведов и на море, и на суше. Теперь опасность поражения нависла над шведами. Молниеносная война грозила стать затяжной, а этого в условиях нахождения основных сил шведской армии в Германии никак нельзя было допустить. Только неожиданная морская помощь из Голландии спасла шведов от полного краха. Совместно с голландцами шведы нанесли ощутимый удар по датскому флоту, а затем переломили ситуацию в свою пользу и на суше. Впервые в истории они оказались хозяевами Балтийского моря.

Но рисковать страной шведское правительство больше не желало. Армия фельдмаршала Торстенссона спешно вернулась на немецкий театр военных действий, а по обе стороны Эресунда стали поговаривать о мире. В дело вмешались сначала голландские, а после их неудачи — французские посредники, и после некоторых ритуальных препирательств и демонстраций со стороны датского короля Кристиана IV им удалось усадить датчан и шведов за стол переговоров. Они начались 8 (19) февраля 1645 года в местечке Брёмсебру, шли ни шатко ни валко, но Стокгольм чувствовал себя уже достаточно уверенно и с результатами не торопился.

В вопросе о войне и мире с Данией Кристина, с одной стороны, проявила некоторую самостоятельность, заявив: «Господин канцлер, я вижу большие трудности на пути продолжения войны с Данией. Вести такое великое дело с такими малыми средствами представляется мне азартной игрой… Перед нашей совестью, перед Богом и людьми мы должны доказать, что искренно стремимся к миру». А с другой стороны, вела себя непоследовательно, призвав Государственный совет при обсуждении условий мира с Данией притормозить переговоры в Брёмсебру. По её мнению, нужно было успеть отстроить такой флот, который мог бы впечатлить Копенгаген и заставить датчан пойти на уступки.

За последним заявлением явно стоял канцлер Оксеншерна, вероятно, убедивший Кристину в целесообразности такой меры. Канцлер и его коллеги в правительстве не могли нарадоваться на свою ученицу — она была достойна их мудрых наставлений.

Датчане, со своей стороны, выставили жёсткие условия и ни на какие уговоры не поддавались. Лишь когда на сторону Швеции встала Голландия и послала в Балтийское море свой флот, Копенгаген понял, что блефовать больше не имело смысла и нужно было реально о чём-то договариваться со Стокгольмом. Благодаря посредническим усилиям французов мир был заключён. Авторы мирного договора в Брёмсебру предлагали

навсегда забыть прошлое. Но оно даст о себе знать через какие-то десять лет. Решение этой проблемы ляжет на плечи воинственного Карла X Густава.

Реванш за поражение в Кальмарской войне был полный, и ликующие шведы торжественно и всенародно отпраздновали мир. В угоду Франции, которая была союзницей Швеции в Тридцатилетней войне, и в пику канцлеру Кристина внесла в Государственный совет необычное предложение: объявить в стране выходной день и отпраздновать не только мир в Брёмсебру, но и победу французской армии в Германии под Аллерхеймом. Этого никто в совете вынести не мог, потому что именно в этот момент антифранцузские настроения там достигли кульминации[19].

С общим шведско-французским праздником у королевы не получилось. Зато она настояла на своём и отправила в Париж шведским посланником шотландского авантюриста Марка Дункана (де Серизана), о котором речь пойдёт ниже. Это была одна из первых заявок шведской королевы на экзотичность поведения.

В войне с датчанами положительно зарекомендовал себя кузен Карл Густав. В нашей истории он будет играть немаловажную роль, и нам следует познакомиться с ним поближе. Этот 22-летний увалень уже два года, без всяких скидок на своё высокое происхождение, воевал в Германии. Он начал свою карьеру командиром лейб-роты фельдмаршала Торстенссона, потом получил чин полковника и командовал кавалерийским полком.

В Стокгольме же он вёл жизнь лощёного аристократа, наслаждавшегося прелестями придворного времяпрепровождения и лелеявшего мечту стать супругом Кристины. Не отвергая ухаживаний кузена, Кристина не давала ему повода для оптимизма. Пфальцграф был не глуп, он чувствовал враждебное к себе отношение со стороны клана Оксеншернов и решил временно поменять размеренную придворную жизнь на бивуачную.

Армия круто изменила его мировоззрение. Если в Стокгольме он вместе с Кристиной рассуждал о пользе мира и необходимости прекращения войны, то теперь, вкусив все прелести острых ощущений и опасностей, он стал настоящим военным, для которого состояние мира было равносильно застою. Война подходила для него, а он подходил для войны. Ненавидя, как и все шведы, Данию, он пойдёт дальше, выступая за полное уничтожение Датского государства, самого коварного и злостного врага шведской короны. В его голове уже сформировалась

своеобразная военно-политическая концепция, которую он неуклонно и последовательно начнёт претворять в жизнь.

Но произойдёт это уже за рамками нашей истории.

Глава третья
СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

Старики потому так любят подавать советы, что уже не способны подавать дурные примеры.

Ф. Ларошфуко

Между тем приблизилось совершеннолетие принцессы.

По шведским законам полное совершеннолетие достигалось в 24-летнем возрасте, но опекуны и сами короли обычно торопились и брали бразды правления в свои руки значительно раньше[20]. Настал черёд и Кристины. В конце сентября 1644 года, в разгар шведско-датской войны, Государственный совет обсудил сроки вступления принцессы Кристины на трон и попросил высказаться по этому вопросу представителей сословий. Дворянская и клерикальная секции настоятельно потребовали объявления её совершеннолетней в возрасте восемнадцати лет. В ноябре опекунский совет подал прошение об отставке, а 7(18) декабря состоялся акт вступления Кристины на шведский трон.

Церемония проходила в так называемом государственном зале в соответствии с традициями и личными указаниями Акселя Оксеншерны. Когда Кристина появилась в зале, её окружили члены Государственного совета во главе с риксдротсом. Все заняли свои места, канцлер произнёс речь, которую королева[21] выслушала стоя, и от имени опекунов формально передал ей власть. Кристина выступила с ответной речью, благодарила опекунов за службу и заверила присутствовавших в том, что будет править по закону и с усердием на благо королевства и своих подданных. Символическое объединение короля и народа Швеции совершилось.

Все обратили внимание на то, что молодая королева не дала обещания соблюдать форму правления, установленную её отцом в 1611 году, — конституционную монархию. Королева Кристина обещала уважать monarchia mixta, но считать её «законом на вечные времена» не собиралась. Не все, но многие почувствовали приближение перемен.

Церемонию коронации отложили на шесть лет, до физического совершеннолетия королевы.

Спустя почти две недели после достижения «политического» совершеннолетия Кристина на заседании Государственного совета уже выступила полновластной правительницей. Первое

официальное выступление шведской королевы прошло под знаком покорного сотрудничества с Госсоветом, и ничто не указывало на то, что оно будет нарушено.

Но скоро роль Кристины на заседаниях правительства не будет ограничиваться лишь почётным председательством и малозначащей риторикой. Начались переговоры о мире в Брёмсебру, на которых должен был присутствовать канцлер, и королева после его отъезда возглавила работу Государственного совета фактически и по существу. С января по сентябрь 1645 года она «делает пропозиции», то есть предлагает и уточняет вопросы для обсуждения и начинает играть активную и даже доминирующую роль в самих дискуссиях. Она подводит их итоги и диктует решения. Маршал Я. Делагарди и риксдротс П. Брахе предпринимают попытки заменить отсутствующего канцлера, но это им не удаётся.

На заседаниях, посвящённых мирным переговорам в Германии (первые ласточки будущего Вестфальского мира) и Брёмсебру, Кристина несколько раз настаивает на своём решении и лично диктует инструкции шведским дипломатическим делегациям. Так, когда зашёл вопрос о сепаратных переговорах с Бранденбургом и Померанией, Делагарди высказал опасения по поводу того, что Бранденбург, почувствовав себя ущемлённым, может нарушить мирное перемирие и выступить на стороне Габсбургов. Кристина тут же ответила на это опасение замечанием: «Ну, с этим наш фельдмаршал справится до завтрака!» Королева по праву очень высоко оценила способности фельдмаршала Торстенссона, который несколько дней спустя после слов Кристины одержал блестящую победу в Богемии под Янковом.

Было очевидно, что королева приходила на заседания Госсовета подготовленной. Она с удовольствием высказывалась о диспозиции шведской армии и операциях на море. Флот становился её любимцем, она сознавала, что он играл решающую роль в войне с Данией и в утверждении шведского великодержавия в Европе. Работая в направлении заключения мира, она отнюдь не была настроена сдавать позиции Швеции на мирных переговорах и полагала, что мир должен быть обеспечен военной мощью государства. Все начали понимать, что для королевы практически не существовало ни одной сферы государственной деятельности, которой бы она живо не интересовалась. Она пыталась ничего не упустить из своего поля зрения и высказать своё мнение по всем вопросам, включая такие сложные для женского ума понятия, как налоги и торговые соглашения, церковные проблемы и учёба молодёжи. Особенно

активна Кристина была при назначении людей на должности. Оказывается, она хорошо знала многих из «королевской номенклатуры»: членов правительства, придворных, чиновников коллегий, губернаторов и военачальников.

Уже в 19 лет королева демонстрирует свой авторитарный стиль правления, не всегда совпадающий с курсом канцлера Оксеншерны. С. И. Улофссон пишет о её сознательной оппозиции клану Оксеншернов, обусловленной опасениями введения аристократической верхушкой республиканского правления в Швеции. Сейчас мы знаем, что клан Оксеншернов не имел никаких намерений свергать короля и вводить республику не планировал, но в то время это многим казалось вполне реальным. Королева как-то сказала, вспоминал английский посол Уайтлок, что канцлер питает надежды стать шведским Кромвелем.

Дядя королевы, адмирал К. К. Юлленъельм, по мнению Улофссона, в значительной степени влиял на её отношение и к Государственному совету, и к Оксеншернам. Вместе с Кристиной и престарелым Я. Делагарди он пытался организовать им оппозицию. Я. Делагарди потом перейдёт в лагерь оксеншернистов, но ему на смену придёт сын граф Магнус, из Германии вернётся Ю. А. Сальвиус, к ним присоединится адмирал Херман Флеминг. С этими людьми в 1650–1651 годах Кристина образует так называемую придворную партию.

В начале 1645 года Государственный совет разбирал спор между адмиралом К. К. Юлленъельмом и губернатором Стокгольмского и Упсальского ленов Тюре Оксеншерной, племянником канцлера. При наборе рекрутов в армию губернатор пытался незаконно забрать нескольких слуг адмирала. Управляющий адмиральским имением попытался защитить их от незаконной мобилизации, за что по приказанию Т. Оксеншерны был закован в колодки и подвешен в них на стену. Губернатор явно и грубо попрал закон, превысил власть и без всяких на то оснований применил жестокость и насилие по отношению к людям адмирала. По решению Государственного совета Оксеншерна должен был извиниться перед Юлленъельмом и искать примирения с пострадавшим управляющим. В противном случае он должен был пойти под суд.

На заседании 19 февраля (2 марта), на котором королева Кристина отсутствовала, Тюре Оксеншерна отказался подчиниться вердикту правительства и упорно оправдывал своё поведение. П. Брахе и Я. Делагарди попытались урезонить его, напомнив, что «Швеция — не Ливония, где с крестьянами обращаются как попало, здесь у нас закон и порядок, одинаковый и для благородных, и для подлых крестьян». Губернатор не

сдавался и стоял на своём. Рассмотрение дела было перенесено на следующий день и обсуждалось уже в присутствии королевы. Кристина, разобравшись в происшедшем, постановила вызвать Тюре Оксеншерну на заседание совета и объявить ему королевское решение: либо он должен принести повинную, либо предстать перед судом.

На вопрос королевы, готов ли он пойти на примирение с адмиралом, распоясавшийся губернатор снова ответил отрицательно. Было очевидно, что он чувствовал себя уверенным в поддержке всесильного дядюшки и фактически делал вызов верховной власти в стране. И тогда королева произнесла речь, в которой заявила, что могла бы прибегнуть по отношению к губернатору к самым решительным мерам наказания, но, учитывая заслуги рода Оксеншернов перед королевством, делать этого не будет. Едва сдерживая раздражение, она говорила на повышенных тонах, и губернатор струсил и стал выражать Кристине благодарность за милость и благосклонность, оказанные ему и его семье. Но Кристина, не останавливаясь, продолжала бросать в его адрес всё новые и новые гневные обвинения, давая ему понять, что своим упрямством он оскорбил не только честь государства, но и честь королевы Швеции. Рассмотрение спора закончилось в пользу адмирала Юлленъельма на условиях, определённых Госсоветом.

Это был первый чувствительный удар, нанесённый по интересам клана Оксеншернов. Несмотря на глубокое уважение к «папе Акселю» и признание его несомненных заслуг перед страной, Кристина рассудила спорное дело не по «понятиям», а строго по закону. Это делало ей честь.

Канцлер вернулся в Стокгольм в сентябре и снова взял руководство Государственным советом в свои руки. Но Кристина по-прежнему проявляла свой нрав и высказывала своё мнение, не всегда совпадавшее с мнением членов совета, по всем принципиальным вопросам. Впрочем, она умела соблюсти меру и в конце ноября 1645 года решила подсластить горькую пилюлю Оксеншернам, возведя канцлера в графское достоинство.

А первое серьёзное столкновение королевы с «папой» произошло 14 (25) января 1647 года при обсуждении памфлета Ю. Маттиэ, касающегося внутреннего урегулирования противоречий в лютеранской церкви. Памфлет, сочинённый ещё в 1644 году, вызвал большое недовольство шведского клира. Шведская церковь обвиняла автора в кальвинизме, хотя он всего лишь призывал к веротерпимости. Королева открыто выступила в поддержку своего учителя и дала его книге положительную оценку. Аксель Оксеншерна находился в лагере наиболее рьяных

критиков Маттиэ и считал, что памфлет не способствовал единению лютеран, а значит, наносил вред государству. Против этого возразить было трудно, и королева обратилась за советом к членам правительства. Возникла жаркая дискуссия, в ходе которой Кристина расплакалась, а члены Госсовета разошлись, не приняв никакого решения. Автор памфлета выступил с компромиссными заявлениями, похожими на покаяние, и разворошённый церковный «муравейник» во главе с канцлером успокоился. Было очевидно, что Кристина не хотела слишком далеко заходить в споре с канцлером и отступила, но простить ему своё поражение она не смогла.

Ещё одно столкновение с Государственным советом и риксдагом по тем же церковным вопросам закончилось уже в пользу Кристины. Двадцатилетняя королева, следуя по стопам отца, проявлявшего религиозную терпимость, решительно отклонила проект так называемого конкордата, регулировавшего формы общения шведских лютеран со своими собратьями в Европе и душившего любые проявления синкретизма. По-видимому, она в этот момент хотела, с одной стороны, продемонстрировать и консолидировать свою никому не подотчётную власть, а с другой — в затхлой обстановке воинственного и оголтелого шведского лютеранства очертить границы своей духовной независимости.

В марте следующего, 1648 года противостояние между королевой и канцлером снова обострилось. На сей раз предметом несогласия послужило предложение Кристины ввести в состав Госсовета заслуженного дипломата Ю. А. Сальвиуса. Она была заранее уверена в том, что предложение вызовет сильное сопротивление со стороны членов правительства, потому что Сальвиус был не благородного происхождения и дворянство получил за свои заслуги совсем недавно. Это её не смущало, и она решила дать своему правительству бой.

Положение усугубляло и то обстоятельство, что между Сальвиусом и сыном канцлера Юханом Оксеншерной, двумя самостоятельными и равноправными представителями Швеции на мирных переговорах в Оснабрюке, шли раздоры. Кристина же, открыто критикуя обоих представителей за медлительность, тайно поддерживала Сальвиуса, более склонного к компромиссам и скорейшему прекращению войны, нежели молодой Оксеншерна. К тому же Ю. А. Сальвиус входил в придворную партию королевы и был ярым противником клана Оксеншернов.

Для канцлера закулисная игра Кристины с Сальвиусом не была секретом, но предпринять что-либо против них он не мог. Акселя Оксеншерну весьма огорчало, что королева в частных

письмах Сальвиусу критиковала его инструкции на переговорах, но когда Сальвиус по рекомендации Кристины показал адресованное ему королевское письмо французскому послу д'Аво, терпению канцлера пришёл конец и он выступил с резким протестом. Но Кристине удалось успокоить «папу», и они примирились.

Формальное предложение о кооптации Сальвиуса в состав правительства Кристина сделала 27 марта (7 апреля) 1648 года. На заседании присутствовали одиннадцать советников, включая четырёх ведущих. Королева могла рассчитывать на поддержку своего предложения лишь со стороны одного риксадмирала. Риксдротс П. Брахе был ненадёжен: с одной стороны, он вроде бы всегда выступал на защиту королевской семьи, но и поддерживал Оксеншерну как человек, сидевший в одной лодке с аристократами. Когда начались дебаты о выработке очередных инструкций для переговоров в Оснабрюке, королева демонстративно поддержала решение канцлера, что не могло не вызвать у него искреннего удовлетворения. Заседание шло гладко, дебаты проходили без сучка и задоринки, а вопросы решались быстро и по-деловому. Ясно, что королева хорошо подготовилась к основным дебатам о Сальвиусе и, прежде чем начинать бой, проявила по отношению к Государственному совету максимум доброй воли.

Кристина предложила заполнить свободные в правительстве вакансии двумя новыми членами — Акселем Лилье и Юханом А. Сальвиусом. Она хорошо продумала также и тактику этого обсуждения и вторым кандидатом на кооптацию в правительство недаром выбрала А. Лилье — вполне «проходного» кандидата, удовлетворявшего по всем параметрам всех членов Госсовета. Трудно было бы выступать против кандидатуры Сальвиуса, идущего в паре с Лилье.

«Господин Сальвиус не из родовитых, но обладает большими заслугами перед отечеством», — начала она дискуссию о Сальвиусе. Высказываются трое «ведущих» членов Госсовета: Брахе, Оксеншерна и Юлленъельм. Остальные пока хранят молчание. Первым начинает говорить осторожный господин Пер[22]. Он осмотрительно соглашается с королевой в части, касающейся Лилье, и высказывает сомнение по поводу происхождения Сальвиуса. «Сальвиус, несомненно, был бы капабельным членом Госсовета, принадлежи он к знатному роду, — иронично отвечает королева Перу Брахе, — но уже то, что против него нет возражений, можно отнести в его пользу». Адмирал Юлленъельм безоговорочно одобряет выбор королевы. Риксдротс смущён и обескуражен и пытается снова говорить о

необходимости соответствия высокой должности высоким качествам кандидата. Но королева настроена агрессивно и набирает одно очко за другим в свою пользу. «Когда нужен хороший совет, то не спрашивают о предках в шестнадцатом поколении», — резко отвечает она риксдротсу, и тот умолкает.

И тут королева делает очередной неожиданный шаг: она предлагает ещё одного кандидата в Государственный совет. Им становится губернатор лена Коппарберг Юхан Берендес, вполне подходящий и по деловым качествам, и по происхождению — он дворянин. Кристина всё плотнее прижимает своих оппонентов к стенке: согласившись с кандидатурой Берендеса, члены правительства должны будут принять и кандидатуру безродного Сальвиуса. Так оно и происходит. Брахе признаёт, что и заслуги губернатора, и его древний род не противоречат высокому званию члена Государственного совета. А что касается Сальвиуса, продолжает риксдротс, то его можно наградить после того, как он заключит выгодный для Швеции мир в Оснабрюке. Но королева и здесь оставляет последнее слово за собой: Сальвиусу незачем ждать заключения мира, потому что его заслуги и без того слишком велики. Риксдротс умолкает окончательно, и начинается обычная процедура обсуждения кандидатуры.

Во время дискуссии Кристина делает ещё один важный выпад против клана Оксеншернов: неожиданно она объявляет о том, что Пер Брахе назначается генерал-губернатором Финляндии! Все понимают, что это означает почётное удаление от центрального кормила власти. Но разве можно спорить по этому поводу с королями?

Наступает очередь господина Акселя. Канцлер до сих пор скромно держался на заднем плане и в дискуссии участия не принимал. Он начинает осторожно: «Что касается Сальвиуса, то прошу покорнейше простить меня за то, что не скажу много, чтобы меня не считали в этом деле заинтересованным».

Оксеншерна верен себе, он всегда обеспечивает себе алиби от всякого обвинения. Королева бросает примирительную реплику: «Господин риксканцлер слишком великодушен, чтобы нуждаться в этом». Канцлер, кажется, не обращает внимания на эти слова и говорит теперь то, что хотел сказать: Сальвиус, несомненно, имеет заслуги, но разве он плохо вознаграждён за них? А пост члена Государственного совета, напоминает он Кристине, является высшей степенью вознаграждения любого слуги короля.

Канцлер инициировал новый раунд дискуссии, начинается оживлённый обмен репликами между ним и королевой. Кристина приводит пример Ю. Шютте, который в своё время был возведён её отцом в дворянское достоинство и сделан государственным

советником. Канцлер отвечает, что дело Шютте носит исключительный характер и любое назначение подобного рода «противоречит закону и нашим привилегиям». Кристина снова напоминает о заслугах Сальвиуса, канцлер соглашается с ней, но продолжает стоять на своём: как ни велики его заслуги, но он вряд ли достоин высокого звания государственного советника. «Если бы мой блаженной памяти отец был жив, Сальвиус давно уже был бы советником», — говорит Кристина. «Свидетельствую перед господом Богом, что подобного никогда бы не случилось. То же самое я могу повторить и при Сальвиусе», — упрямо бубнит своё канцлер.

Коса нашла на камень.

Королева могла бы бросить в бой последние резервы — свою королевскую власть. Но она не переходит эту черту, ибо это было бы несовместно с её честью и достоинством. И она предлагает перейти к голосованию. Канцлер голосует «против», три советника голосуют «за», один советник от решения воздерживается. Кристина бросает ещё одну — последнюю — реплику в «огород» Оксеншерны: «Если бы я надеялась только на сыновей советников, то случись что, мне не на кого было бы опереться».

Голосование продолжается. Постепенно голоса склоняются в пользу предложения королевы. В затруднительном положении оказывается казначей Г. Б. Оксеншерна, брат канцлера: ему хочется потрафить королеве, но он не решается идти против интересов клана и корпорации аристократов. В конце концов он склоняется на сторону Кристины. Подсчёт голосов показывает, что королева победила за счёт поддержки «младших» советников, но из «старших» её поддержали только адмирал и казначей. Заседание заканчивается примирительной речью 21-летней победительницы, которая начинается фразой: «Упаси меня Бог выступать против привилегий».

Как бы то ни было, королева с открытым забралом осмелилась вступить в конфликт с аристократией и победила. Подготовка к управлению государством закончилась. Кристина больше не нуждалась ни в каких наставниках. Впереди у неё будут более сложные ситуации, но и из них она будет выходить победительницей. Позже, когда ей понадобится поддержка аристократии, она смягчит свои абсолютистские замашки, и Аксель Оксеншерна снова станет играть ведущую роль в Государственном совете. Но пока для канцлера наступили тяжёлые времена. Он был раздражён, обижен и обескуражен. Однажды он даже попросился в отставку, но так далеко заходить Кристина не хотела.

Итак, взойдя на трон, Кристина употребила все свои знания и способности, чтобы соответствовать высокому званию правительницы Швеции. Она трудилась не покладая рук, с раннего утра до позднего вечера, оставляя на сон по три-четыре часа в сутки. Члены Государственного совета высказывали опасения, что молодая королева подорвёт своё здоровье, что, в конце концов, скоро и произошло.

С утра четыре-пять часов Кристина посвящала чтению документов. В целях экономии времени она решила принимать пищу одна, так что за столом королева проводила не более получаса. Пищу старалась употреблять саму простую и пила одну лишь воду. Никаких комментариев по поводу качества приготовления еды никогда не делала. После просмотра документов королева шла на заседание Госсовета, даже если она чувствовала себя больной или разбитой. Она во всё вникала сама и на приёмах иностранных послов никогда не допускала экспромтов. Она разъясняла смысл официальных документов тем своим чиновникам, которые не понимали языка, на котором они были составлены. Кристина не любила околичностей, в которые иногда пускались её министры, и сразу переходила к делу и сути вопроса. Принимая посетителя, она обычно ходила по комнате и имела обыкновение резко менять тему разговора. Она производила впечатление искренней собеседницы, но никогда не говорила всю правду, казалась холодной и редко принимала во внимание недостатки и слабости людей. Когда посол Кромвеля Б. Уайтлок прибыл к ней на первую аудиенцию, то она по своему обыкновению провела беседу с ним на ходу, быстро передвигаясь из одного конца залы в другой. Посол, хромой на одну ногу, с трудом поспевал за ней, кое-как ковыляя на «полутора ногах». Узнав об этом физическом недостатке, королева к следующей аудиенции приготовила послу стул.

Современники считали её прирождённой дипломаткой.

Вся жизнь Кристины в качестве наследницы престола проходила на фоне непрекращающейся войны. Мир в Брёмсебру с Данией был для Швеции несомненным успехом и сильно укреплял её позицию на начавшихся переговорах об окончании Тридцатилетней войны[23]. Кристине наконец-то представилась возможность выступить в роли европейской миротворицы, и она немедля ею воспользовалась. Шведская королева делала это с тем большим удовольствием, что роль скандинавской Минервы приятно подогревала её тщеславие.

Но мир нужно было ещё завоевать, и шведские генералы старались изо всех сил, чтобы Европа надолго запомнила победы шведского оружия в Германии. На заключительном этапе военных

действий весьма показательным в этом отношении являлся грабительский поход Ханса Кристофера фон Кёнигсмарка в Богемию. С помощью обмана и предательства шведы ворвались в Прагу и разорили её дотла. Дерзкий рейд Кёнигсмарка в Прагу стоил городу, по скромным подсчётам современников, около семи миллионов риксдалеров. Это была колоссальная по тем временам сумма.

После шведского разбоя в Праге всем стало ясно, что Контрреформация Тридцатилетнюю войну проиграла. Уверенности в этом добавила очередная победа Торстенссона под Янковом. Но не обошлось без трудностей: побеждённая имперская сторона открыто, а союзница Швеции Франция тайно не соглашались с требованием шведов возврата Европы к статус-кво 1618 года и введения в Германии свободного отправления вероисповеданий. Германские княжества были шокированы шведским требованием компенсации в 20 миллионов риксдалеров; Бранденбург и некоторые другие германские княжества не соглашались с территориальными претензиями Швеции в Померании.

Споры грозили затянуться до бесконечности, если бы не вмешательство королевы Кристины. Она осознала бесперспективность жёсткой позиции шведов и направила Оксеншерне и Сальвиусу указание прекратить «пачкотню, которой они занимались до сих пор, а если этого не произойдёт, то вам придётся отвечать перед Богом, представителями сословий и передо мной лично». (Сальвиусу она написала отдельное разъяснение о том, что её упрёки были адресованы лишь Ю. Оксеншерне.)

Через несколько месяцев мир между воюющими сторонами был, наконец, подписан[24]. Многие упрекали потом королеву за то, что она под влиянием только что вернувшегося из Франции фаворита Магнуса Делагарди встала на французскую точку зрения и поторопилась с договором; что Швеции нужно было продолжить войну, чтобы обеспечить себе более прочные и благоприятные позиции, нежели те, которые она получила при заключении Вестфальского мира. Возможно, так оно и было, но, во-первых, Кристина к этому времени уже вступила в тайное противоборство с канцлером Оксеншерной, а поскольку он настаивал на продолжении военных действий в Германии, то она должна была действовать как раз наоборот. Менее известно, что за спиной королевы стоял французский посол Пьер Шану, который критиковал шведских переговорщиков в Оснабрюке и побудил Кристину поторопиться с миром, ибо во Франции уже началась Фронда[25], и страна была не в состоянии продолжать

войну. Несомненно, Шану сыграл на тщеславии королевы. Оно подгоняло Кристину, у неё больше не хватало терпения ожидать славу и почести европейской миротворицы, и скандинавская Минерва настояла на своём. Другие питались войной, она же призвана Богом творить на земле мир.

Шведская пропаганда не жалела усилий на то, чтобы распропагандировать «подвиг» шведской королевы по всей странам и землям. «Я буду грохотать так, что небеса и земля задрожат, словно листья осины, я буду метать громы и молнии, и сердца смертных затрепещут от ужаса и задрожат в оцепенении», — громогласно заявила Кристина при первом же своём торжественном выходе после подписания мира. Ей посвящали стихи, в её честь слагались панегирики, писались торжественные оды, для шведской победительницы ставились оперы и балеты. К ней направлялись специальные миссии и посольства, ей преклонялись, ею восхищались. Богиня мира, гений Европы, скандинавская Минерва — какими только именами её не награждали в это время! Она исполнилась таким величием и возомнила себя таким гением мира, что корона маленькой Швеции показалась ей несносной побрякушкой. Сжигаемая страстью к миссионерству, она будет пытаться вершить судьбы Европы, мирить, к примеру, Францию с Испанией или вмешиваться во внутренние распри Франции — не всегда успешно, даже чаще безуспешно, и должно пройти определённое время, прежде чем она осознает иллюзорность и тщетность своих попыток.

Любовь Кристины к миру, как пишет П. Энглунд, не была такой уж искренней и сильной, как это пытались изобразить в своих балетах и одах придворные подхалимы. Прослышав, что Речь Посполитая благодаря восстанию Богдана Хмельницкого на Украине оказалась в тяжёлом положении, Кристина в декабре 1648 года направила Карлу Густаву инструкции о подготовке шведского вторжения на территорию польско-литовского государства. Не успели просохнуть чернила на документах Вестфальского мирного договора, а шведские кнехты перевести дух от изнурительных походов, как королева вознамерилась доставить Швеции новую славу и величие![26]

В 1649 году, когда при дворе узнали о казни английского короля Карла I, возмущённая королева решила направить в Лондон шведский экспедиционный корпус, чтобы «примерно наказать преступников и восстановить королевскую власть». И хотя настроения в офицерском корпусе совпадали с настроением Кристины и офицеры горели желанием «отомстить парламенту за тиранические деяния и смерть короля», из проекта, естественно,

ничего не вышло. Не так уж сильна к концу Тридцатилетней войны была шведская армия, чтобы позволить себе вторжение в Альбион. Да и откуда было взять нужное количество судов, чтобы перевезти десант? План оказался химерой, но «мечом мести и справедливости» Кристина помахала.

Как говорится, noblesse oblige. Что в переводе с французского означает, что положение шведской королевы обязывало Кристину соответствовать господствующим в стране настроениям. А настроения среди аристократов, дворян и нарождавшейся буржуазии, туго набивших свои карманы золотом во время Тридцатилетней войны, оставались воинственными.

В конце мая 1649 года в Стокгольм наконец-то прибыли награбленные в Праге сокровища — коллекция императора Рудольфа: около шестисот картин, бронзовые статуэтки и бюсты, изделия из серебра, мраморные скульптуры, жемчуг, гобелены, вышивки, майолика, научные приборы и инструменты, старинные рукописи, включая знаменитый готский «Серебряный кодекс» Ульфилы. Взору Кристины, с нетерпением ожидавшей «трофеи», в первый раз в жизни представилась завораживающая картина южноевропейского искусства и достижений культуры. Впечатление было просто шокирующим. Ей открылся совсем другой мир, не имеющий ничего общего с аскетической культурой лютеранской Швеции. Несомненно, созерцание и любование шедеврами Тинторетто, Тициана, Веронезе, Корреджо, не говоря о «каком-то Дюрере или Босхе», о которых она и не слышала, дало сильный толчок её духовному развитию и ещё больше разожгло её любопытство[27].

Оценить и растолковать содержание картин и других произведений искусства помог королеве молодой померанец Матиас Палбицкий, вернувшийся из путешествия по странам Средиземноморья. Особенно её привлекли рассказы Палбицкого об Италии и Риме. С его помощью она вступила в переписку с Паоло Джордано Орсини, герцогом Браччано, который информировал её о культурных достижениях и событиях в Италии и с которым она не прерывала контакта на протяжении нескольких лет. Вот одно из писем Кристины к Орсини (май 1652 года):

«Я пошлю вам свой портрет, как только он будет готов, а также миниатюру Тициана; если хотите, вышлю вам также копии итальянских картин из пражской коллекции, включая Веронезе, Полидоро, Корреджо, Тинторетто и т. п. Вся великолепная пражская галерея здесь у меня, тут есть Альберт Дардс (Дюрер) и другие немецкие мастера, имён которых я не знаю и от которых другие будут без ума, но только не я. Клянусь, я отдала бы все эти

картины за пару произведений Рафаэля, да и то, думаю, им было бы много чести…»

Глава четвёртая
ДЕЛА ЛЮБОВНЫЕ

Любовь — жестокий царь, её всесильно иго.

П. Корнель

Любовь — область, в отношении которой у биографов Кристины наблюдаются наибольшие трудности и неуверенность. Многие историки утверждали, что королева Кристина была не способна на проявления этого чувства вообще, другие — что если она и любила, то только женщин, а третьи вообще считали её развратницей. С. Стольпе, защитник платонической версии личной жизни Кристины, решительным образом опровергает все эти домыслы и доказывает, что, несмотря на своеобразие своего физического развития, Кристина являлась вполне нормальной женщиной и отнюдь не была лишена способности любить мужчин. Что касается её увлечений некоторыми красивыми женщинами, то они, по его мнению, не имели под собой никакой физической основы и объяснялись обычными чисто эстетическими наклонностями королевы. Можно было бы верить Стольпе, если бы не одно «но» — взаимоотношения его подзащитной с прелестной Эббой Спарре.

О платонических чувствах Кристины к мужчинам тоже нужно говорить с очень большим резервом. Кристина любила мужчин, они её привлекали, и она открыто об этом говорила. Однажды она сказала, что если бы не была рождена женщиной, то её пылкий темперамент привёл бы её к опасному распутству. Известно также её заявление о том, что она, несомненно, вышла бы замуж, если бы не внутреннее неприятие физической любви. «Все женщины, которые хотят развлечься, в качестве предлога используют брак, — говорила она как-то. — …Если бы я внутри себя чувствовала некую слабость, я бы, как многие другие, смогла бы выйти замуж только для того, чтобы поразвлечься и воспользоваться своими привилегиями». В автобиографии она пишет, что из-за своего пылкого темперамента не один раз была на грани падения и спасалась лишь благодаря Промыслу Божьему, иначе говоря, благодаря гордости, высокомерию и нежеланию никому ни в чём никогда не подчиняться.

Женскому обществу королева всегда предпочитала мужское и по другим причинам: с мужчинами, по крайней мере, можно было о чём-то поговорить. Женщины того времени, как правило, были

необразованны, замкнуты в своём узком женском мирке и интереса для неё как собеседницы не представляли. «Если я предпочитаю общество мужчин, — говорила Кристина, — то не потому, что они мужчины, а потому, что они не женщины».

В беседе с мужчинами она вела себя как мужчина, не гнушалась грубыми словечками и ругательствами, любила выслушивать скабрёзности. Она уволила девушку-камеристку и взяла вместо неё *valet de chambre,* то есть слугу мужского пола. Женщина, пользующаяся услугами *valet de chambre,* не обязана была казаться скромной и добродетельной. Французский посол Тюильри был шокирован, услышав однажды, как фрейлины королевы громко распевали скабрёзные французские песенки. Кристина рассмеялась над смущением француза и с гордостью объяснила, что это она заставила их заучить слова песенки наизусть, но фрейлины ни слова не понимают по-французски.

Итак, очевидно, что, несмотря на своё отрицательное отношение к браку вообще и к плотской любви в частности, вопреки своим физическим и психическим особенностям, Кристина тем не менее чувствовала тягу к противоположному полу. Она желала и одновременно не хотела соединиться узами любви с мужчиной. Вот это-то и осложняло её положение и было чревато непредсказуемыми последствиями.

Юная принцесса на протяжении семи лет испытывала чувство сентиментальной привязанности к своему кузену пфальцграфу Карлу Густаву, сыну её приёмных родителей. В семье Юхана Казимира рассчитывали на то, что со временем Карл Густав мог стать претендентом на шведскую корону. Для самой Кристины и для окружающих было самим собой разумеющимся, что это обожание должно было закончиться браком. Сохранилось несколько писем, написанных Кристиной своему кузену в 1643–1644 годах (то есть в возрасте 17–18 лет).

Первого (12) мая 1643 года она пишет Карлу Густаву в армию, что никакое его отсутствие не может быть долгим, чтобы она могла его позабыть.

Год спустя, 5 (16) мая 1644 года, она просит его соблюдать при переписке некоторые меры предосторожности и использовать шифр, не раскрывая имён ни на конверте, ни в самом тексте писем. Он должен адресовать свои письма «фрёкен Мари», то есть своей сестре Марии Ефросинье. Совершенно очевидно, что конспирация была вызвана опасениями, что содержание переписки станет достоянием «папы» Акселя, не любившего пфальцграфов. Она также просит его побыть в звании жениха ещё пару лет и подождать, когда она взойдёт на трон, а он сам добьётся большей воинской славы и почёта. Для того, кто ждёт

чего-то хорошего, никакой срок не покажется большим. Во всяком случае, она может ждать сколь угодно долго. Пусть Карл Густав не волнуется и по поводу сватовства к ней курфюрста Бранденбургского, потому что её преданность кузену велика и безгранична и только смерть может нарушить её. Если суждено раньше умереть ему, то её любовь к другим умрёт вместе с ним и они соединятся там, в вечности.

Типичное романтическое письмо молодой девушки, написанное по всем канонам любовного жанра. Жених, судя по всему, испытывает к своей невесте сильные чувства, а расстояние и время раздувают пламя любви ещё сильнее. Карл Густав, будучи большим «аматёром по женской части», вероятно, судит о других по себе и высказывает Кристине какие-то сомнения или упрёки, на что Кристина 15 июля 1644 года отвечает ему: «Так же, как я ни в коей мере не сомневаюсь в тебе и целиком уверена в твоей верности, так и я хочу заверить тебя, что никакой срок и никакие трудности и вообще ничто не может отвратить меня от тебя». Письмо это, по сравнению с другими, потрёпано до чрезвычайности и, вероятно, долго хранилось в карманах адресата. Оно должно было произвести на Карла Густава сильное впечатление и, возможно, служило средством для обуздания его непостоянства.

Всё это, конечно, выглядело довольно наивно и трогательно.

Любовь прекратилась внезапно и внешне вроде бы беспричинно. Некоторые историки полагают, что Кристина разочаровалась в кузене из-за его полноты и интеллектуальной неполноценности. Но, во-первых, отметим, что Кристина сама была далеко не красавицей, а во-вторых, Карл Густав получил в своё время вполне приличное образование и воспитание. Он был не глуп, фантазия и энергия били в нём ключом, а кроме того, он искренно любил Кристину.

Конечно, война сильно изменила бывшего придворного аристократа, которого отец ещё в Стокгольме просил воздерживаться от обжорства, пьянства, карточных игр и охоты за женскими юбками. Но сын не очень-то внимал увещеваниям отца и за время войны развил упомянутые наклонности до уровня привычек. Однако в 1645 году он ещё не стал тем толстым, грубым и чувственным мужланом, в которого он превратится позже. Пока это был достаточно скромный, влюблённый и приятный молодой человек, правда, слегка обрюзгший и разрыхлевший, но ещё не слишком самоуверенный, не слишком развязный и циничный.

Кристина, понятное дело, знала о похождениях своего жениха на стороне (у него были внебрачные дети от простой девицы

Сидонии Юхансдоттер, Карл Густав позаботился о них и сделал всё, чтобы они росли и воспитывались в достатке), ибо уже в 1644 году стала всё реже писать ему в Германию.

Злые языки утверждали, что первым, кто наябедничал ей об измене Карла Густава, был друг его детства граф Магнус Габриэль Делагарди, сын Якоба Делагарди, появившийся осенью 1644 года при дворе Кристины. На фоне толстого, грубого, чувственного и небрежно одетого Карла Густава приехавший из Парижа и побывавший на войне с Данией граф Магнус, 22-летний лощёный красавец, поклонник науки, искусства и поэзии, легкомысленный и блестящий, с приобретёнными французскими манерами и одетый с иголочки, выглядел волшебным принцем. И молодая девушка искренно увлеклась полковником её собственной лейб-гвардии.

С этой версией не согласен швед С. И. Улофссон, который считает, что амурные похождения Карла Густава начались намного позже своей отставки у Кристины. Причина же охлаждения королевы к своему жениху заключалась во взрослении. С годами она открыла для себя новые перспективы, с высоты которых её привязанность к кузену показалась смешной и наивной.

Как стоик Кристина считала, что проявлять какие бы то ни было внешние признаки недовольства или разочарования ниже её достоинства. Но она была не обычной женщиной, а королевой Швеции и обладала чрезвычайно чувствительной и гордой натурой. Темперамент кузена её сильно напугал — быть объектом такой грубой чувственности ей вряд ли нравилось. Недаром она довольно цинично высказалась, что отказывается «быть пахотным полем для мужского плуга». Но главное, кажется нам, в том, что поведение Карла Густава сильно уязвило её гордость и чувство собственного достоинства. Он оказался далеко не на уровне тех требований, которые ставила Кристина для своего суженого, и она не стала опускаться до ревности, укоров и упрёков — она просто вычеркнула его из своей личной жизни.

До Карла Густава дошли слухи о новом фаворите принцессы Кристины, он забеспокоился и поспешил домой. Когда он в 1645 году вернулся в Стокгольм, то обнаружил, что Кристина говорить о любви с ним больше не желает. При этом между ними не произошло никакого разрыва и никакой ссоры, а со стороны королевы уважение к молодому принцу лишь усилилось. Она была в восторге от его практичности и способностей, не испытывала по отношению к нему никакого зла или обиды и даже наметила его своим наследником на троне. Она была постоянно занята государственными делами и неделями не давала кузену

аудиенции, в то время как фаворит Делагарди постоянно находился возле неё.

К весне 1646 года пфальцграф понял, что его карта бита и что ни о каком браке с королевой не может быть и речи. «Я должен снова скитаться по свету как потерянный человек, которому суждено с одинаковым терпением принимать своё счастье и несчастье», — писал он в одном письме. Он был, несомненно, удручён, но не до смерти. Внешне он держался молодцом, своего уныния не показывал и по-прежнему находил утешение в многочисленных попойках и любовных приключениях. Воинские подвиги на полях сражений снискали ему некоторое уважение в Государственном совете, так что дела у него обстояли не так уж и плохо.

Воистину неисповедимы бывают пути Господни!

Фаворит граф М. Г. Делагарди был сыном риксмаршала Я. Делагарди и Эббы Брахе, бывшей фрейлины при дворе матери Густава II Адольфа. Молодой Густав Адольф был когда-то сильно влюблён в Эббу, и Эбба отвечала ему взаимностью, но соединить свои судьбы им не привелось. Вмешались мать молодого короля, Аксель Оксеншерна и… государственные интересы. Длившаяся несколько лет страстная любовь закончилась ничем, и Эбба вскоре вышла замуж за возвратившегося с русской Смуты генерала Я. Делагарди. И вот теперь дочь Густава II Адольфа без ума влюбилась в сына той самой Эббы. Сын сделал во Франции блестящую карьеру, он был принят при дворе Людовика XIII, а потом и Людовика XIV, ему предлагали командовать одним из лучших кавалерийских полков Франции, но он, услышав о начале войны Швеции с Данией, предпочёл вернуться домой. Практически граф Магнус был единственным и настоящим европейским кавалером в Швеции[28].

Кристина заметила графа давно — задолго до того, как он появился в Стокгольме. В 1645 году она произвела его в полковники лейб-гвардии, устроила ему обручение со своей кузиной и подругой по учёбе пфальцграфиней Марией Ефросиньей, а в следующем году, вопреки протестам Акселя Оксеншерны, назначила его послом в Париж. Это было, конечно, неслыханное дело — отправлять на такую ответственную должность такого молодого человека![29] Французский посол в Стокгольме Шану в июне 1646 года писал кардиналу Джулио Мазарини[30]: «Она любит графа лишь в той степени, в коей чистая добродетель может соединяться с такой страстью».

Когда в 1647 году Делагарди вернулся из Франции, королева оплатила все его долги (ради этого она пошла на неслыханное унижение, написав в Германию письмо Сальвиусу с просьбой

одолжить для покрытия долгов графа Магнуса 100 тысяч экю и держать всё это в тайне от окружения) и назначила его государственным советником. Потом он в качестве асессора и военного советника заседал в Военной коллегии, выполнял обязанности окружного правителя в Эстеръётланде, получал в подарок от Кристины земли и поместья. Он принял участие в заключительной фазе Тридцатилетней войны, получил звание фельдмаршала и уехал на губернаторскую должность в Ливонию. В 1651 году Делагарди получил придворный чин гофмаршала, в следующем году стал президентом Камер-коллегии, а чуть позже — государственным казначеем. Она просто осыпала его своими милостями. Граф Магнус стал ярким примером воплощения плана Кристины по выдвижению молодых людей в высшие эшелоны власти и вытеснению из правительства членов клана Оксеншернов.

Хитроватый потомок выходца из Лангедока, полуфранцуз-полушвед, человек со средними способностями, граф Магнус Делагарди вдохновенно играл роль влюблённого, а сам мягко уходил от ухаживаний королевы. Как все фавориты, он пользовался слабостью монарха в юбке и делал карьеру. Аксель Оксеншерна от обиды и злости хотел «выйти в отставку и спокойно умереть». Д. Мэссон утверждает, что канцлер, чтобы охладить пыл Кристины к графу Магнусу, рассказал ей, что граф являлся внебрачным сыном её отца короля Густава II Адольфа. Это, конечно, была выдумка, и Кристина ей вряд ли поверила, а если и поверила, то не придала этому значения.

Кристина не могла не знать, что Делагарди к ней как женщине особых чувств не испытывал, к тому же все знали, что он был влюблён в пфальцграфиню Марию Ефросинью. Это было тяжело сознавать уязвлённой королеве, но она всё равно продолжала любить его и всячески поощрять. У неё возникла идея заставить французов подарить графу Магнусу сеньорию[31], включавшую маленький эльзасский город Бенефельд, захваченный на некоторое время шведской армией. Сеньорию Бенефельд Делагарди не получил, но зато французы подарили ему городские пушки, которые граф тут же им и перепродал. Ловок всё-таки был этот потомок выходца из Лангедока!

После возвращения Делагарди из Парижа Кристина, кажется, некоторое время рассматривала его в качестве потенциального мужа, но верх взяли государственные расчёты, в которых Карлу Густаву, по всей видимости, всё ещё отводилось более почётное место.

Вероятно, Кристина, как женщина, любящая мужчину, не отвечавшего ей взаимностью, всё равно хотела ему добра.

Поэтому она устроила фавориту брак с любимой девушкой. Свадьба графа Магнуса и кузины королевы Марии Ефросиньи состоялась в марте 1647 года. Брак сильно укреплял и повышал статус фаворита в аристократической среде и в известной степени создавал нужный противовес оксеншерновской группировке.

Положение Делагарди после женитьбы стало довольно щекотливым. Период между январём и мартом 1647 года был особенно напряжённым для всех участников любовной драмы. Государственный совет и риксдаг приступали к Кристине с требованиями выйти замуж, а она уже пришла к решению замуж не выходить. Кристина безответно была влюблена в Делагарди, и тому пришлось применить всю свою обходительность и ловкость, чтобы противостоять её вспыхнувшей страсти. Можно вообразить, какие чувства испытывал граф, ежедневно чувствуя на себе знаки внимания со стороны непривлекательной августейшей особы с неухоженными волосами, косыми плечиками, обезображенным бюстом и мужским голосом! Оттолкнуть от себя влюблённую королеву было чревато потерей власти и богатства, и граф обратился за помощью к французскому послу, к мнению которого Кристина внимательно прислушивалась. «Он признался мне, — писал Шану, — что оказался в трудном положении, и попросил меня помочь склонить королеву в пользу брака с пфальцграфом».

…А отвергнутый пфальцграф без дела слонялся по Стокгольму. Чтобы подсластить горькую пилюлю бывшему жениху, Кристина в январе 1648 года назначила его генералиссимусом и главнокомандующим шведской армией в Германии. Королеве было нелегко и тут преодолеть сопротивление канцлера, но она, в конце концов, добилась своего. Это тоже было неслыханное дело — отдать судьбу армии и всей войны, предоставить всю полноту власти и решений 25-летнему графу-иностранцу! Кристина успокоила и удивила всех своими аргументами: во-первых, Карл Густав своими делами в Германии вполне доказал пригодность к этой должности; во-вторых (и это было главное), она пообещала рано или поздно выйти за него замуж, причём не по любви, а сугубо по государственным соображениям, идя навстречу пожеланиям риксдага и Госсовета. Министры спорить с такими доводами не стали и вынуждены были с рекомендацией королевы согласиться.

Решающая беседа с женихом произошла в начале 1648 года в присутствии Ю. Маттиэ и графа Магнуса[32]. Кристина сказала, что дала обещание кузену в то время, когда была не в состоянии распоряжаться не только собой, но и крестьянским подворьем.

Теперь она даёт ему полную свободу. В то же время, добавила она, если уж ей и придётся выходить замуж, то всем кандидатам

она непременно предпочтёт именно его. В любом случае она собирается назначить его своим наследником — так будет лучше для всех, в том числе и для страны.

Карл Густав ответил, что в таком случае для него всё теряет значение и он хочет удалиться из Швеции. Кристина, назвав это романтическими бреднями, сказала, что он упрямствует только из-за того, что сам не понимает своей пользы. Его намёк на то, что невеста, возможно, полюбила другого, королева отмела замечанием, что не обязана в этом ни перед кем отчитываться, и снова повторила: если риксдаг вынудит её к браку, то он станет её мужем.

С этим Карл Густав отправился на войну в Германию.

Были ли у Кристины другие женихи? Да, были. Бранденбург делал несколько «заходов» с предложением реализовать замысел покойного Густава II Адольфа женить курфюрста Фридриха Вильгельма на шведской королеве. Когда стало обсуждаться предложение о том, чтобы Фридрих Вильгельм оставил свою веру — кальвинизм и принял лютеранство, Кристина произнесла громкую фразу: «Мужчина, который предаёт своего Бога, никому не может внушать доверия»[33]. Свои предложения делали датский королевский двор, курфюрст Пфальцский, король Испании Филипп IV, принц Португалии, сын обезглавленного английского короля Карла I и короли Польши. Все эти попытки не имели успеха и пресекались Кристиной на самом раннем этапе. Для замужества нужно было иметь больше сердца, чем для войны, говорила она. Любовь и брак несовместимы. Она же, как известно, до брака опускаться не желала, ибо хотела подняться над недостатками своего пола на такую высоту, которой не достигала до неё ни одна женщина.

В июле 1646 года в Стокгольм прибыло русское посольство — теперь уже от царя Алексея Михайловича. Москва уведомляла о его восхождении на престол и желала подтвердить Столбовский мирный договор от 1617 года. Кристина, возможно, вспоминая свой первый опыт общения с русскими дипломатами, приняла послов сидя на троне в полном величии и великолепии. Вокруг трона стояли 90 лакеев, члены Государственного совета, представители дипломатического корпуса. Присутствовавший на аудиенции П. Шану вспоминал, что русский переводчик молол какую-то несуразную чепуху и никто из его перевода ничего не понял. Впрочем, русские в своих национальных одеждах, отороченных соболями, произвели на француза неизгладимое впечатление. Верительную грамоту, обёрнутую в чёрный креп, посол вручать канцлеру отказался и передал её непосредственно в руки Кристины.

Между тем ситуация во дворце продолжала накаляться.

Уже после брака Делагарди и Марии Ефросиньи Карл Густав по-прежнему жестоко ревновал зятя к Кристине. Королева, со своей стороны, восприняла эту ревность с обидой, доказывая жениху, что её чувства к графу чисты и невинны. Француз Шану порекомендовал ей оказывать больше знаков внимания пфальцграфу и воздерживаться от открытого проявления своих чувств по отношению к графу Кристина осознала, какие осложнения могла вызвать её не поддающаяся контролю страсть, но ничего с собой поделать не могла. Она стала нервной, раздражительной, разбитой и морально, и физически.

Охлаждение Кристины к Карлу Густаву и её привязанность к молодому Делагарди странным образом совпали с другим её бурным увлечением, доставившим современникам и потомкам богатую пищу для слухов, толков и самых чудовищных сплетен. Она воспылала новой страстью, и предметом её любви стала… аристократка Эбба Спарре[34], дочь лантмаршала Ларса Эрикссона Спарре. Эббу Спарре Кристина сделала своей фрейлиной, и как только та появилась при дворе, то сразу ослепила всех своей красотой. Эббу везде звали *La Belle Comtesse*[35], а слухи о красоте фрейлины достигли даже Парижа. Вполне резонно предположить, что Кристина, действуя, по-видимому, полуинстинктивно-полурасчётливо, переключилась на новый предмет, не менее достойный её королевских чувств, чтобы легче пережить крушение любви к кузену и неудачи с графом Магнусом Делагарди.

Связь Кристины с Эббой Спарре, согласно свидетельствам современников, продолжалась и в годы замужества последней[36]. Б. Уайтлок докладывал в Лондон: «Поговорив со мной, королева представила меня графине Делагарди, которую звали *la belle comtesse,* и предложила мне побеседовать с ней, её подругой по постели[37], чтобы убедиться, соответствовал ли её ум её красоте». После того как посол нашёл, что большого разрыва между красотой и речами графини не существует, «королева сняла с рук графини перчатки и дала одну мне, а другую, разорвав на четыре части, раздала другим…». На следующий день Уайтлок отослал графине целую дюжину английских перчаток, которые были в Стокгольме в большой моде.

Выражение «подруга по постели» могло, конечно, означать только одно — подругу по любовным играм, если, конечно, королева Кристина не использовала свою фрейлину как живую грелку. Но если вспомнить о спартанском воспитании королевы, позволявшем ей легко переносить жару и холод, то следует признать, что надобность в грелке вряд ли была для неё такой

насущной.

Недостатка в историях, свидетельствующих в пользу «запретной связи», нет — главное, сама королева в письмах Эббе не скрывала своих чувств к ней. Правда, С. Стольпе считает многие из них грубыми подделками поздних авторов. Но сохранились оригиналы трёх писем Кристины Эббе, которые признаны подлинными и которые, по выражению писателя, «пышут жаром любви» (приводятся ниже).

Эта любовь казалась всем очень странной, если вспомнить о резко отрицательном отношении Кристины к женщинам вообще, тем более что в интеллектуальном и культурном отношении фрейлина ничего особенного из себя не представляла. Эбба Спарре обладала лишь одним достоинством — она была красива. С. Стольпе, убеждённый католик, полагает, что для королевы, разочарованной женихом, обратить свои взоры на прекрасную фрейлину было вполне естественно. Кристина, говорит он, всю свою жизнь обращала внимание на красивых женщин, а её отношение к Эббе — всего лишь игра, навязанная литературными условностями того времени. Но в том-то и дело, возражает ему другой швед П. Энглунд, что как раз под маской литературных условностей Кристина поддерживала с прекрасной графиней самые настоящие любовные отношения.

Д. Мэссон обращает внимание на то, что роман королевы с Эббой Спарре совпал как раз с периодом, когда двадцатилетняя Кристина начала испытывать отвращение к браку. В одном из писем, отправленных Эббе в 1655 году уже из Рима, королева писала: «Моё счастье было бы несравнимо больше, если бы мне было позволено разделить его с Вами… Клянусь, я была бы достойна зависти богов, если бы удостоилась радости видеть Вас; но поскольку есть все основания сомневаться в этом счастье, Вы должны хотя бы подарить мне удовлетворение верить, что где бы на этой земле я ни находилась, я вечно буду хранить память о Ваших услугах». Королева заканчивает письмо выражением надежды на то, что её минует «печаль забвения со стороны человека, которого я ценю больше всех в этом мире».

В другом письме подруге за 1656 год она пишет: «О, как бы я была счастлива, если бы мне было дозволено снова встретиться с Вами, Прекрасная, но я осуждена на то, чтобы вечно любить Вас и обожать Вас, так и не увидев Вас; ревность, которую звёзды посылают для отравления человеческого счастья, не даёт мне испытать полное счастье, ибо я не могу быть счастливой вдали от Вас… Возможно ли, что Вы меня ещё не забыли? Любите ли Вы меня так, как прежде? Не обманываюсь ли я, что верю, что была тем человеком, которого Вы любили больше всего на этом свете?

О, если это так, не открывайте этого! Оставьте меня в этом заблуждении и не завидуйте моему воображаемому счастью… Будьте уверены, что бы ни случилось со мной, я никогда не перестану любить Вас. Прощайте, Прекрасная, прощайте! Целую Вас тысячу раз».

Третье письмо, написанное в 1657 году из итальянского города Песаро, содержит такие же горячие признания в любви к бывшей фрейлине. Кристина по-прежнему испытывает к ней пылкие чувства и ощущает себя одинокой и несчастной даже в такой прекрасной стране, как Италия. Примечательна следующая фраза в письме: «Если Вы не забыли о своих правах надо мной, то Вы должны помнить, что уже двенадцать лет назад у меня была привилегия быть любимой Вами и что я, кратко говоря, принадлежу Вам таким образом, который исключает, чтобы Вы отпустили меня. Я перестану любить Вас только когда умру… Тысячу раз целую Вас и прошу быть уверенной в моей вечной и сердечной любви».

Это письмо помогает датировать и начало любовных отношений — 1645 год.

Католика Стольпе указанные письма убеждают только в том, что налицо истинное чувство, но проявление его было вполне платоническим. Он предлагает сделать скидку на языковую норму и стиль XVII века и не судить о выражениях Кристины с позиций нынешней морали и языка. То, что нам сегодня кажется выражением страсти и пылкой любви, во времена королевы Кристины считалось общепринятыми фигурами литературной речи и эпистолярного жанра. К тому же королева была воспитана в спартанском стоическом духе, а свободные французские нравы при шведском дворе стали появляться лишь в конце 1640-х годов.

Платонические отношения у королевы были, возможно, к Карлу Густаву или графу Магнусу, хотя на счёт последнего есть иное мнение, принадлежащее одному из самых внимательных и тактичных биографов королевы Кристины, барону Карлу де Бильдту, который полагал, что в романе с графом королева всё-таки перешла Рубикон. Любовный же роман с Эббой Спарре, вне всякого сомнения, был настоящим. Как выразился тогда один немецкий современник, отношения эти были так искусно замаскированы Кристиной, а большинство шведских аристократов были так наивны и необразованны, что нечто подобное им и в голову не приходило: «Шведы были слишком примитивны и глупы, чтобы понять её». Но всё это, разумеется, лишь умозрительные заключения. Истину в последней инстанции унесли с собой в могилу сама виновница спора и Эбба Спарре (Делагарди).

Глава пятая
СВЕЖИЕ ВЕТРЫ В СТОКГОЛЬМЕ

Все добродетели в глуши лесов живут, но редко им сродни роскошная порфира.

П. Ронсар

По выражению П. Энглунда, королева Кристина жила в мире, в котором женщина считалась человеком второго и гражданином третьего сорта. Если с античных времён аристотелевский миф о неполноценности женщины поддерживали философы, то в Средневековье его подхватили медики. Несовершенная анатомия женщины, утверждали они, не даёт оснований признавать её равноправной с мужчиной. Женщина слаба, подвержена влиянию, а потому нуждается в руководстве и контроле, и лучше её держать дома. Появление одинокой женщины на улицах города считалось неприличным. Её всегда должны были сопровождать слуги, компаньонки или члены семьи мужского пола. Королеву Кристину сначала не хотели пускать в риксдаг, а когда, наконец, согласились с её присутствием на его сессиях, всю её женскую свиту держали в соседних апартаментах.

На практике, однако, женщины играли достаточно весомую роль и в семье, и в обществе, в том числе и в Швеции. Во-первых, значительная часть производства осуществлялась женщинами — к примеру, на мануфактурах, связанных с изготовлением текстильных изделий, а также парусов, канатов, зеркал и даже на работах с металлом[38]. Во-вторых, вдовы после смерти мужей, как правило, брали в свои руки бразды правления и дома, и на производстве. Потери среди шведских мужчин в первой половине XVII века были значительными, поэтому вместо них за дело брались предприимчивые и отнюдь не робкие женщины. Таковые находились во всех социальных слоях населения[39].

Однако заниматься политикой и наукой считалось исключительной прерогативой сильного пола. Женщину готовили к браку, она должна была стать хорошей домохозяйкой и добродетельной матроной. Читать-писать? В самых скромных размерах, да и то им рекомендовалось чтение сугубо религиозной литературы.

Но время шло, менялись условия жизни, менялись и поведение женщин, и взгляды на их роль в обществе. В XVII столетии в Европе — в первую очередь во Франции — стали

появляться грамотные, а потом образованные и высокообразованные женщины. Их было мало, они ещё не делали погоды, но они уже были. Они не удовлетворялись отведённой им ролью в обществе и видели своё предназначение в служении культуре в целом и в частности поэзии, театру, музыке, живописи, танцам, пению и…науке. У них развивалось тщеславие, не уступавшее мужскому, и оказалось, что оно во многих случаях было не лишено оснований. Табу на занятие политикой легко преодолевалось… через постель. Во Франции появились фаворитки, фактически управлявшие государством. Политика становилась их страстью, увлечением, хобби. «Ни одна порядочная женщина не станет спать со своим мужем, а кокотка — со своим любовником, если она днём не поговорит с ним о государственных делах! Они хотят всё видеть, всё знать и — что хуже всего — всё делать и всё приводить в порядок», — жаловался кардинал Мазарини, вероятно позабыв, что сам «пролез» на самый верх политического Олимпа Франции благодаря «тесной дружбе» с вдовой Людовика XIII королевой Анной Австрийской.

Женщин-вольнодумок критиковали и преследовали, им запрещали и грозили, их высмеивали и проклинали с амвонов, но всё было напрасно — запретный плод оказывался ещё более притягательным и вкусным. Женщины вырывались из средневековых пут и тянулись к свободе и образованию. В Европе повеяло свежим ветром вольнодумия, охватившим все слои общества. Людям надоело жить в косности и суеверии, церковные догмы подвергались сомнению, заколебалась вера в Бога.

Эпигонство, шарлатанство и цинизм всегда шли рука об руку с модой, прогрессом и моралью. Свобода и вольномыслие несли с собой непослушание, безбожие, распутство и падение нравов. После каждой эпохи лицемерия следует эпоха разнузданности, распутства и падения нравов. Не миновала чаша сия и пуританскую Швецию.

Таким образом, не было ничего странного в том, что психика вступившей на престол молодой королевы Кристины оказалась раздвоенной. Королева должна соответствовать надеждам, возложенным на неё. В мужском мире она обязана отказаться от своего «я», вести себя по-мужски и во всём подражать мужчинам. До вступления на престол она была в этом мужском мире как бы в гостях и наблюдала за всем со стороны. Став совершеннолетней, она из статиста превратилась в ведущего актёра и была вынуждена следовать существующим правилам игры.

Шведский королевский двор при королеве Кристине был совсем не похож на то, чем являлся прежде[40]. Щедрость

королевы стала её принципом — именно таким качеством должны были обладать, по её мнению, все мудрые и великие правители. Внешние атрибуты власти имели для неё если не решающее, то очень большое значение, поэтому она никогда не жалела денег на то, чтобы показать или подчеркнуть своё высокое королевское положение. Молодые придворные и фавориты Кристины более легко воспринимали новые нравы и веяния как в политике и экономике, так и в повседневной жизни, и фактически олицетворяли собой оппозицию оксеншерновской геронтократии. Высокий статус Швеции также обязывал теперь и дворян, и королеву вести богатую и роскошную жизнь.

Магнус Г. Делагарди был одним из таких «новых» людей Швеции. Клаэс Окессон Тотт, прямой потомок короля Эрика XIV, сын одного из лучших генералов Густава II Адольфа, дуэлянт, игрок и настоящий французский кавалер, был другим представителем «золотой» молодёжи в близком окружении Кристины. В октябре 1652 года этот 22-летний повеса вернулся из Парижа и сразу заслужил славу самого задиристого и ловкого дуэлянта. Уже через два месяца Кристине пришлось разбирать дуэль между «парижанином» и членом Государственного совета Густавом Лейонхувудом.

Роскошная жизнь стала модной у шведских дворян после Тридцатилетней войны. Во время германских походов они увидели, как живут немцы, и по возвращении домой стали вводить такие же обстановку и обычаи у себя[41].

Среди «новых» людей были настоящие таланты. Много упрёков получила королева за то, что «пригрела» при дворе бродягу и приговорённого к пожизненному заключению Ларса Вивалиуса, но никто, кроме М. Г. Делагарди и Кристины, не увидел в нём гениального шведского поэта. Королева не только распознала талант, но и сохранила поэту жизнь, освободила его из тюрьмы, назначила на должность аудитора придворного полка и подарила ему имение.

А между тем военно-монархическое шведское государство было в культурном отношении очень и очень отсталым — французы и итальянцы считали шведов «полуварварами». Необразованность была всеобщей: высшие чиновники и генералы, за малым исключением, не могли ни писать, ни читать. С необразованностью могла сравниться лишь всеобщая бедность: крестьянские депутаты риксдага ходили в лохмотьях. Даже в городе в «благородных» семействах домашние животные жили вместе с людьми, по крышам лачуг (дома были покрыты дёрном) ходили козы и овцы. В стране процветало беспробудное пьянство.

Свою разрушительную и антикультурную роль здесь сыграла

Реформация, сопровождавшаяся варварским истреблением всякой науки, кроме схоластической. Высшее образование находилось в самом зачатке. Отсталость Швеции от Европы XVII века проявлялась во всём: в экономике, политике, философии, в естественных науках, литературе (её практически не было), музыке и театре[42].

История не зафиксировала момента или периода времени, когда у молодой принцессы проснулся живой и неподдельный интерес к наукам и искусству, но мы знаем, что королева Кристина считала своим долгом и призванием оживить культурную жизнь страны и приобщить её к последним европейским достижениям в этой области. Возможно, толчок к такому развитию дали богатые коллекции драгоценностей, скульптур, картин и книг, награбленные шведами во время Тридцатилетней войны и свезённые в королевский дворец и храмы Швеции. Уже при первом знакомстве с ними она могла убедиться, что в Швеции не нашлось ни одного человека, который мог бы привести все эти культурные ценности в порядок, составить каталоги и организовать условия их хранения. Нужно было позвать иностранцев, и они откликнулись, причём самые избранные.

Скоро в Стокгольме задули ветры из Парижа, которые принесли с собой так называемых либертинцев[43]. Либертинцы приезжали в Швецию по приглашению Кристины. И при её дворе, и в Упсальском университете собрались лучшие представители европейского гуманизма и знатоки Античности, в первую очередь голландцы, немцы и французы: филологи Исаак Воссиус (знаток греческого языка), Фрейнсхемиус и латинист Николас Хейнсиус, ориенталисты Бошарт и Равиус, латинист Клод де Сомез (Сальмазий), музыкальный историк Мейбом, химик Шеффер, медик де Ритц и многие другие. В Стокгольм приехало много французских учёных и деятелей искусства, и среди них учёный с мировым именем — философ Рене Декарт. А молодой Блез Паскаль прислал королеве счётно-арифметическую машину.

Можно без преувеличения утверждать, что Швеция в 1650-е годы превратилась в своеобразный центр скандинавского гуманизма. Шведское дворянство и клир недовольно ворчали на то, что иноземцы были щедро и, может быть, даже слишком щедро вознаграждены королевой. Однако непреложным остаётся факт, что некоторые из иностранцев, наоборот, жаловались на неблагодарность шведской королевы, не платившей им никакого жалованья. Во всяком случае, оснований для обвинений Кристины в напрасной трате денег не было, ибо вклад приглашённых европейцев в культуру страны являлся бесценным.

Огромные деньги королева тратила на приобретение в Европе книг. Они были особой её страстью. Кристина заставляла своих людей, в частности Николаса Хейнсиуса, ездить по европейским городам и буквально охотиться за всем ценным, интересным и познавательным. Таковой для королевы была классическая литература. Денег королева не жалела, хотя их не всегда хватало, и в некоторых случаях она оставалась у продавца в долгу. Н. Хейнсиус некоторые партии книг, закупленные в Италии, оплачивал из своего кармана и никогда не упоминал о компенсации[44].

Воссиус закупил для Кристины во Франции почти всю библиотеку кардинала Мазарини, бежавшего из страны и оказавшегося в весьма стеснённых обстоятельствах, при этом королевский книголюб не позабыл часть книг поставить на собственные книжные полки. Но это были мелочи. «Вы знаете, в какой степени меня раздражает то, что я трачу свою жизнь не на учёбу, — писала королева Воссиусу. — Я глубоко несчастна, что тысячи других дел отвлекают меня от наиприятнейших удовольствий. Несмотря на это, я урываю несколько часов на то, чтобы провести их в моём кабинете и побеседовать с мёртвыми, возвращающими меня к жизни, вместо того чтобы общаться с живыми, беспрестанно омертвляющими меня».

О размерах собранных Кристиной книжных богатств говорит хотя бы то, что в её библиотеке только теологических сочинений насчитывалось 5276 томов.

Когда книжный зуд королевы утих, библиотечный зал освободили для придворных дам, а книги снесли в какую-то неприспособленную комнату и оставили лежать на полу. У Кристины появились другие увлечения. Бедный француз-библиотекарь Бошарт жаловался: «Искать теперь нужную книгу — это то же самое, что в поисках пуговки рыться в куче овса». И это после того, как он целых «два месяца с раннего утра до позднего вечера разбирал книжные завалы и приводил библиотеку в порядок». Несомненно, он был прав, но в конечном счёте книжные богатства всё равно достались шведам. Редкие издания пополнили университетские библиотеки и сослужили добрую службу и современникам Кристины, и их потомкам.

Шведский историк С. Класон с возмущением писал о придворной жизни при королеве Кристине, где всё время «прыгали, скакали и устраивали балет» и сорили деньгами на развлечения направо и налево. Несомненно, расходы на содержание двора при Кристине заметно увеличились, но королева была далека от того, чтобы, по выражению Класона, «предпочитать удовольствие долгу, а собственные вкусы —

интересам страны». Она не забывала о государственных нуждах и никогда не была помешана только на удовольствиях. В некотором отношении её можно было даже считать аскетичной: она не интересовалась комфортом и роскошью, не обращала внимания на одежду, украшения, драгоценности и мало заботилась о том, как выглядели её придворные.

Но правда состояла и в том, что королеву Кристину мало интересовали экономические или финансовые вопросы. «Нерасположение Кристины к вопросам экономики… стало обстоятельством, серьёзно отягчившим положение, — пишет С. И. Улофссон. — Если в 1644 году на содержание двора было выделено 167 тысяч талеров серебром, то есть 3,1 процента бюджета, то в 1653 году её личные расходы и расходы на содержание двора составили 520 тысяч талеров, то есть 12,3 процента бюджета страны. Вместе с расходами на содержание королевского дома, включая Марию Элеонору и Карла Густава, — до 20 процентов, что для страны и налогоплательщиков было явно неразумным».

Если деньги кончались, она давала указание достать ещё. Ей нравилось делать подарки и проявлять щедрость, потому что щедрость считалась добродетелью. Её занимали более серьёзные вещи — наука, книги, искусство, знания, и в первую очередь она хотела создать то, чего до сих пор не было в Швеции — культурную жизнь. Разумеется, для пуританского наблюдателя театральные постановки, балеты и маскарады в чистом виде казались развлечениями.

До Кристины театра в Швеции не было — ведь нельзя же было назвать театром редкие любительские представления студентов и учеников, поставленные ворчливыми магистрами по убогим ходульным сценариям, написанным школьным ректором на какую-нибудь античную тему. При королеве Кристине появился голландский, немецкий и итальянский театр, причём все три труппы в Швеции не гастролировали, а были зачислены в штат королевского двора. Центральное место занимал, конечно, итальянский театр, а вернее — его оперная труппа с великолепным репертуаром, декорациями и режиссурой Винченцо Альбричи. Труппа выступала не только при дворе, но и устраивала представления в домах шведских вельмож, например во дворце Я. Делагарди в Якобсдале. Ещё в 1647 году Кристина пригласила из Италии знаменитого техника сцены Антонио Брунати, построившего во дворце оперную сцену с «огромной машиной», приводящей в движение декорации и кулисы. Королева иногда сама выступала на сцене, как это, к примеру, было в 1652 году в Упсале, где она играла роль служанки, а

профессор Улаус Рюдбек музицировал на свирели.

На улицах Стокгольма стали устраиваться всякого рода представления и увеселения. Их участники переодевались в костюмы античных героев и, сопровождаемые музыкантами и шутами, шествовали пешком, в каретах или верхом на конях от дворца до Сенной площади. Там на сооружённых помостах их уже ждали зрители. Артисты представляли какую-нибудь небольшую аллегорическую пьесу или балет, за которыми следовали скачки по кругу или карусель. Верховые дворяне в костюмах рыцарей скакали по кругу и своими копьями на полном ходу старались поддеть развешанные кольца.

Праздники начинались в полдень и заканчивались с наступлением темноты. Участники представления возвращались во дворец, где обильно угощались и танцевали до утра. Центр города и мосты освещались лампами, факелами и фейерверками, на площадях зажигались костры. Привезённого в 1648 году из Праги льва часто на потеху публике выпускали в манеж вместе с быком, коровой, медведем или лошадью. Шведам это нравилось.

Во дворце устраивали костюмированные балы и маскарады. Очень часто они проходили в импровизированной таверне или корчме, а гости переодевались в простых крестьян, горожан или путешественников. На одном таком маскараде в декабре 1650 года Кристина выступила в костюме голландской служанки, Карл Густав изображал испанца, его брат герцог Адольф — голландского крестьянина, а заезжего английского графа заставили играть шута. В другой раз, в 1653 году, королева появилась в костюме пастушки, который почему-то был украшен многочисленными драгоценными камнями. Устав от своей роли, Кристина стала срывать с костюма камни и разбрасывать их среди гостей. Было ужасно весело.

Популярным при дворе стал и балет, в котором наиболее сложные партии танцевали артисты, а менее сложные могли исполняться придворными королевы. Тут своё мастерство демонстрировали в основном французы под руководством балетмейстера Антуана де Больё. Естественно, при театре существовал оркестр, в котором играли первоклассные музыканты.

Не следует забывать, что королеве Кристине принадлежит также честь учреждения в Швеции первых академий: публичной академии, учреждённой Декартом (1650); академии, которую учредил медик Бурдело[45]; академии по культивированию шведского языка (1652). На заседаниях академий обсуждались определённые вопросы, на них приглашались и учёные, и студенты, и все желающие чиновники и вельможи. Конечно, с

отъездом Кристины из страны культурная жизнь снова заглохнет, её преемников Карла X, Карла XI и Карла XII культура интересовать не будет, но ростки её сохранятся до следующего столетия, и королю Густаву III Адольфу, уже на новом культурном витке, будет намного легче стимулировать её дальнейшее развитие.

Жизнь двора королевы Кристины продолжала бурлить и наполняться событиями. Возможно, самым интересным французом при дворе был лекарь Пьер Бурдело. Не имея никакого медицинского образования, простой аптекарь-самоучка, но не лишённый здравого смысла, пытливого ума и «широких» взглядов на жизнь, он собственными усилиями и оригинальными методами лечения добился всеобщего признания.

По нему явно «плакало» перо Бомарше, потому что весь его характер, все его наклонности и образ жизни мало чем отличались от жизни и карьеры знаменитого севильского цирюльника. С 1638 года он лечил принца Конде и его сына герцога Энгиенского, а ещё раньше сопровождал французского посла в Риме де Ноая, где и надел сутану и длинный колпак, для того чтобы лучше «приспособиться к атмосфере страны пребывания». Он так хорошо «приспособился» в Ватикане, что стал лечить самого папу Урбана VIII и некоторых его кардиналов, а потом принял самое деятельное участие в организации побега утописта Кампанеллы из Италии во Францию. Последней его пациенткой в Париже была герцогиня де Лонгвиль, которая, прослышав о болезни шведской королевы, отрекомендовала ей своего лекаря. Восстание Фронды не позволяло ему больше оставаться во Франции, так что приглашение в Швецию пришлось как нельзя кстати. Наряду с тем, что Бурдело считался одним из лучших врачей Европы, он к тому же прослыл достаточно культурным и образованным человеком. Он являлся поклонником Галилея, обладал богатой библиотекой, поддерживал связи с выдающимися людьми своего времени.

«Санский цирюльник» появился в Стокгольме в феврале 1652 года, когда Кристина уже изверилась во всех докторах и лекарях и возлагала теперь единственные надежды на знаменитого француза. Он привёз с собой аптекаря Кларета Пуассоне, молодого и симпатичного француза, который будет служить Кристине до конца её дней. Бурдело оправдал надежды королевы: он прожил в Швеции полтора года и вылечил её. Вероятно, он был одним из первых медиков, которые пытались нащупать связь психики человека с его физикой. По складу ума Бурдело был типичным вольнодумцем и авантюристом, всеми способами пытавшимся «продать» себя как можно дороже и завоевать своё

место под солнцем, что, в общем-то, ему неплохо удавалось.

Ещё до прибытия в Стокгольм Бурдело, ознакомившись с симптомами болезни Кристины, заочно поставил ей однозначный диагноз: переутомление ума и несоблюдение диеты. Эти простые слова лекарь, естественно, облёк в замысловатые латинские и греческие термины того времени — иначе кто бы ему поверил? Д. Мэссон утверждает, что с точки зрения современной медицины Кристине было противопоказано рождение детей, на что указывали испытываемые ею боли в левой подрёберной части живота, общее недомогание, сильные головные боли, обмороки и конвульсии. Все эти симптомы повторялись ежемесячно. Кроме того, у неё, по всей видимости, был спастический колит.

По прибытии лекаря на место диагноз подтвердился. Бурдело сразу увидел, что состояние здоровья королевы Кристины было критическим. Определив её темперамент как «горячая и сухая женщина», он немедленно приступил к лечению, применяя так называемый метод «охлаждения»: изменил меню королевы, состоявшее из грубых пересоленных и переперчённых блюд шведской мясной кухни, назначил ей диету и рекомендовал регулярный отдых, лёгкие развлечения и рассеянный образ жизни. Если его предшественник пичкал королеву острыми блюдами и заставлял её выпивать ежедневно полстакана водки с перцем, то француз прописал ей куриные бульоны и бульоны на телятине, фруктовые соки, минеральную воду и заставил ежедневно принимать горячие ванны — общие и для ног. Естественно, в курс лечения входили традиционное кровопускание и неизменные клистиры.

Что касается развлечений, то Бурдело и здесь был мастером на все руки. Он играл на гитаре и пел, писал сценарии и стихи, считал себя специалистом в парфюмерии и, что особенно поразило воображение Кристины и других шведов, показал себя блестящим знатоком французской кухни. Кроме того, он был большим мастером всяких шуток и розыгрышей, иногда довольно плоских и грубых, но которые нравились королеве. Через месяц Кристина почувствовала себя совершенно другим человеком, она полностью выздоровела, температура спала и больше не поднималась. Она прониклась доверием к своему врачу и испытывала к нему чувство безграничной благодарности.

Мимо внимания «психоаналитика» Бурдело не прошёл и роман королевы со своей фрейлиной. Он сразу понял, что Эбба Спарре давно устала от этого романа и была вполне счастлива в браке, в то время как Кристина продолжала страстно любить её и страдать. Бурдело посоветовал королеве попытаться легче смотреть на трудности, «смеяться над жизнью» и получать от неё

наслаждения. Для стоика Кристины это была почётная и нетрудная задача, и она стала усердно «работать над собой». Результаты не заставили себя долго ждать: при содействии Бурдело Кристина вошла в тот самый мир, который ей слегка приоткрыли супруги Брежи, и скоро её двор по праву стал считаться самым весёлым в Европе.

Именно в этот период жизнь при дворе и вообще в столице превратилась в сплошной праздник. В городе открылись французский ресторан «Лотарингский крест» и итальянская остерия. С точки зрения чопорных и аскетичных шведов, все эти празднества, новшества и представления смахивали на вакханалии безбожников, а Стокгольмский дворец стал прибежищем еретиков и «папистов». В дипломатических кругах возникли представления о Стокгольме как о самой дорогой столице, поэтому позволить себе занять должность посла в Швеции могли далеко не все иностранцы, а только самые зажиточные. Время увлечения наукой и продолжительных бесед с учёными для Кристины закончилось. Бурдело был явно настроен изгнать из королевского дворца скучных библиотекарей, лингвистов и философов и использовал для этого все свои способности.

Шведские и иностранные доктора, говоря о Бурдело, на первых порах снисходительно улыбались, но когда королева почувствовала себя намного лучше, воспылали к французу-самоучке лютой ненавистью. Разумеется, шведы сгорали от зависти, что какой-то французик пользуется благосклонностью Кристины и получает большое жалованье, в то время как их отодвинули на задний план. Бурдело полностью завладел досугом шведской королевы и, естественно, стал злейшим врагом всех приближённых ко двору шведов и иностранцев. Его обвиняли в том, что он практически взял в свои руки всю внешнюю политику Швеции. По мнению С. Стольпе и С. И. Улофссона, эти обвинения являлись чистой выдумкой.

Больнее всех привилегированное положение француза при дворе задело фаворита графа Магнуса Делагарди, который и стал главной пружиной заговора против врача. В заговоре активную роль играл французский резидент в Стокгольме Пике, который опасался, что сторонник Конде отрицательно повлияет на состояние франко-шведских отношений, и регулярно бомбардировал Версаль призывами убрать опасного француза из окружения Кристины. Утративший монополию на исключительное внимание монаршей особы, Делагарди мобилизовал против Бурдело, говоря современным языком, и шведскую общественность, в первую очередь власти и

церковников. Ниже мы увидим, чем закончился заговор фаворита против главного лекаря королевы.

Галльская дерзость не была чужда характеру медика, и он, не раздумывая, принял брошенный ему шведским «истеблишментом» и Пике вызов. Сначала он разозлил королевского ориенталиста Бошара. Тот приготовился читать королеве отрывок из своего произведения, а Бурдело незадолго до того поставил ей клистир, и презентация сорвалась. Потом «нехороший» Бурдело поссорился со знатоком античной музыки Мейбомом. Самовлюблённый Мейбом сам петь не умел, и Бурдело вызвался спеть несколько его мелодий и от имени королевы попросил библиотекаря Ноде под это пение исполнить греческие и римские танцы. Библиотекарь отказать королеве не мог и согласился потанцевать. Пение в исполнении лекаря и танцы неуклюжего библиотекаря вызвали гомерический хохот Кристины и гостей. Мейбом обиделся на профанацию его сочинения и дал Бурдело пощёчину, а Ноде разбил ему до крови нос, за что был немедленно отлучён от двора. Естественно, оба учёных затаили на Бурдело страшную обиду.

Церковники, со своей стороны, тоже досаждали Кристине своими замечаниями и требованиями удалить француза от двора. М. Делагарди уговорил Марию Элеонору поговорить с дочерью, наставить её на путь истинный и заставить отказаться от ненавистного соперника, но беседа матери с дочерью закончилась ссорой и слезами с обеих сторон. Кристина всё равно продолжала общаться со своим лейб-лекарем и отвергала все обрушившиеся на него обвинения.

Как-то француз в слишком дерзком и непочтительном тоне поговорил с графом Магнусом Делагарди о своём жалованье, и фаворит не замедлил донести об этом королеве. Кристина, как всегда, приняла сторону лекаря, и графу пришлось пойти на попятную и заключить с ним мир, но своих попыток досаждать лекарю во всём и везде он не прекратил.

В конце концов, Бурдело надоест Швеция, и он сочтёт за лучшее вернуться во Францию, но к тому времени он уже выполнит свою миссию и перестанет быть для Кристины необходимым[46].

Рядом с Кристиной в это время был и уже упомянутый нами балетмейстер Антуан де Больё, как все французы, отличавшийся задорным нравом и бывший под стать Бурдело. Библиотекарь Габриэль Ноде, появившийся при дворе в 1652 году с лёгкой руки Бурдело, был выпускником университета в Падуе (Италия) и вполне оправдывал славу этого учебного заведения: он был заядлым либертинцем и прилежным «охотником за юбками». Он

служил библиотекарем у кардинала Мазарини, писал памфлеты, в которых разоблачал суеверия и предлагал не верить ни в какие чудеса, в том числе пророчествам Парацельса, Нострадамуса и прочих предсказателей. С первых дней придворной службы Ноде стал пламенным и искренним поклонником таланта королевы. Излишне говорить о том, что он способствовал развитию у Кристины скептического взгляда на религию и на жизнь в целом.

При дворе королевы обитал также поэт Сен-Аман, которому ничего не стоило опошлить и облить грязью самое святое дело, и список подобных ему французов при дворе можно было бы продолжить. Кристине нравились их эпатажные выходки, выпады против Церкви, их пустая, но такая смелая болтовня на серьёзные темы и даже их «забавные» амурные или финансовые приключения. Об этом свидетельствуют хотя бы её легкомысленные попытки подарить известной своими амурными похождениями герцогине де Брежи целую шведскую провинцию или закупить эротическую или, попросту говоря, порнографическую литературу. Чтение такой литературы она не прекратила до самого момента обращения в католическую веру. Известно, к примеру, что как только в 1652 году скончался её неофициальный наставник Сальвиус, она немедленно послала в его дом курьера за книгой, в которой не только Моисей и Мухаммед, но даже Иисус Христос объявлялись мошенниками. Курьер вернулся с пустыми руками, поскольку Сальвиус перед смертью благоразумно распорядился сжечь книгу. После этого королева продолжила охотиться за ней по всей Европе. Так что обвинения Кристины в увлечении «запретными плодами» имеют под собой вполне веские основания.

Общение королевы Кристины с либертинцами привело к достаточно резким изменениям в её взглядах и поведении. Французский дворянин Филипп Бурдон де ла Саль, служивший при дворе Кристины в 1653 году, отмечал отсутствие у неё религиозного чувства, употребление фривольных выражений и наличие циничных оценок в отношении представителей Церкви. Другой современник королевы, кальвинист Сен-Морис, пишет, что Кристина во время проповедей вела себя неподобающим образом: стучала по скамейке веером и играла с собачками. Она полюбила картинки с изображениями обнажённых людей, выражала сомнение в Воплощении Сына Божия, никогда не упоминала Иисуса Христа по имени, а говорила только о Боге. «Эта сказка про Христа очень полезна для римской церкви» — тоже её фраза; она же утверждала, что не боится Бога, что религия — это иллюзия, что Моисей — обманщик и т. п.

Но лучше всех описал Кристину французский посол Пьер

Шану. Он опровергает бытующее в некоторых сочинениях мнение, что к моменту перехода в католическую веру Кристина пережила глубокий духовный кризис и вступила на новую стезю очищенной и убеждённой верующей. Католицизм ей нравился только потому, что он допускал с её стороны некоторый интеллектуальный скепсис, который строго осуждался лютеранской церковью. Ей была нужна индульгенция на вольномыслие, и она надеялась получить её в новой вере. Она отказывалась поступиться своими гуманистическими убеждениями и во многом полагалась на собственный разум, который позволял ей на свой лад толковать религиозные догмы.

Глава шестая
СОМНЕНИЯ В ВЕРЕ

…сказка про Христа очень полезна для римской церкви.

Кристина

К концу 1640-х годов целостная картина мира, полученная Кристиной в годы воспитания и учёбы, начинает рушиться. Слишком много было получено знаний, чтобы королева и впредь могла довольствоваться примитивными и противоречивыми объяснениями лютеранских догматиков. 1643–1648 годы для Кристины — время напряжённых и скрытых от посторонних глаз раздумий, поисков и переоценки ценностей. Несомненно, в лице королевы пропали гениальный конспиратор и актёр — ведь никому из окружающих, во всяком случае шведских придворных, и в голову не могло прийти, что она их обманывает, водит за нос, искусно притворяется и живёт своим внутренним миром, таким далёким от действительности.

Всё началось с религии. Однажды придворный проповедник нарисовал такую страшную картину Судного дня, который ждёт каждого человека после смерти, что на девятилетнюю Кристину напал страх: «…я поверила, что пришёл мой последний час. Я вообразила, что небеса и земля вот-вот обрушатся и погребут меня под своими обломками. Я горько заплакала, потому что думала, что мой конец уже близок».

Выйдя из церкви, принцесса обратилась с вопросом к своему учителю Ю. Маттиэ:

— О чём это он говорил? Почему вы ни разу мне не рассказали об этом страшном дне? Что мне делать теперь? Произойдёт это уже сегодня ночью?

Тот только улыбнулся и сказал:

— Ты попадёшь в рай, но чтобы попасть туда, нужно слушаться своего учителя. Молись Богу и прилежно трудись.

«Это побудило меня к размышлениям, которых я никогда не забуду и которые конечно же были необычными для моего возраста», — пишет далее Кристина.

История с Судным днём скоро повторилась. Она ещё раз услышала проповедь на ту же тему и снова впала от неё в удручающее состояние. И опять она обратилась к Маттиэ с вопросом, когда же ей ждать этого страшного Судного дня.

— Он наступит, наступит, — ответил учитель. — Ты не

должна беспокоиться. Одному Богу известно, когда он придёт, но к нему надо быть готовой.

Такой ответ её не успокоил, а скорее озадачил. Теперь недоверие распространилось и на самого учителя. Третий год он вдалбливал ей знания, но на поверку его сентенции оказались пустой болтовнёй. Однажды она всё-таки не вытерпела и спросила его:

— Скажите мне правду! Всё, что рассказывают о религии — ведь это только сказки, как о Судном дне?

Ю. Маттиэ был возмущён до глубины души и строго отчитал ученицу: о таком и думать было грешно, а не то что произносить вслух! И пригрозил принцессе розгами. И как же это на неё подействовало?

— Обещаю никогда больше не спрашивать об этом, — сказала она, глубоко оскорблённая, — но я не хочу розог, *и вы все об этом ещё пожалеете!*[47]

Наставник, адепт прогрессивного учения Я. Коменского, «успешно» загнал проблему внутрь, и спустя восемь лет сомнения проявились снова, только принцесса была теперь намного умнее — не только при выборе собеседника, но и по части формулирования самих вопросов. Как можно совместить церковные догмы с последними достижениями естественных наук? Верно ли, что Земля не является центром мироздания? Правда ли, что есть иные, более крупные миры и что человек — это всего лишь микроскопическое существо, проживающее в захолустной дыре на обочине необозримой и непостижимой для его ума Вселенной? И вообще: как Церковь может претендовать на истину в последней инстанции, если она представляет собой конгломерат разных спорящих между собой сект, утверждающих, что только одна из них представляет правильное учение? Если в лютеранской церкви Швеции нет единства, то, значит, она не может олицетворять истину. Что бы там ни говорили о других религиях, но лютеранская церковь не может быть истинной.

Свои, шведские, лютеране не в состоянии дискутировать с ней на эту тему, и она начинает исподволь выспрашивать иностранцев. С ними она чувствует себя увереннее, ибо её вопросы никакого удивления у них не вызывают. Благодаря этим беседам мы и знаем о внутреннем кризисе королевы Кристины.

Она приходит к выводу, что все утверждения церковников — это сплошная выдумка, обусловленная сугубо политическими соображениями, рассчитанными на то, чтобы держать несведущих людей в заблуждении. Она верит в Бога, но сомневается в христианском учении, особенно в части воплощения Сына Божьего, спасения, воскресения и других церковных догм. «Я не

верила в религию, в которой была воспитана… — напишет она потом в автобиографии. — Но когда я стала более взрослой, я создала для себя собственную религию в ожидании той, которую мне дал Ты (Бог. — *Б. Г.*) и к которой я по своей природе имела сильную склонность».

Кристина на первых порах знала о католицизме не очень много, но уже в девятилетием возрасте её воображение поразили три вещи, а именно: католицизм освобождал мирян от обязательного чтения Библии, поощрял безбрачие и учил верить в чистилище. Однажды у неё вырвалась такая фраза:

— О, как чудесна эта религия! Я бы хотела принадлежать к ней.

Наставник был рядом и за такие слова приказал высечь ученицу розгами, но тётя Катарина, которая взялась было за приведение приговора в исполнение, была вынуждена отступить, ибо принцесса не захотела ей подчиниться. Конечно, вряд ли можно говорить о том, что ещё с детских лет Кристина чувствовала влечение к иной вере. В данном случае важно отметить спонтанное и инстинктивное выражение девятилетним ребёнком своих истинных и глубинных чувств, что конечно же свидетельствует о том, что принцесса была неординарным ребёнком[48].

К моменту появления либертинцев при стокгольмском дворе королева Кристина уже успела самостоятельно сравнить учения Моисея и Магомета и прийти к выводу, что ни одна религия не может быть истинной. Потом она сравнила католическое, лютеранское и кальвинистское учения и выяснила, что ни одно из них её полностью не удовлетворяет. Как предполагает швед Курт Вейбуль, тогда Кристина попыталась создать свою собственную религию или веру, но и она не соответствовала вполне её чаяниям. Улофссон назвал эту веру христианским гуманизмом.

Тогда на помощь взрослой Кристине пришли иностранцы Жак Карпентье де Мариньи и Марк Дункан (де Серизан)[49], а скоро вслед за ними в Стокгольме появился новый французский посол Пьер Гектор Шану, с которым она поведёт долгие и доверительные беседы и снова, в который раз, попытается сопоставить различные религии. Вскоре выяснится, что всё или почти всё, чему её учили шведские лютеране, является ложью. Рассказы лютеран о католиках — это пасквиль, ничего не имеющий общего с действительностью. На самом деле, католики, в отличие от лютеран, сплочены, их вера едина и непоколебима. Это подтверждали и другие источники королевы. Да, католическая церковь поражена коррупцией и тоже находится в состоянии упадка, но её учение чисто и единообразно и является

логическим продолжением учения Христа.

Пока отношение королевы к католицизму чисто умозрительное, но семена сомнения посеяны и они скоро дадут всходы. «Её отрицательное отношение к католицизму постепенно уступало её интеллектуальному чувству объективности, — справедливо замечает Улофссон, — а под влиянием Шану она стала вникать в догмы и положения католической церкви».

Больше всего 44-летнего Шану в Кристине поразил культ добродетели, высокой морали и самосовершенствования. В центре её мировоззрения находился сверхчеловек-стоик. Вокруг неё толклись слабые люди — и мужчины, и женщины, и только она одна была уверена в себе, в своих силах и своих чувствах. Такой взгляд на саму себя, естественно, подпитывался сознанием своего высокого положения шведской монархини, ответственной только перед Богом. Королеве как будто было мало раздвоения на сексуальной почве, и она позаботилась о том, чтобы жизнь «одарила» её ещё одним — религиозным.

Теперь у неё начался разлад с Церковью. Каждый день она была вынуждена сдерживать свои эмоции и притворяться, что является правоверной лютеранкой, каждый день она должна была совершать обряды и выслушивать длиннейшие лютеранские проповеди какого-нибудь епископа Эрика Эмпорагриуса, большого зануды, которого она ненавидела всеми фибрами своей души.

Совершив внутреннюю эволюцию своих взглядов на Церковь, Кристина решила пока оставить всё как есть. Потом она возобновит свои искания и призовёт на помощь Рене Паскаля. А пока ни одна религия не показалась ей совершенной. Так какая разница, к какой принадлежать?

Терпение королевы по отношению к лютеранским догмам иногда иссякало, и внутреннее неприятие официальной шведской Церкви прорывалось наружу, как это произошло, к примеру, в 1647 году при защите синкретического памфлета Маттиэ или при обсуждении в риксдаге так называемой конкордатной формулы. За вмешательством королевы в споры по теологическим вопросам скрывались также серьёзные опасения, что Церковь станет слишком самостоятельной и независимой от государства. Недаром она выступала за то, чтобы в консистории, наравне с клиром, должности занимали и миряне и чтобы епископы не посвящали священников единолично и бесконтрольно. Если раньше в Швеции запрет на обучение в католических университетах существовал для всех, то при королеве Кристине он распространялся лишь на теологов. Она разрешила также принимать на частную службу лиц, исповедующих католицизм.

Выражение «чистое учение» королева предложила заменить на «истинное учение». Она поручила Ю. А. Сальвиусу выработать новый церковный устав, при котором президентом консистории должен был стать мирянин, но реализовать этот план на практике ей не удалось: в 1652 году Сальвиус умер, и дело застопорилось[50]. Она в который раз поступила вопреки воле «папы» Оксеншерны и добилась назначения на профессорские и факультетские должности Упсальского университета своих единомышленников. Королева чётко и однозначно осуждала непримиримость в вопросах религии и становилась на сторону своего учителя Маттиэ, проповедовавшего терпимость и нейтралитет.

Практически, пишет Улофссон, королева стала такой же синкретичкой, каким был её учитель. Синкретизм предполагал веротерпимость, и вот этот-то момент и стал тем мостиком, по которому королева переберётся потом на католический берег.

Существует мнение, что отвращение к лютеранству возникло у королевы Кристины из-за его грубого и плебейского характера, в то время как католицизм привлёк её изяществом и богатством форм, пышностью обрядов и предстал перед ней во всей своей красе — особенно после объяснений Пьера Шану и приехавшего в Стокгольм Рене Декарта. Возможно, это обстоятельство и сыграло какую-то роль в переходе её в католическую веру, но, как утверждает Стольпе, далеко не решающую. Ещё длительное время после внезапной смерти Декарта королева придерживалась скептического взгляда на обе религии, и её религиозная конверсия была обусловлена, как мы показали выше, совершенно иной причиной, а именно отвращением к институту брака.

Почву для разногласий среди историков по этому вопросу создала сама Кристина. В 1667 году она писала из Гамбурга, что Декарт читал ей лекции по математике и естественным наукам и «в высшей степени способствовал нашей славной конверсии». Мнение о влиянии Декарта на перемены, произошедшие с ней, королева высказала и в 1666 году в ответ на запрос французской Церкви разрешить перевезти останки Декарта из Стокгольма во Францию и проверить слухи о том, что Декарт перед смертью якобы высказывал еретические взгляды на жизнь. И Кристина специально прибегла к «гиперболическому» способу опровержения этих слухов. На самом деле, Декарт лишь косвенно помог ей совместить философский рационализм (или, проще говоря, науку) с догмами католицизма. Уже в другом месте, в записи своего лейб-медика Вуллениуса, Кристина совершенно определённо говорит о сомнительной ценности философии французского учёного.

Заочное знакомство со знаменитым французом началось в 1647 году при посредничестве Шану, старого друга Декарта. Как-то во время одной беседы с послом королева задала ему несколько «модных» тогда вопросов: что хуже — злоупотребить любовью или ненавистью? Шану послал вопрос Декарту и присовокупил к нему свои проблемы: что такое, собственно, любовь и достаточно ли естественного объяснения в любви к Богу? Шану знал, что эти вопросы представляли тогда для Кристины животрепещущий интерес, поскольку она в это время переживала романы с Эббой Спарре и Магнусом Делагарди.

Р. Декарт ответил на второй вопрос Шану. Он написал, что для любви к Богу достаточно естественного потенциала человека, но требуется ещё и милость Божья. Бог, по Декарту, — это Дух или Мыслящее Существо, а поскольку мы по своей сути имеем с ним сходство, то можем считать нашу душу эманацией (воплощением) его суверенного интеллекта.

Кристине ответ философа понравился, и Шану сообщил об этом Декарту. Учёный, по мнению королевы, был счастливейший человек в мире, и она ему завидовала. Кристина также просила передать Декарту, что она не одобряла его идею бесконечности мира, ибо та требовала выхода за рамки христианского учения. Королева полагала, что любить Бога можно было не обязательно в рамках церковных таинств. Она ещё не считала себя вольнодумкой или атеисткой и отнюдь не испытывала желания рвать с христианским учением. Мир должен был быть конечным, и новые представления Коперника и Галилея о нём её беспокоили — ведь тогда получается, что Человек, наивысший продукт творения Бога, является всего лишь жалкой песчинкой в Космосе. Ко всему этому Шану добавил ещё пару вопросов от королевы: должен ли праведный человек при выборе друзей следовать тайным, а значит, иррациональным движениям своего сердца и не поступает ли он неправильно, если заводит дружбу без учёта моральных и других ценностей?

Вышеизложенное подтверждает вывод о том, что религиозное перерождение королевы произошло не из каких-то глубоких духовных исканий, а из размышлений о том, как следовало сочетать религиозные убеждения с последними достижениями естественных наук.

Декарт отвечает, что мир не бесконечен *(infiny),* а неопределён *(indéfiny).* Дипломатичный ответ учёного обусловлен ожесточёнными нападками на него со стороны Церкви, а он не хотел портить с ней отношений. Практически он сказал королеве, что религия и естественные науки — вполне совместимые вещи, и таким образом спас Кристину от полного разрыва с Церковью.

Затем королева спрашивает учёного (пока через Шану), в чём заключается наивысшее благо для человека, и 20 ноября (1 декабря) 1647 года Декарт посылает ответ непосредственно ей. По его мнению, самое большое благо состоит в правильном использовании индивидуумом своей свободной воли. «Свободная воля является сама по себе благороднейшей вещью внутри нас, особенно когда она в некоторой степени делает нас похожими на Бога и, случается, освобождает нас от необходимости быть его созданиями». Декарт старается выглядеть хорошим католиком, но игнорирует один из главных грехов — гордыню. По его рассуждениям, человек — непокорное существо. Он, благодаря свободной воле, похож на самого Бога и тогда ему уже не подчиняется.

Конечно, с подобными рассуждениями Декарт неосознанно выпадал из христианства и выступал с чисто гуманистических позиций, но его слова проливались на душу королевы мягким бальзамом и полностью соответствовали её стоическому мировоззрению. Это было совсем не похоже на то, что говорили ей до сих пор шведские церковники, считавшие человека глубоко несвободным. Стоические взгляды Кристины никак не могли с этим примириться. Рене Декарт уничтожил моральный тупик, в который попала королева. Она восхитилась его философией и пригласила его в Швецию.

Учёный был вне себя от счастья. Он написал Кристине восторженное письмо, в котором благодарил королеву за приглашение. Он бросил свой уютный домик с садиком в Эгмовде (Северная Голландия), оставил свою ученицу и платоническую подругу жизни богемскую графиню Елизавету Пфальцскую, вынужденную после Тридцатилетней войны бежать из Чехии и скитаться по Европе в качестве эмигрантки, и уехал в Швецию.

В этот момент, летом 1649 года, Кристина была по уши занята приёмом в Стокгольме Николя де Флесселя, графа Брежи, и его супруги Шарлотты, племянницы знаменитого учёного Клода де Сомеза. Граф закончил свою миссию посла в Варшаве и на пути в Париж решил заехать в Стокгольм и взглянуть на шведскую королеву. Граф был высокого роста и обладал внешностью мужественного человека. Графиня, по замечанию современников, «законченная кокетка, жеманная и забавная особа», обладала «провокационно красивой внешностью». В их лице Кристина впервые увидела законченный продукт салонной культуры Парижа и была от них просто без ума. Скоро весь двор королевы «завертелся» вокруг супругов де Брежи. Кристина, как сообщает нам её придворный Юхан Экеблад, отказалась присутствовать на похоронах жены канцлера, чтобы ни на минуту

не оставлять французов без знаков внимания. В их честь она затеяла постановку грандиозного и дорогостоящего балета «Пойманный Купидон» на либретто известного шведского поэта Георга Шернъельма, но — ах! какая досада! — де Брежи не дождались представления и срочно уплыли во Францию. Они боялись, что с наступлением морозов Балтийское море покроется льдом.

И тут в такое «неудобное» время, в сентябре 1649 года, Декарт прибывает в Стокгольм, не подозревая, что королева Швеции к этому времени уже пресытилась учёными знаменитостями и переключилась на развлечения и что он всего лишь пополняет её научно-культурный «гербарий». В дорогом парике, в вышитых золотом перчатках и модных башмаках Декарт был скорее похож на пустого щёголя, нежели на серьёзного учёного. Во-первых, в борьбе с католическими ортодоксами ему хотелось заручиться поддержкой всесильного шведского монарха, во-вторых, попросить содействия в пользу своей прилежной ученицы Елизаветы Пфальцской, а в-третьих, ему хотелось воочию взглянуть на скандинавскую Минерву.

Кристина была занята «Пойманным Купидоном», а «пойманный в ловушку» учёный с мировым именем её интересовал мало, и она прямо с порога предложила Декарту принять участие в представлении. Учёный ответил вежливым, но твёрдым «нет».

Тогда королева предложила ему написать либретто. Дважды отказывать монарху было не принято, и Декарт скрепя сердце принялся за глупую и ненужную работу — сочинять стишки к балету «Триумф мира», прославлявшему Минерву Швеции за усердие и мудрость, проявленные при заключении Вестфальского мира.

Однако первое впечатление, сложившееся у учёного от шведской королевы, было вполне благоприятное: «Хвалебные слова, которыми, я слышал, осыпали Кристину, недостаточны, она заслуживает большего». Но уже с первых дней француз чувствует в Швеции дискомфорт: «Мысли людей замерзают здесь зимой, как вода». Странным было, однако, то, что при взаимной симпатии настоящий контакт между учёным и королевой произошёл лишь к концу года. Ни с того ни с сего Кристина предложила Декарту отпуск! Драгоценное время проходит, а серьёзных бесед с королевой как не было, так и нет. Ему приходят на память слова оставшейся в тёплой Голландии подруги о том, что королева Швеции нисколько не интересуется философией. Учёный смущён, растерян и находится в состоянии тревоги.

«Триумф мира» был показан 9 декабря. (Есть данные о том,

что Декарт написал и комедию, но её до сих пор не обнаружили.) Кроме балета он по просьбе королевы составил устав для шведской академии, но это не то, совсем не то, что он ожидал, и его не привлекает даже перспектива сделаться президентом академии. Единственное научное занятие Декарта в Швеции — снимать по просьбе Паскаля показания барометра.

Первая обстоятельная беседа между королевой и учёным произошла лишь в начале 1650 года. Всего же их было четыре или пять, и все они проходили в библиотеке королевы… в пять часов утра. Именно такое время для аудиенции любимого философа из Парижа выбрала королева Кристина! Чем она при этом руководствовалась, сказать трудно. Бедный учёный был вынужден вставать в три часа утра, чтобы успеть попасть во дворец. Библиотека плохо протапливалась, и Декарт постоянно зяб. Привыкшего к диете Декарта Кристина потчевала на своих обедах тяжёлыми мясными блюдами. На встречах присутствовал придворный историограф Фейнсхемиус, из-за чего обсуждение католической религии становилось невозможным.

После этих бесед французский учёный почувствовал явное разочарование. «Она чрезвычайно предана изучению литературы, но мне до сих пор не известно, занимается ли она философией, а потому мне трудно судить о её интересах, а также и о том, собирается ли она назначить время для этого… Но, несмотря на всё это и на огромное уважение, которое я испытываю к Её Величеству, я не думаю, что что-нибудь меня может задержать в этой стране до следующего лета…»

По воспоминаниям Кристины, во время бесед с ней Декарт пытался интерпретировать некоторые свои философские труды, но наибольший интерес она проявила к его геометрическим способам доказательства существования Бога и демонстрации разницы между душой и телом. Королева была культурной и образованной женщиной, оправдывает поведение Кристины Стольпе, но ждать от неё глубокого интереса к философии или к обсуждению её принципов и законов было бы напрасно, и она не виновата в том, что разочаровала Декарта. К тому же королева в это время по горло была занята более важной для неё проблемой, связанной с назначением наследника, о чём мы поговорим позже. Возможно, но всё-таки это был Декарт, а не какой-нибудь «хлюст» из Парижа! И пригласила его сама королева! Д. Мэссон, вероятно, ближе к истине, объясняя равнодушие королевы к знаменитому учёному тем, что Кристина не могла примириться, что Декарт оказался умнее и выше её во всех отношениях, и она не захотела показывать ему (а главное, Европе!), что в чём-то уступает философу. Она в это время находилась на пике своей мнимой

славы миротворицы Европы.

В любом случае она могла вести себя более вежливо.

Двадцать второго января (2 февраля) бедный Декарт заболел воспалением лёгких, а девять дней спустя его уже не стало. Недосыпания, вредная пища, полное разочарование в королеве, нетопленые помещения, непривычная для нежного парижанина шведская стужа сделали своё дело. Неожиданная и драматичная смерть великого французского учёного дала повод для мрачных шуток о том, что в этом и состоял весь вклад Швеции в развитие мировой философии.

Кристина чувствовала себя виноватой в смерти философа, но скорбь её была вряд ли искренней. «Его смерть удручает меня, — писала она, — она навсегда наполнила меня оправданным, но бесполезным сожалением». И всё.

Повлияли ли разговоры учёного с королевой на её последующий переход в католическую веру? Напрямую вряд ли, потому что вопросы религии собеседники ни разу не обсуждали. Главное, что Кристина узнала от Декарта, это то, что религия была вполне совместима с разумом. В остальном великий математик и философ мало интересовал королеву.

Он уже не мыслил, следовательно, перестал существовать. Кристина даже слегка подсмеивалась над ним за то, что он занимался вопросом продления человеческой жизни.

К этому времени королева на самом деле устала от всего: от политики, от управления страной, от министров, от учёных и придворных. Особенно от министров. «Как только я вижу этих людей, — признавалась она Карлу Густаву, — мне кажется, что передо мной является сам дьявол. Полагаю, чтобы освободить свой ум от политики, лучше всего пытаться общаться с учёными»[51]. То же самое она говорила П. Шану: «Напрасно я встаю рано утром и поздно укладываюсь спать — всё равно ничего не добиваюсь. Для себя не остаётся ни минуты. Государственные дела занимают всё моё время и надоели мне до смерти. Когда, о Боже, мне удастся отделаться от всех этих надоедливых секретарей?»

Глава седьмая
ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА

На людей можно только тогда надеяться, когда в игре и у них есть собственный интерес.

Кристина

Вопрос о замужестве королевы муссировался всеми заинтересованными и незаинтересованными лицами. В первую очередь на замужестве настаивали государственные советники. Когда Карл Густав ещё считался женихом Кристины, то королева отделывалась обещаниями выйти за него замуж. Но когда всем стало ясно, что жених получил «от ворот поворот», отговорки более не годились. Время между тем шло, а признаков приближения королевы к своей свадьбе с Карлом Густавом или с каким-либо другим принцем не было.

В 1647 году, когда представители сословий снова поставили вопрос о замужестве Кристины, она ответила, что ей нужно ещё раз хорошенько подумать. «Однако Е. К. В. были склонны в этом случае для сохранения отечества предложить некоторые средства», — констатирует протокол риксдага. Какие средства имела в виду Кристина, о том депутаты риксдага, конечно, пока не догадывались. И сам Карл Густав, и остальные всё ещё надеялись, что брак всё-таки состоится.

Время шло, а королева всё думала и думала.

Сначала нужно было дать стране наследника. Единственным высокородным князем в Швеции, который мог бы претендовать на шведский трон, был её кузен Карл Густав. Королева не раз в самых лестных выражениях высказывалась о его способностях и личных качествах. Но ей, в довольно обидных словах отказавшейся от его предложения, не так-то просто было теперь обещать ему корону. Отчаянный бабник и успешный военачальник, Карл Густав оказался беспомощным и робким перед своей кузиной. К тому же у пфальцской семьи в Швеции было не так уж много сторонников.

Первым на Карла Густава как наследника трона указал дядя королевы, риксадмирал К. К. Юлленъельм. Ещё в 1646 году, сразу после расстройства брака Кристины с Карлом Густавом, он предложил ей, в случае своей бездетности или нежелания выходить замуж, обратить внимание на пфальцское семейство. (Такую возможность, кстати, предусматривал в своё время и отец

Кристины, когда у него ещё не было наследников.) Но как убедить в этом правительство и парламент? Как можно было при молодой и успешно действующей королеве определить наследником шведского трона иностранца?

Новое назначение представителя пфальцского семейства сначала пришлось не по вкусу не только клану Оксеншернов, но и шведской аристократии вообще. У всех на слуху было грозное слово «редукция»[52], приверженцем которой они считали Карла Густава. Ян Казимир, король Польши, потомок рода Васа[53], тоже до глубины души был возмущён тем, что шведский престол предназначался какому-то немецкому пфальцграфу!

Поляки угрожали шведам войной, и только вмешательство Франции заставило конфликтующие стороны сесть за стол переговоров. Мирная конференция началась весной 1651 года в Любеке, Швецию на ней представлял А. Сальвиус, а П. Шану выступал в роли посредника. Поляки были настроены решительно и категорически отказывались называть Кристину королевой Швеции. Первый раунд переговоров закончился ничем, то же самое произошло и на следующий год. Дело шло к войне, и к такому повороту событий Швеция была не готова. Кристина, отчаявшись достигнуть каких-либо результатов на дипломатическом поле, произнесла пророческие слова о том, что урегулирование отношений с Польшей, скорее всего, станет делом её наследника, то есть Карла Густава: «Он приобрёл опыт на полях сражений, а не в кабинете».

Напугало Кристину и развитие событий в Неаполе (восстание против испанского ига), во Франции (Фронда) и особенно в Англии. Казнь Карла I (30 января 1649 года) шокировала всю Европу, но больше всего её монархов. Английские бунтовщики посягнули на самое святое — на жизнь короля! Естественно, Кристина испытывала самые искренние симпатии к изгнанному из страны Карлу II и даже обнадёживала его военной помощью. Однако внешнеполитические соображения оказались сильнее её «братских» чувств. «Сила обстоятельств делает вашу беду непоправимой, — написала она Карлу II в Голландию, — и я испытываю большое горе из-за того, что не могу как-то помочь вам… к моему глубокому сожалению, я не могу пойти навстречу вашей просьбе, не нанеся при этом ущерба собственной стране; её интересы и благополучие должны быть первой моей заботой…» И скоро Швеции пришлось признать режим Оливера Кромвеля и принять в Стокгольме его посла В. Уайтлока.

О наследнике нужно было думать в любом случае. 27 июля 1647 года произошло событие, заставившее Кристину ускорить решение этого вопроса. Во время службы в королевской часовне

Стокгольмского дворца на неё было совершено покушение. Некто Пресбеккиус, приблизившись к возвышению, на котором сидела королева, неожиданно бросился на неё с ножом. Если бы присутствовавший на службе Пер Брахе не заметил этого броска и вовремя не подал бы сигнал капитану гвардии, то дело могло бы закончиться трагично. Схваченного Пресбеккиуса допросили, но он начал «молоть такую чепуху», что всем стало понятно, что он психически болен.

Другой инцидент случился в начале 1648 года, когда в покоях придворного персонала дворца случился пожар. Кристина первая заметила дым и оставалась в своих апартаментах до тех пор, пока пожар не был потушен. Смерть, оказывается, ходила рядом.

Кристина принялась за укрепление авторитета Карла Густава. Она преодолела сопротивление правительства и риксдага и в 1648 году назначила его главнокомандующим шведской армией в Германии и дала чин фельдмаршала. Победа, однако, досталась нелегко: Госсовет и сословия согласились с её предложением, но при условии, что она рано или поздно выйдет за него замуж. Королева была вынуждена это условие принять, но самому претенденту без всяких обиняков заявила, что её согласие на брак с ним было всего лишь тактической уловкой, и попросила его продолжать играть роль жениха. Сам Макиавелли мог бы позавидовать коварству и ловкости шведской Минервы.

Перед отъездом в Германию Карл Густав имел с королевой длительную беседу, в которой приняли участие М. Г. Делагарди и Ю. Маттиэ. Она снова повторила, что выходить замуж не собирается, но если уж решится пойти под венец, то только с кузеном. В принципе она будет работать над тем, чтобы передать ему шведский трон без замужества. Если Государственный совет и риксдаг воспротивятся этому… что ж, тогда она будет вынуждена пойти на крайность и отдать ему трон вместе с рукой и сердцем.

В 1649 году риксдаг опять приступил к ней с напоминанием о том, что пришла пора выполнить своё обещание. И тогда Кристина предприняла ещё один дерзкий шаг: она заявила о согласии выйти замуж за Карла Густава, но сначала он должен быть признан её преемником. Она мотивировала свой шаг тем, что могла, к примеру, неожиданно покинуть сей бренный мир и оставить страну без наследника. В Госсовете, естественно, нашлись противники этого варианта. В частности, Я. Делагарди высказал такое возражение: а что если Карл Густав не захочет жениться и оставит шведский трон снова без наследников или Кристина вдруг захочет выйти замуж за другого принца? Как тогда быть с официальным наследником Карлом Густавом?

Ситуация, по его мнению, вообще станет совершенно неуправляемой и запутанной, если у Карла Густава появятся дети от брака с другой женщиной или если он откажется от трона в пользу своего брата или сестры. Получится, что какой-то иностранец будет держать в напряжении всё королевство Швеции.

Возникла жаркая дискуссия, в ходе которой королеве стало очевидно, что за бесспорными аргументами Делагарди скрывалось давнее желание аристократии ввести в Швеции олигархическое правление на манер Речи Посполитой. И она открыла свои карты, сделав, по сути, следующее историческое заявление: «Я недвусмысленно заявляю, что брак для меня невозможен. Так обстоит дело. Я усердно молила Богу, чтобы он наставил меня на путь истинный, но всё было напрасно». И она повторила предложение назначить Карла Густава наследником шведского трона, но уже без всяких условий.

Дебаты в правительстве продолжились. 28 февраля (11 марта) королева выступила и сказала, что нельзя допустить развитие событий до раскола в стране и тогда короля придётся выбирать, как это было уже однажды в прошлом. К тому же выбор наследника сейчас никоим образом не воспрепятствует её браку с ним, а скорее наоборот, будет ему способствовать.

Это, конечно, была грубая ложь, но теперь все средства для Кристины были хороши. Впрочем, она тут же оговорилась: «Но никто не заставит меня выйти замуж — ни на небесах, ни на земле». Выборы наследника, добавила она, откладывать не следует: «Мы не должны принимать во внимание моё высокое положение или мои собственные интересы, так же как не должны думать о пользе Карла, нашим высшим законом должна быть только безопасность отечества». Здесь она, очевидно, говорила вполне искренно. Закончила она свою речь следующими словами: «Позаботьтесь принять решение здесь и сейчас, чтобы не сожалеть об этом в будущем; решайте категорично и основательно, так чтобы можно было предстать с чистой совестью и перед Богом, и перед потомками, и не примешивайте сюда другие дела, как вопрос о замужестве; о нём вы получите от меня подробный отчёт после коронации».

Речь, произнесённая по всем правилам риторического искусства, на дворян впечатления не произвела. С места поднялся генерал Л. Торстенссон и стал говорить, что если Кристина не выйдет замуж за Карла Густава, то испортит тем самым его жизнь и карьеру. Королева спокойно возразила, что не верит тому, что мужчина любит в жизни только один раз. К тому же, добавила она с ироничной улыбкой на устах, шведская «корона тоже очень красивая девушка, а когда он станет моим наследником, то может

жениться на короне».

Но аристократия не собиралась сдаваться и настаивала на своём: королева должна выйти замуж. В существовании двух не связанных никакими узами или обязательствами правителей аристократы видели большую опасность — возникновение двух монархий. Ведь Карл Густав, в том случае если Кристина отказывалась взять его в мужья, мог жениться по своему усмотрению на другой женщине и иметь от неё детей, которые бы тоже претендовали на шведскую корону. Такого, по их мнению, допустить было никак нельзя. (Забегая вперёд скажем, что Карл Густав был настолько предан Кристине, что в его голове никогда такие планы не возникали. Вероятно, в этом была уверена и королева.)

Возможно, вопрос о наследнике ещё долго не вышел бы из тупика, если бы Швецию не охватил кризис. В 1649 году отношения крестьян с дворянством обострились настолько, что в стране вот-вот могло вспыхнуть восстание. Ко всему прочему в стране случился очередной неурожай. Власти предержащие в Стокгольме в смятении умов следили за тем, как крестьянские волнения охватывали одну страну за другой — Англию, Францию, Голландию, Неаполь, Россию, Польшу — и оставляли после себя горы трупов, сожжённые города и сёла, толпы беженцев и голодающих.

Шведских крестьян повсеместно поддерживали местные священники. «Какую славу и почёт может иметь подчинение Вашему Величеству иностранных государств, если ими владеют лишь немногие? — спрашивали они королеву Кристину. — Что мы добились за границей, если мы дома потеряли свободу?» Дело принимало опасный для аристократов оборот, и канцлер Оксеншерна забил тревогу: если не остановить «подлые» сословия, то полетят многие дворянские головы. И Кристина решила воспользоваться недовольством крестьян для достижения своей цели.

На риксдаге 1650 года все ждали наихудшего, и только королева Кристина пребывала в великолепном настроении и была полна оптимизма. Вопрос о престолонаследии она считала решённым, потому что клир и крестьянство согласились поддержать её в этом вопросе и единым фронтом выступить против дворянства. Нужно было только подать им хоть какую-нибудь надежду на улучшение их положения. И королева их надежд не обманула, потребовав от риксдага ограничить некоторые дворянские привилегии. Потом, при коронации, можно будет окончательно утрясти все эти вопросы, а теперь нужно было действовать, и действовать быстро и решительно. В результате

представители всех трёх «неблагородных» сословий дружно выступили в поддержку династийного плана королевы и потребовали начать подготовку к редукции дворянских имений. Этого дворяне боялись больше всего.

К августу обстановка накалилась до предела, и всё указывало на то, что взрыв в стране неминуем. Радикализм низов сильно озадачил и обеспокоил королеву. Изъятие земель из частного владения и возвращение их в государственную казну сулили мало чего хорошего. Поступками крестьян, купцов и городской буржуазии в основном руководили не интересы страны и справедливость, а обычная зависть к чужому богатству. Такое развитие событий грозило хаосом, гражданской войной и полным экономическим коллапсом.

Канцлер требовал от королевы применить силу. Кристина поняла, что зашла слишком далеко в своей поддержке требований крестьян, и стала демонстративно оказывать поддержку дворянам. По приказу правительства в залив Стрёммен[54] вошёл шведский флот.

«Неблагородное» большинство в риксдаге форсировало подготовку закона о редукции и обратилось к Кристине с прямым требованием начать её немедленное осуществление. Но королева пошла на попятную. Не покраснев от стыда, она ответила решительным «нет». Одновременно она обратилась к епископам с требованием исключить радикальные требования крестьян из проповедей местных священников и начать постепенное их умиротворение. Она собрала представителей всех трёх бунтующих сословий и заявила им, что в настоящее время редукцию проводить нецелесообразно, ибо это вызовет сопротивление дворянства. Вместо редукции королева пообещала провести ряд других мер, облегчающих положение крестьян.

Можно было представить, какими дураками почувствовали себя после этого крестьяне, священнослужители, купцы и ремесленники! Совсем недавно королева обещала им всемерную поддержку, а теперь как ни в чём не бывало сделала вид, что ничего подобного не было! Это был цинизм высшей пробы, и разделить эту «честь» от нечестной игры наряду с королевой должен был Ю. А. Сальвиус. Это он искусно дирижировал действиями Кристины из-за кулис, и вся комбинация с престолонаследием была делом его рук. Напугав дворян до смерти редукцией и успешно отведя угрозу её осуществления, Кристина могла теперь требовать от высшего сословия чего угодно.

Дворянство дрогнуло, его беднейшие представители поддержали королеву, и Госсовет был вынужден капитулировать.

Кристина немедленно направила гофканцлера Нильса Тунгеля к канцлеру, чтобы тот поставил свою подпись под заявлением о назначении наследником Карла Густава. «Когда его высокопревосходительство принял меня, — рассказывал потом Тунгель, — он был мрачнее тучи и сказал: „Лучше бы я об этом деле ничего не знал, лучше бы меня не было на месте…“». В другой раз канцлер сказал ещё определённее: «Я, признаюсь, серьёзно думал, что если бы в этот момент передо мной открылась могила и я должен был бы выбирать между ней и подписью под документом о престолонаследии, то чёрт меня побери, если бы я не выбрал могилу».

Но подпись канцлер всё-таки поставил. Это был уже не тот Оксеншерна, которого все привыкли видеть: в последнее время он сильно сдал, ослаб и с трудом говорил. Но мозг его всё ещё продолжал работать, и разум канцлера не был замутнён, о чём свидетельствуют его пророческие слова: «Те, что помоложе меня, однажды ещё осознают последствия этого шага». Увидеть их самому ему уже не придётся. Он умрёт 28 августа 1654 года.

Королева одержала ещё одну убедительную победу над Оксеншерной, над всем Государственным советом и риксдагом. Сам Карл Густав, получивший известие о том, что он стал преемником шведской королевы, в Нюрнберге, чуть не умер от изумления. Его первой реакцией было немедленно отказаться от этой чести, и понадобилось вмешательство близких, чтобы отговорить его от этого шага. Тем не менее никакого ответа на сообщение из Стокгольма он не дал и отложил решение вопроса до своего возвращения в Швецию.

Его адъютант авантюрист К. К. Шлиппенбах тут же придумал план и довёл его до сведения своего патрона: Карл Густав с помощью армии совершает переворот в стране и делит пока власть между собой и Кристиной, а потом — с её помощью или без — надевает корону себе на голову. Сбывались опасения Я. Делагарди. В Госсовете зашевелились, но Кристина всех успокоила и заявила, что в любом случае она будет заботиться только о сохранности государства и никто в мире не заставит её думать и делать иначе.

Ей снова поверили, потому что ничего другого не оставалось.

Казалось, проблема получила, наконец, разрешение и беспокоиться больше не о чем. Но это казалось только на первый взгляд. Проблема была решена наполовину, ибо Карл Густав мог получить доступ к трону после того, как Кристина умрёт, не оставив после себя наследников. А она, как известно, умирать пока не собиралась, и кто знает этих женщин — вдруг королеве придёт в голову мысль выйти за кого-нибудь замуж? Так что

положение кузена Карла было не очень прочное и даже весьма щекотливое.

Так, жалуясь на свою судьбу, пощипывая женщин за мягкие места, попивая вино и заедая его бараньими окороками, пфальцграф стал законным претендентом на шведский трон[55]. Кристине оставалось перейти ещё одну черту — отречься от престола.

Двадцать восьмого сентября (9 октября) 1650 года Карл Густав в сопровождении генералитета и войска торжественно вступил в столицу. На этот случай по распоряжению королевы была построена специальная Триумфальная арка. В двух километрах к югу от города наследника встретили члены Государственного совета и дворяне. Наследник вышел из своего обитого сукном экипажа и пересел в карету Акселя Оксеншерны, демонстрируя тем самым конец старой вражде. В Сёдермальме Карла Густава ждали представители клира и именитых буржуа. Магазины, как в праздники, были закрыты, празднично одетый народ стоял на улицах и выглядывал из окон, в то время как со стороны дворца и Стрёммена один за другим раздавались орудийные залпы. Центр города окутал пороховой дым.

Девятого (20) октября риксдаг признал Карла Густава наследным принцем. Это означало теперь, что и его дети обладали правом на шведскую корону. Но принц не радовался. Что из того, что он стал наследником? Дождётся ли он того времени, когда освободится трон? Сколько придётся ждать: 20, 30 или 40 лет, пока молодая королева умрёт естественной смертью? Да он сам к тому времени отдаст Богу душу!

Между тем королева решила приручить кузена. Когда король Англии Карл I пожелал вознаградить Карла Густава за заслуги в Тридцатилетней войне и в достижении Вестфальского мира орденом Подвязки, Кристина ответила отказом: «Мне не нравится, когда чужой господин ставит клеймо на моих овцах». Поскольку Карл Густав уже успел проявить свои способности и на полях сражений, и на дипломатическом поприще, также легко владел пером, обладал живым умом, богатым воображением и великолепными организаторскими способностями, энергия его била через край, то она сделала его своим «маленьким бургомистром» — рабочей лошадкой в роли карманного канцлера. Правой рукой королевы в Госсовете были Магнус Делагарди и Сальвиус, а Карл Густав должен был писать ей всякие памятные записки, исследовать вопросы, вступать в сношения с нужными людьми, приходить к ней на доклады, советоваться и писать новые документы. Нужно ли это было ему? Вряд ли. Его тщеславие было выше всего этого. И тогда он

отправился в добровольную ссылку, останавливаясь то в мрачном замке Грипсхольм, то обрекая себя на уединение в стенах старинного замка на острове Эланд.

А королева устала не только от министров, но и вообще от жизни. И устала она не только психологически, но и физически. Она с трудом справлялась со своими обязанностями, по-прежнему не подавая и виду, что творилось у неё внутри. В конце мая 1650 года, навестив мать в Нючёпинге, Кристина вернулась в Стокгольм более-менее здоровой и занялась подготовкой к своей коронации. Это случилось 17 (28) октября 1650 года. Пока шла подготовка к торжественной церемонии, Кристина поселилась в пригороде столицы Якобсдале (ныне Ульриксдаль) в доме Я. Делагарди.

Согласно разработанному церемониалу коронацию открывал торжественный въезд королевы в столицу с участием «всего народа». Кортеж должен был пройти по улицам столицы и подойти к королевскому дворцу через три деревянные арки, выстроенные на деньги купцов и дворян. Арки были обиты позолоченным полотном, имитирующим каменную кладку. Самая большая арка обошлась в 16 тысяч риксдалеров. С залива Стрёммен процессию приветствовали выстроившиеся в парадном порядке 40 военных кораблей. Процессия растянулась на несколько километров: в то время как её голова достигла дворца, хвост ещё извивался в Якобсдале. При выходе королевы из кареты с кораблей и близлежащих батарей раздались первые залпы салюта — всего было сделано 1800 выстрелов. Потом для участников церемонии накрыли столы, а вечером над городом взвились огни праздничного фейерверка. Два последующих дня были посвящены подготовке собственно коронации, которая состоялась 20 (31) октября.

Это был яркий солнечный осенний день. К одиннадцати часам утра все участники церемонии собрались во дворце. Ослепшего Я. Делагарди вели под руки поводыри. Внесли королевские регалии: главный казначей страны нёс золотые ключи, канцлер Оксеншерна — шар, риксадмирал Г. Хорн, занявший место скончавшегося К. К. Юлленъельма, — скипетр, а риксдротс Пер Брахе — корону. Кристина, одетая в пурпурное бархатное платье, сверху которого была накинута малиновая, вышитая золотом, бархатная мантия, прибыла в карете. За ней шёл фаворит граф Магнус и нёс королевское знамя. Следом шествовали наследник трона в горностаевом кафтане, вдовствующая королева, Юхан Казимир, ландграф Фредрик (Фридрих) Гессенский[56] и придворные дамы.

С проповедью перед участниками церемонии выступил Ю.

Маттиэ. Во время коронации между вернувшимися из Германии военачальниками и членами Государственного совета произошёл спор за места в торжественной процессии. Генералы Врангель, Кёнигсмарк и Хорн считали себя намного важнее всех «штатских штафирок» и иностранных дипломатов и хотели идти впереди них. Дело уладили компромиссом: Шану предложил дипломатам в процессии не участвовать, а наблюдать за ней с трибуны.

После совершения обряда помазания начались торжества и застолье.

В то время как представители власти и высшей аристократии сидели за праздничным обедом во дворце, на площади перед дворцом было устроено традиционное угощение для простого народа: зажаренный на вертеле бык и бочки с вином. Вечером, естественно, опять фейерверк. В последующие два дня праздник продолжился по тому же сценарию.

На третий день, как когда-то в римском Колизее, устроили цирк. В представлении участвовали звери: привезённый из Праги лев, местный бык, лошадь, медведь и телёнок. Мнимая любовь к животным обернулась жестоким кровавым зрелищем, хищники мяли и рвали травоядных, а публика неистовствовала.

На пятый день торжества были перенесены в апартаменты Карла Густава, на девятый — во дворец Виттенберга, где ещё раз устроили трёхчасовой фейерверк, изображавший дворец. На четырнадцатый день всех гостей пригласил к себе М. Г. Делагарди, показавший представление с животными, повозками и «движущимися горами», с кавалеристами, переодетыми в амазонок, и т. п. На семнадцатый день торжество продолжилось во дворце у Г. А. Левенхаупта, на девятнадцатый день королева устроила прощальный обед для представителей парламента, а на двадцать третий день гости поехали к риксшталмейстеру Вахтмейстеру. Потом праздник с травлей зверей устроила королева, после этого гуляли у фельдмаршала Торстенссона, у де Геера, а затем наступил день рождения Кристины, и празднество получило новый импульс. Карл Густав опять пригласил всех гостей к себе и удивил их внутренним убранством дворца: потолки были украшены еловыми ветками, с которых свисали лимоны, померанцы, апельсины, яблоки и другие фрукты. День рождения отмечали весь день и всю ночь, и именинница вернулась в свой дворец только под утро следующего дня.

С таким размахом коронация шведского монарха праздновалась, кажется, первый и последний раз. Потомки Кристины предпочитали тратить деньги на войны. Обращает на себя внимание тот факт, что среди вельмож, устраивавших праздники по случаю коронации и дня рождения королевы,

отсутствовало имя канцлера. Либо «папа» Аксель пожалел выбрасывать денежки на фейерверки, либо был на королеву обижен. Скорее всего, тут присутствовали обе причины.

Нам не дано знать, какие чувства испытывала Кристина, принимая миропомазание из рук лютеранского архиепископа, но вполне уверенно можем утверждать, что укоры совести её в это время не посещали. Нужно было, конечно, обладать огромной волей и лицемерием, чтобы выдержать это испытание. В акте коронации символически прослеживались и богоизбранность монарха, и надежды подданных, вверявших ему свои судьбы, но никому из участников этой церемонии и присниться не могло, что королева Швеции своими помыслами уже была далеко от своего королевства.

После всех праздников и торжеств психическое и физическое состояние королевы только ухудшилось. Кризис затянулся более чем на год. Биограф Кристины XIX века В. Х. Грауэрт пишет: «Все функции её организма были нарушены: у неё пропали аппетит и сон, она была истощена и часто падала в обморок, у неё случались судороги и приступы боли внизу живота, её кровь была перегрета и отяжелена; спорадические и сильные приступы жара делали её состояние здоровья весьма серьёзным». Добавим, что королева постоянно страдала ещё и от фурункулёза.

После коронации, несмотря на плохое самочувствие, Кристина приняла приглашение адмирала Флеминга поучаствовать в инспектировании флота. В гавани ей пришлось по узкой доске перебираться с одного корабля на другой. Как-то раз адмирал Флеминг, весивший намного больше августейшей особы, тоже ступил на доску, в результате чего доска задралась вверх, и адмирал, теряя равновесие и пытаясь найти точку опоры, схватился за королеву и рухнул вместе с ней в воду. Если бы не адъютант Кристины Антон Стейнберг, то, по всей видимости, Кристина бы утонула — плавать она не умела. Адъютант не растерялся, прыгнул в воду, вытолкнул королеву на поверхность и вместе с ней подплыл к спасительному борту какой-то лодки. Адмирала тоже спасли. Кристину подняли на борт судна, она отряхнулась, рассмеялась и поехала как ни в чём не бывало домой. Скоро Стейнберг получил титул графа и вошёл в узкий круг приближённых королевы.

Глава восьмая
ВАТИКАН НАНОСИТ УДАР

Стремление к истине — единственное занятие, достойное героя.

Джордано Бруно

Контрреформация, проводимая австрийскими и испанскими Габсбургами в начале XVII века и спровоцировавшая Тридцатилетнюю войну, продолжалась и после Вестфальского мира, но уже в скрытых и менее одиозных формах. Главный удар католики всегда направляли на протестантских князей и курфюрстов. Удастся склонить к перемене веры князя, курфюрста или короля — значительно легче будет привести к католическому знаменателю и его подданных. Эта политика тем более была надёжна, что у многих европейских потентатов религия не имела глубоких корней и использовалась ими в основном для достижения политических целей. И, нужно признать, Ватикан и его автономно действующие ордены добивались в своей миссионерской «работе» впечатляющих результатов. Список обращённых в католичество одних только немецких князей, графов и герцогов насчитывал к середине описываемого столетия несколько десятков фамилий.

Самыми коварными и успешно действующими в этом направлении являлись иезуиты. Методика воздействия и тактика подхода к нужным лицам у них были тщательно разработаны, они располагали необходимыми суммами денег, а их деятельность в Европе и вообще в мире координировалась единым центральным органом и проходила в глубоко законспирированных формах. Практически орден иезуитов действовал по принципам современной солидно и профессионально подготовленной разведывательной службы.

Кроме иезуитов были ещё так называемая «Пропаганда» (Конгрегация пропаганды веры) — тоже спецслужба Ватикана, ордены доминиканцев, францисканцев, капуцинов и августинцев. Во главе каждого ордена стоял генерал, подотчётный лишь римскому папе. И все они бесшумно, можно сказать, со вкусом и с большим размахом творили своё тайное дело.

Особое внимание католические миссионеры издавна уделяли выскользнувшим из лона римской церкви странам Скандинавии. Проникали они, несмотря на грозившую им там смертельную

опасность, и в Швецию. Чаще всего иезуитские резиденты действовали под дипломатическим прикрытием. В своём распоряжении резидент-иезуит имел обычно одного или двух помощников и при необходимости мог рассчитывать на содействие самого посла и других «чистых» сотрудников диппредставительства. Для связи с Центром в Ватикане, Мадриде или с региональным центром во Фландрии использовались курьеры, разъезжавшие по Европе под видом путешественников, купцов, паломников, монахов или лиц свободной профессии и доставлявшие зашифрованные отчёты и послания.

…Пока Кристина развлекалась с французскими либертинцами, ставила балеты, устраивала балы, влюблялась, отказывала своему жениху и вела его к трону, размышляла о вере, боролась с министрами и риксдагом, рядом с ней в Стокгольме глубоко законспирированные агенты «Пропаганды» приступили, выражаясь современным разведывательным языком, к её разработке.

Всё началось с приезда в Стокгольм посла Франции Пьера Шану в первые дни января 1646 года. Шану написал письмо резиденту французского короля в Риме Геффье с просьбой разрешить ему нанять в качестве проповедника и исповедующего священника августинца Жака Франсуа Виоге. На этот счёт в тот же день он отправил другое письмо — генералу ордена августинцев. Уже известный нам либертинец Мариньи предлагал Шану нанять в проповедники посольства иезуита, но посол от этого предложения отказался, зная, что иезуиты не нравились королеве Кристине. Королева справедливо полагала, что иезуиты способны лишь на интриги или на то, чтобы совращать её подданных в свою веру. А, кроме того, скрыть иезуита в посольстве было достаточно трудно.

Вопрос о найме Виоге затянулся до лета, и Шану, жаловавшийся на то, как трудно сохранить истинную — разумеется, католическую — веру в стране, в которой нет единоверцев, прибегал пока к услугам португальского посланника Жозе Мануэля Пинто Перейры, исповедуясь и причащаясь у его священника. Португальский посланник уже заручился разрешением королевы совершать в своём доме католическое богослужение в течение трёх лет.

Наконец в июле 1646 года в Стокгольме с титулом апостольского миссионера в северных странах появился августинец патер Виоге. Никто, кроме Шану, не знал, что Виоге прибыл в Швецию с секретным заданием «Пропаганды» вступить в контакт с королевой Кристиной и оказать на неё соответствующее влияние. Перед отъездом из Рима Конгрегация пропаганды веры

отслужила несколько специальных месс о конверсии Кристины в католичество. Стрелу из колчана извлекли, тугой лук натянули, и тетива напряжённо зазвенела. Генералу «Пропаганды» показалось, что Виоге одному будет трудно справиться с заданием, и он решил послать ему в помощь, под протекцией французской дипломатии, пару законспирированных доминиканцев. Предусмотрительный и методичный Шану испугался и написал своему министру иностранных дел письмо с просьбой предотвратить приезд доминиканцев в Стокгольм. По его мнению, это было преждевременно и могло повредить интересам Франции.

Министр иностранных дел Франции связался со своим резидентом в Риме Геффье, и тот остановил выезд новых агентов «Пропаганды». Пьер Шану с облегчением перевёл дух и выразил римскому резиденту искреннюю благодарность. Описывая внутреннее положение шведской лютеранской церкви, посол Шану написал Геффье, что в языческой Швеции «есть только одна душа, тайно исповедующая истинную веру»[57].

П. Шану снабдил миссионера необходимыми для его «работы» сведениями и адресами, и Виоге приступил к выполнению задания. Сам посол тоже не устранился от миссионерской работы и был готов вместе с патером Виоге поучаствовать в идеологической обработке Кристины и шведских дворян[58]. Он помогал также посольскому священнику поддерживать надёжную и быструю связь с «Пропагандой» в Риме. Одновременно с организацией миссии Виоге Ватикан вынашивал планы связать шведскую королеву браком с каким-нибудь католическим принцем, например с польским королём Яном II Казимиром (1609–1672). Как мы видим, первоначальные цели Ватикана были вполне скромные.

Естественно, ни о каком браке королева Швеции не мечтала, и об этом Шану проинформировал Виоге. В феврале 1648 года французский посол сообщил в Рим, что имел первую серьёзную и длительную беседу с Кристиной на религиозные темы. Обсуждали религию иудеев. Посол отметил, что королева судит обо всём объективно и что ей легко будет воспринять истину, как только она узнает о католической вере во всей её чистоте. Отвергает королева лишь кальвинизм. Судя по всему, именно в это время француз — сам или по наущению Виоге — подарил Кристине символы католицизма: розовый венок и распятие, которые королева хранила в ящике под своей кроватью[59].

Посол, образованный, по-своему честный и неподкупный человек (большая редкость во все времена!), искренний католик, не спешит наседать на королеву с аргументами в пользу

католической религии и выбирает другую линию: он мягко и ненавязчиво показывает Кристине культурную сторону католического мира, которая больше всего её интересует. Поскольку сам Виоге вряд ли мог оказывать на королеву личное влияние — кажется, ему удалось встретиться с Кристиной лишь пару раз и то накоротке, — то все надежды он возложил на Шану, по его мнению, вполне подходящего на роль вербовщика. Подробный отчёт о своей двухлетней деятельности миссионера в Швеции Виоге отправил в Рим 5(16) июня 1648 года. «Пропаганда» не спешит, действует медленно и осмотрительно.

Обработка шведской королевы в «нужном духе» стала осуществляться и со стороны прибывшего в 1648 году в Стокгольм португальского посольства. Португалия только что освободилась от испанского ига и искала признания у других государств. Главной целью миссии посла короля Жоана IV в Швеции Жозе Мануэля Пинто Перейры были торговые переговоры и предстоящая коронация Кристины. Перейра, ссылаясь на то, что плохо знает латынь, сначала брал с собой на переговоры в качестве переводчика секретаря Гомеса де Серпу. Было, конечно, странно, что человек, известный своей образованностью и несколько лет проведший в Париже, не владел языком дипломатии, но никаких подвохов или коварных замыслов за этим историки и биографы Кристины вроде бы не обнаружили. Потом секретарь «неожиданно заболел», и вместо него беседы посла с королевой стал переводить другой сотрудник посольства — Антонио Мачедо. Мало кому было известно, что Мачедо и ещё один португальский дипломат в составе посольства Перейры — Джованни Андрада — были иезуитами. Перейра, конечно, знал, но о тайных планах Мачедо в отношении шведской королевы ему, кажется, ничего не было известно.

Наводку на Кристину, судя по всему, Мачедо получил от шведского перекрещенца Ларса Шютте, советника королевы Кристины и брата упомянутого Бенгта Шютте[60]. Время от времени Кристина в присутствии посла Перейры заводила разговор и с его переводчиком. Потом такие беседы стали проводиться с ним и в приватной обстановке. Скоро Кристине стало ясно, что Мачедо — иезуит, да он и сам ей в этом признался. Логическим и необходимым последствием этого открытия должна была быть высылка Мачедо из страны, но королева поступила совсем наоборот — она продолжила с ним беседы. Изумлённый иезуит ликовал от радости, обнаружив к себе расположение королевы. Он охотно и подробно отвечал на её вопросы о совместимости религии, в особенности католической, с науками, а она усердно внимала его объяснениям.

Строгая дисциплина, покаяние и примирение чувств, святые и мученики, но также радость, великолепие, торжество и сакраментальность брака имели место в Римско-католической церкви. Католицизм пропускал через себя искусство и науку, в его храмах находилось место творениям Микеланджело и звучала божественная музыка, он разрешал всё полезное, делающее человека счастливым. Как суммировал историк Ранке, католический мир для Кристины «в этот момент был единым, классическим, монархическим, в то время как мир протестантизма был раздробленным, романтическим и республиканским». И, конечно, в «вере предков» королеву особенно привлекало наличие обета безбрачия.

Антонио Мачедо был иезуитом умным, но скромным и быстро обнаружил, что его научных познаний для дальнейших бесед с Кристиной не хватает. К тому же он знал, что рано или поздно при дворе его посольское прикрытие будет обнаружено. За спиной Мачедо уже слышалось нетерпеливое и недовольное фырканье посла Перейры, который теперь был оттеснён от общения с королевой Швеции. Драматизм ситуации нарастал с каждым днём и потому, что португальское посольство завершило свою миссию и собиралось покинуть страну. Поэтому однажды, 2 (13) августа 1651 года, спустя год после своей коронации, королева прошептала иезуиту на ухо, что она взвешивает возможность отхода от лютеранства и перехода в католичество. Как вспоминает сам Мачедо, королева прошептала:

— Падре Мачедо, вы первый иезуит, которого я знаю. Поскольку я составила о вас хорошее мнение, то могу положиться на вашу верность и честность. Вы собираетесь скоро убыть, и я хочу, чтобы вы помогли мне устроить приезд сюда двух итальянцев из вашего ордена, знатоков во всех областях науки, которые под прикрытием путешествующих могли бы остановиться при моём дворе, а я без всякого подозрения могла бы встречаться с ними. Для этого я снабжу вас письмом к вашему генералу.

Мачедо попытался получить у Перейры отпуск в Гамбург, но посол отпустить его отказался. Тогда королева посоветовала ему, не дожидаясь других возможных осложнений, скрытно покинуть португальское посольство и сесть в Даларё[61] на корабль, отправлявшийся в Любек. В августе 1651 года Антонио Мачедо, получив письмо Кристины к генералу ордена иезуитов в Риме, через чёрный ход выбрался из дворца и, не возвращаясь в посольство, прямиком отправился на корабль. Сначала на какой-то «фелюге» он выбрался в шхеры и временно укрылся там от посторонних глаз.

Посол Перейра, удивлённый и обескураженный пропажей

падре, предположил, что иезуит перебежал на сторону испанцев. Португалия только что завоевала независимость от Испании и всё ещё находилась с ней в состоянии вражды. Канцлер Оксеншерна отлично знал, что исчезнувший португалец являлся иезуитом, но никаких действий против него не предпринял. Посол Франции Шану был также информирован о встречах Мачедо с Кристиной. По Стокгольму ходили слухи, что Мачедо украл из португальского посольства важные документы и пытался передать их испанцам, в частности испанскому послу в Гааге Антонио де Брюну. Казалось, иезуит был обречён, а королеву Кристину ждали большие неприятности.

Ничего подобного. Для вида она отдала распоряжение начать поиски Мачедо, и (о, горе!) Мачедо скоро был обнаружен на одном из островков в шхерах. Но вместо того, чтобы арестовать беглеца, посланный королевой офицер помог падре добраться до корабля. Тогда по его следу пошли ищейки Оксеншерны. Они нашли Мачедо в Гамбурге и задержали его. Но иезуит показал паспорт, подписанный самой королевой Кристиной, махнул им на прощание ручкой и с её письмом к генералу иезуитского ордена, 300 дукатами и золотой цепочкой (всё подарки королевы) спокойно отправился в южном направлении[62].

Как тогда говорили, все дороги ведут в Рим, и в октябре 1651 года Мачедо наконец добрался до Вечного города. Он привёз с собой личное послание Кристины к генералу ордена иезуитов Франческо Пикколомини, составленное на французском языке и для конспирации подписанное мужским именем «Теофило».

Вот его текст (в переводе со шведского):

«Падре, всемерное уважение к Обществу, которым Вы имеете честь руководить, в течение нескольких лет побуждало меня познакомиться с Вами, чтобы довести до Вас те чувства почтения, которые заставляют меня искать Вашу дружбу. Поскольку счастливая судьба даровала мне благоприятную для моих целей такую возможность, как знакомство с падре Мачедо, я считала бы постыдным для себя и дальше откладывать её, чтобы воспользоваться преимуществами знакомства с Вами. Поэтому я прошу Вас, падре, выслушать предложения, которые он изложит Вам от моего имени, и принять их с полным доверием. Прошу Вас быть уверенным в том, что я была бы чрезмерно счастлива, если бы посредством пары лиц из Вашего ордена и Вашей национальности могла бы получить заверения от Вас — как бы ни неизвестна я была для Вас — в том, что я достойна Вашей дружбы и переписки с Вами. Я поручила падре Мачедо добиться этой милости и просила его изложить Вам причины, дающие мне основания надеяться на это. Я прошу Вас также как можно скорее

сообщить мне, на что я могу надеяться от Вас и одобрите ли Вы предложения, которые упомянутый падре доложит Вам. Я буду Вам всегда обязана, если Вы мне доставите то удовольствие, о котором я прошу Вас. Я сделаю всё от меня зависящее, чтобы при случае представить Вам доказательства моей искренней благодарности».

В устном сообщении падре Мачедо расставил все точки над «i», поведав, что королева Кристина хотела бы принять католическую веру и совершить во имя Господа Бога подвиг, когда ей откроется вся истина.

Чудовищный поступок от главы протестантского государства к руководителю ордена, поставившего своей целью уничтожить это государство! Заговор против своего королевства! Предательство высшей марки, не имеющее аналогов в мировой истории! Ведь просьба Кристины направить к ней двух «подкованных в естественных науках людей» из иезуитского ордена — это всего лишь эзоповская фраза.

Каждому более-менее посвящённому в суть дела стало бы ясно, что на самом деле королева просила о присылке ей двух хороших вербовщиков, ибо патер Мачедо показался ей не совсем убедительным. Ей нужно было получить из уст учёных-католиков подтверждение того, что Галилео Галилей сказал правду и что вообще наука нисколько не противоречит религии. Рядовой иезуит не мог отважиться на подобную ересь, а вот высшие иерархи Ватикана, конечно, подпрыгнули от радости и пообещали признать не только совместимость науки с верой, но и неотделимость зла от добра (Сатаны от Бога), лишь бы завлечь в свои сети обезумевшую от своей учёности и сексуальной неудовлетворённости шведскую королеву.

Оставим на некоторое время падре Мачедо на пыльных дорогах Европы и вернёмся в Стокгольм. Там появилась ещё одна загадочная личность — священник испанского посольства в Копенгагене иезуит Готфрид Франкен. В 1651 году французский протестант Клод де Сомез (Сальмасиус), дядя упомянутой выше графини Шарлотты де Брежи, возвращаясь из путешествия домой через Копенгаген, рассказал испанскому послу Бернардино де Реболледо о странной тяге королевы Кристины к католической вере. Информация чрезвычайно заинтересовала присутствовавшего на беседе патера Франкена, он буквально воспламенился желанием обратить Кристину в католическую веру и приступить к её обработке. Он уговорил Реболледо отпустить его в Стокгольм и послужить «великому делу». Для испанского посла шведская королева представляла интерес в первую очередь не как объект для обращения в католичество, а как королева, при

содействии которой можно было попытаться вырвать Швецию из объятий враждебной Франции и сделать её союзницей Испании. Об этом он немедленно доложил в Мадрид королю Филиппу IV.

Вокруг Кристины, словно осы вокруг банки с вареньем, закружились католические миссионеры. Прибывший в сентябре 1651 года в шведскую столицу под легендой учителя математики, Франкен скоро был представлен королеве Кристине. Беседы с ним на религиозные темы, однако, показали, что его усердие значительно превосходило его интеллектуальные способности, которые оказались недостаточными для оказания нужного влияния на объект своей миссии. Иезуит был обласкан королевой и даже получил приглашение остаться в шведской столице, но сообразил, что атака в лоб провалилась, и отступил обратно в Копенгаген, чтобы посоветоваться с Реболледо. Посол вооружил патера собственным трактатом о соотношении морали и религиозного бытия и вернул его в Стокгольм. Франкен прихватил с собой также тезисы собственного диспута о бессмертии души — а вдруг пригодится!

В общей сложности испанский миссионер, удачно заполнив вакуум, создавшийся вокруг Кристины после бегства Мачедо, совершил из Копенгагена в Стокгольм три или четыре челночные поездки. (Опять возникает недоумение по поводу благодушия шведских властей и Церкви, беспрепятственно позволивших иезуитам проникать в страну.) Реболледо между тем снабдил иезуита инструкциями о проведении дипломатической разведки и пробной информацией о том, что испанцы открывают свои порты для свободной торговли со шведами. На эту приманку сразу «клюнул» канцлер Оксеншерна, и скоро в Мадрид для урегулирования дипломатических и торговых вопросов выехал шведский посол Матиас Палбицкий. В Стокгольме также ждали приезда в Швецию самого Реболледо. Для работы Франкена создавался очень благоприятный фон.

Но Реболледо в Стокгольме так и не появился, потому что в Мадриде решили направить к шведам более значительное лицо, кандидатуру которого должен был определить штатгальтер (наместник) Испанских Нидерландов эрцгерцог Леопольд Вильгельм Австрийский. В Мадриде так заинтересовались королевой Швеции, что дело по её обработке взял под контроль лично король Филипп IV, а практическое руководство действиями Франкена осуществлял министр иностранных дел Испании Луис де Аро. В политике Швеции наметился явный крен в сторону Испании в ущерб отношениям со старой союзницей Францией. Французский резидент в Стокгольме Пике (проницательный и деятельный посол П. Шану в это время уже выехал из Швеции) в

отношении далеко идущих испанских планов находился в полном неведении.

Кристина, вероятно, рассудила благоразумно, дав, наконец, понять настырному Франкену, что у неё уже установлен контакт с Римом. Она рассказала ему о миссии Мачедо, но на иезуита это не возымело никакого воздействия. В ответ он заявил, что продолжать контакт с Римом нет никакой необходимости, ибо теологическую экспертизу по интересующим королеву вопросам можно получить и в иезуитском региональном центре во Фландрии (Испанских Нидерландах). Королева понимала, что после ухода с трона надеяться на помощь Франции ей было бы невозможно, ибо Париж ни за что не стал бы рисковать своим союзом со Стокгольмом ради «безработной» королевы. Не было пока уверенности и в успехе миссии Мачедо, поэтому она сочла благоразумным не отказываться от возможного покровителя в лице короля Испании, для чего продолжила заигрывание с Франкеном, дав согласие на присылку из Испанских Нидерландов специалиста по естественным наукам.

Г. Франкен тут же отправил запрос в Брюссель, а в конце января выехал в Гаагу к испанскому послу Антонио де Брюну с письмом от Кристины, в котором она информировала правительство Испанских Нидерландов о своём интересе к католической вере и желании обсудить этот вопрос с представителем Леопольда Вильгельма. Таким образом, королева Швеции посвятила в свою сокровенную тайну ещё одну католическую «инстанцию» — теперь уже испанскую. Одновременно Кристина обратилась к бургомистру и магистрату Антверпена с предложением начать торговлю со Швецией через реку Шельда.

Последнее предложение, сделанное Кристиной без согласования со своими министрами, практически за их спиной, ставило всю внешнюю политику Швеции с ног на голову. По Мюнстерскому договору Нидерландов с Испанией устье Шельды было закрыто, чтобы Антверпен не мог конкурировать с Амстердамом. Открытие Шельды для торговли наносило Гааге, союзнице Швеции, непоправимый экономический ущерб. Королева пошла на такой шаг сознательно, руководствуясь исключительно личными интересами, чтобы произвести впечатление на Мадрид и в лице короля Филиппа обеспечить себе на будущее гаранта своей безопасности.

Посол Антонио де Брюн попытался узнать у Франкена некоторые детали дела, но иезуит говорил лишь о своём — о спасении души шведской королевы, а такие «мелочи», как повороты в большой европейской политике, его нисколько не

интересовали. Тем не менее А. де Брюн, вне себя от радости, проинформировал короля и проконсультировался с бургомистром Антверпена. За первое он получил благодарность, а за второе — нагоняй: дело было настолько важное и секретное, что посвящать в него какого-то бургомистра было неразумно.

Наместник короля Филиппа IV в Испанских Нидерландах Леопольд Вильгельм Австрийский лишь в апреле 1652 года получил возможность трезво поразмыслить над посланием королевы Швеции городу Антверпену. С одной стороны, открытие Шельды для торговли со шведами было, несомненно, очень выгодным предприятием, но как быть с Мюнстерским договором? И вообще: не было ли в намерениях Кристины желания столкнуть Испанию с Голландией по наущению Франции? В честности иезуита Франкена сомневаться не приходилось, но не сделали ли его пешкой в какой-то сложной игре? Было решено, что магистрат Антверпена ответа Кристине посылать не будет и что в Стокгольм следовало отправить опытного человека, который должен будет разобраться во всём на месте и доложить королю своё мнение.

Между тем в Брюсселе быстро нашли специалиста по математике — им оказался учёный-иезуит Филипп Нутиус, отобранный провинциалом (главой местного ордена) Энгельграве. Но прежде чем отправить его с заданием в Стокгольм, Энгельграве счёл за лучшее поставить в известность Рим. В феврале 1652 года Нутиус, вероятно не дождавшись ответа из Рима, всё-таки тронулся в путь и 1 апреля добрался до Стокгольма. К своему сожалению, он обнаружил, что генерал ордена иезуитов Пикколомини уже принял меры по удовлетворению обращения Кристины и готовился направить к ней своих экспертов. Брюссель притормозил.

В мае 1652 года Франкен вернулся в Стокгольм и привёз с собой уведомление о том, что в Стокгольм собирается выехать испанский посол генерал Эстеван де Камарра, который и должен будет дать ответ на письмо Кристины. С Франкеном в шведскую столицу прибыл ещё один иезуит — Юбер Ланглуа, закамуфлированный под сотрудника французского посольства в Гааге месье де Сен-Юбера.

Стокгольм теперь кишмя кишел иезуитами. Три ветви иезуитского ордена — итальянская, испанская и французская — самостоятельно работали над обращением королевы Кристины. (Напомним читателю, что всё это происходило одновременно с изнурительным противостоянием королевы Государственному совету по вопросу своего замужества и определения наследника шведского престола.)

Глава девятая
ПЕРВЫЙ ПРИСТУП

В области политики угрожать, не наступая — обнаружить своё бессилие.

А. де Ламартин

Коронационные праздники закончились лишь к 15 января нового, 1651 года. Все участники уехали из столицы, дворец опустел, и Кристина осталась в нём почти одна, если не считать одного слуги и придворного Экеблада. По всей видимости, королева ожидала от них такого же уровня «обслуживания», как от полного состава двора, что дало изнеженному тайному «летописцу» двора Экебладу повод для жалоб. Он, видите ли, чуть руку не вывихнул, таская тяжёлые тарелки с едой из кухни и обратно, не мог держать пера в руке и отказался от занятий теннисом, ибо «дворцовые лестницы предоставили достаточно возможностей для физических упражнений».

В апреле 1651 года Кристина сообщила фавориту Делагарди о своём решении отречься от трона. Фаворит затрепетал: с уходом королевы он мог потерять всё, мир рушился, и он стал умолять Кристину не делать этого. Но что такое был граф Магнус по сравнению со всей системой власти — Государственным советом, риксдагом, двором, которые не могли устоять под её напором? Кристина без труда отмела все его доводы и приказала ему сослужить ей последнюю службу.

В первую очередь ей нужно было убедить в целесообразности и необходимости такого шага наследника трона — Карла Густава и всё пфальцское семейство. Под видом ознакомительной поездки по стране она намеревалась посетить кузена в его замке на Эланде, а заодно и посмотреть, насколько острова Эланд и Готланд могли пригодиться ей для проживания после отказа от престола. Однако возникшие внешнеполитические обстоятельства (Испания!) заставили её изменить свои намерения. Тогда она попросила графа Магнуса Делагарди написать Карлу Густаву письмо и вызвать его на встречу в Упсалу. С Упсалой у наследника были связаны дурные воспоминания: там он однажды хорошенько покутил и получил за это нагоняй от Кристины. Нет, в Упсалу ему ехать не хотелось.

Делагарди также сообщил наследнику, что в мае приедет в замок Грипсхольм, владение Карла Густава, чтобы по поручению

королевы поговорить с ним о «важных делах». 9 или 10 мая он встретился с кронпринцем в Грипсхольме и сообщил ему о тайном плане Кристины. После этого они выехали к Юхану Казимиру в его родовой замок Стегеборг и рассказали ему обо всём. Отец и сын, обсудив ситуацию, пришли к решению занять по отношению к плану Кристины негативную позицию. Они, конечно, не собирались отказываться от предоставлявшейся возможности взойти на трон — они просто хотели снять с себя подозрения в том, что именно они были инициаторами этого сумасшедшего плана. Кронпринц написал письмо Ю. Маттиэ и попросил его употребить всё своё влияние, чтобы отговорить Кристину от пагубного намерения оставить престол. Он всё ещё надеялся решить проблему женитьбой на кузине.

Кристина в это время была по уши занята внешней политикой, тайными переговорами с Мачедо и переездом матери в Нючёпинг. Она собиралась сопроводить Марию Элеонору, но обстоятельства не позволили ей это сделать. Она осталась в Стокгольме и держала Карла Густава «на привязи» в Грипсхольме, не давая ему вернуться на Эланд. В конце мая — начале июня 1651 года Кристина наконец вызвала его в Нючёпинг. Поскольку приезд королевы затягивался, Карл Густав поехал в Стегеборг, чтобы ещё раз обсудить ситуацию с отцом. В Стегеборге он узнал, что королева приглашала его приехать в Стокгольм и принять участие в похоронах фельдмаршала Торстенссона. Карл Густав снова проявил строптивость и решил, как бы ни складывались события, уехать на Эланд. Болтаться без дела при дворе ему было неинтересно, и потому он отправил на Эланд и свиту, и багаж, а сам временно поселился у брата Адольфа Юхана в Боргхольме.

Между тем Кристина дала понять, что скоро всё-таки приедет в Нючёпинг к матери, чтобы обсудить с пфальцской роднёй создавшееся положение. Юхан Казимир, сославшись на старческую немощь, от приезда в Нючёпинг отказался. Карл Густав, однако, приехал и от вдовствующей королевы Марии Элеоноры неожиданно узнал, что Кристина планирует женить его на какой-нибудь немецкой принцессе. Стало ясно, что королева, форсируя свой план отречения, решила устранить главное препятствие на этом пути — призрак двоевластия. Если наследник женится, то путь к отречению будет значительно упрощён.

Но женитьба на каких бы то ни было принцессах в планы наследника не входила. С сыном был согласен и Юхан Казимир, который, забыв про свою немощь, тоже стал собираться в Нючёпинг, но, получив от Кристины выражение соболезнования в ответ на первую весть о его недомогании, остановился. Без

приглашения появляться в Нючёпинге ему было неудобно.

Двадцать третьего июня в Нючёпинге Кристина сообщила Карлу Густаву и Адольфу Юхану, что она твёрдо и безотлагательно решила сложить с себя корону и передать её Карлу Густаву. Она хотела, чтобы Карл Густав приехал в Стокгольм и поддержал её на заседании Государственного совета, где она собиралась объявить о своём решении и где непременно возникнет вопрос о её замужестве. Она также надеялась, что помолвка Карла Густава с какой-нибудь принцессой могла бы рассматриваться как важный аргумент в её пользу.

Но пфальцсцы — и отец, и сыновья, и их зять граф Магнус Делагарди — продолжали гнуть свою линию и снова выразили несогласие с этим решением. К ним также присоединился Ю. Маттиэ, и Кристина была вынуждена признать, что их завидное упорство поставило исполнение задуманного плана под угрозу. Ей с трудом удалось удержать наследника в Стокгольме до конца месяца, а потом он опять уехал на Эланд. После этого королева решила идти ва-банк и «обрабатывать» господ министров без содействия пфальцского семейства. Она наметила отречение на осень 1651 года, известила об этом Государственный совет и созвала постоянно действующий орган парламента — комиссию риксдага.

На заседании Госсовета в августе 1651 года королева привела три мотива своего решения: а) несомненная польза от её ухода с трона королевству и его подданным, б) необходимость внести окончательную ясность в статус наследника и в) желание уйти на покой. Она достаточно долго размышляла над этим своим решением, оно является непоколебимым, и от правительства ей не нужны никакие советы или рекомендации — она требует от него только согласия.

Первым пришёл в себя канцлер. Верный себе, он заявил, что такое серьёзное дело требует размышления и не может решаться в спешке. Кристина возразила, что поскольку вопрос о наследнике уже решён, то причин для того, чтобы откладывать дело в долгий ящик, она не видит.

И покинула заседание.

В Госсовете воцарилось тягостное молчание.

Вся шведская аристократия была в полном недоумении и растерянности. В лице королевы они имели единственного защитника от угрожавшей им редукции. Да, в вопросе о престолонаследии она использовала против них другие сословия, но потом всё-таки снова стала на их сторону. О тайных планах Кристины поменять веру и уехать из страны, естественно, никто пока не имел и понятия, а потому в расчёт их не брали. Им не

могло и присниться, чтобы дочь великого Густава II Адольфа, положившего жизнь на борьбу с католической Контрреформацией, задумала перейти в веру заклятых врагов. Посоветовавшись между собой, господа советники решили обратиться к Кристине с письмом. Аксель Оксеншерна взялся сформулировать текст, и 12 (23) августа оно было подписано тринадцатью членами правительства.

Аргументы Госсовета сводились к следующему: а) королева сама перед Богом и людьми дала торжественное обещание управлять страной, и нарушать это обещание неразумно, поскольку это чревато непредсказуемыми последствиями для согласия в стране; б) никто не подвергает сомнению высокие качества Карла Густава, но королева любит страну и своих подданных, она вооружена светлым разумом, опытом и авторитетом и счастье сопутствует ей во внешних и внутренних делах; в) королева желает отдохнуть и уйти на покой, но разве совместимо такое эгоистическое желание с её долгом? Человек рождён для трудов и забот, в особенности это касается правителей, обязанных находить в этих заботах и трудах удовольствие, и уходить от них в тишину и праздность противоречит самой природе королей. Члены правительства, со своей стороны, всегда готовы облегчить бремя забот своей любимой королевы и взять часть её обязанностей на себя.

Доводы Государственного совета кажутся, конечно, трогательными и наивными — настолько они не соответствовали реальным планам адресата. В сентябре своё увещевательное письмо королеве вручил Пер Брахе, но ни малейшего воздействия на Кристину оно тоже не оказало. Обращение Брахе было в той обстановке довольно смелым шагом, все советники прятались за спины друг друга и инициативу в отговаривании королевы от её решения не проявляли.

Потом за дело взялся бывший фаворит Кристины М. Г. Делагарди. Во главе небольшой делегации, состоявшей из трёх человек, не считая его самого, граф отправился во дворец. По пути он чуть не потерял своих спутников — все дрожали от страха предстать перед королевой и попытались сбежать. Когда четвёрка советников вошла в зал, где в это время находилась королева, то увидела рядом с ней много посторонних лиц. Кристина встретила их холодным взглядом. Впрочем, она взяла прошение, прочитала его и… прослезилась. Вероятно, экс-фаворит сумел затронуть самые сокровенные струны её души. Она поблагодарила своих верных подданных за советы и сказала, что сама будет нести ответственность за своё решение и освобождает Государственный совет от этой обязанности. Она

добавила также, что хотела бы снова собрать по этому вопросу заседание правительства, чтобы обсудить наилучшие способы решения вопроса. Делегация вернулась обратно в зал заседаний, где её ждали другие члены правительства. Все подавленно молчали и ждали приговора, но когда услышали о тёплом приёме, оказанном королевой делегации, то воспрянули духом и, по воспоминаниям Делагарди, от радости расплакались.

Дискуссия о том, как помочь делу, затянулась до ноября. И Кристина сдалась. По всей видимости, Ю. А. Сальвиус, на последнем этапе посвящённый в планы Кристины, отсоветовал ей предпринимать такой резкий шаг по внешнеполитическим соображениям и она его послушалась. Ей также стало ясно, что без согласия Госсовета добиться поддержки риксдага будет невозможно. И она взяла обратно своё решение об отказе от короны и дала обещание продолжать выполнять обязанности королевы Швеции. Вероятно, она посчитала, что дело ещё не созрело.

Пфальц-Цвейбрюкенское семейство заволновалось — теперь с ними могло случиться что угодно. Но их страх был напрасен — ничего дурного против них никто не замышлял. Кристина выразила желание, чтобы Карл Густав приехал в Стокгольм и хотя бы своим присутствием напоминал всем о своих правах на трон, но принц упорно отказывался и отсиживался в мрачных углах замков Грипсхольма, Боргхольма и Эланда. Когда королева как-то попросила архиепископа Юханнеса Канути Ленеуса употребить своё влияние на Карла Густава и уговорить его жениться на выбор на мекленбургской или готторпской принцессе, тот ответил, что для принца наилучшим был бы третий вариант.

— Какой? — удивилась королева.

— Королева Швеции Кристина, — ответил архиепископ.

Брачные разводы тяжело даются людям, а уж развод с высшей властью — в особенности. Да и не все ещё карты оказались в руках королевы. Чтобы оставить трон и страну, требовалась более тщательная подготовка. Неудавшаяся попытка произвела на Кристину такое сильное впечатление, что именно в это время у неё появилась мысль отказаться от своих планов сменить веру, о чём свидетельствуют сохранившиеся черновики трёх её писем. Впрочем, не исключено, что эти письма были всего лишь очередными уловками, призванными скрыть её тайные планы. В автобиографии она пишет, что первая попытка абдикации[63] не удалась, потому что она решила ещё немного послужить стране.

Психическое состояние королевы было в это время катастрофическим. Всё чаще она исчезала по ночам из дворца и совершала странные одиночные верховые прогулки. Всё чаще с

ней случались обмороки. Они могли продолжаться до часа, и после них к королеве долго не возвращался дар речи. Слишком непосильными для неё оказались и королевские обязанности, и споры с правительством, и разлад психики с физикой, и огромное напряжение перед предстоящим прыжком в неизвестное.

В конце 1651 года Стокгольм потрясло странное и жуткое событие.

К Карлу Густаву, гостившему у брата Адольфа Юхана в замке Боргхольм, пришло письмо, тщательно запечатанное в два конверта. Послание начиналось злобным пасквилем на королеву, погрязшую в удовольствиях, разврате и разбазаривании государственных денег, а также на дворян и клан Оксеншернов, разоривших крестьян и жаждущих взобраться на трон. Но это была прелюдия к самому главному, содержавшемуся во второй части текста. Какой-то доброжелатель пфальцграфа писал о том, как Ю. Маттиэ заставил королеву отказаться от брака с Карлом Густавом, как принц дважды интригами Оксеншерны был удалён в Германию и как резко настроены «оксеншернисты» против занятия им трона. Аноним утверждал, что на Карла Густава готовится покушение с целью убийства, в частности, мать Магнуса Делагарди, Эбба Брахе, уже приготовила для него яд. Аноним предупреждал Карла Густава о том, чтобы он избегал посещения Якобсдаля, имения Брахе и самой столицы, и советовал собрать верное войско, чтобы войти с ним в Стокгольм и «разобраться» со своими врагами. После этого можно будет спокойно отобрать у дворян полученные от государства земли и править Швецией спокойно и счастливо.

Подозрение в авторстве пасквиля сразу пало на некоего Арнольда Юхана Мессениуса, сына упсальского профессора Юханнеса Мессениуса, осуждённого в 1616 году за принадлежность к ордену иезуитов. А. Ю. Мессениус провёл 16 лет в ссылке в Карелии вместе с отцом, а потом был помилован, возвращён в Швецию и получил должность государственного историографа. Семья Мессениусов традиционно входила в круг клиентов и сторонников семьи пфальцграфа Юхана Казимира. Мессениус был естественно обозлён на целый свет, в особенности на А. Оксеншерну, долго препятствовавшего его помилованию, обладал скандальным, вспыльчивым и строптивым характером и был ярым противником дворянства.

Карл Густав решил это дело расследовать. Он заподозрил, что аноним метил именно в него, и расценил пасквиль как провокацию. Поэтому он отправил полученное письмо в Стокгольм ко двору и сопроводил заверениями в своей

преданности королеве и власти. Одновременно он предупредил о произошедшем А. Ю. Мессениуса. Кристина пришла в ярость — особенно её разозлило карикатурное изображение собственной персоны. Дело получило огласку за границей. Она немедленно вызвала к себе всех секретарей своей канцелярии, показала им текст пасквиля и спросила, известен ли им почерк его автора. Кто-то узнал в нём руку одного писца. Писаря тут же вызвали на «ковёр», и тот признался, что написал пасквиль по заданию Арнольда Мессениуса, служившего при дворе камер-пажом сначала у Карла Густава, а потом у его брата Адольфа Юхана.

Тринадцатого декабря отец и сын Мессениусы были немедленно арестованы и допрошены. Старший Мессениус своё авторство сначала напрочь отрицал, в то время как его сын со слезами на глазах во всём сознался. В понедельник 21 декабря, в холодное хмурое утро, Мессениусов возвели на эшафот: отца — к плахе на площади Норрмальмсторг, а сына — на северную окраину столицы. Отцу отрубили голову, а сына четвертовали. В тот же день всю библиотеку Ю. Мессениуса погрузили на повозки и привезли в королевский дворец.

Шведская королева слыла просвещённой особой.

«Следствие было неожиданно скорым, а приговор суда — неожиданно жестоким», — замечает П. Энглунд. В ходе следствия выяснилось, что Мессениусам помогали и сторонники сильной королевской власти, и семьи Карла Густава, а также и противники усиления власти аристократии. Все они отрицали свою причастность к составлению пасквиля, и никого из них не тронули.

Ходили не лишённые оснований слухи о том, что Кристина не захотела расширять круг обвиняемых и запретила проводить дальнейшее расследование. Вероятно, она не желала, чтобы пятно подозрения пало на самого Карла Густава. Вероятно, она была сильно напугана возможностью заговора лично против неё. Во всяком случае, делом Мессениусов она преподала показательный урок всем, в том числе и тем, кто сплетничал по поводу её отречения от престола. Верховная власть показала крестьянской оппозиции, что её карающий меч ещё не затупился. Так что королевой в этом неприглядном деле руководили исключительно политические расчёты, а не милосердие. Милосердие было чуждо её натуре.

Впрочем, впоследствии она пожалела о суровости наказания Мессениусов. Проезжая мимо выставленных напоказ останков тела казнённого камер-пажа, она отдала приказание убрать их и предать земле.

Карл Густав тоже мог смягчить приговор, но он даже пальцем

не пошевелил, чтобы помочь своим верным клиентам. Для него главным было, чтобы «наша фамилия и наши поступки никоим образом не были замешаны в дурных делах»[64].

Глава десятая
ВТОРАЯ АТАКА ИЕЗУИТОВ

Не бывает огня без дыма, но зато дым мне много раз пришлось видеть и там, где никакого огня не было.

Маргарита Наваррская

В январе 1652 года канцлер Оксеншерна и большинство членов Государственного совета уехали из столицы в родовые имения на отдых, и Кристина, воспользовавшись их отсутствием, взяла бразды правления государством в свои руки. Основное дело — исправление финансового положения Швеции — она поручила своему фавориту графу Магнусу Делагарди. Государственного казначея Г. Б. Оксеншерну, брата канцлера, она перевела на пустовавшую должность риксадмирала. Престарелого министра унизили и другим способом: не без участия королевы у его старшего сына увели невесту — ту самую Эббу Спарре, подругу Кристины — и выдали её за младшего брата фаворита Якоба Казимира Делагарди, шефа королевской лейб-гвардии. Кристина навела также порядок в канцелярии и назначила туда своих людей.

Когда весной 1652 года Аксель Оксеншерна вернулся из «отпуска», он не поверил своим глазам: всё в правительстве изменилось, кругом были новые люди. Впрочем, проблемы остались те же самые, казна была по-прежнему пуста, как и «реформаторская» голова Магнуса Делагарди. Ю. Экеблад, камергер двора, писал своему брату в провинцию: «Мы здесь при дворе ввели новую манеру оставлять объявления на наших дверях — point d'argent, то есть денег для кредиторов нет. Из нашего жалованья мы давно не видели ни эре». Кристина сразу признала свою ошибку и попросила канцлера снова заняться своим делом. Впереди предстояли сложные переговоры с правительством и парламентом, и ссориться с «папой Акселем» и его партией было просто неразумно. Королева уже видела никчёмность и непригодность фаворита и планировала его удаление.

Но каковы же были результаты миссии неутомимого патера Мачедо?

Покуда в Стокгольме члены правительства уговаривали королеву Кристину «образумиться» и не покидать отцовского трона, иезуитская и вообще ватиканская верхушка никак не могла

справиться со своими эмоциями, вызванными потрясающей новостью, которую доставил ей из «еретического логова» патер Мачедо. Иезуитов трудно было чем-то удивить, на своём веку они много повидали князей, герцогов и королей, перешедших в «истинную» веру, но такое они видели в первый раз.

Генерал ордена Пикколомини к этому времени умер, и Мачедо вручил послание Кристины исполнявшему его обязанности заместителю Госвину Никкелю[65]. С. И. Улофссон сообщает, что Г. Никкель 4 ноября 1651 года отправил Кристине письмо с подтверждением о получении её обращения к ордену. В начале 1652 года королева поблагодарила Никкеля за ответ, а 6 апреля того же года уже иезуит выразил благодарность Кристине за новое письмо.

Дело Кристины взял в свои кураторские руки папский статс-секретарь Фабио Киджи, будущий папа Александр VII (1599, 1655–1667), который выбрал для продолжения вербовочной миссии в Стокгольме математика и лингвиста Франческо Малинеса, пьемонтского дворянина, профессора теологии в Турине, и Паоло Кассати, профессора математики и теологии из *Collegio Romano* в Риме[66].

Оба иезуита как нельзя лучше соответствовали пожеланиям королевы Кристины.

В дальнюю «командировку» вербовщиков готовили по всем правилам конспирации. Ф. Малинесу на первых порах было приказано отрастить волосы и бороду, а потом уже вступить в Венеции в контакт с Кассати, который, имея на руках инструкции от Никкеля, и ввёл его в курс предстоящего дела. Им выдали паспорта соответственно на данные Д. Лючио Боннани и Д. Бонифачио Понджиниббио. С собой они везли ответ Госвина Никкеля королеве Кристине. О их миссии и маршруте знали несколько человек. Их официальная задача, согласно полученным инструкциям, заключалась в распространении католической религии и в оказании помощи тем, кто хотел перейти в католическую веру. В целях конспирации в шифрованных отчётах о своей работе в Рим им было приказано называть королеву Кристину «синьором Теофило», Никкель получил псевдоним «Амиано», Малинес — «Аполлонио». Инструкции Никкеля категорически запрещали им вмешиваться в мирские дела, в том числе в политику, и предписывали беспрекословно повиноваться во всём «синьору Теофило». Вербовщики получили от Мачедо информацию о том, что шведскую королеву в первую очередь интересовали греческая литература, античная философия и конфликт религии с наукой, а потому перед отъездом из Рима изрядно «подзубрили» эти предметы.

Пока Малинес и Кассати добирались до столицы Швеции, какой-то заграничный источник сообщил кому надо в Стокгольме, что болтающийся при дворе Кристины «математик» Нутиус прибыл в Швецию «ловить блох»[67], и скоро миссионер был разоблачён. Кристина показала Нутиусу донос, но не прервала с ним связи и стала играть с ним в «кошки-мышки». Она предложила ему создать препятствия на пути ватиканских иезуитов, хотя ей прекрасно было известно, что оба итальянца к этому времени уже находились в Стокгольме.

Нутиус продержался в столице Швеции до мая, а потом благоразумно исчез. За ним последовали Франкен[68] и Ланглуа. Госвин Никкель счёл целесообразным расчистить поле деятельности для своих эмиссаров и убрать из Стокгольма испанских и французских конкурентов. (В дальнейшем между итальянскими, испанско-фламандскими и французскими иезуитами возникнет спор за честь обращения шведской королевы в католическую веру.)

…Своё путешествие в Швецию Кассати и Малинес начали в декабре 1651 года из Венеции. Промежуточная остановка у них была в Гамбурге, где они по предъявлении письменной рекомендации и золотой цепочки Кристины, полученной от падре Мачедо, взяли кредит у португальского еврея Диего Тексейры. Из Гамбурга «сеньоры Боннани и Понджиниббио» отправились в Ютландию (Дания), где удачно присоединились к шведской дипломатической миссии во главе с государственным советником Шерингом Русенхане. С ним они добрались до города Роскильде, а в Швецию въехали в составе кортежа риксшталмейстера Кристины генерала Вахтмейстера, возвращавшегося в конце февраля 1651 года с мирных шведско-польских переговоров в Любеке. Вахтмейстеру миссионеры объяснили, что являются путешествующими итальянскими дворянами, и назвали свои вымышленные фамилии. Вахтмейстер, и глазом не моргнув, предложил им присоединиться и продолжить путь вместе.

Докладывая о результатах своей миссии Кристине, риксшталмейстер, между прочим, упомянул о двух «добрых парнях» из Италии, приехавших посмотреть на то, как живут шведы. Королева поинтересовалась, не являются ли они музыкантами. Нет, ответил риксшталмейстер, эти два благородных дворянина прибыли в Швецию для ознакомления со страной. Как ни странно, появление двух итальянских «туристов» не вызвало со стороны шведских властей никакого удивления, как будто туризм из Италии тогда был обычным делом[69]. Но королеве стало ясно, какие «туристы» прибыли в Швецию, и она немедленно пригласила их на приём во дворец. Чтобы усыпить

бдительность придворных, королева обратилась к Ш. Русенхане и спросила его об этих двух иностранных кавалерах. Госсоветник ответил, что это — великолепные ребята и для беспокойства её королевского величества нет ни малейших оснований.

Приём «антикваров» прошёл в соответствии с придворным этикетом в присутствии свиты и придворных. Итальянских гостей официально всем представили, произошёл обмен стандартными любезностями. Бывший граф Малинес блеснул изящными манерами и тонкими комплиментами. Улучив минутку, когда поблизости никого не оказалось, Кристина вполголоса быстро спросила Кассати (Понджиниббио):

— Может быть, у вас есть письмо ко мне?

— Да, — так же тихо и незаметно ответил иезуит, не меняя выражения лица и не оборачиваясь на голос королевы.

В этот же день сгоравшая от нетерпения Кристина послала своего слугу Юхана Хольма к иезуитам за письмом Г. Никкеля, а на следующий день дала им приватную аудиенцию. Ю. Хольм незаметно ввёл иезуитов во дворец и оставил их в большой зале, в которой стоял лейб-гвардеец. Скоро вошла королева Кристина. Обнаружив посланцев Рима, она выразила громкое удивление слишком ранним их появлением и стала вести беседу о их долгом путешествии. Потом спросила гвардейца, не появились ли её секретари, и, получив отрицательный ответ, отослала его прочь поискать кого-нибудь из них. Пока гвардеец исполнял это поручение, она в течение часа говорила с Малинесом и Кассати собственно о деле, расспросив их о подробностях путешествия в Рим падре Мачедо, о его приёме в Риме и о том, каким образом они сами были выбраны для выполнения стокгольмской миссии.

Уже на первых встречах с королевой Кассати и Малинес увидели, что в её «вербовке» не было никакой необходимости, потому что «объект» уже созрел для смены веры. В отчёте Никкелю Малинес писал, что королева подробно рассказала о своих поисках, о сравнительном изучении разных религий, включая иудаизм и мусульманство, и о сделанных ею выводах о том, что религия — это политический инструмент для удержания обычных людей в рамках. Она пригласила многих иностранцев ко двору не только из-за их знаний, но и для того, чтобы понаблюдать за тем, как они относятся к своей вере. При этом она подчеркнула, что не дошла до того, чтобы вовсе отрицать Бога. Католицизм, по сравнению с другими религиями, показался ей привлекательным во всех отношениях. Остались лишь кое-какие вопросы, которые следовало выяснить для успокоения совести.

Как представляется, королеве нужно было сохранить чувство собственного достоинства и не показывать иезуитам, что она

готова беспрекословно пасть в ноги римскому папе. Кристина хотела, чтобы Ватикан заплатил за её душу высокую цену, дал ей гарантии безоблачного существования в будущем и обеспечил высокими покровителями. Без этого ей трудно было бы выжить в чужом и новом мире.

«Мы были изумлены, — писал Малинес Никкелю, — встречей с 25-летней королевой, найдя её абсолютно лишённой всяческого тщеславия, так типичного для мирского величия…» От обсуждения личных религиозных проблем королевы иезуиты пока воздержались — в первую очередь им нужно было разобраться в её мировоззрении.

Какие же вопросы оставались невыясненными для Кристины? К величайшему разочарованию учёных-иезуитов, догматика католицизма её не интересовала вовсе. Практически она задавала иезуитам те же самые вопросы, что и учёному Декарту: существовала ли на самом деле разница между злом и добром или следовало оценивать действия людей по ущербу или пользе, которые они на- или приносили? Есть ли в мире бессмертие и на самом ли деле Церковь полагает, что человеческая душа навечно остаётся с Богом? Если религии постоянно конфликтуют друг с другом, то не лучше ли следовать традициям страны и разуму? Как католицизм относится к святым? Как доказать, что именно католическая вера является истинной, и каковы тут могут быть критерии? Как соотносились результаты науки с библейскими представлениями и в какой степени последние следует воспринимать чисто символически?

Ответить на все эти вопросы опытным «волкам» из иезуитского ордена было не так уж трудно. И Малинес, и Кассати были хорошо подготовлены и владели искусством риторики и казуистики не хуже королевы. Естественно, они не ставили своей целью довести до неё истину в последней инстанции. Их главная задача состояла в том, чтобы показать привлекательность католицизма, поэтому они могли врать августейшей особе что угодно и как угодно, лишь бы произвести на неё благоприятное впечатление. Впрочем, католикам объективно помогал сам Лютер, который априори предполагал бесперспективность освобождения человека от греха, в то время как католицизм оставлял возможность грех победить.

И вербовщики были приятно удивлены тем, как быстро, почти на лету, схватывала всё королева. Удивляться, однако, было нечему: они преподали ей «модернизированный» вариант католичества, приспособленный под успехи естественных наук, и он вполне соответствовал её либертинским настроениям. Фундаментализм католической веры остался за скобками.

Королева поинтересовалась у итальянцев, могла бы она, уже будучи, к примеру, тайной католичкой, раз в год принимать причастие по лютеранскому обычаю. Такое Малинес и Кассати не имели права разрешать, даже если бы очень хотели, а потому ответили ей решительным «нет». В таком случае, заявила Кристина, ей придётся пройти через процедуру отречения от престола и покинуть Швецию.

Тут королева, конечно, лукавила и вновь проявила свою способность к мистификации и «диссимуляции»: отречение от престола было мотивировано отнюдь не религиозными проблемами, а её нежеланием вступать в брак. Смена религии была лишь предлогом и средством для получения личной свободы и устройства новой жизни. Д. Мэссон пишет, что эта «диссимуляция» была нужна Кристине для того, чтобы повысить свой престиж в глазах Рима и показать Ватикану, какую большую жертву она собирается принести ради перехода в католическую веру. «Очевидно, что активный ум и острое чувство личной заинтересованности Кристины ни на момент не покидали её даже на фоне высокодуховного и эмоционального решения о перемене веры», — замечает историк.

В конце всех этих бесед и дискуссий Кристина удивила иезуитов своими выводами: она хорошо поняла всё, что ей тут рассказали, но её сердце к католической вере пока остаётся безразличным. Вероятно, увидев на лицах учёных отцов растерянность и смятение, она тут же поправилась и добавила, что приблизилась к католицизму больше, чем они могли бы себе предположить. И тогда они поняли, что цель почти достигнута.

Проведя с Кристиной несколько «учёных бесед», Малинес и Кассати не были столь самонадеянны, чтобы не обнаружить, что их подготовки оказалось всё-таки недостаточно. В марте 1652 года они по просьбе королевы попросили Рим немедленно прислать им книгу известного итальянского учёного (разумеется, иезуита) и своего близкого друга Даниэлло Бартоли (1608–1685), в которой автор попытался примирить античную философию с христианством, а церковную схоластику с экспериментальным методом Галилея. Их запрос наглядно демонстрирует, какие вопросы волновали королеву и какие аргументы она мобилизовала во время душеспасительных бесед с ней учёных-иезуитов[70]. Д. Мэссон считает, что эта книга понадобилась Кристине для того, чтобы убедиться, какая степень свободы будет ей предоставлена как католичке. Отказываться от фривольных либертинских замашек она отнюдь не собиралась.

По завершении миссии Кассати поехал в Рим с подробным отчётом к Г. Никкелю, в то время как Малинес, благодаря своим

светским манерам вызывающий меньше подозрений, должен был дождаться результатов его поездки в Стокгольме. Он с интересом наблюдал, как недавно прибывший из Франции лекарь Бурдело демонстрировал свои способности при дворе королевы Кристины. Что думал иезуит, глядя на королеву, которая, вместо того чтобы посвятить себя глубокому и вдумчивому погружению в новый религиозный мир и осознанию важности предстоящего шага, напропалую веселилась в компании с «французским цирюльником»? Именно в это время стали распространяться по всей Европе слухи о «распутной» королеве Швеции и её репутация безупречной и мудрой правительницы подверглась сомнениям.

Д. Мэссон признаёт, что во дворце и в самом деле происходили вещи, мало украшавшие авторитет королевы. Взять хотя бы описанные выше эпизоды с Бошаром, Ноде и Мэйбумом или пресловутые заседания академии, учреждённой по проекту Декарта и возглавляемой теперь Бурдело. Там её президент высказывал вещи, которые не только считались зловредной ересью, но и «тянули» на высшую меру наказания (например, его утверждение, что ни в Италии, ни во Франции никто уже не верит в Священное Писание, или заявление королевы о том, что она не верит ни в ад, ни в рай, ни в воплощение, ни в воскрешение, ни в бессмертие души; что личная вера каждого лучше любой религии; что религия представляет собой всего лишь сгусток суеверия и ошибок и что люди верят в Бога, потому что хотят, чтобы их обманывали).

В своё оправдание Кристина говорила Малинесу, что она специально делает подобные провокационные заявления, чтобы якобы испытать веру других людей. Но всё это были отговорки. Еретические выступления звучали и после убытия Кассати в Рим, то есть после того, как она уже недвусмысленно дала понять обоим иезуитам, что готова перейти в католичество. Более того, пишет Мэссон, королева даже в конце 1653 года продолжала поиски фривольной и еретической литературы, например книги «Три обманщика», которую она не обнаружила в библиотеке покойного Сальвиуса.

Есть сведения о том, что из Рима в этот период на королеву Швеции оказывал влияние каноник собора Святого Павла и заведующий библиотекой Ватикана Лукас Хольштениус, перешедший в своё время из лютеранства в католичество. Некоторые факты свидетельствуют о том, что этот специальный канал влияния был создан в последние годы правления королевы. Связующим звеном между ними, по всей видимости, был некто Томассо, итальянский музыкант при шведском королевском дворе, вернувшийся потом в Рим и игравший на органе в соборе

Святого Павла. Когда наступит время, папа римский выберет именно Хольштениуса для совершения над королевой обряда перекрещения. Массированная атака Ватикана на шведский трон теперь не прекращалась ни на один день.

В марте 1652 года, в самый разгар иезуитской вербовочной акции, Кристину посетил Карл Густав. Он был сильно обеспокоен известием о том, что граф Фредрик Гессенский, только что женившийся на его сестре, вслед за ландграфом Эрнстом Гессенским собирался принять католическую веру. Наследник просил Кристину написать Фредрику письмо и попытаться отговорить его от такого позорного шага. Какова ирония судьбы: обратиться с подобной просьбой к Кристине, которая сама должна была стать перекрещенкой!

И Кристина согласилась помочь. И вряд ли у неё дрожала рука, когда она по просьбе кузена писала графу Фредрику увещевательное письмо. В нём она в ярких красках рисовала неприглядную картину измены вере и предрекала мрачное будущее всякому, кто оторвётся от своей родной среды и кто будет вынужден жить среди чужих, которые всё равно никогда не признают в нём своего. Лицемерие королевы тут уступало, возможно, только её тщеславию и гордости. Но это было нужно, чтобы лучше замаскировать собственные коварные планы и лишний раз продемонстрировать свою приверженность лютеранской религии.

Письмо Фредрику Гессенскому не было отправлено, поскольку слухи о его переходе в иную веру оказались ложными. Но сам факт поведения Кристины является весьма показательным.

Для маскировки своих действий у королевы были веские основания. Пребывание Мачедо в Швеции всё-таки привлекло внимание, и весной 1652 года по столице стали распространяться слухи о том, что королева Кристина задумала нечто экстраординарное. При этом ссылались на придворного музыканта Томассо, который-де что-то услышал при дворе. Шведский резидент в Вене Матиас Бъёренклоу доносил в Стокгольм, что прибывшие из Швеции четыре иезуита рассказывали об установлении связей на самом высшем уровне. Резидент жаловался на то, что пока ему не удалось выяснить, кого иезуиты имели в виду, но обещал приложить все силы, чтобы внести в это дело ясность.

Глава одиннадцатая
МАДРИД ТОЖЕ ДЕЙСТВУЕТ

Для человека, который не знает, к какой гавани он направляется, ни один ветер не будет попутным.

Сенека

Г. Франкен, разочарованный тем, что ему не удалось привести в католическую веру всех шведов, по поручению Кристины отправился в Испанские Нидерланды. Его беседы в Антверпене и Брюсселе имели своим последствием решение короля Испании Филиппа IV направить в Стокгольм своего посла генерала дона Антонио Пиментелли дель Прадо. Видно, испанским католикам тоже не терпелось прославиться на миссионерской почве и они, игнорируя указание из Рима, решили лично нанести решающий удар по покачнувшемуся бастиону шведского лютеранства. Предварительная обработка королевы была завершена, и теперь в бой должна была вступить тяжёлая артиллерия. Кристина с нетерпением ждала испанского посла, полагая, что именно испанские «друзья» окажут ей необходимую помощь и поддержку.

…Между тем Паоло Кассати с приветственным письмом от генерала Никкеля отправился из Рима в обратный путь. По дороге он написал письмо Малинесу, но оно, по сведениям С. Стольпе, было перехвачено (кем, писатель не указывает, но, по всей видимости, шведами), и Кристина приказала ему пока оставаться в Гамбурге и оттуда пытаться тайно связаться с Малинесом. Вероятно, к ноябрю 1652 года связь между обоими иезуитами была восстановлена, потому что к этому времени Кристина уже знала, что никаких препятствий для перехода в католическую религию на её пути не было. Итальянцы сделали своё дело, и королева, как мы уже говорили выше, сосредоточилась теперь на переговорах с испанцами.

Базой для исполнения своих далекоидущих личных планов королева выбрала внешнеполитическое поле. Благодаря развитию торговых и политических связей с Испанией она надеялась установить тесный контакт с королём этой страны и сделать в будущем его своим гарантом. При этом она была готова даже пойти на заключение с Мадридом формального союза, направленного против бывшей союзницы Франции. В результате могли разрушиться вся система европейского равновесия и

внешняя политика Швеции, над выстраиванием которой долгие годы трудились король Густав II Адольф, Аксель Оксеншерна и шведские дипломаты, но это мало беспокоило королеву Кристину — её собственная судьба была дороже всяких государственных расчётов.

Генерал Антонио Пиментелли дель Прадо, 1604 года рождения, уроженец Леона, выходец из старинной испанской семьи, профессиональный солдат, воспитанный в Италии, лощёный идальго, но не очень опытный дипломат, появился в Стокгольме 12 августа 1652 года, чтобы сыграть в заключительном акте религиозной драмы. Детали его миссии покрыты тайной. С. И. Улофссон пишет, что Мадрид всё ещё с большой опаской наблюдал за реверансами Кристины в сторону Испании и ограничил миссию Пиментелли дель Прадо рамками чисто протокольно-разведывательного характера. Он должен был тщательно разобраться в настроениях шведской королевы и вообще в обстановке в Швеции и в крайнем случае начать переговоры о заключении испано-шведского торгового соглашения.

Верительную грамоту королеве Швеции Пиментелли дель Прадо вручил 19 августа 1652 года. В соответствии с протоколом того времени свою речь он произнёс на испанском языке, а его переводчик переводил её на латынь. Королева говорила по-шведски, в то время как её переводчик переводил её слова на испанский язык.

Первое время Пиментелли дель Прадо не беседовал с королевой Швеции по вопросам религии, но внимательно присматривался к ней. Освоившись, он приступил к переговорам о заключении торгового соглашения, в которых шведскую сторону представлял Оксеншерна. Канцлер приветствовал установление торговых отношений с габсбургской Испанией, но давал понять послу, что решающее слово в этом вопросе принадлежит королеве.

Кристине испанец сразу понравился, и генерал скоро стал постоянным гостем на обедах и участником всех праздников при дворе. Позже он вспоминал, какое сильное впечатление произвела на него шведская королева своими дипломатическими способностями, и пришёл к выводу, что она в этот период вела сложную и запутанную двойную игру, в том числе и на политическом поле. Впрочем, это никоим образом не помешало ему выполнить свою миссию, а у окружения заслужить репутацию её любовника.

Пиментелли дель Прадо тесно сошёлся с Бурдело, который охотно поддерживал циркулировавшие в столице слухи о том, что

его испанский друг состоит с Кристиной в особых отношениях. Не исключено, что Бурдело помогал Пиментелли создавать легенду, дымовую завесу, объяснявшую истинную цель его миссии в Швецию. Именно Бурдело уговорил королеву поселить испанского посла в королевском дворце. Объективно получалось, что француз Бурдело действовал во вред Франции, хотя, согласно С. И. Улофссону, было бы напрасно приписывать ему роль политического кукловода при шведском дворе, потому что политикой лекарь интересовался мало.

Слухи о любовной связи королевы с испанским послом показались всем вполне правдоподобными. Они получили косвенное подтверждение и в существовании с конца 1651 года так называемого ордена Амаранта — секретного общества, в котором Пиментелли дель Прадо сразу стал играть ведущую роль. И слухи эти оказались для Кристины хорошим прикрытием. Многие полагали, что эмблема ордена, представлявшая собой две скрещённые буквы «А», означала начальные буквы слов «Антонио» и «Амаранта»[71]. В орден, по некоторым сведениям, кроме Кристины, входили всего 30 человек: 15 мужчин и столько же женщин. Такие шведские аристократы, как Делагарди и Тотт, ужасно переживали из-за того, что их в орден Амаранта не допустили. Бурдело искусно раздувал их обиду на королеву, одновременно поощряя её к контактам с Пиментелли дель Прадо и с хорошим пловцом, но «выскочкой» Стейнбергом.

Главным источником слухов о романе Кристины с Пиментелли, которые, по мнению Д. Мэссон, не имели под собой никаких оснований хотя бы из-за влюблённости испанца в собственную супругу, стал датский посол Педер Юэль. Он регулярно докладывал в Копенгаген[72] о своих наблюдениях, в том числе и о «развратной обстановке» в стенах королевского дворца. Посол Кромвеля Б. Уайтлок, со своей стороны, полагал, что поведение Кристины было безупречным, а в её развлечениях ничего из ряда вон выходящего не наблюдалось.

Клеветническая кампания послужила для Кристины поводом для удаления от двора не только шведских фаворитов, но и самого Бурдело. Однако это случится к лету 1653 года, когда гнев и возмущение шведов французским безбожником достигнут таких размеров, что Кристине не останется ничего иного, как удалить его из страны. Дело дойдёт до того, что церковники станут проклинать его с амвона.

За Бурдело последовала толпа его соотечественников, осознавших, что и им при шведском дворе тоже делать нечего. Королева была близка к осуществлению решительного шага — отречься от престола, и все увеселения и развлечения стали

отходить для неё на задний план.

К сентябрю миссия Пиментелли дель Прадо формально была завершена. Однако когда Мадрид захотел отозвать его из Стокгольма, Пиментелли запаниковал: настоящее дело для испанской дипломатии лишь начиналось. Он понял, что появились все шансы для заключения союза Испании со Швецией, и попросил разрешения продлить срок своего пребывания в стране на неопределённое время. Кристина предложила остаться ему до декабря, когда в Регенсбурге (Германия) должны были пройти выборы римского короля, сына императора Священной Римской империи Фердинанда III. Швеция, по словам королевы, намеревалась поддержать его кандидатуру[73], если император Фердинанд прекратит проводить антишведскую политику. Пиментелли дель Прадо, убедившись в том, что может посодействовать благу обоих габсбургских государств[74], согласился задержаться в Швеции. Но выборы в Регенсбурге состоялись лишь в мае, так что Пиментелли пришлось ждать их завершения.

В дипломатическом корпусе Стокгольма задержка с отъездом Пиментелли дель Прадо вызвала беспокойство. Было очевидно, что он совершенно неспроста остался в Швеции и всё время вращается в обществе королевы. Особенно всполошились послы Голландии, Дании и Франции и приняли все меры к тому, чтобы напомнить королеве об обязательствах Швеции по отношению к своим союзникам.

С приездом в Стокгольм в конце 1653 года посла Англии Балстроуда Уайтлока тайные переговоры с участием Кристины и Пиментелли дель Прадо о шведско-испано-английском союзе сильно продвинулись, но до подписания трактата дело так и не дошло. Посол Кромвеля у Кристины тоже стал персоной «гратиссима». Он быстро нашёл общий язык с Кристиной (французский), и в своих беседах они достигли высокого уровня откровенности. Кристина соблазняла его возможностью заключения шведско-испано-английского альянса, Уайтлок был осторожен, потому что это выходило далеко за рамки полученных в Лондоне инструкций.

Англичанин сильно нервничал, ожидая реакции королевы на известие о том, что Кромвель стал лордом-протектором Англии, то есть практически королём. К его приятному удивлению, Кристина восприняла эту новость с большим энтузиазмом. Она даже выразила надежду на то, что Оливер Кромвель позже станет настоящим монархом, сравнила его положение с положением, в котором когда-то находился её предок Густав Васа, и добавила, что в период её несовершеннолетия канцлер Оксеншерна тоже

питал надежду украсить свою голову королевской короной.

Инициировав личную дипломатию, Кристина, однако, скоро поняла, что в своих происпанских увлечениях зашла слишком далеко[75], и поспешила отступить, заверив голландского посла и французского резидента в своей неизменной дружбе. Тогда, в свою очередь, стал беспокоиться Пиментелли дель Прадо. Обнаружив заигрывания королевы с голландским и французским представителями, он стал подозревать Кристину в неискренности и двойной игре. Он знал, что нарушение мира с Гаагой означало бы для Испании, уставшей от войны с Францией, подлинную катастрофу.

В конечном счёте между ним и королевой, по всей видимости, произошло объяснение, в результате которого Пиментелли дель Прадо узнал о далекоидущих личных планах королевы. Кризис был преодолён, а к февралю 1653 года доверие было восстановлено. Патер Малинес, генерал Пиментелли и его священник Шарль Александр Мандершейдт приступили к согласованию с королевой последних деталей её перехода в католическую веру. Достоверно известно, что Пиментелли дель Прадо в такой роковой для королевы час на свой страх и риск предложил ей долгожданные гарантии короля Испании. Было также решено, что засидевшийся в Швеции Малинес должен был вернуться в Рим, но по пути заехать в Мадрид и детально проинформировать обо всём Филиппа IV. В мае 1653 года он отправился в путь.

Сам Пиментелли дель Прадо, рискуя навлечь на себя немилость Филиппа IV, не посвятил в суть дела испанскую администрацию и дипломатию ни в Антверпене, ни в Брюсселе и стал готовиться к отъезду. Нужно было торопиться, чтобы обо всём самому проинформировать Мадрид. Его путь лежал через моря, но ни денег, ни судна в его распоряжении не было. Выручила Кристина. Она приказала снарядить для него фрегат «Геркулес» с семьюдесятью орудиями на борту и, несмотря на пустую казну, не обращая внимания на вопли шведов о «засилье иностранных проходимцев», выдала ему на дорожные расходы 20 тысяч крон. Она устроила генералу по-истине королевские проводы. При убытии из Стокгольма генерал Пиментелли дель Прадо произнёс многозначительную фразу, укрепляющую версию тех, кто предполагал в нём любовника Кристины: «Расставание с королевой смерти моей подобно!» Но может быть, он имел в виду возможное недовольство Филиппа IV его самовольным отъездом из Швеции?

Вслед испанцу одновременно неслись крики ликования и проклятий: шведы радовались, что одним папистом в стране

стало меньше, но проклинали его, потому что он был католиком. Каково же было разочарование народа, когда «Геркулес», попав в шторм, получил течь и вернулся обратно в Гётеборг! Каково было изумление и разочарование Кристины, когда генерал вдруг появился на берегах озера Веттерн в Вадстене, где она присутствовала на похоронах супруги герцога Адольфа Юхана! Она предложила ему немедленно продолжить путешествие по суше, чтобы не опоздать в Мадрид. Но в это время оставшийся в Стокгольме за генерала патер Мандершейдт сообщил о поступлении от Филиппа IV эстафеты, предписывавшей Пиментелли дель Прадо оставаться в Стокгольме до особого указания. Появление Пиментелли вместе с Кристиной в шведской столице вызвало несказанное удивление и властей, и иностранных дипломатов.

Было решено вместо Пиментелли дель Прадо отправить в Мадрид доминиканского монаха Хуана Баптиста Гуэмеса, входившего в состав копенгагенского посольства Испании. Теперь по-королевски путешествовал каплан. «Геркулес» починили, и в конце сентября 1653 года он понёсся с монахом и попутным ветром к берегам Испании. Потом в Антверпене Гуэмес примет от Кристины отречение от лютеранской веры и на какое-то время станет её исповедником.

Пиментелли дель Прадо с Мандершейдтом оставались в Стокгольме почти до самого дня сошествия Кристины с престола. Падре Мандершейдт оставил потомкам словесный портрет Кристины, составленный им накануне её отречения. Обращает на себя внимание его наблюдение, что королева последнее время не обращала внимания на свой внешний вид. Каким-то образом иезуиту удалось подсмотреть, что её сорочка была измазана чернилами, а бельё порвано.

А патер Малинес ещё в июле добрался до Мадрида и вручил письмо Пиментелли дель Прадо министру иностранных дел де Аро и Филиппу IV. По прочтении документа король дал указание немедленно отозвать Пиментелли из Швеции, и испанский курьер снова вступил в борьбу с расстоянием и временем[76]. Завершающий этап «вербовки» королевы Швеции иезуиты всё-таки поручили провести Филиппу IV. Подробностей своей миссии испанцы нам не оставили.

В апреле — мае 1653 года Кристину навестил П. Шану. Он приехал из Любека по указанию недавно вернувшегося из эмиграции кардинала Дж. Мазарини. Панические письма резидента Пике министру иностранных дел Э. Ш. де Ломени-Бриану возымели действие, и кардинал попросил Шану сделать собственное заключение о положении в столице и намерениях

королевы Кристины.

Шану нашёл Кристину сильно изменившейся. Она встретила его холодно, от былого доверия между ними не осталось и следа. Тем не менее она заверила его в том, что традиционное дружеское отношение Швеции к Франции осталось неизменным, и Шану поспешил обрадовать этим известием Версаль. Проницательность на сей раз изменила французу: королева поменяла-таки своё отношение к Франции, но, к счастью для него, дни Кристины на троне были сочтены, и отношения Швеции с Францией в конечном итоге не пострадали.

Именно в это время королева поставила в известность и Шану, и Бурдело о своих планах перейти в католичество и покинуть трон. Причина для этого была очевидной: успех миссии Малинеса и Пиментелли дель Прадо в Мадриде был не велик, и Кристине могла понадобиться материальная помощь со стороны Франции. К тому же расчётливая королева не хотела односторонней зависимости от Испании и надеялась на пожизненную ренту из Франции. Часть денег она предполагала взять из невыплаченных Францией субсидий Швеции во время Тридцатилетней войны, а другую часть пополнить за счёт продажи Франции шведского военно-морского флота. Королева была готова на всё, лишь бы обеспечить выполнение задуманного. П. Шану обещал сделать для неё всё возможное. К счастью для шведов, до продажи флота дело не дошло, и проблема, как мы увидим, разрешилась иным способом.

По приезде в Париж Шану принялся хлопотать за королеву Кристину, но Мазарини вопрос о выплате Кристине пособия постарался затянуть и вообще похоронить. К удивлению Шану, кардинал пошёл королеве навстречу в деле Бурдело и наградил того аббатством.

1653 год выдался ужасным.

Весна задержалась, и ещё в мае шёл снег. Не лучше было и лето, и только мягкая и тёплая осень вознаградила шведов за все предыдущие невзгоды. Но и осенью в столице царили смятение и беспокойство — из Данцига в город завезли чуму, и началась эпидемия. По улицам ходили помощники палачей и убивали бродячих собак. Всех подозреваемых в заболевании жителей изолировали и увозили подальше за город. На их домах красной краской ставили крест. В карантин отправили даже епископа, потому что у него заболела чумой одна из служанок.

Воздух в Стокгольме сгустился до физической осязаемости. Порождённую тревогой и страхом агрессию шведы излили на угнездившихся в королевском дворце иностранцев. Толпа

забросала их камнями и заставила сидеть в своих апартаментах, не высовывая носа. Кто-то выстрелил по направлению дворца и ранил в руку камеристку королевы. В самом дворце участились драки и дуэли. Герцог Адольф Юхан, гранмэтр королевы Кристины, повздорил с её фаворитом и бретёром, советником канцелярии её королевского величества и шефом дворцовой гвардии Клаэсом Тоттом и вызвал его на дуэль. Скандал решили просто: гранмэтра, как и Магнуса Делагарди, отлучили от двора и выслали за пределы столицы.

В Стокгольм прибыл посол императора Священной Римской империи Раймондо Пикколомини, и сразу распространились слухи о том, что Кристина собирается выйти замуж за австро-габсбургского принца. (Такой план действительно существовал, и его настойчиво пытался претворить в жизнь генерал Пиментелли дель Прадо.)

Произошли новые назначения в Государственный совет. Королева ввела в его состав семерых своих верных людей, которые должны были помочь ей во время обсуждения заявления об отречении. Все артисты, музыканты и учёные отправились в южном направлении — кто в Германию, кто в Голландию, а кто во Францию или в Италию. На аудиенцию к королеве зачастили дипломаты. В королевском дворце паковали мебель, фарфор, книги и прочие предметы искусства и домашней утвари и увозили в направлении Гётеборга. По совету Пиментелли дель Прадо Кристина самые важные и дорогие для себя вещи (гобелены, книги, рукописи и т. п.) заблаговременно стала свозить на яхту «Фортуна», на которой она собиралась отплыть из Швеции во Францию. Залы дворца зияли пустотами и пугали тревожной тишиной. Все видели, что королева Кристина впала в глубокую депрессию, хотя она всеми силами старалась скрыть своё настроение, «прыгая» по балам, банкетам и представлениям.

Двадцать шестого июля 1653 года генерал Г. Никкель сообщил по своим каналам, что «сохранит все ценности в полной сохранности до прибытия персоны, которую он с нетерпением ожидает». Он брался доставить этот груз стоимостью около полумиллиона ливров в Рим. Таким образом, место пребывания Кристины после отречения от престола было уже определено. Распускаемые королевой слухи о том, что она намеревается удалиться на остров Эланд или Готланд, были всего лишь дымовой завесой, призванной облегчить решение вопроса с её содержанием. Слухи об отречении королевы уже давно ползли по Стокгольму. Все уже знали, что новым королём станет полунемец-полушвед Карл Густав. Партия Оксеншерны убедилась в его качествах и примирилась с этим выбором. Между канцлером и

наследником установились самые тёплые отношения.

В ноябре 1653 года Кристина назначила своим представителем в Испанских Нидерландах друга Пиментелли дель Прадо — дона Гарсиа де Иллана, который под легендой торговых переговоров должен был хлопотать и о материальных условиях её пребывания там.

Подготовка к решающим событиям заканчивалась.

Мосты сжигались.

Потом королева незаметно исчезла и разъезжала по Швеции, посещая то Гётеборг, то Нючёпинг, то Упсалу.

В этот период произошла окончательная отставка от двора графа Магнуса Делагарди. Его падение было предрешено ещё летом, накануне его отъезда на эстонский остров Эзель, после того как он уговорил Кристину выслать её любимца Бурдело из Швеции. Граф тогда ещё не понимал, что одержанная над королевой победа окажется пирровой: королева никому не прощала верховенства над собой.

Вернувшись из «командировки», граф Магнус возомнил себя в состоянии начать борьбу по отлучению от двора и генерала Пиментелли дель Прадо. Он был чрезвычайно осторожен и прозондировал сперва реакцию Кристины на его сообщение о том, что Бурдело якобы стал поливать его имя грязью в Германии и Голландии. Королева высказала в адрес Бурдело неодобрение. Приободрившись после такого замечания, Делагарди стал жаловаться Кристине на то, что его несправедливо «оттирают» от двора и распространяются слухи о том, что королева Кристина подозревает его в измене и грозит лишить его милостей.

— Кто это говорит? — спросила оскорблённая королева.

— Барон Стейнберг.

Позвали гофмейстера Антона Стейнберга, но тот стал категорически отрицать свою причастность к распространению подобных слухов. Врал он или говорил правду, неясно, но в его положении всё отрицать было вполне естественной позицией. Сделай он признание — и прощайся с местом!

Тогда Делагарди назвал другой источник слухов — барона Кристофера Карла фон Шлиппенбаха, курляндского авантюриста, бретёра, лгуна и приспешника Карла Густава[77]. Будучи, по всей видимости, не уверенным в том, как поведёт себя этот человек на очной ставке с королевой, граф Магнус Делагарди написал ему письмо и попросил подтвердить его версию. Возможно, Шлиппенбах здесь был вообще ни при чём и Делагарди решил просто надавить на него своим авторитетом. Когда позвали барона, тот не моргнув глазом заявил, что никаких слухов о королеве и графе Делагарди он не распространял.

Выходило, что Делагарди сказал королеве неправду. Рассерженный фаворит назвал Шлиппенбаха негодяем и подлецом. Королева нашла эту сцену непристойной и недостойной для чести шведского графа и приказала Делагарди покинуть двор и не возвращаться до тех пор, пока тот не смоет с себя позора. Это был намёк на то, что позор мог быть смыт только дуэлью.

Делагарди обратился за советом к канцлеру и Карлу Густаву. А. Оксеншерна посоветовал графу подключить к делу свою мать и свою золовку, супругу брата Якоба. Как это было ни прискорбно для старой женщины, но ей вместе с невесткой пришлось идти на поклон к Кристине и просить её не причинять сыну зла. Кристина обещала оставить графа Магнуса в покое.

Наследник престола сказал зятю буквально следующее:

— Решать такие дела шпагой государственному человеку неприлично, это — удел юнцов. В наше сложное время человек должен контролировать свои эмоции, что во всех случаях полезно и угодно Богу.

Карл Густав, несомненно, сказал правильные вещи, но от них бывшему фавориту легче не стало. Он опасался гнева королевы. Но решил не сдаваться, для чего через полковника Х. Хамильтона обратился к Кристине с письменными объяснениями. В ответ он получил уничтожающую отповедь:

«Мой господин! Поскольку Вы желаете встречи со мной после того, как впали в мою немилость, должна Вам заявить, что это желание находится в противоречии с Вашими собственными интересами… Не моё дело спешить излечить Ваше несчастье, Вы сами должны ждать восстановления Вашей чести… Какую снисходительность по отношению к Вам я бы ни питала, я не могу заставить себя простить Вам Ваше преступление, совершённое против самих себя… Отныне я не в состоянии питать к Вам ничего иного, кроме сострадания, а оно между тем вряд ли пойдёт Вам на пользу, поскольку Вы сами обесценили ту доброту, которую я к Вам питала. Вы её недостойны… и сами обрекли себя на изгнание… Как Вы, после того что совершили, осмеливаетесь показываться мне на глаза? Вы заставляете меня стыдиться, когда я вспоминаю о тех многих низких поступках, которые Вы совершили, и как много раз Вы унижались перед теми самыми людьми, которых оскорбили… Если бы я обладала способностью раскаиваться, то я бы сожалела о том, что когда-то дружила с такой слабой душой, как Ваша… Слишком много сделала я для Вас за эти девять лет, в течение которых я не задумываясь брала Вас под свою защиту. Но теперь, когда Вы сами предаёте свои интересы, я считаю себя свободной от этого. Вы сами

распространили сведения, которые я решила сохранить в тайне до конца моих дней, показав, что Вы недостойны того успеха, который я Вам обеспечила. Если хотите выслушать критику, приходите. Я встречусь с Вами только на этом условии. Но не думайте, что слёзы или покорность заставят меня испытывать к Вам хотя бы малейшую симпатию…»

И после этого граф не оставил попыток оправдаться, но всё было напрасно: королева игнорировала его обращения, потом лишила его поста государственного казначея и изъяла у него ряд поместий и земель. (Когда во время отъезда из Швеции зашла речь о её апанаже, то она, не задумываясь, указала на подаренные когда-то фавориту поместья как на источник своих будущих доходов.) Как бы в насмешку над графом Магнусом Делагарди, Стейнберг и Шлиппенбах были возведены в графское достоинство, которого они вряд ли заслуживали.

С. Стольпе пишет, что, судя по архивным документам, Делагарди был не так уж и неправ в своих утверждениях о распускаемых при дворе слухах о нём и королеве. «Было бы вполне справедливо, — говорит писатель, — принять эту историю как моральное падение в первую очередь не Делагарди, а самой королевы. Она свидетельствует о том, что королеве при оценке этой банальной сплетни отказал разум, что она совершенно несправедливо преувеличила мелочи и поверила ненадёжным свидетелям и что она морально приговорила высшего чиновника королевства к дуэли с ничтожным авантюристом».

С. И. Улофссон с этим мнением не согласен и считает, что королева в данном случае поступила совершенно справедливо.

Но главное состояло в том, что Кристина освободилась, наконец, от того болезненного состояния, в которое она загнала себя и в котором пребывала в течение многих лет. Туго натянутая тетива эротического перенапряжения, наконец, лопнула, и наступило отрезвление. Мужчина, отвергший её любовные притязания, рано или поздно был обречён на изгнание. Она всё-таки была королева и — какая-никакая — женщина! Она нашла удобный предлог и под этим предлогом с жестокой последовательностью избавилась от опасной болезни. Униженный, лишённый власти и обесчещенный фаворит был раздавлен[78].

В биографии Кристины вряд ли найдётся какой-либо другой эпизод, который бы так ярко продемонстрировал все недостатки её характера. После М. Г. Делагарди Кристина обратила внимание на К. Тотта, но лишь на короткое время, хотя всезнающий Экеблад полагал, что «Её Величество очень, даже слишком сильно любила Тотта». Вероятно, поводом для такой

оценки послужил рыцарский турнир 1653 года, на котором хулиганствующий молодец объявил Кристину своей дамой, а вскоре получил от неё титул графа Карлбергского.

Любовь к фаворитам не повлияла существенно на положение королевы. В числе её приближённых в это время находился также Кристофер Дельфикус фон Дохна, прусский дворянин, служивший Фредрику Гессенскому в качестве посла при сент-джеймсском дворе. Вообще же, замечает проницательная наблюдательница Мэссон, королева Кристина обладала странной способностью окружать себя всякими проходимцами.

Во время беседы 21 января 1654 года Кристина проинформировала о своём роковом решении и посла Кромвеля Б. Уайтлока. Сообщение об этом было сделано в такой лёгкой форме, мимоходом, что англичанин сперва подумал, что королева шутит. Убедившись в противоположном, он решил рассказать ей подходящую к этому случаю притчу.

Сын уговорил своего старого отца, владельца имения, уйти на покой и передать все хлопоты по управлению ему. Старик согласился. Призвали друзей, нотариуса, знакомых и составили завещание, в котором отцу определили пенсию. Пока писали документ, старик удалился в гостиную и закурил трубку. Поскольку табак был крепкий, а лёгкие курильщика прокурены насквозь, он время от времени отхаркивался и плевал прямо на пол. Сыну это не понравилось, и он предложил ему продолжить курение на кухне. Старик согласился и ушёл. Когда документ был составлен, его снова позвали в гостиную. Там было всё готово: документ переписан начисто, перо стояло в чернильнице, горела свеча, лежали печать и сургуч — осталось только подписать завещание. «Я передумал», — неожиданно заявил старик. «Как так? — удивился сын. — Почему?» — «Потому что я хочу до конца своих дней плевать там, где мне захочется», — ответил тот.

— Вот и вам, молодая леди, следовало бы пожелать на будущее того же самого! — заключил свою сентенцию посол, обращаясь к Кристине.

Королева ответила, что скорее предпочтёт смириться с запретом плевать на ковры, нежели продолжать носить на голове корону. (Тут мы должны сильно усомниться в искренности такого предпочтения.)

В конце января 1654 года при дворе Кристины появился посол Священной Римской империи итальянский граф, опытный воин, проницательный и тонкий дипломат, Раймондо (Раймунд) Монтекукколи, оставивший о Кристине и её дворе весьма интересные заметки. В его миссию входило посватать королеву Кристину за герцога Фердинанда, старшего сына императора, что

явно указывало на то, что Габсбурги ещё не были уверены в исходе начатой орденом иезуитов акции. Кроме того, в Вене и Мадриде полагали, что лучшим способом приручить лютеранскую Швецию был бы династийный брак королевы с их представителем. Но, по всей видимости, дипломатическая почта запаздывала не только у испанцев, так что этот демарш императора оказался весьма запоздалым.

Кристина восприняла сватовство как комплимент — стать супругой императора было весьма и весьма почётно, а сам посол вошёл в круг её приближённых лиц и стал кавалером ордена Амаранта. Некоторое время спустя Пиментелли дель Прадо по поручению Кристины посвятил Монтекукколи в тайну её предстоящего отречения, и тот был вынужден задержаться в Швеции до апреля 1654 года. С собой он повёз письмо королевы кесарю, а заодно вывез из страны коробку с её драгоценностями. Вероятно, королева решила сама не рисковать и поручила сделать это человеку, пользовавшемуся дипломатическим иммунитетом.

Одновременно с венским послом в Стокгольм прибыл посол России, который, по свидетельству Мэссон, не явился на назначенную ему в десять часов утра королевой аудиенцию, поскольку был пьян[79].

Отсрочка, которую дала себе Кристина на три года, была довольно трудным для неё временем. Ей пришлось проводить политику оздоровления финансов страны, которая, в общем-то, закончилась неудачно. Став между двумя религиями, она разрывалась между чувством долга и своими желаниями. Она прилагала колоссальные усилия для того, чтобы склонить на свою сторону пфальцскую семью, канцлера Оксеншерну, правительство и парламент, и не всегда находила в них поддержку. Она выдержала поток брани и критики в свой адрес и окончательно разделалась со своим фаворитом М. Г. Делагарди. Ей приходилось улаживать горячий конфликт крестьянства с дворянами и делать много других неприятных вещей. Как вспоминал потом М. Делагарди, Кристина как-то в присутствии Карла Густава сказала, что каждое появление у неё в кабинете секретаря равносильно появлению дьявола.

И вот в Упсальском дворце 11 (22) февраля 1654 года Кристина в категорической форме снова сообщила Государственному совету о своём непреклонном решении отказаться от престола в пользу Карла Густава. Все историки пишут, что это заявление ввергло министров в состояние шока, последовали возгласы А. Оксеншерны: «Подлец будет тот, кто признает принца королём!» Советники лицемерили: вся столица уже знала, что Кристина собиралась сложить с себя корону

Швеции и передать её пфальц-цвейбрюккенскому кузену.

Так что запал у членов Госсовета был не тот, что три года тому назад, и они быстро успокоились — тем более что с Карлом Густавом они скоро нашли общий язык. Скорее в соответствии с требованием этикета, чем с искренней надеждой, они, как и три года тому назад, направили королеве «супликацию» — покорнейшую просьбу не покидать трон. Текст обращения снова поручили составить канцлеру и дали подписать двадцати пяти советникам. В нём содержалось предложение облегчить бремя власти «уставшей» королевы путём постепенной загрузки делами Карла Густава и, в частности, говорилось: «Мы не знаем, что Ваше Величество после отречения будет вести более спокойную жизнь, ибо мы не можем разгадать будущее. Не убеждены мы также и в том, что частная жизнь будет совместна с обязанностями Вашего Величества. Заботы и тревоги одинаковы для всех людей, и особенно это применимо к суверенным правителям, обязанностью которых, так сказать, является искать для себя удовольствие и находить счастье в трудах».

На Кристину это не подействовало. Канцлер Оксеншерна уже хорошо видел, как королева теряет интерес к государственным делам.

Тринадцатого (24) февраля, когда все снова собрались вместе на заседании риксдага, Кристина ответила категорическим «нет». Тогда робкий до сих пор Пер Брахе произнёс на заседании совета пламенную и яркую речь, которую по своей смелости можно считать уникальной в истории взаимоотношений шведских королей со своими подданными. Он сказал, в частности, что тот, кто посоветовал Кристине пойти на такой шаг, поступил «подло, а не как честный человек». Кристина за словом в карман не полезла и ответила: «А что если архиепископ согласится с моим отречением?» Вопрос после этого был исчерпан, и советники, приняв решение собрать риксдаг, разошлись.

После риксдага 20–21 апреля королева совершила поездку в Нючёпинг, чтобы проститься с матерью. Прощание проходило в присутствии Карла Густава, вызванного из своего убежища на острове Эланд. О чём говорили напоследок мать с дочерью, никто не знает, но некоторые историки пишут, что Кристина якобы сказала матери, показывая на Карла Густава:

— Я лишаю вас дочери, но зато даю вам сына.

Нет сомнений, что встреча эта была тяжёлой для обеих королев. Кристина позаботилась о материальном обеспечении Марии Элеоноры и договорилась на этот счёт с Карлом Густавом. Когда она утром покидала замок матери, та всё ещё сидела в своей комнате и, не сомкнув глаз за ночь, продолжала плакать.

В январе — феврале 1654 года Кристина и Шану, который в это время находился в Гааге, обменялись письмами. Королева изложила ему причины оставления престола, а француз ещё раз удостоверился в том, что Швеция остаётся союзницей Франции. Письмо к Шану было опубликовано в парижской газете, и теперь вся Европа знала о том, чем объяснялся странный поступок королевы Швеции. Естественно, о письме узнали и в Швеции.

Теперь оставался только сам акт отречения.

Глава двенадцатая
ОТРЕЧЕНИЕ

Mi nihil in terris[80].

Перед отъездом в Упсалу Кристина съехала из дворца и провела ночь на снятой в городе квартире. Через два месяца в Упсалу съехались представители сословий, до торжественного акта отречения оставались считанные дни. Хотя королева уже значительно сократила штат своего двора, а толпы её многочисленных иностранных друзей давно растворились в Европе, в гостиницах и на постоялых дворах Упсалы мест не хватало. Купцы города сияли от удовольствия — продажа товаров увеличилась многократно. Наибольшим спросом пользовались кружева и золотые галуны. В соборе стучали топорами плотники — шли приготовления к коронации Карла Густава.

В воспоминаниях Балстроуда Уайтлока имеется эпизод, дающий представление об атмосфере, в которой проходило обсуждение неожиданного поступка королевы, и о её взвинченном состоянии. Так, во время заседания риксдага 2(13) мая 1654 года в скромном одеянии и в подбитых гвоздями деревянных башмаках вперёд вышел представитель крестьян и дрожащим голосом обратился к королеве с просьбой всё хорошенько обдумать, прежде чем решаться на то, чтобы расстаться с народом. В самых трогательных и простых словах он сообщил ей о любви простого народа к своей королеве и в конце выступления попросил её не оставлять его на произвол судьбы. Он без всяких церемоний подошёл к Кристине, взял её руку и несколько раз поцеловал её, а потом повернулся спиной к Кристине, вытащил из кармана грязный носовой платок и стал вытирать им слёзы. Когда Уайтлок в беседе с Кристиной выразил своё восхищение поступком шведского крестьянина, она презрительно бросила:

— Неужели на вас этот клоун произвёл такое впечатление?

«…У неё не нашлось чувств не только для крестьянина как своего ближнего, но и для крестьянина как представителя народа, который она хладнокровно бросала на произвол судьбы», — горько замечает С. Стольпе.

Последними государственными актами королевы Кристины были изъятие агремана у португальского посла Антонио да Сильва, сменившего Перейру, и приём польского посланника. Государственный совет попытался возразить против

безрассудного и ничем не объяснимого антипортугальского демарша, но королева настояла на своём, объявив режим португальского герцога Браганцы нелегитимным[81]. Объяснение было простое: нужно было сделать дружеский жест по отношению к Испании.

С послом Польши она обошлась ещё круче: когда тот от имени Речи Посполитой в связи с назначением наследником шведского трона пфальц-цвейбрюккенского графа заявил протест, Кристина сказала, что её наследник в случае необходимости докажет своё право на трон Швеции в присутствии тридцати тысяч свидетелей. Это было равносильно объявлению полякам войны, но, судя по всему, от этого выигрывала и Кристина, и тем более Карл Густав. Война была у всех на устах, Польша вела себя высокомерно и вызывающе. Правда, всё это уже мало касалось королевы. Ей только осталось известить обо всём Карла Густава, который давно покинул Эланд и ждал решающих событий в Эскильстуне. И вот в начале мая пришло письмо от Кристины. Наконец-то свершилось! В жизни Карла Густава наступали крупные перемены.

Десятого мая по улицам Упсалы под звуки трубы и барабанную дробь прошли герольды и объявили о том, чтобы члены риксдага собирались на своё заседание. В эти же дни королева Кристина, двор и дипломатический корпус отмечали в Упсале бракосочетание барона Хорна и графини Спарре (по всей видимости, сестры или другой родственницы «прекрасной Эббы»). Всё шло, как и прежде, колесо развлечений вертелось до последнего дня пребывания королевы на троне.

Но роковое событие неумолимо приближалось и давало о себе знать. 15 мая Экеблад написал брату в провинцию: «Сегодня Её Величество начала увольнять своих слуг, объявив всему женскому персоналу, что они могут убираться прочь. С ней останутся лишь две-три фрейлины». В то время как члены двора Карла Густава примеряли новые ливреи и украшали их галунами и позументами, «как это делали мы сами четыре года тому назад», продолжал обиженный придворный, «у членов нашего двора не хватает даже на хлеб».

Огромная библиотека Кристины под предлогом необходимости изготовления переплётов для книг, а также драгоценные обои и гобелены уже лежали в трюмах «Фортуны», готовой по первому знаку королевы отправиться в Антверпен.

Шестнадцатого мая Карл Густав торжественно въехал в Упсалу.

Между тем вопрос об апанаже Кристины был всё ещё не отрегулирован. Над ним долго и нудно колдовали и юристы, и

бюрократы из канцелярии, и члены правительства, находя требования королевы чрезвычайными. Кроме того, раздавались голоса ограничить право получения апанажа оговоркой о том, чтобы она дала обещание не переменять веру. Это вызвало с её стороны взрыв негодования и возмущения: как, к ней, к королеве, проявляется недоверие! Это в высшей степени оскорбительно! Но Кристина сдержалась и лицемерно ответила, что в поправке нет необходимости, поскольку она родилась и воспитывалась в лютеранской вере, а дополнительное заверение только вызовет лишние толки.

Правители всегда врут народу для его же пользы.

В конечном итоге всем заткнул рты Карл Густав: он повелел делать всё так, как желает кузина. Что бы там ни говорили, а он любил Кристину искренно и нежно и доказывал это много раз.

А королева запросила 200 тысяч риксдалеров в год, и встал вопрос, откуда брать деньги. Поскольку казна находилась в своём перманентном пустом состоянии, то казначей и доверенный Кристины, бывший адмирал Х. Флеминг, предложил в качестве обеспечения апанажа несколько государственных уделов в Швеции и Германии. Но при обсуждении этого предложения оказалось, что свободных уделов в Шведском государстве практически не было — всё раздали дворянам. Тогда Кристина предложила нужные ей объекты изъять в пользу государства и отдать ей. Раздалось страшное слово «редукция», и члены Госсовета единодушно выступили против. Особенно возмущался Пер Брахе.

Нужно было прибегнуть к радикальным средствам — обману, что Х. Флемингом и было сделано. Владельцам изъятых имений королева пообещала компенсацию, а при беседе с Карлом Густавом она посоветовала ему не обращать на эти обещания никакого внимания. Так что Кристину можно с полным правом считать первым монархом Швеции, который инициировал экспроприацию помещичьих земель в пользу обедневшего государства.

На одном из критических этапов обсуждения Кристина сделала беспрецедентный шаг: она предложила Уайтлоку включить в текст шведско-английского союзного договора секретную статью, по которой лорд-протектор Англии О. Кромвель в обмен на её подпись под договором должен был согласиться выплачивать ей апанаж. У Б. Уайтлока, немало повидавшего на своём веку и уже привыкшего к «эскападам» шведской королевы, отвисла челюсть. К счастью для Швеции, из англо-шведско-испанского договора ничего не вышло. Выслушал Уайтлок и предложение о продаже Англии шведской колонии в

Западной Африке. Разумеется, деньги за неё предназначались лично королеве. С. И. Улофссон пишет, что королеву Кристину часто называли воплощением добродетели и верности своему государству, но на самом деле она была всегда верна своим интересам и собственной индивидуальности.

Не менее отчаянным поступком королевы было предложение всё тому же Уайтлоку послать против датчан[82] английский флот, завоевать у них Зеландию, то есть половину Дании, и отдать её в управление Кристине для извлечения денег на её содержание! Лихо, не правда ли?

Ошеломлённый Уайтлок напустил целое облако дипломатической завесы, бормоча какие-то отговорки, а на прощание дал Кристине совет внимательнее отнестись к своим средствам и порекомендовал для их управления подобрать себе честного и надёжного человека. Англичанин как в воду смотрел: денежный вопрос станет для Кристины постоянной головной болью.

В одной из статей Акта об отречении содержится следующее положение: «Королева, которая добровольно слагает с себя корону, сохраняет за собой право выносить приговоры в отношении всех членов и слуг её двора, в том числе и в других странах». Как мы убедимся позже, это положение тоже приобретёт в жизни Кристины актуальность.

И вот роковой день настал.

Ранним утром 6 (17) июня 1654 года в упсальской резиденции королевы Кристины собрались Карл Густав и члены Государственного совета. Все, кроме кронпринца, одетого в скромный чёрный костюм, были в парадных мундирах и платьях. Королева надела длинное белоснежное платье из тафты.

В комнату внесли переписанные начисто экземпляры текста отречения, гарантий Карла Густава относительно дальнейшего содержания бывшей королевы и некоторые другие документы, которые тут же были подписаны и снабжены государственной печатью.

Королеву в последний раз облачили в торжественные королевские одежды: на плечи накинули подбитый горностаем коронационный плащ (мантию) из голубой парчи с вышитыми золотом тремя коронами. Пять высших советников передали королеве пять символов королевской власти: меч, ключ, яблоко, скипетр и корону. Меч и ключ королева сама нести не могла, и за неё это сделал Ларс Кагг (вообще-то это была обязанность Густава Хорна, но он по каким-то причинам отсутствовал). Яблоко вручил Кристине канцлер, скипетр — адмирал Габриэль Оксеншерна, а корону на её голову в последний раз водрузил Пер Брахе. Он и

здесь «отличился», заявив, что снимать корону в конце акта отречения у него не поднимутся руки. Канцлер вслед за ним заявил, что снимает с себя председательство на этой горькой церемонии. Руководить ею поручили Шерингу Русенхане.

Часы пробили девять.

Королева, сопровождаемая наивысшей дворянской аристократией и членами Госсовета, с короной на голове, держа в правой руке скипетр, а в левой — яблоко, направилась в зал, наполненный представителями остальных трёх сословий. На балконах расположились многочисленные зрители, включая женщин, детей и иностранных дипломатов. В зале была сооружена платформа, на которую вели несколько ступеней. На платформе стояло посеребрённое кресло, подаренное королеве графом М. Г. Делагарди к её коронации. С правой стороны платформы, на полу, было поставлено кресло для Карла Густава, по левую сторону — стол с пятью подушками для государственных символов. Высшие чиновники королевства — 32 советника — во главе с Акселем Оксеншерной и Пером Брахе с мрачными физиономиями выстроились далеко позади серебряного кресла. Рядом с королевой, по всей видимости, по её собственному желанию, находились фавориты К. Тотт, А. Стейнберг и К. фон Шлиппенбах.

Вышедший вперёд Шеринг Русенхане зачитал заявление Кристины, в котором она освобождала своих подданных от присяги и, при соблюдении определённых условий, передавала власть Карлу Густаву. Прочитав, Русенхане передал документ Карлу Густаву. Взамен он получил от него другой документ и тоже громко прочитал его. В нём Карл Густав обещал выполнить указанные в заявлении Кристины условия. Русенхане возвратил прочитанный документ Карлу Густаву, а тот, сделав низкие поклоны перед серебряным троном, поднялся на платформу и передал его королеве Кристине.

Кристина сделала знак пяти высшим чиновникам подойти и получить от неё символы государственной власти. Меч и ключ положили на стол на подушки. По знаку риксмаршала вперёд выступили Аксель и Габриэль Оксеншерны, взяли у Кристины яблоко и скипетр и тоже положили их на стол. Все теперь ждали, когда выйдет риксдротс и снимет с головы Кристины корону, но тот, несмотря на знаки со стороны риксмаршала, стоял с каменным выражением лица и не двигался с места. Проигнорировал он и приглашение самой Кристины. Возникла щекотливая пауза. Все затаили дыхание и ждали, чем всё это закончится. Тогда Кристина сама сняла корону с головы, и тут к ней быстро подошёл Пер Брахе и принял корону из её рук. По

залу пронёсся вздох облегчения. После Брахе к королеве подошли двое камергеров, сняли с неё мантию и присоединили её к предметам на столе.

Странно было смотреть на королеву, одетую лишь в белое платье, с обнажённой головой и веером в руке. Она медленно подошла к ступеням лестницы и сошла в зал. На нижней ступеньке она остановилась и замерла. Риксмаршал дал знак, и Кристина заговорила.

— Я благодарю Господа Бога всемогущего, который позволил мне родиться в королевском роде и возвысил меня до власти над таким большим и могущественным королевством, — начала она, — а также за то, что он не оставил меня своими милостями и успехом. Я также благодарю мужей, которые во время моего несовершеннолетия правили страной, а также Государственный совет и сословия за их верность и преданность мне.

Кристина перечислила дела, которые совершились в стране за время её правления, говорила о честном выполнении своего долга перед подданными, вспомнила славные дела отца, короля Густава II Адольфа и сказала:

— В лице этого князя, — и тут она указала пальцем на Карла Густава, — я даю вам короля, обладающего необходимыми великими качествами, который пойдёт по стопам моего отца и обеспечит вам благополучие. Ваше благополучие является моим единственным намерением в тех мерах, которые я сегодня предприняла. Своей честью обещаю и в будущем всеми силами способствовать благосостоянию Швеции и её жителей.

Кристина говорила около получаса.

Её речь была лёгкой, гладкой и простой, впрочем, не лишённой внутреннего волнения. Временами голос её дрожал, а в глазах сверкали слёзы. Во всяком случае, впечатление на присутствовавших было произведено непередаваемое. Пер Брахе потом вспоминал: «Её Величество стояла и говорила так красиво и свободно; иногда слёзы застревали у неё в горле. Её Величество растрогала до слёз и благородных мужей, и женщин; и они сожалели, что она отказалась от своего рода и от власти до того, как это сделал бы Господь Бог; она стояла прекрасная, словно ангел».

От имени сословий речь держал Шеринг Русенхане. Он выразил глубокое сожаление по поводу ухода королевы, отметил удачный выбор наследника трона, поблагодарил Кристину за всё, что она сделала для страны, и попросил у неё прощения от имени тех, кто, возможно, делал что-то не так. После этого оратор и представители всех четырёх сословий приложились к руке теперь уже бывшей королевы.

Кристина сошла, наконец, с последней ступени лестницы и обратилась с речью к Карлу Густаву, поспешившему ей навстречу. Она напомнила ему о славных королях Швеции, занимавших трон в прошлом, и призвала его быть достойным их памяти. Она напомнила присутствующим, что при выборе наследника руководствовалась не родственными чувствами, а исключительно его деловыми качествами. В заключение она попросила Карла Густава позаботиться о её матери. После этого она взяла кузена за руку, усадила его на трон и, указав на символы государственной власти, призвала его облачиться, как подобает королю.

Согласно сценарию Карл Густав должен был теперь отказаться от высокой чести и просить кузину вернуться на трон. Кузина, по тому же сценарию, но уже более искренно, чем кузен, должна была это предложение решительно отвергнуть. Последовал обмен запланированными по протоколу любезностями и комплиментами, в результате которого они оба снова спустились с платформы и стали рядом на полу.

Очередь говорить была за Карлом Густавом. Он обратился к правительству и парламенту с заверением править честно и по закону и просил Бога даровать королевству мир (в чём ему, вероятно, по причине неискренности просьбы, было отказано, ибо всё его правление с первого до последнего дня прошло под грохот пушечных залпов). Речь нового короля была ясной, чёткой и содержательной и всем понравилась. От имени риксдага с ответной речью опять выступил Русенхане и пообещал новому королю верность и послушание, после чего он и представители сословий приложились к руке нового короля.

На этом церемония отречения и передачи власти закончилась.

При выходе из зала между бывшей королевой и королём возникла заминка из-за того, кто должен был выйти первым. Каждый из них вежливо уступал друг другу дорогу. Победил мужчина, и Кристина покинула зал первой. Все министры прошли в королевскую комнату, чтобы попрощаться с бывшей королевой. После них пришли придворные, потом дворяне. Королева всем подавала руку и говорила какие-то слова.

Через четыре часа в Упсальском соборе состоялась коронация Карла Густава. Нужно было воспользоваться упсальским форумом и кворумом, чтобы не расходовать средства на пустую формальность. Кристина в это время гуляла в окрестностях города. Когда коронационная процессия вышла из собора на улицу, она была уже во дворце и наблюдала за ней из своего окна.

Позже, ближе к вечеру, она написала письмо во Французскую

академию в ответ на обращение французов заполучить её портрет, а потом села за письмо матери. Вот его текст:

«Поскольку судьба вынуждает меня навсегда покинуть место, где я родилась, и потому не имею чести лично засвидетельствовать мою преданность и почтение Вашему Величеству, считаю моим долгом припасть теперь к Вашим стопам, чтобы попрощаться с Вашим Величеством и молить Вас принять моё решение навсегда расстаться с Вами. Я знаю, Мадам, что мои действия не всегда удостаивались Вашего одобрения и что это последнее решение Вам тоже не понравится. Но судьба, которая пожелала сделать меня самым счастливым человеком на земле, диктует, чтобы я ценой Вашего недовольства приняла это счастье. Неправда, Мадам, что я в данном случае не ощущаю боли из-за того, что мне не дано с Вами вновь увидеться. Но когда я вижу, что не смогу Вам быть ничем полезной, то чувствую себя от этого менее неловко; я-то знаю, что я — единственный человек, кто пострадает от этой потери. Именно поэтому я прощаюсь с Вашим Величеством и благодарю Вас со всей моей преданностью и почтением, которые я Вам должна за ту милость и расположение, оказываемые мне Вами за то время, когда я имела честь быть у Ваших ног. Мне ничего не нужно в той ситуации, в которой теперь нахожусь, если бы мне только было позволено умереть, целуя Ваши ноги. Но поскольку судьба сочла меня недостойной этой чести, я отказываюсь от неё, не жалуясь, и никогда не забуду и на расстоянии дарить Вашему Величеству уважение и почтение, которые я Вам должна. Прошу покорнейше простить меня, если я до сих пор в чём-то осталась в этом смысле Вашим должником. Бог мой свидетель, что я всегда испытывала почтение в соответствии с моим долгом, и если я имела несчастье не угождать Вашему Величеству, то в будущем постараюсь искупить это изгнанием, которое добровольно накладываю на себя и навсегда лишаю себя чести находиться близ Вас. Будьте довольны этим искуплением за мои ошибки и избавьте меня от тяжести Вашего осуждения. Как бы Ваше Величество ни поступило, я всегда буду помнить, что я Ваша должница. Я не буду испытывать чувство, которое заставило бы Ваше Величество сожалеть о том, что Вы подарили мне жизнь. И последнее, Мадам: осмелюсь заверить, что я никогда не совершу поступка, недостойного дочери великого Густава. Где бы я ни находилась, я есть и буду Вашего Величества покорная и послушная дочь и слуга Кристина».

В письме, как мы видим, нет и проблеска родственных чувств к матери. Оно содержит «дежурные» напыщенные комплименты, типичные для эпистолярного жанра того времени. Стена

отчуждения между матерью и дочерью так и осталась навсегда.

Закончив писать, Кристина переоделась и отправилась на торжественный банкет по случаю коронации короля Швеции. Карл X Густав снова проявил деликатность, уступая ей главное место за столом, но под давлением Кристины он сдался и занял место, которое обычно принадлежало ей. На обеде только что коронованный король подарил бывшей королеве 50 тысяч риксдалеров и заколку для волос стоимостью 38 тысяч риксдалеров.

Вернувшись в свои апартаменты, Кристина приказала слуге отрезать ей волосы. Когда тот в недоумении посмотрел на неё, она сказала: «Поторопись, Юхан, режь. Уж не думаешь ли ты, что я, отдав корону, буду горевать по волосам?»

В 11 часов вечера королева в сопровождении короля, некоторых членов Государственного совета и избранных дворян выехала из Упсалы в Стокгольм. Все подготовительные меры к отъезду из Швеции были уже приняты, и Кристина торопилась сесть на ожидавший её корабль. Сопровождавшие лица доехали до местечка Флоттсунд и остановились, чтобы попрощаться. Полил сильный дождь, верховые промокли до нитки, и со стороны было не понятно, вытирали люди с лица слёзы или капли дождя. Карл Густав тоже было попрощался с Кристиной, но потом повернул коня обратно, догнал кортеж королевы и проводил её до самой Мэшты. В Упсале он появился лишь в 11 часов следующего дня. О чём говорили в последний раз кузены, нам не известно.

В воскресенье Кристина как ни в чём не бывало посетила Большой стокгольмский собор и приняла там причастие, чтобы продемонстрировать свою принадлежность к лютеранской церкви. Это была ещё одна циничная и коварная уловка бывшей королевы, призванная усыпить бдительность Церкви и народа.

Подведём некоторые итоги.

Большинство биографов королевы Кристины склоняются к мнению, что толчком, побудившим её совершить описанные выше драматичные поступки, явилась проблема замужества. Католик С. Стольпе считает, что основным мотивом для отречения от престола было желание королевы ещё больше возвыситься над обычными смертными и в своих добродетелях превзойти всех известных ей великих людей — Александра Македонского, Кира и своего отца короля Густава II Адольфа. Согласно своим стоическим убеждениям она уже достигла того уровня, который возвышал её над толпой и приближал к самому Богу. Но королеве всего этого было мало.

Плохо или хорошо, но ей удалось справиться со своими

личными проблемами, и теперь, для того чтобы войти в историю, она считала целесообразным пойти на самую большую жертву, на которую только была способна: отказаться от своего привилегированного положения, передать трон наследнику и покинуть страну, то есть отречься от внешнего общечеловеческого величия и добиться величия внутреннего, духовного. Победив себя, подавив свои страсти и отбросив прочь привилегии, она создавала свою собственную гордую, ни с чем не сравнимую божественную судьбу.

Согласимся в этом со Стольпе, но прибавим, что главной причиной её ухода с трона было всё-таки неприятие замужества. Для этого мало отречения, надо было покинуть страну и начать новую жизнь. Причём, как скоро выяснится, вера во всей этой странной истории играла второстепенную роль и главное для королевы было уехать из Швеции. Переход в иную веру — всего лишь инструмент выполнения этого грандиозного замысла. Об этом свидетельствует тот факт, что буквально накануне своего отречения, в начале 1654 года, она не исключала — при определённых условиях — избрания для своего проживания Дании, то есть не отвергала напрочь лютеранства.

О Дании, пишет Стольпе, она вполне откровенно и серьёзно говорила английскому послу Уайтлоку[83]. Затем её взоры обратились якобы на Испанию и Францию, а потом уж на Италию. Последняя страна была ей близка по своим культурным достижениям и влекла её своим солнечным климатом. Кристине казалось, что Италия в конечном итоге больше всего отвечала её замыслу. Жить в католической стране в качестве протестанта было так же не просто, как католику в Дании, поэтому нужно было решиться на смену вероисповедания. Но, повторяет Стольпе, религия была вторичным элементом плана, и осуществить переход из одной веры в другую было не так уж и сложно, тем более что недвусмысленные гарантии на этот счёт она из Ватикана уже получила.

Так, или примерно так, должна была рассуждать королева Кристина в 1654 году в период, непосредственно предшествующий отречению и в первые дни и недели после него. Об этом свидетельствует её письмо П. Шану от 1654 года, имеющее программный характер: «Я давно уже сообщила Вам причины, заставившие меня не отступать от желания отречься от престола… Я серьёзно над этим размышляла целых восемь лет… Меня мало волнуют аплодисменты. Я знаю, что сцену, на которой я играла, было невозможно оформить по законам театра… Пусть судит каждый, как ему заблагорассудится… Я знаю, что благожелательно меня оценит меньшинство, и уверена, что Вы

являетесь одним из них.

Другим ничего не известно о моих мотивах, они знают мало или вовсе ничего о моём характере и моей натуре, ибо я не раскрываю своего сердца никому, кроме Вас и ещё одного друга, душа которого так же велика и благородна, как Ваша… Остальных я презираю… В том спокойном мире, который я готовлю для себя, я не буду настолько праздной, чтобы посвящать им свои мысли. Я употреблю своё свободное время на то, чтобы оглянуться на свою прошлую жизнь и без удивления или раскаяния исправить свои ошибки. Какое удовольствие составит мне мысль о том, что я с радостным сердцем оказывала добро людям и без жалости наказывала тех, кто этого заслуживал. Меня будет ласкать утешение, что я не наказала невинного и даже пощадила тех, которые были виноваты. Я ставила благосостояние государства превыше всего… мне не о чем сожалеть за время моего правления. Я без всякого зазнайства и хвастовства обладала властью и расстаюсь с ней легко и беззаботно. Не испытывайте обо мне страха — я в безопасности. Моё благополучие не подвластно капризам судьбы. Что бы со мной ни произошло, я всегда буду счастлива… Да, да, я счастливее всех и останусь таковой навсегда, я не боюсь предсказания, о котором Вы говорите… Если бы состояние моей души было открыто для всех, то я получила бы слишком много завистников моему счастью. Но Вы слишком хорошо знаете меня, чтобы не завидовать мне, и я заслуживаю это, ибо я достаточно искренна, чтобы признать Ваши заслуги в том, что я исповедую такой взгляд на вещи; я усвоила его во время моих долгих бесед с Вами… Уверена, что, несмотря на эти перемены, Вы не перестанете быть моим другом. Я не отказываюсь ни от чего, что достойно уважения».

В письме ни слова не говорится ни о вере, ни о переходе в католичество. Это письмо не христианки, а сухого и расчётливого стоика, ставящего превыше всего себя, свой покой, свои мысли и свободу. Мнение других людей её не интересует, чувство сострадания к ближнему ей чуждо. У Кристины 1654 года полностью отсутствует чувство греха, сознание своих недостатков или вины. Она прямо пишет, что сожалеть ей не о чем. Она вышла на путь самосовершенствования, высшего призвания человека, и полна решимости добиться на этом пути невиданных успехов.

Читателю предстоит убедиться, насколько оправдаются эти ожидания.

Часть вторая
ГОРЕЧЬ ПОЗНАНИЯ

Et sine te[84].

Глава тринадцатая
ПЕРВЫЕ ГЛОТКИ СВОБОДЫ

Судьба, подобно распутным женщинам, никогда не бывает так опасна, как тогда, когда она расточает свои ласки.

А. Оксеншерна

После нескольких дней пребывания в столице Кристина добралась до Норрчёпинга, демонстрируя всем, что направляется в Кальмар, где её якобы ждало судно, предназначенное для доставки во фламандский порт Спаа. На самом деле Кальмар в её планы не входил, и потому она резко изменила маршрут и отправила курьера в Хельсингборг, чтобы там готовили подставу лошадей на Гамбург. В оправдание изменения маршрута она написала Карлу X письмо, в котором сообщала, что неожиданное недомогание и смена ветра помешали ей воспользоваться заранее утверждённым планом передвижения. Она спешила попасть на датскую территорию и потому приказала своему кортежу двигаться к Хальмстаду[85].

Среди сопровождавших её лиц находился опальный в Дании Корфитц Ульфельдт с супругой графиней Элеонорой Шлезвиг-Голштинской. Датчанин, рассорившийся со своим королём, жил в Швеции и выдал королеве Кристине значительную сумму денег на дорогу[86].

В местечке Лахольм королева сделала остановку, чтобы отрезать себе волосы — очевидно, упсальская стрижка оказалась недостаточно короткой. На датской границе её встретил гонец с посланием от Карла X. Бывший жених в последний раз спрашивал, не согласится ли Кристина выйти за него замуж. Кристина попросила передать королю, что если бы она хотела выйти за него замуж, то это проще было бы сделать, когда она сидела на троне.

Переправившись через ручей, отделявший шведские земли от датских, она радостно воскликнула:

— Наконец-то я свободна и покинула Швецию, в которую, надеюсь, никогда не вернусь!

Очутившись за пределами своей страны, Кристина переоделась в мужское платье, натянула мужские сапоги, прицепила к поясу шпагу, повесила через плечо ружьё и, приняв обличье другого своего спутника, графа Кристофера Дельфикуса

фон Дохны, с которым у неё было некоторое сходство, поскакала верхом. Свобода и южный ветер кружили голову, а путешествие в мужском обличье представлялось ей жутким приключением. Возможно, ей казалось, что так её никто не узнает и в Европе на её счёт будет меньше пересудов и толков. На самом деле это только разожгло любопытство и породило массу слухов и легенд, которые будут окружать её до самой смерти. Королева вообще, а частное лицо Кристина в особенности, не могла уйти от глаз жаждущей публики. Да что там публика! Разведывательные службы многих стран с завидной аккуратностью отслеживали её путь из Швеции, чтобы выяснить её конечную цель и намерения.

Агент английской тайной службы мистер Брэдшоу 7 июля 1654 года докладывал министру иностранных дел Англии Джону Тарлоу из датского Хельсингёра: «Королева Швеции сегодня утром прибыла сюда переодетая в мужское платье. Она приплыла из Эльсенберга (Хельсингборга. — Б. Г.) со свитой в числе 12 человек, среди которых находился граф Дохна. Королева вошла в таверну в сапогах и с карабином за плечами…»

Мужская одежда не только не помогала оставаться неузнанной, а, наоборот, самым предательским способом выдавала её. Женщина, переодетая в мужчину, была тогда большой редкостью, и мужское обличье Кристины порождало только любопытство и способствовало скандализации её личности. Настоящего графа Дохну, как мы видим, английский агент узнал без труда, что дало Кристине повод похвастаться тем, как какая-то девушка приняла её за мужчину и начала с ней кокетничать. С этого момента в Европе стали сплетничать о мужеподобности Кристины. «О королеве Швеции и её амазонском поведении распространяются истории, согласно которым природа ошиблась на ней, она должна была родиться мужчиной, потому что, как говорят, она разговаривает громким голосом и отменно сквернословит», — докладывал всё тот же мистер Брэдшоу[87].

По пути в Гамбург Кристине пришла в голову мысль завернуть в Голштинию. Там у готторп-голштинского герцога Фридриха III были на выданье две дочери — почему не посмотреть на них и не предложить одну из них брошенному жениху? К тому же брачный союз с Голштинией мог бы оказаться весьма кстати для Швеции в её постоянной борьбе с Данией. Для того чтобы предстать перед лицом герцога, ей пришлось снова поменять одежду, сбросить с себя мужской костюм и переодеться в женское платье.

Погостив накоротке в замке герцога в Ландграве, Кристина пришла к выводу, что более подходящей невестой для Карла X Густава могла бы стать старшая дочь герцога Магдалена Сибилла.

Карл X Густав взял себе в жёны младшую Хедвигу Элеонору[88].

Третьего (14) июля 1654 года Кристина была уже в Гамбурге.

Там её встретила толпа любопытных горожан. Всем было интересно взглянуть на женщину, которая, по словам принца Конде, так легко сбросила с себя корону, за которую многие отдают свою жизнь. Шведская королева не разочаровала гамбуржцев: она въехала в город верхом на коне в юбке, из-под которой выглядывали мужские брюки, с ярким красным шарфом вокруг шеи (по последней испанской моде!) и прямо направилась к дому местного банкира-еврея Диего (он же Абрахам) Тексейры — того самого, который кредитовал в своё время иезуитов Малинеса и Кассати. Все были в ужасе: как августейшая особа могла остановиться в доме еврея?! Ответ последовал незамедлительно: «А разве евреи не христиане?»

Вопрос был исчерпан и больше не задавался.

Контакт с банкиром Тексейрой был чисто деловым[89]: Кристина поручала ему заняться управлением средств, собираемых в её пользу с недвижимости в Мекленбурге. Натуральные продукты подлежали продаже, шведские риксдалеры через голландские гульдены и венецианские дукаты должны были переводиться в римские эскудо и попадать в руки Кристины. Польщённый высочайшим вниманием банкир тоже дал ей полезный совет — не забывать поддерживать контакт с королём Швеции, от которого зависело теперь её материальное содержание, и не лениться поддерживать имидж лютеранки.

Кристина, обычно никого не слушавшая, последовала рекомендациям Тексейры, написала из Гамбурга тёплое письмо Карлу Густаву и посетила службу в местной лютеранской церкви. Отцы города и знатные лица Гамбурга торжественно приветствовали её. Она нанесла визиты некоторым видным гамбуржцам, осмотрела окрестности города и приняла гостей, в частности кузину Элеонору Кристину, сестру Карла X, и её супруга ландграфа Фредрика Гессенского. Одним словом, всё прошло гладко и оставило у Кристины приятные воспоминания.

Следующим пунктом на её пути был Антверпен, но Кристина решила заглянуть и в Мюнстер. После Гамбурга королевой вновь овладело пьянящее чувство свободы и легкомысленности. Ничто не довлело над ней отныне — ни унылые секретари и министры со своими скучными докладами, ни обязательные церемонии во дворце, ни необходимость притворяться и скрывать страшные тайны от окружения. Всё осталось позади, впереди — никаких обязанностей и жизнь, полная развлечений, интересных встреч и

открытий.

Ранним утром 31 июля[90] 1654 года Кристина в сопровождении баронов Стейнберга и Карла фон Суупа с тремя слугами въехала в Мюнстер. В этом городе никто не знал, что за французским кавалером с беретом на голове и шпагой у пояса скрывалась личность монарха, только что отказавшегося от короны одной из могущественных держав Европы. Говорили лишь, что появилась какая-то шведская графиня в мужском платье. Не успела карета остановиться перед трактиром, как королева приказала ехать в иезуитскую школу. Там её не без некоторого удивления приняли и провели по зданию.

Королева находилась в приподнятом настроении, интересовалась преподаванием различных предметов и задавала водившему её иезуиту вопросы. В частности, она спросила его, почему он, не зная, кого принимает, оказывает гостям такое гостеприимство:

— Вы, иезуиты, ко всем так добры и услужливы?

— Да, — ответил патер, — в особенности когда речь идёт о лицах, заслуживающих особого внимания. Задача нашего ордена — для всех быть всем для спасения душ.

Королева рассмеялась, сделала несколько ироничных замечаний по поводу иезуитских методов спасения душ и высказала подозрение, что в конечном итоге за их религиозной деятельностью скрывалась политика.

Потом её повели в ризницу, трапезную, библиотеку. Патер рассказал о том, книги каких знаменитых авторов используются при подготовке молодых семинаристов, а королева со знанием дела комментировала его рассказ и даже спросила, почему у них не было того или иного автора. Мимо прошли несколько иезуитов, и Кристина при их виде оживилась и сказала:

— О, смотрите — целый полк иезуитов!

Вернувшись в трапезную, патер предложил гостям выпить вина во имя Иисуса Христа. Сопровождавшие королеву Стейнберг и фон Сууп добросовестно выпили бокалы до дна, в то время как Кристина лишь пригубила вино и довольно вызывающе сказала, что вина не любит.

Через три дня она вызвала к себе трёх отцов школы и пожертвовала учебному заведению 100 дукатов.

Оставшись наедине с иезуитами, она раскрыла, наконец, своё инкогнито.

— Что вы скажете на то, что я профанировала ваш дом? — спросила она иезуитов.

Вероятно, иезуиты знали, как ответить на такую легковесную шутку — за 100 дукатов можно было потерпеть и «профанацию».

Перед убытием из Мюнстера Кристина ещё раз посетила школу иезуитов и присутствовала там на богослужении, скрываясь от народа за занавеской. Один из иезуитов оставил об этих посещениях воспоминания, в которых он, не зная, собственно, что за персона побывала у них в гостях, с проницательной справедливостью отметил легковесность в поведении дамы и склонность её к едкой иронии.

Вышеизложенное свидетельствует, что королева никоим образом не переживала по поводу понесённых утрат, что она радовалась свободе и с оптимизмом смотрела в будущее. Католичество? А что — католичество? Такая же религия, как и все другие. Она нисколько не сожалела, что поддалась на хитрость и уловки иезуитских миссионеров, тем более что относительно их *modus operandi* никаких иллюзий тоже не питала. Да и кто кого использовал в этой сложной многоходовой игре?

Из Мюнстера небольшой кортеж отправился в Голландию, где в Девентере Кристина нанесла визит известному учёному Фредерику Гровониусу и его сыну Якобу и провела с ними приятную беседу на научные темы. В Амерсфорте она посетила известную учёную даму Анну Марию ван Шурман, чьи трактаты, миниатюры и гравировки по стеклу ей были хорошо известны. С ван Шурман Кристина будет долгое время находиться в дружеской переписке.

Глава четырнадцатая
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВЕРЕ ПРЕДКОВ

Когда суть дела обдумана заранее, слова приходят сами собой.

Квинт Гораций Флакк

Пятого августа Кристина прибыла в Антверпен[91], где другой португальский еврей дон Гарсия де Иллан, её личный представитель в Испанских Нидерландах, предоставил в её распоряжение свой дом на улице Лонг Нёв. В нём королева прожила три месяца. Фландрия, и Антверпен в частности, была местом встречи подданных обоих Габсбургов, так что королева была немедленно окружена целой толпой испанских, австрийских, голландских и французских нобилей, включая эрцгерцога Леопольда Вильгельма Австрийского, брата императора Священной Римской империи Фердинанда III, и принца Конде, перешедшего на сторону испанцев.

Конде, которого Кристина известила о своём отречении от трона ещё при отъезде из Швеции, поспешил заочно засвидетельствовать ей почтение. Из личного свидания у них ничего не вышло. Он приехал к Кристине во дворец и выслал впереди себя слугу с извещением о прибытии. По этикету хозяйка должна была спуститься по лестнице и встретить его лично, но шведка не пожелала соблюсти это правило. Отныне Кристина, как никогда ранее, старалась во всём и всегда подчёркивать свой королевский статус. Кроме протокола, других оснований своего королевского достоинства у неё не осталось, и тем жёстче она настаивала на выполнении положенных ей как королеве почестей[92]. Обиженный Конде уехал и засвидетельствовать своё почтение шведской Минерве смог лишь на каком-то рауте.

Елизавета Богемская, подруга Рене Декарта, так и не решилась встретиться с женщиной, отнявшей у неё близкого человека. Она сидела вместе с Кристиной в партере театра, и обе обменивались пристальными критическими взглядами.

Антверпенские собеседники королевы отметили её хороший, но засорённый грубыми выражениями французский язык — сказывалось влияние французских либертинцев! Грубые мужские манеры и неряшливость в одежде и причёске тоже не могли не обратить на себя внимание.

Сюда, в провинцию Брабант, дошли радостные для испанцев вести о разгроме французского десанта под Кастелламаре.

Французский флот, посланный для освобождения Неаполя от испанской оккупации, высадил отряд под командованием герцога де Гиза, который потерпел от испанцев сокрушительное поражение. Это событие вряд ли удостоилось серьёзного внимания со стороны перевозбуждённой Кристины, а между тем уже через два с половиной года Неаполь станет для неё знаковой величиной.

Семнадцатого августа королева по воде отправилась знакомиться с культурными и церковными достопримечательностями Брюсселя. Она посетила монастыри иезуитов и кармелитов, а после этого стала гостьей нескольких местных аристократов, в том числе банкира де Иллана. При возвращении в Антверпен её ждал сюрприз: она была встречена и препровождена до дома толпой жителей города с факелами и пушечным салютом. Оказалось, что в город специально для того, чтобы приветствовать королеву Кристину, с французского театра военных действий прибыл штатгальтер Испанских Нидерландов эрцгерцог Леопольд. Он предложил ей переехать в брюссельский дворец, но королева, уставшая от чрезмерного внимания народа и не желавшая связывать себя какими бы то ни было обязательствами с испанцами, предпочла монастырь Сен-Мишель. Здесь работал ученик Рубенса Юстус ван Эгмонт, который сделал несколько портретов королевы, включая и тот, на котором она изображена в римском шлеме и с собачкой у ног. У Кристины зародился план остаться в монастыре на длительное время, чтобы принять в нём новую веру, но этому плану по неизвестным причинам не суждено было осуществиться.

До сих пор она ничем не намекнула на то, что собирается обратиться в католическую веру. Сначала надо было вдоволь насладиться свободой. Впрочем, она тайно попросила испанского короля подготовить почву для её крещения и прибытия в Рим, но испанцы не отличались оперативностью, дело затянулось, и Кристина в ожидании ответа застряла во Фландрии. Возможно, это было даже к лучшему, потому что сразу после отъезда из Швеции возникли проблемы с получением апанажа. На первых порах она решила воздержаться от резких шагов и заявлений, которые могли бы быть истолкованы шведским правительством как вредные или недружелюбные. Существовал большой риск, что как только она покинет лоно лютеранской церкви, выплата апанажа прекратится вовсе. Вообще выплата Кристине содержания будет предметом постоянных недоразумений и хлопот до конца её жизни. Дело осложнялось ещё и тем, что Карл X втянул страну в новые расходы, начав дорогостоящую войну с Польшей, потом с Россией и Данией. В этой ситуации королева,

прежде чем переходить в католицизм, пыталась получить сразу большую сумму, которую можно было бы поместить в банк и которой хватило бы до конца жизни.

Из Антверпена Кристина написала цитировавшееся выше письмо своей близкой подруге в Швеции графине Эббе Спарре. Как мы помним, королева признавалась в нём в любви, выражала свою тоску и заверяла, что навсегда сохранит образ любимой Эббы в своём сердце. Теперь мы приведём довольно странную на первый взгляд приписку к этому посланию: «Я прошу передать привет всем моим друзьям и подругам, а также и тем, у кого нет желания быть таковыми. Я прощаю их от всего моего сердца, тем более что я не из-за них чувствую себя хуже. Я забыла сообщить Вам, что у меня всё хорошо, я принимаю здесь все знаки внимания, что я в хороших отношениях с принцем Конде… Занимаюсь тем, что хорошо ем, хорошо сплю, немного читаю, смеюсь и смотрю французские, итальянские и испанские пьесы и даю времени собственный ход. Одним словом, я не слушаю больше проповедей, я плюю на всех проповедников в соответствии со словами Соломона о том, что всё остальное — суета. Ибо человек должен жить в своё удовольствие, есть, пить и петь».

С. Стольпе пишет, что, если бы письмо не было настоящим, можно было бы подумать, что оно написано другим человеком. Кристина предстаёт перед нами человеком, исповедующим ценности, которые она раньше преследовала, критиковала и презирала в себе и в других. Теперь она плюёт на проповеди и проповедников и наслаждается едой, вином, пением, театром и т. п., не давая себе труда объясниться в том, что оказало на неё такое влияние, вызвавшее резкое изменение привычек и жизненных установок.

Но всё объяснялось просто. Это всегда было её горячим и внутренним желанием, только все эти годы королева была вынуждена его скрывать, что ещё раз показывает, какой сильной волей и мастерством лжи и лицемерия нужно было обладать, чтобы у всех на виду, ежедневно, ежечасно скрывать свои настоящие чувства и желания, притворяться скромной лютеранкой и постоянно дисциплинировать себя, следить за тем, чтобы не проговориться и ни единым словом не обнаружить своих истинных мыслей.

Интересно в этой связи отметить, что первому человеку, которому Кристина после выезда из Швеции сообщила о перемене веры, был не какой-нибудь епископ или политик, а французский вольнодумец и эпикуреец Пьер Гассенди. Она по-прежнему налево и направо «раздавала» рискованные замечания. Когда

один иезуит сказал, что Кристина станет такой же известной во всём мире, как святая Бригитта Шведская, королева ответила, что ей хотелось бы стать самой разумной среди всех святых. Одной аббатисе, восторгавшейся поступком шведской королевы и предлагавшей ей остаться в монастыре, Кристина ответила, что лучше выйти замуж, чем стать монашкой в монастыре.

Аналогичные примеры можно было бы продолжить. Все современники Кристины единогласно свидетельствуют о том, что она не стала набожной католичкой, а осталась на позициях французских вольнодумцев. Она издевалась над ханжеством церковников, любила удовольствия и не пыталась этого скрывать. Её духовник патер Гуэмес испытывал по этому поводу беспокойство и сомневался, не будет ли Кристина сожалеть о смене веры. Конечно, католичество её притягивало, она участвовала в богослужениях и богословских диспутах, но желала быть католичкой на собственных условиях. Не для того она отказывалась от короны Швеции, чтобы запирать себя в монастыре или огораживать частоколом церковных догм.

Слухи о том, что Кристина собиралась переменить религию, принесли в Стокгольм «сороки на хвосте» и сильно взбудоражили тамошние власти и Церковь. Там справедливо считали, что переходом в католическую веру королева совершила бы непростительное предательство по отношению к Швеции и всему тому делу, за которое сражался и погиб её отец Густав II Адольф. Это дало бы в руки католиков и противников Швеции огромный козырь, поэтому к ней обратился бывший учитель Ю. Маттиэ[93], умоляя не позорить страну и своего отца. Обеспокоенный Карл X решил по возможности предупредить такой опрометчивый шаг бывшей королевы и осенью 1654 года отправил в Антверпен графа Клаэса Тотта, в недавнем прошлом друга и фаворита королевы.

К. Тотту было рекомендовано соблюдать такт и во внутренние дела Кристины никоим образом не вмешиваться. Официально он направлялся в Испанские Нидерланды, чтобы сообщить королеве о предстоящем браке Карла X с Хедвигой Элеонорой Голштинской.

Шестнадцатого сентября в Антверпен приехал Р. Монтекукколи, назначенный императором Священной Римской империи Фердинандом III послом при дворе Кристины. Он встретил королеву на улице, когда та ехала в карете. Она пригласила его сесть в её экипаж и повезла на улицу Лонг Нёв. Из беседы, в которой она наговорила кучу несуразностей, он вынес шокирующее впечатление. Во-первых, Кристина отослала в Стокгольм барона Стейнберга, который должен был объявить там

о её намерении не возвращаться в Швецию и выехать в Италию. Во-вторых, она уже успела растратить все деньги, одолженные у Иллана, и была на мели. Она заложила в Антверпене большую часть своих драгоценностей и отправила в Стокгольм своему «интенданту» Ю. Хольму-Лильенкруне указание переплавить свои золотой и серебряный сервизы и продать их. И ещё: король Испании якобы намеревался отдать ей в пожизненное управление Испанские Нидерланды. Но ей не так важны были сами Нидерланды, как возможность сражаться с французами во главе испанской армии! То же самое ей якобы предложили в Неаполе, но она предпочла бы Нидерланды. Ну а если ей очень захочется, то она обратится к Людовику XIV — он тоже удостоит её своим вниманием.

Монтекукколи, отлично владевший ситуацией в габсбургском семействе, не знал, что и думать: либо у Кристины «поехала крыша», либо она уже стала сожалеть о потерянном королевстве. Он склонился ко второму варианту и по-солдатски прямо дал ей понять, что ситуация, в которой она оказалась, не имеет ничего общего с тем, когда она была королевой Швеции и могла распоряжаться армией по своему усмотрению. Кристина, пишет Монтекукколи, намёк поняла и больше разговора на эту тему не заводила. Она только попросила его остаться в Антверпене и дождаться приезда туда А. Пиментелли дель Прадо.

После этого Монтекукколи встретился с эрцгерцогом (и архиепископом) Леопольдом Вильгельмом, старым боевым товарищем, и узнал, что тот внимательно присматривался к Кристине и считал, что ей следовало вести себя более сдержанно и осторожно. К тому же он сильно сомневался, что она твёрдо решила перейти в католическую веру. У него создалось впечатление, что она уже сожалеет о своём поступке.

Монтекукколи на пару месяцев уехал в Англию, а вернувшись в Антверпен, снова узнал для себя много нового. Прибыл из Швеции Клаэс Тотт и вместе с сообщением о предстоящем бракосочетании короля Швеции привёз Кристине письмо, в котором Карл X рекомендовал ей либо возвращаться в Швецию, либо не отлучаться так далеко (имея в виду Италию). Граф попросил Кристину хотя бы формально из-за уважения к отцу и в интересах Швеции остаться лютеранкой. В ответ он получил вполне ожидаемое объяснение: она заплатила за свою свободу короной, и теперь шведы не имеют никакого права эту свободу ограничивать. А вот оглушительным победам шведской армии над поляками Кристина не могла не порадоваться.

Третьего ноября приехал Пиментелли дель Прадо, снова назначенный Филиппом IV послом при дворе Кристины, и по

Антверпену поползли слухи о его интимной близости с королевой. Генерал привёз неутешительную для королевы весть: король Испании не хотел, чтобы Кристина публично демонстрировала смену веры, и советовал сделать это в обстановке строжайшей секретности. В любом случае, он не желал, чтобы это произошло в Риме при понтифике Иннокентии X (1574, 1644–1655), который одной ногой стоял в могиле. Приезжать в Рим в период интеррегнума было нецелесообразно и надо было дождаться выбора нового папы. Горькую пилюлю Мадрид подсластил обещанием, что во время своего пребывания в Испанских Нидерландах королева ни в чём не будет испытывать недостатка. Это был намёк на то, что в Мадриде о её скудных финансах уже знали.

Королева оказалась связанной по рукам и ногам. Интересы испанского и шведского короля совпали: они оба не хотели, чтобы Кристина покинула Испанские Нидерланды. Такое с ней случалось впервые. Это был первый и серьёзный удар по её иллюзиям относительно свободы. Всё упёрлось в презренный металл — иначе она плюнула бы на все запреты королей и немедленно отправилась туда, куда хотелось. Но на что жить? Швеция могла наложить запрет на выплату апанажа, а других средств к существованию у неё не было. Без денег ни о какой свободе нельзя было и мечтать.

Королева решила ничем не выдавать своего возмущения и разочарования и сказала Монтекукколи, что задержка во Фландрии была её собственным решением. По Антверпену поползли слухи, что Кристина собирается выйти замуж за имперского посла, и эрцгерцог Леопольд Вильгельм начал поддразнивать Монтекукколи: «Когда же я назову тебя Вашим Величеством?»

Обеспокоенный связями Кристины с испанцами, в Антверпен приехал также Пьер Шану, но скоро убедился, что эти связи королевы никоим образом не влияют на отношения Швеции с Францией. Ему, представителю враждебной державы, было дозволено приехать в Антверпен — таковы были тогда галантные нравы, принятые в высших слоях европейской аристократии.

Шану, как полагают П. Энглунд и Д. Мэссон, явился по вызову Кристины, у которой возникла идея выступить в качестве посредника между Францией и Испанией. Почувствовав, что катастрофически теряет авторитет в общеевропейском «концерте», Кристина решила напомнить о своей роли миротворицы.

В Рождественский сочельник 1654 года Кристина сделала решающий шаг: уступая наставлениям Филиппа IV, она в

присутствии Леопольда Вильгельма, Пиментелли дель Прадо, фельдмаршала Раймонда Монтекукколи и двух других испанских нобилей торжественно отреклась от «лютеранской ереси», то есть от веры своей страны. Сделано это было в частной капелле архиепископа (и эрцгерцога) Леопольда Вильгельма в обстановке строгой секретности. На процедуре отречения она сперва прочитала Символ веры, а потом поклялась в том, что безоговорочно верит в догмы Римско-католической церкви. Она преклонила колени перед падре Гуэмесом, тот спел псалом и произнёс молитву, после чего отпустил ей все грехи и очистил её душу от «ереси». Акт «возвращения к вере предков» состоялся.

Ватикан и вся католическая верхушка Церкви тайно ликовали — такого «трофея» им добывать до сих пор ещё не приходилось. Вернувшегося в Вену Монтекукколи император Фердинанд III с пристрастием допрашивал о том, как прошла церемония отречения, насколько искренна была королева в своём желании перейти в католичество и часто ли она причащается в церкви. Министр императора принц Ауэрберг был более прямолинеен: он интересовался моральным обликом королевы и высказал соображение о том, что лучше бы она осталась в Швеции.

Сама же Кристина, по мнению Мэссон, испытывала жестокое разочарование по поводу того, что её великая жертва материально не была по достоинству оценена ни Церковью, ни Габсбургами. Поставив под угрозу своё материальное благополучие, она не получила взамен ничего существенного. Полагаем, что, по всей видимости, именно разочарованием объяснялись её «неадекватные» фантазии насчёт получения в собственный домен Фландрии. Это был либо намёк для мадридского двора, либо попытка сохранить лицо, либо то и другое вместе.

Кристина в это время сначала пыталась убедить Ватикан в возможности её появления в Италии до официального перехода в католическую веру (с этим предложением в Рим поехал её старый знакомый иезуит Малинес) и уговорить Карла X на выкуп у неё части выделенных в Швеции и Германии доменов. Но и то и другое не получилось: Ватикан стоял на своём, а у Карла X в казне не хватало денег на войну с Польшей. Когда Монтекукколи в июне 1655 года опять появился в Брюсселе, королева всё ещё ждала результатов своего зондажа в Риме и Стокгольме. В нарушение акта об отречении она успела заложить часть своей недвижимости в Померании и епископство Бремен французскому банкиру Бидалю. Денег, выделенных Мадридом на её содержание, либо не хватало, либо ей не выдавали их на руки.

Отчаянное положение Кристины вынудило её пойти на

беспрецедентный шаг: на тот случай, если Швеция, узнав о принятии ею католичества, отнимет у неё шведские и померанские домены, она попросила Монтекукколи добиться для неё военной помощи со стороны императора Фердинанда III. Побуждать Вену к военному противостоянию со Швецией было уже чистым предательством. Королева была в это время настолько возбуждена, что не удержалась от личных выпадов в адрес своего кузена и рассказывала всем о том, что из-за своей полноты он во время коронации не мог сам держаться в седле и его поддерживали двое слуг. Это была, конечно, чистая клевета. В польскую и датскую кампанию 1656–1658 годов, до самой своей смерти, Карл X, несмотря на полноту, находился в прекрасной физической форме и легко переносил все тяготы походов и сражений.

Кристина в очередной раз продемонстрировала, что её личные интересы стоят выше всяких других. И куда же делся её стоицизм, которым она так победно «козыряла»? При первом же серьёзном столкновении с реальной жизнью он рассыпался в прах.

Пожалуй, брюссельский период был самым сумасбродным в биографии Кристины. Она в первый раз почувствовала здесь, что слишком многое потеряла, а взамен не получила ничего. Почва уходила у неё из-под ног, и чтобы вовсе не исчезнуть с политической сцены Европы, она строила фантастические проекты, налево и направо раздавала «бесплатные» рекомендации. Один из её советов Кромвелю, к примеру, заключался в том, чтобы он принял католичество и получил из рук римского папы корону Англии, а страну — в качестве папского лена. Она стала открыто обсуждать возможность возвращения на шведский трон в случае смерти Карла X и назначения своим наследником какого-нибудь габсбургского принца.

Конечно, было бы ниже собственного достоинства показывать своё разочарование, и королева, соблюдая декорум, внешне весело и беззаботно проводила время в Брюсселе. Проживая теперь во дворце герцога Эгмонта, участвуя в маскарадах, посещая театры, появляясь везде в основном в мужском обществе, она не обращала внимания ни на этикет, ни на чистоту своей речи и давала лишний повод для всяких домыслов и спекуляций. Отказ от лютеранской веры, судя по всему, ни к чему её не обязывал. Правоверные католики находили её поведение шокирующим и безответственным. Они критиковали её за то, что она редко появлялась в церкви, что не снимала с себя мужской одежды и что вела себя вызывающе.

Появились памфлеты, обвиняющие Кристину в атеизме и лесбийских наклонностях. Невооружённым глазом было видно, что эта первая, но не последняя кампания по очернению королевы направлялась из Франции опытной рукой кардинала Мазарини, не простившего ей поворот Швеции в сторону Испании. Не хотел кардинал и её успеха на международном поприще — уж слишком популярной и умной, а значит, лишней, казалась она ему в это время. Именно в брюссельский период была заложена основа всех мифов и легенд о королеве Кристине, которые успешно культивируются и в наши дни. Клеветники не нашли ничего лучше, как спекулировать на том, что бывшая королева — женщина.

Летом 1655 года до Брюсселя дошли вести о смерти матери, вдовствующей королевы Марии Элеоноры, и канцлера Акселя Оксеншерны. Смерть этих людей, как свидетельствовали окружавшие её люди, потрясла Кристину, и она временно ушла в себя, отказавшись от удовольствий светской жизни. «И теперь считаю благословенным её неучастие в ужасном занятии по управлению страной… — писала она Карлу X Густаву о смерти матери. — …Вероятно, опекуны поступили слишком жестоко, когда полностью отделили меня от матери, так что мы стали чужими».

Наконец из Рима пришла весть о том, что там её ждут. Новый папа Александр VII рекомендовал ей не принимать официально католической веры во время путешествия по некатолическим странам, а предлагал сделать это в Италии. Что касалось материальной поддержки, то понтифик ссылался на финансовые трудности Ватикана.

Отступать в любом случае было поздно, скрыть факт смены религии в её положении было практически невозможно, и нужно было идти по избранному пути до конца — а там будь что будет. Кристина отправила в Вену Монтекукколи с письмом к Фердинанду III, в котором давала ему понять, что в обмен на его поддержку готова поделиться с ним государственными секретами Швеции! В частности, она сообщила императору о существовании тайного соглашения Швеции с властями Верхней Австрии о пропуске шведской армии через Дунай, а также некоторые другие тайны шведского правительства. Она вновь повторила просьбу защитить её померанские домены от возможного посягательства на них со стороны Швеции. В случае необходимости, писала Кристина, Вена должна была натравить на Швецию Данию и Голландию, которые так «ненавидят шведов».

Да, видно, слишком глубоко уязвил её статус частной жизни обычной женщины, чтобы так сразу и так низко пасть! Через

много лет Кристина в своих сентенциях выразит презрение к деньгам и материальным ценностям, а пока она всеми средствами боролась за то, чтобы получить их в достаточном количестве. Хорошо ей было философствовать о высоких материях, сидя на троне, а вот теперь оказалось, что без денег свободы не бывает.

Двадцать второго сентября 1655 года Кристина, получив у Иллана ещё один крупный заём, покинула Брюссель. Её свита составила 200 человек, из которых только двое были шведы: камергер Густав Лильенкруна и паж Эрик Аппельгрен. Остальные, по мнению Мэссон, представляли собой «всякий сброд» из испанцев, французов, фламандцев и итальянцев, включая падре Гуэмеса с супругой, замаскированного под обер-церемониймейстера двора. Эрцгерцог Леопольд Вильгельм Австрийский со свитой и двумя гвардейскими ротами эскортировал её до ворот города.

На всём пути до Инсбрука — во Франкфурте-на-Майне, в Нюрнберге, в Аугсбурге — её торжественно встречали и провожали мэры и губернаторы городов, князья и епископы, везде устраивали фейерверки и пышные приёмы. Это всё были места, связанные с походами её отца Густава II Адольфа, где она могла ещё прикоснуться к предметам, которыми 20 лет тому назад пользовался Северный Лев и Защитник лютеран. Интересно было бы узнать, какие мысли посещали в это время протестантов Аугсбурга, Нюрнберга или Франкфурта-на-Майне, особенно когда дочь их кумира, прибыв в Инсбрук, дала его гарнизону пароль «Йезус, Мария» — пароль, с которым армии Контрреформации шли в бой против её отца.

Обряд крещения был назначен на 3 ноября.

Папа Александр VII тщательно продумал порядок церемонии, полагая, что приём королевы в лоно католической церкви должен был «опираться на авторитет папского легата», для чего не без умысла выбрал легата и интернунция Лукаса Хольштениуса, бывшего лютеранина. Дружеские отношения с ним Кристина сохранит на долгие годы. Падре Малинес тоже ждал её в Инсбруке. Подготовка к встрече королевы шла полным ходом, но никто пока не знал, для кого она готовилась и с какой целью прибыл в Инсбрук перекрещенец Хольштениус, который при встрече с Кристиной передал приглашение папы посетить Ватикан и письменные полномочия от Александра VII на совершение обряда крещения.

Королева в сопровождении эрцгерцогов Фердинанда Карла и Сигизмунда под звуки хорала «Veni Creator spiritus» появилась в Хофкирхе в простом чёрном шёлковом платье, единственным украшением которого был приколотый на груди алмазный крест.

Она преклонила колени перед алтарём и низким мужским голосом, медленно и чётко, зачитала текст тридентийского исповедания, поданного Хольштениусом. После того как она заявила о признании текста, легат по всем правилам обряда провёл заблудшую овцу к истинной вере. Иезуит патер Штаудахер произнёс на немецком языке проповедь, начинающуюся словами: «Слушай, дочь моя, внимай и наклони ухо своё: забудь народ свой и дом отца своего, да будет Господь иметь радость в красоте твоей, ибо Он есть твой господин, и для Него ты падаешь ниц». Затем последовали месса с непременным *Te Deum,* звон колоколов, орудийный салют, праздничный обед, сопровождаемый факельным танцем в исполнении пажей, и театральное представление пьесы «Ревнивые Марс, Адонис и Венера».

Один из свидетелей церемонии вспоминал, что Кристина вела себя в церкви довольно легкомысленно: «смеялась, фыркала и всё время теребила свои коротко остриженные волосы». Объяснение простое: Кристина понимала, что весь религиозный антураж — тот же театр, а потому особого значения ему не придавала. Возможно, ей было весело сознавать, как «возвращение к вере предков» диссонировало со светским «апре» и с фривольной театральной пьеской. Она бы предпочла скромную и уединённую церемонию, как это было в Антверпене, и тихий и скромный ужин в обществе избранных людей.

Взволнованный произошедшим, камергер Г. Лильенкруна, сдерживая слёзы, писал другу в Швецию: «Уверяю тебя, что моё удивление было таким сильным, что я не смог присутствовать на церемонии в соборе и не мог видеть королеву в течение трёх дней после этого. Встретившись с ней, я схватил её за руку и со слезами на глазах стал умолять её позволить мне удалиться от двора». Кристине вроде удалось уговорить камергера остаться, но он заключил письмо другу заверениями в том, что «желает жить и умереть в вере, которой он обязан своему отечеству, а также в преданности Его Величеству королю Швеции».

После недели пребывания в Инсбруке путь королевы лежал на юг в Италию. Из Инсбрука она отправила ещё одно письмо Карлу X Густаву — возникла внутренняя потребность объясниться и хоть как-то смягчить удар по шведскому престижу.

«Я благополучно добралась сюда и, обнаружив по прибытии указание Его Святейшества… сочла за большое счастье последовать ему. Радость послушания ему означает для меня значительно больше, чем управление страной, которая теперь принадлежит тебе. Если ты не одобришь моего поступка, то не забывай, что мой выбор оказался очень выгодным для тебя и

никоим образом не затронул ни моей любви к Швеции, ни моей дружбы к тебе, которая будет продолжаться, пока я живу».

Лицемерить она будет до конца своих дней.

Прежде чем въехать в Рим, нужно было соблюсти некоторые формальности: Кристина должна была известить о своём прибытии папу, а тот должен был в ответ дать формальное разрешение. Пафосное по тону письмо Кристины папе Александру VII, датированное 5 ноября 1655 года и отправленное из Инсбрука, выражало её радость и удовлетворение тем, что она, наконец, достигла своей заветной цели — быть принятой в лоно римско-католической церкви. Королева благодарила за оказываемый ей всюду приём, высказывала заверения в приверженности новой вере и дарила комплименты папе: «…я отбросила в сторону все людские соображения, чтобы дать понять, что для меня честь покорного служения Вашему Святейшеству выше всех престижных тронов и престолов». Эта пышная фраза тоже вряд ли отличалась искренностью. Лесть, по мере приближения к Риму, требовалась теперь всё чаще и чаще.

Путь в Италию, пролегавший через Триент, Мантую и Феррару, был сплошным триумфальным шествием. Повсюду королеву встречали католики, представители городов, нотабли и епископы, везде устраивались пышные приёмы и трапезы. В многочисленной свите Кристины, в которую влились кардиналы, нунции и легаты, продолжал находиться камергер Лильенкруна, исправно докладывавший обо всём в Стокгольм. Заботливый Александр VII выслал королеве пару переносных кроватей, так что она могла всегда спать в собственной постели. В Риме царила невообразимая суета. Гюге де Лионн, посланник Версаля при светских княжествах в Италии и при Ватикане, с отвращением сообщил в Париж, что «в настоящее время единственное занятие местного двора состоит в том, чтобы готовиться к встрече королевы Швеции».

Но католический мир рукоплескал вновь обращённой сестре по вере. Кристина понимала, что всё это было круто замешено на политике, но всё равно почести, оказываемые ей, приятно щекотали её самолюбие. Она ещё не знала или не хотела знать, что всех правдоискателей, сознательно ищущих в этом мире истину, в конце пути ждёт большое разочарование. А пока шведская Минерва находилась в состоянии эйфории. В угаре восторга и ажитации она потеряла контроль над своими чувствами… и над деньгами тоже. Сколько дукатов было выброшено навстречу протянутым ей рукам в Мантуе, Болонье и Анконде, она не в состоянии была сказать. Однако вскоре обнаружилось, что кошелёк её снова пуст. Когда папа любезно

предложил ей 90 тысяч крон на дорожные расходы, она великодушно от них отказалась. Конечно, зря. Но декорум, декорум был прежде всего! Ведь не какая-нибудь нищая графиня или баронесса явилась в Ватикан, а королева Швеции!

В городе Пезаро, который ей предстоит увидеть вторично, свои услуги предложил местный вице-легат Луиджи Гаспаро Ласкарис. Он предоставил Кристине эскорт под началом двух юных графов, братьев Франческо и Людовико Сантинелли с манерами чичероне[94] и внешностью благородных бандитов. К ним примкнул их знакомый маркиз Джованни (Джан) Ринальдо Мональдески (Мональдеско), выходец из могущественной семьи города Орвието (область Умбрия). Он считался украшением провинциальной аристократии, в прошлом жил бурной жизнью, завоевал славу искусного воина и мастера конспирации, в 1654 году принимал участие в осаде Неаполя, приведя на помощь герцогу де Гизу какую-то местную банду волонтёров.

Старший Сантинелли передал Кристине книгу собственных стихов в её честь. Стишки и сами братья Кристине понравились. Те приложили максимум усилий, чтобы организовать в её честь всяческие увеселения, в том числе акробатические номера, псевдодуэли, а также какой-то научный диспут, который местный хроникёр назвал «псевдонаучным вздором», и она приняла их в свою свиту.

В Лорето сопровождавший королеву Лукас Хольштениус снова обратил внимание на некоторые настораживающие моменты в поведении перекрещенки. Когда он тактично предложил ей возложить к подножию местной статуи Мадонны украшенные драгоценными камнями корону и скипетр, Кристина удивлённо воскликнула: «Как я могу дарить Непорочной предметы, которые я сама же презрела?!» Это было расценено Хольштениусом как непозволительная фривольность по отношению к Непорочной. Богоматери было всё угодно — особенно такие дорогие вещи! Тем более что королева говорила, что была рада освободиться от ненавистных ей короны, скипетра и других символов королевской власти.

Конечно, Кристине нисколько не было жалко ни короны, ни скипетра, и её недоумение, возможно, было вполне искренним. Ей ещё предстояло увидеть, в какую клоаку ей придётся окунуться в окружении папы, а когда она осознает это, то её комментарии станут злыми, ядовитыми и уничтожающими, а поведение — эпатирующим. Со своей стороны, Ватикан тоже пока не подозревал, с кем имеет дело. Папа и католические правители делали на Кристине большую политику, но скоро и им придётся разочароваться в ней. Впрочем, разочарование будет взаимным.

А пока гудите колоколами, курите фимиам и благоухайте паникадилами!

Глава пятнадцатая
РИМСКИЕ БУДНИ КАТОЛИЧКИ КРИСТИНЫ

Possis nihil urbe Roma visere maius? [95]

Девятнадцатого декабря 1655 года на границе Папской области королеву встретили посланники верховного понтифика. Навстречу ей вышли четыре прелата в чине архиепископов и двое высших ватиканских сановников. Для этого случая они все получили должности папских нунциев, чтобы не уступать положению генерала Пиментелли дель Прадо, сопровождавшего Кристину в качестве специального посланника короля Испании. В делегации папы были также два легата, кардиналы, епископы и пр. Д. Мэссон пишет, что Ватикан, большой мастер по протокольной части, всё-таки занизил уровень лиц, участвовавших во встрече королевы Кристины: вместо кардиналов-епископов он послал кардиналов-дьяконов, что подчёркивало её статус королевы без королевства. Кристина, по всей видимости, этого не заметила. Этот первый въезд в Рим, как сказали ей представители Ватикана, считался «инкогнито».

Несмотря на позднее время въезда в Вечный город, на пути кортежа королевы выстроилась огромная толпа, что дало ей повод для ремарки: «Здесь так принято въезжать в Рим инкогнито?» Кристину провели в апартаменты папы Александра VII, и понтифик побеседовал с ней около четверти часа. Местный хроникёр, описывая эту встречу, сказал, что как только королева узнала о приближении папы, «она размашистыми шагами бросилась ему навстречу и, преодолев несколько комнат, простёрлась у его ног».

Поселить женщину в апартаментах Ватикана было немыслимо. Сначала хотели разместить королеву со свитой в палаццо Фарнезе[96], неподалёку от дома Святой Бригитты Шведской, но это было слишком далеко от Ватикана, и папа не захотел подвергать Кристину превратностям зимней погоды во время её частых визитов к нему. Остановились всё-таки на дворце, входившем в состав ватиканского комплекса и располагавшемся неподалёку от двора Бельведера и библиотеки. Здание соединялось с папской резиденцией длинной крытой галереей и находилось под одной с ней крышей. Ватикан в первый и, возможно, последний раз в истории своего существования позволил женщине поселиться в своих помещениях.

Папа лично проследил за тем, чтобы квартиру Кристины обставили дорогой и удобной мебелью, извлечённой из запасников Ватикана или взятой на время у богатых римских патрициев. Дворец включал в себя так называемую Башню ветров, внутри которой были развешаны полотна с символическими изображениями воздушных стихий. Под картиной, представлявшей ветер с севера, стояла надпись по латыни: «Всё зло приходит с севера». Папа приказал эту надпись на всякий случай замалевать.

Пятидесятишестилетний папа оказался маленьким хрупким мужчиной, на лице которого можно было прочесть следы разных болезней. Щетинка усов и козлиная бородка странным образом диссонировали с его благородной внешностью. Папа любил науку и искусства, вращался в обществе учёных и поэтов, был профессиональным дипломатом и политиком и неплохо показал себя в прошлом на должности статс-секретаря, занимаемой теперь кардиналом Аззолино.

Переночевав в апартаментах Бельведера и побродив на следующее утро по залам ватиканской библиотеки, Кристина, всё ещё находясь под сильным впечатлением от встречи, отправилась на прогулку по Риму. Она никак не могла отделаться от чувства нереальности и до конца не осознавала, что её мечта сбылась и что она оказалась в самом святом месте на Земле.

Пелена дурмана спала с её глаз во время обеда, устроенного папой в её честь на следующий день сразу после торжественного причастия. За богатой трапезой она вдруг увидела, что вся обстановка, несмотря на благочиние и молитву, прочитанную главным иезуитом патером Оливой, выглядела неестественно обыденной и светской. Возможно, чувство реальности вернулось и под влиянием поданных к обеду блюд: вся их экзотика состояла в неограниченном количестве соли и острейших приправах, при упоминании которых бедный Бурдело упал бы в обморок.

Александр VII приготовил именитой перекрещенке королевские подарки: богато отделанную карету, носилки и портшез, обитый небесно-голубым бархатом и украшенный драгоценными камнями и позолотой по проекту знаменитого тогда скульптора Джованни Лоренцо Бернини (1598–1680). В подарок включались и шестёрка великолепных лошадей (для кареты), два мула (для носилок и портшеза) и дамская скаковая лошадь с полной сбруей и богато отделанным седлом. Кристина немедленно оседлала скакуна и продемонстрировала своё мастерство верховой езды. В толпе зрителей пробежал шёпот о том, что во всей Швеции не было мужчины, который мог бы сравниться со своей королевой в умении управляться с лошадью.

Бернини при вручении подарков скромно сказал:

— Если в них есть что-то плохое, то это — моё.

Королева ответила ему репликой:

— Тогда в них нет ничего вашего.

Знаменитый скульптор и знаменитая католичка тотчас же стали друзьями.

Сразу после этого Кристина отправилась в путешествие по Италии. Это было своеобразное паломничество по святым местам вперемежку с торжественными встречами с городскими властями, итальянской аристократией и представителями Церкви. Для удобного и комфортабельного путешествия по стране папа предоставил ей свою карету, носилки и обычное кресло. Как все вновь обращённые, Кристина старалась первое время строго соблюдать церковные обряды, по прибытии в город первым делом ехала в церковь, обращалась со всеми вежливо и дружелюбно. Она поклонилась мощам святого Франциска Ассизского и осмотрела другие достопримечательности, посетила Феррару, Венецию, Болонью, Анкону, Лорето и другие города.

Венецианские клир и власти встретили Кристину прохладно. Отцы города открыто возмущались тем, что папа отказал республике в деньгах на войну с турками, не пожалев их на пышную и ненужную церемонию встречи и проводов бывшей лютеранки. Болонцы от встречи с Кристиной большого энтузиазма тоже не испытали. От одного из них до нас дошло следующее описание Кристины: «Эта высокопоставленная дама была не очень высокого роста, но и не слишком уж и неприглядна. Её внешний вид выдавал величие, лицо живое — то мрачное, то светлое. Большие глаза излучали воинственность и гордый нрав. Красивый нос придавал лицу благородные, королевские черты, сводившиеся на „нет“ маленьким ртом. Губы, самого красивого красного цвета, могли бы принадлежать Венере, если бы вследствие строения её тела и манер нельзя было бы поклясться в том, что она скорее была Марсом. Это тем более верно, что она, благодаря своей одежде, короткой стрижке — она носила странный парик, который время от времени меняла, — а также благодаря искусной верховой езде могла поспорить с любым кавалером. Короче говоря, она больше похожа на мужчину, нежели на женщину. Как своим голосом, так и своим поведением она легко давала знать о том, что была дочерью великого отца и привычна к победам и триумфам…»

На балу, устроенном городом в её честь, Кристина была одета иначе, нежели в вышеприведённом описании. На ней было огненно-красное платье, вышитое серебром и золотом, серое нижнее бельё с аналогичной вышивкой, на ногах похожие на

мужские башмаки туфли, а на голове светлый, сильно напудренный и напомаженный парик, что, впрочем, не спасло её от критических замечаний.

В декабре Кристина вернулась в Рим, и при въезде в город папа снова устроил ей встречу — теперь официальную, торжественную. 23 декабря она выехала из находившейся в 100 километрах от Вечного города виллы семейства Ольджиати, в которой она некоторое время отдыхала после паломничества по Италии. На Кристине было простое серое платье, вокруг шеи — чёрный шарф, а на голове — шляпа с плюмажем. Из драгоценностей — лишь небольшое золотое кольцо. Карету с королевой сопровождали два кардинала-легата и длинный кортеж свиты. У Понте Мильвио, примерно в десяти километрах от центра Рима, её встретили сенаторы города, римский нобилитет, пажи, трубачи и кавалерийский эскорт. У виллы Юлия III, что на Фламиниевой дороге, она сделала короткую остановку. Здесь-то и были официально вручены подарки папы. Кристина, так же как и при неофициальном их осмотре на вилле Бельведера, снова вскочила на своего иноходца и, возглавив кортеж, поскакала к городским воротам Порта Фламиниа[97]. Там, у здания кардинальского колледжа, она была встречена конным кортежем из кардиналов и приветственной речью, произнесённой дуайеном кардинальского корпуса Франческо Барберини. После него выступили знатные люди города, включая родственников двух последних понтификов. На внутренних фресках колледжа по приказанию папы, в связи с приездом в Рим королевы Кристины, был нанесён герб династии Васа, следы которого можно различить до сих пор.

Дальше все отправились к собору Святого Петра. Власти Рима объявили праздник и рекомендовали римлянам украсить фасады своих домов цветами, венками и флагами. Улицы были полны народа, в домах остались лишь больные да монахини. Как только королева вышла из кареты, со стороны крепости Сан-Анжело раздались звуки орудийного салюта. Это было совсем рядом, но Кристина нисколько не испугалась: ещё в детстве при громе пушечных выстрелов она радостно хлопала в ладоши. Вспомнила ли она в это время про своего отца? Она выслушала службу и проследовала в Сикстинскую капеллу, где её принял Александр VII со всей консисторией. После того как они обменялись несколькими фразами, церемония закончилась. После молитвы и службы в соборе папа снова устроил в честь Кристины торжественный обед.

На следующий день она уже инкогнито пробралась в собор на торжественную службу и праздничный банкет, посвящённые

рождественским праздникам. Мессу служил сам папа Александр VII. Он ещё раз лично причастил её и дал ей второе имя Александра Мария. Ещё в Инсбруке королева заявила о своём желании принять новые имена — она хотела называться Кристиной Александрой, но после посещения храма в Лорето хотела прибавить ещё и имя Мария, которое должно было бы предшествовать имени Александра. Впрочем, имя Мария Кристина впоследствии не употребляла.

После мессы Кристина приняла участие в первом её жизни крестном ходе. Вечером она сидела за праздничным обедом рядом с папой, но отдельно, за специальным столом, который был на несколько сантиметров ниже стола папы. Впрочем, балдахин у неё с папой был общий. Стол по обычаю того времени окружали многочисленные зрители. Проповедники, включая генерала ордена иезуитов патера Оливия, читали проповеди. Пели хоры. Это была кульминация торжественного приёма Кристины в Риме. Дальше начинались будни, нужно было устраиваться в жизни. Пока же для проживания самой именитой теперь католички предложили дворец Фарнезе.

Когда Кристина появилась в Риме, она поразила его жителей неплохим знанием Италии и её культуры. Ничего удивительного в этом не было, поскольку в Стокгольме она много и часто общалась с итальянцами — музыкантами, учёными, священниками, скульпторами, художниками — и с некоторыми итальянцами состояла в переписке. На расстоянии и вещи и люди обычно предстают в идеализированном виде. Между тем картина римской и итальянской жизни, с которой королева столкнулась в 1655 году, далеко не совпадала с тем представлением, которое сформировалось у неё в Швеции.

Для лучшего понимания последующих событий полезно поближе познакомиться с обстановкой тогдашнего Вечного города.

Во-первых, Контрреформация оставила на теле культурной и образованной страны страшный след. Ещё в XVI веке Италия занимала ведущее положение в научном мире, а в начале XVII столетия уже последовало наступление инквизиции и прошли процессы против Д. Бруно, Г. Галилея и «еретика» Джулио Чезаре Ванини. Многие учёные и «вольнодумцы», включая утописта Кампанеллу, были вынуждены бежать из страны. Кристина скоро обнаружила, что далеко не все католики в Риме рассуждали подобно Кассати или Малинесу.

Во-вторых, католическая церковь переживала тяжёлый моральный кризис. Её служители, включая самое ближайшее

окружение папы, чуть ли не поголовно погрязли в роскоши и разврате и вполне откровенно демонстрировали своё презрение к церковным канонам и правилам. Никакая, даже самая преувеличенная критика со стороны лютеран не могла превзойти масштабы отвратительного падения и деградации католической верхушки Рима и Италии вообще. Действительность была такова, что любая карикатура оказалась бы бледным её отображением.

При папском дворе буйным чертополохом процветали непотизм, подкуп и взяточничество. Ни один кардинал не назначался, ни одна должность в церковной иерархии не замещалась без того, «чтобы не порадеть своему человеку». Ярким примером нравов Ватикана может служить личность Олимпии Майдальчини, свояченицы покойного папы Иннокентия X. Будучи замужем за братом папы, Памфилио Памфили, эта энергичная и бессовестная женщина быстро «приручила» безвольного семидесятилетнего старца Иннокентия и полностью взяла управление Ватиканом в свои руки. Её бездарный сын Камилло, выдвинутый стараниями матери на самую верхушку ватиканской иерархической лестницы, женился на хитрой и не менее честолюбивой, чем мать, женщине, по странному совпадению с таким же именем — Олимпии Альдобрандини, и Ватикан превратился в форменный вертеп. Две Олимпии начали между собой настоящую войну за сферы влияния, и Иннокентий X только успевал увёртываться от их ударов. Когда он уже лежал на смертном одре, Олимпия Майдальчини, предчувствуя своё скорое падение, закрыла спальню папы на ключ и на глазах у всех стала вывозить из его апартаментов мебель и предметы обстановки на свою родовую виллу. Довершить разгром папских покоев помешал случайно оказавшийся рядом генерал ордена иезуитов патер Оливия. Свояченице папы запретили появляться в Ватикане. Но не успел Иннокентий X испустить последний вздох, как Олимпия Майдальчини ворвалась с двумя слугами в кабинет папы и унесла с собой сейф со всей его наличностью. В доме у папы буквально не осталось ни гроша. Когда потом к Майдальчини обратились с просьбой помочь похоронить папу, она нагло ответила:

— Откуда бедной вдове взять средства на похороны папы?

Тело умершего, накрытое простым покрывалом, пролежало три дня без гроба. Рядом стоял оловянный подсвечник — других в доме покойника не оказалось. (Правда, бельё для усопшего и старое покрывало для гроба свояченица всё-таки оставила.) Ни семья Памфили, ни кардиналы и не думали брать на себя расходы по похоронам папы. Наконец кто-то перенёс тело в какую-то каморку. Там нашлись инструменты, кирпич и известь.

Пришли какие-то рабочие, один из них зажёг у изголовья свечу, другой добровольно согласился посидеть у тела ночью, чтобы его не изгрызли крысы. На следующий день из каких-то грубых досок рабочие сколотили гроб, а какой-то священник из церкви, расположенной неподалёку, дал несколько монет на проведение панихиды и похорон.

Последние акты этого безобразия происходили накануне приезда в Рим Кристины (папа Иннокентий X умер 7 января 1655 года). Олимпия Майдальчини с бандой своих приспешников или, как говорили в Риме, со своим «летучим эскадроном» стала вовсю интриговать и продвигать на роль папы своего кандидата. К счастью, её влияния на это не хватило, и папой был избран кардинал Фабио Киджи, взявший имя Александра VII. Авантюристка предприняла попытку войти с ним в контакт, но Александр VII отказался с ней иметь что-либо общего. Накануне появления шведской королевы в Риме он приказал выслать Олимпию Майдальчини из города, а в связи с воровством папского имущества начать против неё процесс.

Александр VII предпринял робкие попытки бороться с кумовством. До него все папы автоматически ставили своих родственников кардиналами, легатами, секретарями Ватикана. Когда он после избрания отказался это сделать, то ему сказали, что так поступать не следует. И Александр согласился и поставил своего бездарного, тупого, надменного и жадного до денег брата кардиналом.

Религиозная жизнь и нравы Рима из сегодняшней перспективы кажутся нам грубыми, жестокими и аморальными. Взять хотя бы так называемые шествия по искуплению грехов, регулярно устраиваемые на улицах Рима. Опишем одно из таких шествий, организованное в Страстную пятницу 1658 года интимным другом Кристины, умным, культурным и образованным католиком того времени кардиналом Децио Аззолино. Шествие началось в 23.00 с площади Святого Петра. Во главе колонны шли посыпанные пеплом и одетые в грубую мешковину кардиналы Аззолино, Барберини и другие представители так называемого «летучего эскадрона»[98] (все должны были увидеть скромность и жертвенность высших чинов Церкви), им предшествовали их многочисленные разодетые в богатые ливреи слуги; все несли в руках зажжённые факелы. За кардиналами тащились около восьмисот грешников-самобичевателей с окровавленными плечами, руками, спинами и животами — они яростно царапали и терзали себя во всё время шествия. На их пути время от времени попадались накрытые напитками и едой столы, с которых монахи-капуцины предлагали

желающим угощение.

Любимейшим развлечением жителей Рима в это время были бега между голыми инвалидами или пленниками-евреями. Хохот вокруг стоял невообразимый. А ещё публике нравились сцены экзорцизма, во время которых одержимые дьяволом женщины выплёвывали изо рта гвозди, иголки или большие клоки дьявольской шерсти. Католик С. Стольпе пишет: «Лично мне не известна ни одна историческая эпоха, которая была бы так же отвратительна, как римская XVII века… Недостаточно наслаждаться музыкой Скарлатти и Корелли или рассматривать экстатические скульптуры Бернини, чтобы понять духовный климат… нужно также вспомнить страдания бесправных людей, выставленных на удовольствие толпе». Окружение папы, его кардиналы и епископы были такими же чувственно грубыми и вульгарными, как и толпа на улицах. Достаточно, продолжает Стольпе, взглянуть на галерею их гротескных по своей сути портретов, возглавляемую папой Урбаном VIII. Это впечатление ещё больше усилится, если почитать их переписку. На фоне этого безбожия отдельные честные и искренние католики выглядели белыми воронами.

Таков был Рим, когда туда для совершения личного подвига прибыла перекрещённая шведская королева.

Итак, королева Кристина поселилась в палаццо Фарнезе рядом с так называемым домом Святой Бригитты (Шведской) и завела свой двор. Дворец принадлежал герцогу Пармскому и, как было принято, сдавался для жилья знатным аристократам. Герцог был замешан в тёмных делах и надеялся с помощью Кристины восстановить свой авторитет у папы римского.

Во дворце вместе с Кристиной на правах мажордома жил доверенный герцога при Ватикане маркиз Марио Джиандемария, который усердно докладывал обо всём, что шведская католичка делала и чего не делала в Риме. Информация и о том, и о другом приводила герцога в состояние шока[99]. Начальником стражи двора и вторым мажордомом (и соглядатаем) стал испанский генерал, маркиз Антонио Сильва де ла Куэва, а его супруга пристроилась кастеляншей. При дворе появились новые люди — неаполитанцы, с которыми Кристина познакомилась на пути к Риму: упомянутый выше маркиз Мональдески, зачастивший в палаццо Фарнезе в начале 1656 года и назначенный Кристиной конюшим, и князь Галликано. Оба они были связаны с освободительной борьбой Неаполя против испанского гнёта и находились под пристальным наблюдением испанских агентов в Риме.

Маркиз Джиандемария отмечает быструю реакцию Кристины на внешние события и точную оценку ею людей и их поступков. Он обращает внимание на её расстроенные нервы, что находило выражение в ежедневной смене спальной комнаты. Он замечает также дефект её фигуры (одно плечо было ниже другого), который она пыталась скрывать пышным шарфом или шалью. Однажды, к ужасу маркиза, Кристина приказала поставить скульптуру Христа, выполненную Микеланджело из слоновой кости, в свою спальню. Это, по мнению итальянца, было страшной профанацией. Кристина любила всех поучать, разговаривала всегда стоя, была холодна и неприступна с дамами, за исключением дочери герцога Савойского монахини Марии, которую она часто навещала и из-за которой по Риму пошли сплетни о том, что Кристина в неё влюбилась.

Маркиз Джиандемария был отличным шпионом, но посредственным управляющим[100]. Он, по мнению некоторых биографов Кристины, разорил всё хозяйство дворца и так распустил слуг, что они не удосуживались поискать дров для отопления каминов и печей, а прямо снимали во дворце двери с петель и, порубив, бросали в огонь. Слуги не только пренебрегали своими обязанностями, а вместе с мажордомом нагло и бессовестно опустошали кассу Кристины и обворовывали её гостей. К примеру, пока карета генерала Пиментелли дель Прадо стояла рядом с дворцом Фарнезе, слуги Кристины сняли с неё дорогие занавески. Предметы интерьера дворца странным образом стали появляться у скупщиков на местном рынке.

На самом деле виноват в этом был не Джиандемария, а отсутствие денег в кассе королевы и моральные качества самих придворных. Уже в январе 1656 года в Стокгольм для переговоров с королём Карлом X был послан секретарь Кристины Аппельман. И хотя Джиандемария был склонен к сплетням, он, в отличие от других придворных, руку в её карман не запускал и в политические интриги совершенно не вмешивался. Он многое не одобрял в её поведении, но тем не менее проникся к ней снисходительным уважением, а ко многим её поступкам относился с известной долей юмора. Он отметил у неё резкие переходы от скуки к веселью и наоборот, что делало её непредсказуемой. Джиандемария рано узнал её крутой характер, а потому старался не попадаться ей под руку. Зато он ценил её острый ум, быструю реакцию и демократичность в обхождении со слугами.

Но в отношении послов и кардиналов Кристина строго придерживалась протокола и зорко следила за соблюдением полагающегося ей декорума. По римскому этикету кардиналы

считались выше иностранных послов, и это часто приводило к недоразумениям, например, с послами Франции и Испании. Она ревниво охраняла своё достоинство и никому не позволяла переходить установленные ею раз и навсегда рамки. Как пишет Мэссон, протокол и этикет остались единственным оружием королевы без трона и страны, и Кристина пускала это оружие в ход часто и эффективно.

Джиандемария рано заметил, что из всех кардиналов Кристина выделила одного — Децио Аззолино. С назначенным папой в качестве личного советника королевы кардиналом Колонной случился непредсказуемый казус: он страшно влюбился в Кристину и тем самым сделал себя посмешищем и королевы, и её окружения. Чтобы понравиться Северной Минерве, он посыпал свои парики густым слоем пудры, одевался в одежды трубадура, пел своему предмету под окном серенады и делал массу других глупостей, на которые только были способны влюблённые итальянцы. Но несчастный кардинал вызывал у Кристины лишь приступы смеха и желание подшутить над ним. В конце концов Александр VII выслал кардинала из Рима, а на королеву обрушил град упрёков.

К переезду королевы все обнажённые скульптуры во дворце замаскировали, но она сразу приказала убрать эти «фиговые листья», что так же шокировало римлян, как и то, что она принимала кардиналов в платье со слишком глубоким декольте. Все замечания по этому поводу она во внимание не принимала и называла их «глупыми выходками святош». Им в пику она повесила на самое видное место картину, подарок Камилло Памфили, изображавшую обнажённую Данаю.

Скоро во дворце Фарнезе начали устраивать представления — комедии, оперы и балеты. Наняв труппу актёров, королева организовала собственные еженедельные представления и концерты и стала брать уроки музыки и пения у певца-кастрата и композитора папской капеллы Витторио Лорето. И Кристина, и Витторио были разочарованы своими результатами, что не мешало королеве иногда выходить на сцену и шокировать публику своим вульгарным голосом и ужасным пением. На время поста устраивались так называемые *exercise spirituel* (духовные упражнения) — вечера с обсуждением возвышенных предметов. В январе 1656 года в императорском зале дворца собрались члены её первой римской академии. Одним словом, Кристина возобновила привычную ей по Стокгольму насыщенную культурную жизнь.

Для изысканной публики существовал театр Барберини, в котором 31 января 1656 года в честь королевы Кристины было

дано оперное гала-представление. Текст к опере «La vita umana» написал известный литератор Джулио Роспильози[101], музыку — композитор Маразолли, а декорации придумал мастер Гримальди. Опера так понравилась Кристине, что она захотела слушать её во второй и даже в третий раз. В богатых и знатных семьях Рима (Памфили, Галликано, Россано) были свои, частные театры, и королева часто их посещала.

И вот в этот период королева близко познакомилась с кардиналом Аззолино, возглавлявшим важный департамент Ватикана — секретариат (аналог министерства иностранных дел). Децио Аззолино, 1623 года рождения, выходец из бедной дворянской семьи провинции Марке, при первой же встрече произвёл на Кристину сильное впечатление. Природа одарила кардинала всеми достоинствами, которые нравятся женщинам в мужчине: статная высокая фигура, волевое энергичное лицо, тёмные, сверкающие каким-то особым внутренним блеском глаза, орлиный нос, за что он получил прозвище «Орёл», изящные манеры, достоинство, мужественность. Если он не входил в категорию кардиналов-бабников, то, как пишет Л. Морелль, «Эрос вряд ли робел перед его кардинальской шапочкой». Аззолино был умён, образован, проницателен, дипломатичен и обладал великолепными организаторскими способностями. Он, наравне с кардиналом Ретцем, являлся признанным лидером «летучего эскадрона». Его стиль работы был ясен, логичен и экономичен. Он писал хорошие стихи, не впадая в традиционную тогда «цветистость» речи. Он умел обольстить собеседника и ладить с людьми.

Кардиналом его сделал папа Иннокентий X.

Аззолино на почве увлечения культурой, наукой и искусством тоже быстро сошёлся с Кристиной. Она искала его общества и делала всё возможное, чтобы почаще с ним встречаться. Кристина чувствовала, что кардинал оказывает на её мятежную и импульсивную натуру благотворное, прямо-таки магическое воздействие. Тянуло к ней и кардинала, ему льстило общество одной из известных и образованных женщин Европы, ему нравилось, что королева (!) прислушивалась к его советам.

Но Аззолино был настороже и не хотел себя компрометировать — даже с королевой. Он вынашивал амбициозные планы достигнуть высшей ступеньки карьеры — папского достоинства, а потому нужно было держать себя в рамках. Когда по Риму стали распространяться слухи о его особых отношениях с Кристиной, он написал «объяснительное письмо» кардиналу Пьетро Сфорца Паллавичино, в котором утверждал, что никаких особых отношений у него со шведской

королевой нет, а не особые носят вполне безобидный характер.

Папе Александру VII было приятно обнаружить в шведской экс-королеве истинную верующую, особенно когда она делала такие заявления, что никогда не позволит себе дурного поступка, даже если Господь Бог не видит этого. Производили на него впечатление и здравый ум Кристины, проявлявшийся, в частности, в её суждениях о политике, и практичность в мирских делах. Импонировал Ватикану и её интерес к святым местам католической церкви, к монастырям и храмам. Кристина признавалась кардиналу, что ей было бы стыдно, если бы папа превзошёл её в вере, и Александр VII очень надеялся, что примеру Кристины последуют другие лютеранские правители[102].

Но скоро радость сменили огорчения. Обнаружив, что вся набожность шведки лежала на поверхности, что Церковь как таковая её интересовала мало и что по своей сути она была вольнодумка и ярая либертинка, папа пришёл в ужас. Пьетро Сфорца Паллавичино писал: «Беседы с королевой, когда она жила в Ватикане и позже, были для папы источником большой радости, но не были свободны от некоторых огорчений». Сам кардинал был смущён не менее папы, но даже на бумаге не хотел признаться в своём разочаровании королевой и пытался оправдать её тем, что женщины-северянки, по-видимому, воспитаны в другой свободе, нежели итальянки.

Что же шокировало набожных римлян?

То, что Кристина стала свободно вращаться в кругу молодых людей, как будто сама была одной из них. То, что скоро королева перестала заботиться о внешних приличиях и повела себя так, как не подобает себя вести набожной католичке. Никаких бесед на религиозные темы, никакого чтения религиозных книг, никаких визитов в церковь и принятий Святых Тайн, никаких молитв или позывов к покаянию — ничего этого ревнители благочестия в поведении Кристины не увидели. Критиковать правителей такого ранга бесполезно, и папа выбрал другой путь воздействия на Кристину: он сократил количество аудиенций, а во время бесед с ней пытался мягко указать на то, чего от неё ждали другие люди. Он дарил ей религиозные книги и рекомендовал людям, к которым она испытывала доверие, говорить ей, что и поверхностная набожность не лишена добродетели. С паршивой овцы хоть шерсти клок!

Агент кардинала Мазарини, посол Франции в Риме Гюгес Лионн, докладывал в Париж, что папа сделал Кристине выговор за неподобающее поведение, а выплату денежного пособия обусловил необходимостью исправиться в лучшую сторону. Королева, по словам агента, ответила взрывом возмущения и

непотребными словами о лицемерной набожности, церковных реликвиях, лжесвятых, лжепророках и о многом другом. Это немедленно стало достоянием не только французского, но и испанского двора. Впрочем, Кристина скоро осознала свои ошибки (но не свою вину) и кое в чём стала исправляться: она прекратила болтать со своими друзьями во время богослужений, демонстрировала уважение к церковным таинствам и, отбросив на время в сторону культурные интересы, отводила время на религиозные упражнения.

Но для самых усердных ревнителей Церкви этого было мало. Проповедник одной римской церкви по имени Зукки подверг резкой критике «скандальное» поведение Кристины, а папа в беседе с послом Венеции назвал её «женщиной, рождённой халдейкой, воспитанной по-халдейски и с головой, набитой халдейскими бреднями». Он жаловался на её «дикое, почти невыносимое высокомерие», одно время вообще перестал принимать её у себя в Кастель Гандольфо и даже предложил ей уехать из Рима и выбрать для проживания другой город.

Ему вторит кардинал Паллавичино, упрекая Кристину в слишком медленном исправлении и в отсутствии у неё чувства женского долга для того, чтобы сдерживать свой темперамент. Впрочем, писал он, как и папа, все утешали себя мыслью, что со временем свежий, но горький на вкус фрукт созреет и станет более съедобным.

Подливало масло в огонь критики и то обстоятельство, что Кристина на первых порах не хотела брать чью-либо сторону в той тайной и явной борьбе, которая разыгрывалась на Капитолийском холме Рима. Испанцы, первые покровители католички Кристины, возомнили, что они имеют на неё права, и делали на королеву в своей внутрицерковной игре большую ставку.

Кристина отказалась быть пешкой в руках испанской партии. Когда она посетила театральное представление в доме кардинала Мазарини, где размещалось посольство Франции, то Пиментелли дель Прадо, испанский посол при Ватикане герцог Терранова и начальник её стражи маркиз де ла Куэва сделали ей замечание, что по этому поводу ей следовало проконсультироваться с ними. Ведь Испания находилась в состоянии войны с Францией, а испанский король считался покровителем шведской королевы. Это разгневало Кристину, и она сразу дала им понять, что в своих делах никого не намерена слушать.

Потом нашлись другие поводы для взаимного недовольства.

Герцог Терранова, к примеру, был возмущён тем, что Кристина на своих аудиенциях позволяла французскому послу

Лионну не снимать шляпу, хотя француз даже не был настоящим образом аккредитован при Святом престоле. Испанцы также обвиняли королеву в том, что она приютила у себя двух врагов Испании — Галликано и Мональдески, которые оказывали на неё негативное влияние. Кристина, со своей стороны, считала, что принесённая ею в жертву корона не была достойным образом оценена испанцами, которые до сих пор так и не назначили ей никакого содержания. Если Филипп IV до сих пор не раскошелился, то, может быть, Людовик XIV будет более щедрым? Так что скоро отношения с испанцами были основательно подпорчены и старые друзья превратились в непримиримых врагов и авторов самых гнусных памфлетов. Мажордом де ла Куэва опубликовал за границей памфлет, в котором назвал Кристину «самой грязной шлюхой в мире». Парочку менее знатных авторов таких памфлетов по приказанию папы упрятали за решётку.

«Незабвенный» друг королевы Пиментелли дель Прадо подал своему королю прошение об увольнении от двора Кристины и попросил откомандировать его вместе с де ла Куэвой на поля сражения во Фландрию. Прошение скоро было удовлетворено.

Начальник стражи и второй мажордом были уволены. «Если бы он не был генералом, я бы с удовольствием приказала прогуляться дубинкой по его спине!» — прокомментировала отъезд Пиментелли Кристина. У неё начался (или возобновился) «французский период».

Но слухи, сплетни и отчёты наблюдателей из Рима на долгое время не оставят Кристину в покое. Она испортила свои хорошие в прошлом отношения с иезуитами. Предлогом послужило их неуважительное, по её мнению, отношение, в частности недостаточные почести, оказанные ей во время посещения одной иезуитской церкви. С тех пор она повела с ними настоящую войну. Не исключено, что определённую роль в данном случае сыграл её богатый опыт общения с ними на этапе перехода в католичество.

После бурного столкновения Кристины с кардиналом Людовизи, главным ватиканским «блюстителем нравственности», кардинал Паллавичино попытался «урезонить» королеву и склонить её к примирению, но королева от злости расплакалась и наотрез отказалась сделать это.

Негодование верующих вызвал также эпизод, в котором собравшиеся на музыкальный концерт у Кристины кардиналы распорядились прервать звон колоколов в соседней иезуитской церкви, поскольку он мешал слушать музыку. Не прибавляло уважения к шведской королеве и её участие в таких празднествах,

как преследование людей дикими зверями, но не потому, что римляне считали подобные зрелища варварством, а из-за того, что преследуемые были раздеты донага.

Обывателей Вечного города шокировало также то, что на приём к французскому послу Кристина прошла по улицам города в мужском костюме со шпагой на бедре.

Княгиню Колонну, у которой Кристина была в гостях и которая слишком небрежно, на взгляд гостьи, отнеслась к церемонии её проводов из дома, она взяла за руку и грубо дотащила до дверей.

Кристина воображала, что в католическом Риме ей будет позволено более свободное поведение, чем в лютеранском Стокгольме, но жестоко просчиталась. Дух вольнодумства в Риме давно был истреблён, а римляне были не меньшими пуританами, чем шведы. Во всяком случае внешне.

Между тем Кристина испытывала колоссальные денежные затруднения. Она постоянно писала Тексейре в Гамбург с просьбой выслать ей денег или научить обходиться без них, но банкир был бессилен. Карл X завяз с армией в Польше, и Стокгольм выполнял свои денежные обязательства нерегулярно и с неохотой. Ходатай Кристины Аппельман оказался прохвостом и воришкой.

После увольнения де ла Куэвы всеми делами во дворце стали заправлять итальянцы — маркиз Мональдески и пезарские графы братья Сантинелли. В июне 1656 года королева скрепя сердце попросила денег у папы, но тот, всё ещё сердитый на неё, обставил кредит условием: Кристина должна «остепениться», взять себя в руки и жить в полном согласии с католической церковью. Оскорблённая в самых лучших чувствах, королева дерзко ответила папе, что в таком случае от займа она отказывается.

Впавшая в глубокую депрессию, она не знала, что делать. Помог Аззолино. Кардинал всё это время предпринимал большие усилия для того, чтобы смягчить реакцию папы на поведение своей подруги. Улучшению отношений послужило и разразившееся над Римом несчастье — эпидемия чумы. Все горожане покидали город, и папа тоже милостиво попросил королеву куда-нибудь удалиться. Э. Хоке пишет, что Кристина собралась было выехать в Швецию, но не смогла этого сделать, потому что путь через Германию был перекрыт эпидемией. И тут появилось дело во Франции: папа попросил её выступить — неофициально, конечно — в роли посредника между Францией и Испанией, которые никак не могли сесть за стол переговоров, хотя обе стороны уже порядочно устали от войны. Александр VII

дал Кристине деньги на дорожные расходы, и та приняла их с благодарностью, ни словом не напомнив папе о прежних недоразумениях.

Всё это было весьма кстати. У королевы во Франции были два собственных важных дела, по которым она должна была встретиться с кардиналом Мазарини: освобождение Неаполя из-под испанского ига и деньги. Она приказала заложить и продать часть драгоценностей, лошадей и кареты и с небольшой свитой в 22 человека, куда входили её новые друзья — обер-гофшталмейстер маркиз Джованни Ринальдо Мональдески, братья Франческо (старший камергер) и Людовико (камер-юнкер) Сантинелли, — 19 июля 1656 года поднялась в гавани Чивитавеккья на борт принадлежавшей папе галеры *La Padrona* и в сопровождении ещё трёх галер поплыла в Марсель.

Прошло всего семь месяцев с того дня, как королева появилась в Риме, а он её уже отторгал. Она стояла под немилосердным солнцем на палубе и жадно ловила свежий морской воздух. Как всегда в важных делах, исход которых был непредсказуем, ею овладело нетерпение. А дела и на самом деле были важные — во всяком случае для Кристины.

Глава шестнадцатая
НЕАПОЛИТАНСКИЙ ГАМБИТ

Das Richterschwert, worn it der Mann sich ziert, Verhasst istrs in der Frauen Hand.

Friedrich Schiller. Maria Stewart[103]

Трудно понять, каким образом Кристина, освободившись от пут королевской власти и «вылетев на свободу», чтобы наслаждаться жизнью и самосовершенствоваться, вдруг снова втянулась в политику, в политические интриги и даже загорелась желанием вновь украсить свою голову королевской короной — сначала в Неаполитанском королевстве, а потом в Польше. Стоило ли проходить через перипетии отречения от наследственной власти в Швеции и смены веры, чтобы снова претендовать на власть в чужих странах?

Претензии на польскую корону поддаются хоть какому-то объяснению — ведь на польском троне сидели представители шведского рода Васа. Но зачем Кристине понадобилась корона Неаполя, находившегося к тому же под властью испанцев?[104] Для чего ей нужно было портить отношения с Мадридом, под покровительством которого она находилась? Наскучила ли ей частная жизнь или взыграла подогретая непомерным честолюбием страсть к власти и славе? Мы не знаем точно всех мотивов, которыми руководствовалась королева, становясь на скользкий путь добывания неаполитанской короны, но можно с уверенностью предположить, что среди прочих ею владели тщеславное желание всегда находиться в центре событий и затруднительные денежные обстоятельства.

Как бы то ни было, но Кристина уже на самом раннем этапе своей римской жизни, спустя полгода после въезда в Вечный город, успела окунуться в атмосферу политических интриг. В неаполитанскую «кашу» её вовлёк некто Помпео Колонна, князь Галликано, энергичный и неглупый человек, литератор, любитель искусств и вообще мастер на все руки, главным «достоинством» которого была, однако, склонность к авантюрам. Он был также известен тем, что возглавлял борьбу неаполитанцев за освобождение от испанского ига.

Накануне приезда Кристины в Рим испанцы предупреждали её об «опасном смутьяне и безбожнике» Колонне, но Кристина

была женщиной самостоятельной и предпочла смачный и безудержный жаргон вольнодумца Помпео Колонны строгому консервативному этикету чопорных испанских грандов. На вечерах и заседаниях своей академии она, не обращая внимания на кислые физиономии испанцев, с восхищением слушала пламенные речи и рассказы князя Галликано об испанском насилии в Неаполе и дарила его подчёркнутым вниманием.

Всё это докладывалось испанскому послу, а также негласному лидеру испанской диаспоры в Риме генералу дону Антонио Сильва де ла Куэва. Понятное дело, испанцы с ревностью и подозрительностью наблюдали за тем, как Кристина сближалась и общалась с врагами Испании и изгоняла из своего круга знакомых и друзей всех испанцев. Особым её нерасположением стал пользоваться фактический лидер испанской партии в Ватикане, её крёстный отец, кардинал Джованни Карло де Медичи, а потом она испортила отношения и с послом Испании герцогом Террановой. Ей тем более легко было это сделать, что герцог Терранова представлял собой неприглядную карикатуру на испанское высокомерие и среди послов отличался тем, что по части глупости, некомпетентности и недальновидности побил рекорды всех времён и народов.

Испанским интересам в Ватикане противостояли сильные группы так называемых нейтральных кардиналов во главе с Аззолино и кардиналов-французов, за которыми стоял вездесущий кардинал Мазарини. Испанский король Филипп IV, помогавший Кристине на её пути к католицизму, понимал, что она могла быть полезной в церковно-политических делах Испании и Рима. Поэтому Мадрид проинструктировал Терранову относиться к бывшей королеве Швеции с подобающим пиететом.

Терранова, заскорузлый консерватор, был шокирован «полётами» вновь обращённой католички в Риме и уже в 1656 году высказал мнение, что «Италия так же не подходит для Кристины, как Кристина — для Италии». Этот, по характеристике Стольпе, «холерический педант этикета» вступил в конфликт с королевой при первом же её причастии. Спор зашёл о том, кто должен быть её крёстным отцом. Терранова считал, что поскольку его дипломатический ранг в Риме был выше, чем у остальных католических послов, то одним из крёстных отцов королевы должен был стать испанский кардинал. Генерал Пиментелли дель Прадо придерживался иного мнения, «выставив» на чашу весов свой титул, но папа проигнорировал все эти споры и назначил крёстным отцом Кристины кардинала де Медичи.

Потом Кристина подружилась с французом Лионном, который формально послом Франции не являлся. Терранова

возмутился подобным нарушением этикета. Потом у него с Кристиной произошло недоразумение с рассадкой испанских грандов и кардиналов у неё на приёме в палаццо Фарнезе. Терранова требовал, чтобы испанцы были приняты в шляпах, как и Лионн, в то время как королева по совету самого папы Александра VII заставила их эти шляпы снять. Скандал! Терранова оскорбился до глубины души и затаил злобу и на Кристину, и на папу. Из этого ничтожного протокольного эпизода он сделал далекоидущие выводы о том, что папа проводит по отношению к Мадриду враждебную политику.

В Мадриде досконально проанализировали ситуацию, но пришли пока к выводу, что Терранова сам был повинен в ошибочном представлении о дипломатическом протоколе. Однако Филипп IV был оскорблён демаршами папы и шведской королевы и ожидал от последней извинений. Впрочем, всю вину за эпизод испанцы возложили на папу, но тот был «тёртый калач». Зная, что Кристина поступила совершенно верно (в ином случае пришлось бы разрывать отношения с послами других стран), он тем не менее предпринял всё возможное, чтобы уйти от ответственности и всю вину переложить на неё. В испанской столице смотрели на произошедшее так серьёзно, что при неблагоприятном развитии событий не исключали отзыва своего посла из Рима.

Плохо испанцы знали Кристину!

Герцогу Терранове она мнилась марионеткой в руках окруживших её итальянцев и французов. Он никак не мог себе представить её несгибаемый характер, сильную мужскую волю, безграничное высокомерие и честолюбие. У испанцев просто не было такого опыта. Докладывая обо всём этом, Терранова писал королю: «Она направила свой удар против Вашего Величества и всех нас оскорбила».

В Мадриде поняли, что Терранова как дипломат проявил свою полную неспособность, упустил хороший шанс привлечь Кристину на свою сторону, и дали ему хороший нагоняй. Ему приказали оставить королеву в покое, а Пиментелли дель Прадо и де ла Куэве порекомендовали в доме Кристины больше не появляться. Этого герцог перенести не мог и пустился во все тяжкие, чтобы оклеветать королеву в глазах общества. Он пустил слух о том, что она находится в интимных отношениях с кардиналом Аззолино, что она попала в немилость к папе, что переживает материальные трудности и скоро приползёт к нему на четвереньках за деньгами и поселится в его апартаментах.

И тогда Кристина пошла в наступление.

Когда де ла Куэва по приказу из Мадрида разорвал с ней

контакт и пришёл нанести ей прощальный визит, он самоуверенно попросил у неё прощения за то, что не смог ей служить, как того бы хотел. Кристина высокомерно ответила, что это на его совести, но сам он должен знать, что она привыкла награждать рыцарей, а подлецов — наказывать. Если она услышит — а она уже услышала! — о том, что он распространяет в отношении неё клевету, то она накажет его по заслугам. И бледная, еле сдерживая дрожь в теле, она холодно добавила, обращаясь к супруге де ла Куэвы:

— Мне совершенно безразлично, если и вы, мадам, примете участие в распространении слухов обо мне — ведь вы всего-навсего женщина!

Генерала Пиментелли и кардинала де Медичи она попросила доложить королю Испании, что только уважение к ним и к генеральскому чину де ла Куэвы спасло последнего от хорошей порки. Уж она точно выпорола бы его розгами или приказала бы избить до смерти!

К такому языку, пишет Стольпе, королеве приходилось прибегать частенько. «Во Фландрии я жила по-вашему, — заявила она супруге одного испанского дипломата, — но в Риме я хочу жить по-своему, и у меня нет никаких намерений уезжать отсюда по собственной воле». Терранова кипятился и клокотал от гнева, но не мог ничего поделать. «Нетерпимые выходки шведской королевы зашли так далеко, что они не поддаются описанию», — докладывал он в Мадрид.

Следующим шагом Кристина вернула себе расположение папы. Александр VII, поставивший своей целью не прикасаться к взяткам и не создавать прецеденты непотизма, не выдержал и втихомолку сделал своими непотами племянников Флавио и Агостино. Королева немедленно приблизила их к себе и стала приглашать в палаццо Фарнезе. Папу это подкупило; он вызвал к себе Терранову и сделал ему реприманд за нападки на Кристину. А Кристина выпустила листовку-памфлет, в которой во всеуслышание «проинформировала общественность» Рима о приёме, оказанном ею напоследок супругам де ла Куэва, и о том, как она чуть не выпорола генерала розгами. В этом коммюнике она предупредила и посла Терранову о том, что при её дворе «достаточно много храбрых и честных благородных людей, готовых продемонстрировать эти качества на тот случай, если он будет вести себя неподобающим для статуса испанского посла образом». Заканчивалась листовка такими словами: «На следующий день (после прощания с де ла Куэвой. — *Б. Г.*) дон Антонио Пиментелли дель Прадо отсутствовал или притворялся отсутствующим, но дал мне знать, что герцог Терранова никогда

неуважительно не говорил о королеве… и что он всегда считал себя её покорным слугой».

Кристина открыто издевалась над испанским послом, и тот был на грани нервного срыва. Он подробно обо всём проинформировал Мадрид и доложил, что Кристина заложила свои последние драгоценности еврейским ростовщикам, что она вовсе не королевского происхождения, а являлась правнучкой датского бунтовщика[105], и что её в Риме все презирают и ненавидят. В заключение Терранова напомнил о неблагоприятных пророчествах святой Бригитты[106], сделанных 300 лет тому назад в отношении некоторых королевских семей, и пришёл к выводу, что святая имела в виду королеву Кристину.

Трудно сказать, как в Мадриде отнеслись к очередной глупости посла Терранови, но Кристина и после опубликования коммюнике своей борьбы с ним не прекратила. Она решила его совершенно уничтожить. Следующий её шаг был достоин руки большого мастера интриги. Она послала патера Гуэмеса к Терранове с просьбой дать ему рекомендацию к королю Испании. Посол, не чувствуя никакого подвоха, без зазрения совести выдал такую рекомендацию — ведь патер Гуэмес был почтенный и заслуженный иезуит. Затем Кристина составила подробное письмо на имя испанского короля, в котором описала все головотяпства герцога Терранови, и с этим посланием отпустила Гуэмеса в Мадрид.

Патер Гуэмес, вручив при дворе короля рекомендации герцога Терранови, получил у короля аудиенцию и торжественно вручил ему письмо бывшей королевы Швеции. Эффект получился поразительный: посол уничтожил себя собственными руками. Филипп IV больше не мог держать Терранову в Риме. Министры напомнили ему, что герцог как-то уже просился в отставку, и его просьба была немедленно удовлетворена.

Кристина торжествовала полную победу. Авторитет её в Риме немедленно поднялся ещё выше, чем прежде, а восхищение ею стало чуть ли не всеобщим.

Этот эпизод наглядно показывает, какова была эта гордая женщина, умевшая при самых неблагоприятных обстоятельствах не терять чувства самообладания и, руководствуясь только умом, мужеством и волей, достигать поставленную перед собой цель. Сказывалась школа Оксеншерны и Сальвиуса. Да, король Филипп IV был прав: экс-королева Швеции являлась фактором власти, с которым нужно было считаться.

Эпизод, известный в исторической литературе как дело Мональдески и связанный с «неаполитанской активностью» Кристины, лишний раз подтверждает это. За схваткой с

испанским дипломатом Террановой стояли не только личные обиды королевы, но и серьёзные политические интересы. Постепенно отходя от контактов с испанцами, она по уши завязла во французских интригах кардинала Мазарини и его римского эмиссара Лионна. Несомненно, что идею заполучения неаполитанской короны подсказали ей Галликано и Аззолино, но поскольку стать королевой Неаполя без поддержки Франции было невозможно, то Кристина невольно стала играть в игру, предложенную Парижем.

Гордые неаполитанцы желали иметь на своём троне «человека крови», и кардиналу Мазарини не так-то уж легко было найти подходящую фигуру. Неаполитанское королевство он предназначал брату Людовика XIV принцу Филиппу герцогу Анжуйскому. Но поскольку восемнадцатилетний король ещё не был женат, то Филипп пока считался его наследником и занимать неаполитанский трон не мог.

И тут неожиданно всплыла кандидатура Кристины. Она во всех отношениях устраивала Мазарини: «голубой» крови в её жилах было более чем достаточно, у неё не было и не будет наследников, так что после её смерти неаполитанская корона досталась бы тому же принцу Филиппу. Королева на неаполитанском троне рассматривалась кардиналом Мазарини в качестве промежуточной фигуры до урегулирования династийного вопроса во Франции[107]. Такой вариант почему-то вполне устраивал и Кристину.

Правда, она согласилась на него не сразу и некоторое время размышляла, на чью карту ставить: Мазарини или его соперника французского кардинала де Ретца[108], которого сам папа считал вероятным преемником на Святом престоле, и поэтому одно время пыталась даже вести двойную игру. Сам же де Ретц планировал занять место Мазарини. Кристина согласилась подыгрывать Лионну и отговаривать кардинала де Ретца от притязаний на пост архиепископа Парижа — трамплин для восхождения на пост первого министра Франции, но одновременно повела тонкую игру с де Ретцем, в которой за ним такую возможность оставляла. Лионн всё это знал, о чём подробно и оперативно информировал Мазарини.

Игра была хороша, но слишком тонка, чтобы не лопнуть. Её концы сходились в Париже, и Мазарини скоро понял, что Кристина с ним неискренна. Со стороны зрелище выглядело захватывающе: как минимум трое крупных интриганов и конспираторов делали тонкие обманные ходы и старались обыграть друг друга. Лионну королева говорила, что вела с де Ретцем нечестную игру. То же самое в отношении Лионна она

говорила де Ретцу. Папе Александру VII, контролировавшему де Ретца и ненавидевшему Мазарини, Кристина заявляла, что последний станет всего лишь капелланом на побегушках у испанских генералов, если папа не заставит де Ретца с ним примириться. Лионну она заявляла, что окажет Франции услугу по нейтрализации де Ретца в ответ на услугу со стороны Мазарини, который должен был помочь ей добыть корону Неаполя. При всём этом действия Лионна в Риме контролировались — на всякий случай — другими агентами Мазарини.

Впрочем, как пишет Энглунд, на какое-то время «Мазарини проглотил свои подозрения, Кристина — свою тревогу и оба — свою гордость». Они ещё были нужны друг другу, и всё могло уладиться.

Сбывалась мечта королевы стоять в центре мировых событий и выступать в роли арбитра. Только понимала ли она, что партнёрами по игре ей была уготована другая роль — роль вспомогательной ступеньки для достижения собственных целей? Мазарини делал вид, что верит Кристине, осыпал её пышными комплиментами, но постоянно был начеку, ожидая с её стороны подвоха. Он являлся слишком сильным противником для Кристины, у него был опыт, за ним стояли целое государство и полк секретных агентов. Де Ретц тоже остался на своих позициях и ни в чём не собирался делать уступки Мазарини или Кристине. Каждый разгадал тайные замыслы своих партнёров, но делал вид, что ничего не произошло. Игра продолжалась.

Кристина усиленно уговаривала Александра VII пересмотреть свои взгляды, отказаться от ориентации на Испанию и сделать ставку на Францию, восходящую европейскую державу. Для того чтобы покончить с господством Испании в Европе, нужно было нанести ей удар на юге Италии и отвоевать у неё Неаполь. С помощью французов и итальянцев она обещала ему этого добиться. Папа не послушался совета королевы и несколько лет спустя горько пожалел об этом. Франция обойдётся без посредничества Ватикана, когда начнёт переговоры о мире с Испанией, ослабевшей, побитой и дряхлой. Кристина критиковала пассивную позицию папы: «Для управления миром на самом деле требуется не святость, а нечто другое. Святость — качество, которое только вредит. Когда папа говорит: *Dio ciprovedera*[109], то считает, что дело сделано, и предоставляет всё Провидению. Между тем у испанцев есть хорошая поговорка: „Моли Бога, а сам держись за дубинку“».

Весной 1656 года Мазарини направил в Рим специального эмиссара, который провёл с королевой тайные переговоры. Суть

достигнутых договорённостей сводилась к тому, что корона Неаполя после смерти Кристины должна была достаться Филиппу Анжуйскому. Встречи с эмиссаром проходили в обстановке жуткой конспирации — о встречах Кристины с французом не знал якобы даже её близкий друг кардинал Аззолино (что нам кажется весьма сомнительным).

Французская сторона активно готовилась к вторжению в Неаполь. Герцогства Модена и Мантуя объявили себя сторонниками Франции, и Кристина вошла в контакт с будущим главнокомандующим французской армией в Неаполе герцогом Модены[110] Франческо д'Эсте и даже подписала с ним соответствующее соглашение о том, чтобы граф, войдя в Неаполь, оказывал ей содействие в приобретении местной короны. В Риме полным ходом шла вербовка корпуса ополченцев, готового выступить в южном направлении, как только будут созданы для этого условия. Руководил этой работой соратник князя Галликано и придворный Кристины маркиз Д. Р. Мональдески. Королева Кристина часто встречалась с ним и обсуждала все насущные вопросы.

Монарх без гвардии — ничто, и Кристина решила обзавестись собственной гвардией. Форму для гвардейцев она пожелала заказать в Париже, для чего в Турине было закуплено большое количество сукна. Оставалось доработать кое-какие детали операции и встретиться с Мазарини.

…По пути в Марсель случился шторм, и «Падрона», попавшая в бурю и потерявшая уже семь человек солдат и гребцов, пыталась причалить в Генуе, но город, напуганный чумой, не пустил её, и Кристина была вынуждена принимать почести от отцов города в море. Церемониймейстер подплыл к галере королевы поближе и, держась за мачту, прокричал ей какие-то слова, а потом подплыл ещё начальник санитарного кордона и передал на судно дары города: 6 кругов сыра, 100 кистей винограда, 24 факела и 200 свечей.

Двадцать девятого июля эскадра появилась на рейде Марселя. Там «генуэзский» сюрприз повторился. Извещённые об эпидемии чумы в Риме марсельцы категорически запретили экипажу и пассажирам сходить на берег. Местные власти вынуждены были подчиниться жителям и закрыли причалы. Высланный кардиналом Мазарини для встречи королевы Кристины кавалер де Лессен предложил ей сесть в шлюпку и как можно незаметнее сойти вместе со свитой на берег. Не тут-то было! Протокол и достоинство для королевы были превыше всего, а воля и настойчивость шведки оказались сильнее протестов всего

Марселя, так что кавалеру де Лессену пришлось уступить.

Гром орудийного салюта с находившегося неподалёку замка Иф потонул в криках протестующих марсельцев, но последовавшие за этим празднества, банкеты и приёмы заставили их позабыть о чуме. Гостеприимство жителей и властей превзошло все ожидания королевы, и последний банкет из двадцати четырёх блюд достался ей нелегко. Кристина воспользовалась пребыванием в городе для того, чтобы навестить знаменитого слепца, учёного, юриста и мистика Франсуа Малаваля. Заочная дружба между ними продолжится и сохранится на долгие годы.

Мазарини приказал на всём пути от Марселя до Парижа встречать Кристину по высшему разряду как полноправную королеву. Лион был первым городом на её пути, который удостоил её пышного и громкого приёма. Здесь её встретили старые друзья Шану и Бурдело. Бурдело, теперь аббат монастыря Массэ-ан-Берри, достиг весьма преклонного — восьмидесятилетнего — возраста, но был рад встретить свою бывшую пациентку и с гордостью представлял её своим землякам. В Лионе её встретил официальный представитель Людовика XIV, пэр Франции герцог де Гиз, и Кристина немедленно сообщила ему, что у неё «конфиденциальное» дело к кардиналу Мазарини.

Герцог Анри (Генрих) де Гиз, официально носивший титул великого камергера Генриха II, был давно вовлечён в дело освобождения Неаполя от испанцев и мог много рассказать об этом Кристине. После одной неудачной попытки поднять в Неаполе восстание он попал в плен. После освобождения он предпринял ещё одну попытку прогнать испанцев из Неаполя, но в 1654 году, когда Кристина находилась ещё в Антверпене, потерпел неудачу под Кастелламаре. Одновременно герцог представлял королеву-мать Анну Австрийскую и архиепископа Франции монсеньора де Виллероя. Мазарини знал, кого нужно было приставить к Кристине во время её пребывания во Франции. Сам кардинал к этому времени уже охладел к неаполитанскому проекту и вести конструктивные переговоры с королевой не был настроен. Он решил взять её измором и соблазнять светскими удовольствиями, надеясь, что до серьёзных переговоров дело не дойдёт.

На первых порах всё шло так, как запланировал Мазарини. Встречи и приёмы носили исключительно протокольный характер, французским католикам было рекомендовано с королевой не встречаться, дабы не дразнить ни Карла X Густава, ни Кромвеля. Французский свет и вообще публику волновал лишь внешний вид королевы. Все отмечали и перемалывали свои

впечатления от её одежды[111], причёски, неумения грациозно танцевать, манеры держаться, от её дурного вкуса и мужланских замашек, но никого не интересовало, что она вела себя естественно и с большим достоинством, была умна и рассудительна. Единственной благосклонно расположенной к Кристине женщиной оказалась графиня де Суз, дочь вождя французских протестантов Гаспара Колиньи. Тоже перешедшая в католичество, мадам де Суз буквально души не чаяла в Кристине, посвящала ей свои стихи и оставила после себя интересные заметки о своих встречах со шведской королевой.

Естественно, герцог де Гиз подробно доложил о своих впечатлениях Анне Австрийской и Людовику XIV:

«В момент, когда я испытываю ужасную скуку, мне меньше всего хочется развлечься описанием портрета королевы, которую я сопровождаю. Она не высока ростом, но хорошо сложена; у неё широкая нижняя часть туловища, красивые и белые руки, но скорее мужские, нежели женские; одно плечо выше другого, но она так удачно скрывает этот недостаток своим странным платьем, походкой и всеми телодвижениями, что о его существовании можно заключать пари. Лицо крупное, но правильное с ярко выраженными чертами: орлиный нос, в меру большой рот, сносные зубы, действительно прекрасные, полные огня глаза. Несмотря на следы оспы, её кожа чистая и совершенно здоровая; форма лица правильная, но заключена в совершенно невообразимую причёску. Это мужской парик, очень тяжёлый и высоко приподнятый спереди, спадающий толстыми прядями по бокам и более-менее приемлем на кончиках; макушка представляет собой массу волос, и только сзади находится нечто, напоминающее женскую причёску. Иногда она носит шляпу. Её корсаж, зашнурованный крест-накрест на спине, сделан по типу наших лат, из-под которых проглядывает нижняя сорочка; юбку носит плохо застёгнутой и не совсем прямо. Она сильно пудрится, а под толстым слоем пудры скрывается обильный слой крема; практически никогда не носит перчаток. На ногах у неё мужские башмаки, а её голос и почти все жесты мужские. Она любит демонстрировать своё искусство верховой езды, упивается и гордится им, как, возможно, делал это её отец великий Густав. Она очень хорошо воспитана и любит лесть, говорит на восьми языках, но большей частью на французском, за что её можно вполне принять за парижанку. Она знает больше, нежели наша Академия и Сорбонна вместе взятые, хорошо разбирается в живописи и знает о придворных интригах много больше меня. Она на самом деле необыкновенная личность».

Кристина стоически выдержала испытание французским

светским обществом и прибыла в Фонтенбло без физических и моральных потерь, если не считать приступа несварения желудка от обеда в Авиньоне. Она не могла не видеть, что в некотором смысле превратилась в этой поездке в «выставочный экспонат», но не подавала вида и оставалась самой собой. Как всегда. «Французы оценят меня по достоинству, — сказала она одной светской даме, — они увидят, что я ни дурна, ни хороша, как об этом говорит молва».

Французский двор находился частью в Фонтенбло, а частью — в Компьене. Резиденция восемнадцатилетнего короля Людовика XIV располагалась в Компьене. Там же был и Мазарини, представлявший главную цель поездки Кристины. Её попросили пока остановиться в Фонтенбло, где она встретилась, в частности, ещё с одной придворной дамой — Монпансье. Во время представления фрейлинам двора королева допустила бестактность. При виде её фрейлины — вероятно, согласно этикету — бросились к ней и стали обнимать и целовать, что спровоцировало Кристину на неудачную шутку: «Они что — с ума сошли? Или они приняли меня за мужчину?» Дело понятное — королева к женскому обществу не привыкла.

В Париж Кристина въехала 8 сентября 1656 года с ещё большей помпой, чем в своё время в Рим. Мэр Парижа встретил её в предместье Сен-Антуан и вручил на блюде ключи от города. В торжественном шествии принял участие весь цвет королевства: нотабли, члены правительства, придворные короля, клир, представители мэрии и академий — все в парадных мундирах и праздничных одеждах. Пятнадцать тысяч солдат выстроились по обеим сторонам улиц столицы. И толпы любопытных, звон колоколов, залпы орудий…

Как всегда, её туалет представлял смесь мужской и женской одежды: алый камзол, алая юбка и чёрная шляпа с чёрным плюмажем. Она ехала верхом на белом коне по кличке Уникорн, в руках держала маршальский жезл, а к седельной луке были приторочены огромные кавалерийские пистолеты — смесь амазонки с кавалерийским офицером! Зрелище было не для слабонервных, но парижанам Кристина пришлась по душе. И только во время причастия в соборе Парижской Богоматери епископу Амьенскому очень не понравилось, что королева не опустила очи долу в благоговейном экстазе, а смотрела прямо ему в глаза.

Через несколько дней она поспешила в Компьен. Там она познакомилась с придворной дамой Франсуазой Берто Мотвиль и встретилась, наконец, с кардиналом Мазарини. Он пригласил её на обед в Шантильи и в самых расплывчатых словах дал

заверения относительно неаполитанского дела. Кристина верила в свою удачу, хотела верить и кардиналу. Тем не менее она сумела распознать эту личность и дать ей точную характеристику[112]. Что не помешало ей попасться на его уловки.

Двадцать второго сентября 1656 года в Компьене между королевой и кардиналом было заключено соглашение, согласно которому Неаполь занимали французы и их итальянские сторонники. В операции принимал участие французский флот, были оговорены средства на его содержание в течение двух месяцев — на такой срок была рассчитана вся операция. Французские корабли должны были привезти с собой оружие и раздать его неаполитанцам, в то время как Кристина обеспечивала операции политическое прикрытие.

Кроме неаполитанского дела Кристина обсудила с Мазарини франко-шведские отношения, а также вопросы получения денег в счёт невыплаченных ранее шведских военных субсидий. Кардинал дал поручение своему послу в Стокгольме сделать шведскому правительству представление о том, что король Франции рассматривал положительное решение финансового вопроса Кристины как важный элемент франко-шведской дружбы. Посол должен был подтолкнуть опекунское правительство Швеции к согласию на то, чтобы Франция выплатила королеве часть апанажа из сумм, оставшихся невыплаченными Швеции в период Тридцатилетней войны.

Обер-гофмейстерина королевского двора мадам Мотвиль, оставившая воспоминания о Кристине, была на первых порах шокирована её внешним видом: та въехала в Компьен в съехавшем набок и грязном от дорожной пыли парике, а также в пыльной и смятой одежде (о ужас!). Особенно поразил француженку цвет кожи Кристины: «Когда я впервые увидела её, то она была похожа на странствующую цыганку… Всё в ней было до необычайности странным, способным более внушать страх, чем симпатии». И всё-таки, несмотря на то, что мадам Мотвиль считала небрежность в одежде смертным грехом, она сумела по достоинству оценить иностранку, как только услышала её речь: «К моему удивлению, я почувствовала, что она мне нравится». А вот её свиту, братьев Сантинелли и Мональдески, она назвала «двумя-тремя лицами жалкой внешности, которым она ради куртуазности присвоила титулы графов», в то время как женская часть свиты «больше напоминала продавщиц в магазине, нежели благородных дам».

Видавшая виды известная амазонка Анна Мария Луиза Орлеанская, герцогиня де Монпансье по прозвищу Гранд-Мадемуазель, участвовавшая в боях во время Фронды, тоже

сгорала от нетерпения познакомиться со знаменитой шведской королевой. Она увидела её в театре на балетном спектакле. Кристина явилась в ярко-красном, вышитом золотом, камзоле, в серой, вышитой золотом, юбке и, к великому удивлению Гранд-Мадемуазель, выглядела не смешно, а вполне привлекательно. Француженка нашла цвет её кожи и её голубые глаза просто замечательными, в своих описаниях она назвала Кристину «маленьким красивым мальчиком». А вот манеры королевы ей не понравились: «Она сквернословила, призывая в свидетели Бога, ёрзала в кресле, то эдак, то так вытягивала ноги, клала их на подлокотники кресла. Я в жизни не видела людей, принимавших такие позы, если не считать Тривелена и Жоделе, итальянского и французского клоунов… Она делала глубокие реверансы, испускала глубокие вздохи, потом вдруг неожиданно собиралась, как будто резко пробуждалась ото сна». В конце этого словесного портрета герцогиня написала: «она совершенно необычна».

В Шантильи инкогнито приехал король, чтобы лично познакомиться с известной всей Европе особой. Кардинал Мазарини устроил из этого свидания маленькую комедию: он представил Кристине двух молодых людей, не называя их по имени: «Эти молодые кавалеры обещают оправдать все возлагаемые на них надежды». Кристина, улыбаясь, подошла к восемнадцатилетнему Людовику и сказала, подавая ему руку: «Полагаю, что этот в особой степени обладает выдающимися качествами, ибо он рождён для того, чтобы носить на голове корону». После этого беседа протекала в непринуждённой и дружеской атмосфере. Оба шутили и смеялись, и оба остались довольны этой встречей: король был поражён её умом и естественным поведением, а она — его находчивостью, ловкостью и умением вести беседу. Согласно воспоминаниям мадам Мотвиль, король подобрал ключ к этой гордой, эрудированной и дерзкой женщине, и они, к обоюдному удовольствию, провели время в свободной и непринуждённой беседе. Ничто не указывало на то, что в будущем эти два человека станут врагами.

Пятидесятипятилетняя королева-мать Анна Австрийская, напротив, была настроена к Кристине резко отрицательно и пыталась препятствовать контактам сына с ней, но и она была приятно удивлена образованностью и умом шведки. На встрече с вдовствующей королевой Кристина снова допустила непозволительную «развязность» и неучтивость: она попросила Анну Австрийскую снять перчатку и показать ей браслет с миниатюрой герцога Орлеанского, а когда удивлённая Анна нехотя сняла перчатку, Кристина стала «неумеренно» хвалить её тонкие руки.

Резкая смена настроения и темы беседы — то простота и искренность, то излишняя чувствительность — приводила французский двор в недоумение и замешательство. Для их отточенных этикетом и внешними условностями мозгов Кристина была человеком с другой планеты.

Людовик пригласил Кристину принять участие в королевской охоте, на что она откровенно ответила, что это опасное занятие считает глупым. Она раскритиковала также артистов из его оперы. Королю такая откровенность понравилась, потому что Кристина успела уже принять участие в его увлечении прекрасной племянницей кардинала Мазарини мадемуазель Марией Манчини. «Женитесь на ней, — посоветовала она ему. — На вашем месте я бы не раздумывала жениться на женщине, которую люблю». Анне Австрийской и Мазарини, планировавшим женить короля на испанской инфанте Марии Терезии, вмешательство в их внутренние дела мало понравилось, королева-мать воспылала к Кристине неприязнью и дала ей кличку «амбулантная королева»[113].

Кристина не преминула мимоходом «боднуть» иезуитов: «Монахи и иезуиты часто бывают гадкими интриганами и повсюду, где появляются, творят зло». Когда духовник короля иезуит Аннат попытался было «подправить» королеву, она горячо возразила: «О нет, я слишком хорошо знаю, какую власть они имеют, а поэтому уж лучше иметь своим врагом какого-нибудь могущественного князя, нежели ваш орден. Я не хочу с вами ссориться, но при одном условии, что никогда кто-либо из вас не станет моим духовником». Фраза о том, что она никогда не согласится взять иезуита в свои духовные отцы, была воспринята французами как очередная бестактность по отношению к Людовику XIV.

Комфортно королева почувствовала себя лишь во Французской академии, где её встретили с большим почётом и уважением. Там Кристину признали себе равной, и это стало бальзамом для её души. Так же хорошо чувствовала она себя и в обществе красивой, умной и образованной куртизанки, содержательницы салона (с 1667 года) Нинон де Ланкло, известной, по словам мадам Мотвиль, «благодаря своим порокам, вольномыслию, уму и изящным остротам». Попасть в салон к де Ланкло считали за честь все французские знаменитости — Мольер, Фонтенель, Ларошфуко, Конде, Буало, Лафонтен и др. В её «придворном» театре играл свои пьесы Мольер, здесь звучали стихи Расина и вообще «культивировалось» искусство. В некотором смысле Нинон де Ланкло была культуртрегерским вариантом самой Кристины в её стокгольмские времена. К Нинон

королева заехала уже на обратном пути в Италию, а после визита порекомендовала Людовику XIV ввести её в круг своих придворных.

Кристина добилась цели своей поездки и познакомилась с Францией. Больше ей тут нечего было делать, а потому никто в Компьене не сожалел о том, когда она 23 сентября 1656 года выехала, наконец, домой. Мазарини был очень рад от неё избавиться и дал ей в дорогу аванс в размере 15 тысяч крон из невыплаченных Швеции субсидий, а король предоставил в её распоряжение свой экипаж.

Небольшой эскорт французских нотаблей сопроводил кортеж Кристины до франко-итальянской границы. Перед отъездом из страны Кристина не забыла заказать у самого дорогого кутюрье Парижа мундиры для своей будущей гвардии «общей стоимостью в 145 306 фунтов, из которых нужно было сразу внести 33 тысячи».

В намерения «амбулантной королевы» входила поездка в Испанию и Швецию, но, узнав о том, что Филипп IV не очень-то жалует женщин, а Карл X Густав всё ещё воюет в Польше и ему не до кузины, она в октябре пересекла итальянскую границу и въехала в Турин. Там она насладилась восторженным приёмом, устроенным в её честь туринским герцогом[114], провела переговоры по неаполитанским делам с графом Рончи, посланцем герцога д'Эсте, и выехала в городок Пезаро, собираясь оттуда направиться в Рим. Отныне Рим притягивал её как магнит — там находился кардинал Аззолино, с которым она вела теперь оживлённую переписку. Итальянское окружение королевы исправно докладывало ему о том, что она постоянно любуется его миниатюрным портретом, а его имя последнее время не сходит с её уст.

В Пезаро, однако, выяснилось, что чума в Вечном городе продолжает свирепствовать, унеся уже 12 тысяч жизней, так что возвращаться туда было опасно. Кристина сгорала от нетерпения приступить к реализации неаполитанского дела, а тут пришлось торчать в каком-то Пезаро! Но делать было нечего, и она провела несколько месяцев в этом провинциальном городишке. Пезаро рекомендовали Кристине братья Сантинелли — это был их родной город, и здесь имелся герцогский дворец, в котором можно было остановиться. Деньги, выданные Кристине на поездку во Францию, давно кончились, пустел и кошелёк, выданный ей Мазарини, и королеве опять пришлось продавать и закладывать. Кардинал Аззолино в своих письмах непрестанно увещевал Кристину соблюдать в своих расходах экономию, но всё было напрасно — деньги у неё не задерживались. Она направо и

налево раздавала подарки, пенсии и стипендии, а балы, обеды, музыкальные и театральные вечера чередой сменяли друг друга.

Получить деньги за проданные драгоценности должен был Франческо Мария Сантинелли, и он принялся за дело с присущей ему энергией и корыстью. Граф, вероятно, не догадывался, что за ним пристально наблюдали кардинальский легат Хомодей и вице-легат и друг Аззолино Магнус Каспаро Ласкарис. Оба они были доверенными людьми кардинала, включены в состав свиты Кристины ещё при отъезде из Рима и детально отчитывались перед патроном обо всех её шагах — кроме неаполитанского дела, в которое Аззолино, как полагала сама Кристина, посвящён не был.

Агент Кристины в Голландии Сильверкруна получил задание, аналогичное Сантинелли: он должен был заложить или продать драгоценности, оставленные королевой в Антверпене вместе со своим основным багажом, включая картины, скульптуры и книги. Одновременно Кристина вступила в контакт с управляющим её померанской недвижимостью госсоветником С. Боотом. Одним словом, в Пезаро она развила кипучую деятельность.

Там же Кристина написала своё последнее письмо Эббе Спарре.

Тридцатого декабря 1656 года она отправила Аззолино подробный отчёт о своих впечатлениях от Франции, в котором описала состояние страны, французские нравы и порядки в королевском доме, а также дала меткие и лаконичные характеристики кардиналу Мазарини и Людовику XIV.

Королева и на расстоянии продолжала «теребить» Мазарини и напоминать ему о Неаполе. Кардинал отнекивался, ссылался на отсутствие средств для вооружения армии вторжения и ставил всё предприятие в зависимость от Ватикана, который, по его мнению, и должен был финансировать всю операцию. Трезвый человек уже давно бы понял, что Мазарини вышел из игры, но Кристина, ослеплённая блистательной идеей «въехать на белом коне в Неаполь в качестве освободительницы», ничего не замечала и продолжала без всякой пользы «бомбить» Мазарини письмами. Она принадлежала к тем людям, которые, будучи одержимы какой-либо идеей или планом, рассматривали препятствия на пути их осуществления лишь как дополнительный стимул для действий.

Сантинелли между тем выручил деньги за драгоценности своей госпожи и, вместо того чтобы вручить их кардиналу Аззолино, положил их на своё имя у еврейских банкиров. Маркиз Мональдески отправился к Мазарини, чтобы получить следующую порцию денег для королевы — теперь из сумм контрибуций,

причитавшихся Швеции за участие в Тридцатилетней войне. Поскольку маркиз задерживался, королева отправила ему в помощь Л. Сантинелли.

А Ласкарис, кроме известий о том, как сверкают от счастья глаза Кристины при получении писем от Аззолино, докладывал патрону, что никаких сердечных дел у Кристины с братьями Сантинелли или маркизом Мональдески нет и в помине — всё это сплетни. На предложение Аззолино попытаться повлиять на Сантинелли, чтобы тот уговорил королеву отказаться от затеи с созданием собственной гвардии, Ласкарис отписал, что Сантинелли ему ответил так: «Лучше сидеть без хлеба, чем без гвардии». Разумеется, сам Сантинелли так не считал, а передавал, по всей видимости, слова Кристины. Для него же гвардия была доходным предприятием, под которое он мобилизовал всё местное знатное, но очень бедное дворянство. Они-то и составили «опору» будущей королевы Неаполя, а командовать ими было поручено какому-то проходимцу и кондотьеру самого низкого пошиба по имени Тендеринис.

Королева ничего этого не замечала и не желала вникать в обязанности своих слуг. В насмешливом тоне Ласкарис информировал кардинала о так называемом «избранном» обществе Пезаро, в котором вращалась королева и самым большим украшением которого была графиня Барбара Рангани — дама пятидесяти лет, низкого роста, жирная, с выпавшими на голове волосами и единственным, уже почерневшим зубом во рту. Графиня тоже встала на довольствие к Кристине и получала 70 талеров в месяц. Но Аззолино при таких известиях, по всей видимости, было не до смеха.

Двадцать девятого апреля 1657 года терпение Кристины лопнуло, и она, апеллируя к итальянскому чувству мужского достоинства Мазарини, призвала его «раскошелиться» и выделить на неаполитанское дело нужную сумму денег. Мональдески, вернувшийся из Франции, привёз с собой 25 тысяч луидоров и ответ Мазарини, в котором сообщалось, что он в принципе согласен с планом, но считает целесообразным отложить его выполнение. Кристина высказала пожелание опять приехать во Францию и встретиться с ним, а заодно посмотреть, «как молодой король будет танцевать в новом балете», но Мазарини просил её оставаться в Риме и добиваться содействия в неаполитанском деле от Ватикана.

Королева снова пустилась на уговоры, но Мазарини молчал. И тогда она покинула Пезаро и отправилась во Францию без приглашения. Покой и тишина действовали на неё самым неблагоприятным образом. Её организаторские способности

проявлялись как раз в период неустройства, кризиса и конфликтной обстановки. Перед отъездом, ещё раз встретившись в Модене с герцогом д'Эсте, она отправила Аззолино сухое письмо, в котором загадочно намекала, что может оказаться даже дальше Франции, а потому просила его сохранить воспоминания о их дружбе. Вероятно, она решила сделать ему сюрприз: явиться перед ним в полной красе с неаполитанской короной на голове.

Прождав в Лионе некоторое время указаний из Парижа, «амбулантная королева» 21 июня опять явилась в Фонтенбло. На сей раз никакого торжественного приёма ей оказано не было. Её поселили в подсобных апартаментах замка, которыми пользовался король во время своей охоты. В её распоряжении были всего четыре комнаты, окна которых выходили на мрачную окраину парка. Апартаменты соединялись с замком так называемой Оленьей галереей, по стенам которой были развешаны охотничьи трофеи, в основном оленьи головы.

Встреча с Мазарини была бесплодной. Выяснилось, что княжество Мантуя медлит и сомневается в целесообразности предстоящей операции, и кардинал предлагал подождать до сентября. Кристина всё ещё не догадывалась, что Мазарини давно остыл к неаполитанской авантюре, что у Франции появился неожиданный союзник — Англия, с помощью которого она и рассчитывала одолеть, наконец, Испанию. Между тем стали распространяться запоздалые слухи о планах французов в отношении Неаполя, и встревоженная королева поняла, что произошла утечка информации.

Восторженное отношение Кристины к кардиналу (в своём письме Карлу X в Швецию она писала, что нет на свете другого человека, кроме Мазарини, которому она была бы столь обязана) сменилось разочарованием, потому что Мазарини стал искать не войны с испанцами, а мира. Кристина пишет ему: «Новости на сегодня угрожают миру большим спокойствием, а я люблю шторм и ненавижу штиль». 8 ноября она умоляет Мазарини не колебаться и продолжать работать над планом: «Момент благоприятен, и я боюсь всего, что может замедлить выполнение моего желания увидеть триумф французского короля и славу Вашего Преосвященства».

Но Мазарини уже принял решение. Первоначальный план его в чём-то больше не устраивал, и он вовлёк в антииспанскую игру новых партнёров — в частности Англию. В следующем году (23 марта 1657 года) он заключил с ней антииспанский союз и приступил к планированию совместных военных действий во Фландрии по вытеснению оттуда испанцев. Неаполь на этом фоне имел второстепенное значение. Кардинал «кормил»

находившуюся в Пезаро Кристину пустыми обещаниями, а она не могла не почувствовать это и дважды — в сентябре и ноябре 1656 года — приезжала во Францию, чтобы лично ускорить исполнение задуманного.

Переговоры с Мазарини затянулись до глубокой осени без всякого шанса на успех. Кристина вызвала из Стокгольма для отчёта Аппельмана и с новыми инструкциями снова отправила его в Швецию. Агент королевы в Голландии получил указание приготовить оставшийся в Антверпене багаж королевы (картины, книги, рукописи и пр.) к отправке в Италию. Кристина готовилась к переезду в Неаполь. Королевский двор Франции делал вид, что о возвращении эксцентричной шведки в страну ничего не знает, и продолжал жить своей жизнью. Возможно, так продолжалось бы ещё довольно долго, если бы не одно событие. Когда Людовик XIV уже собирался нанести Кристине визит вежливости, в Фонтенбло произошло нечто ужасное.

Шестого ноября в девять часов утра приор монастыря Святой Троицы в Фонтенбло патер ле Бель[115] вышел из ворот обители и стал наблюдать за ведущимися полевыми работами. Из находившегося неподалёку дворца Консьержери, в котором жила бывшая королева Швеции, вышел лакей и направился к монастырю. Поравнявшись с ле Белем, он спросил, как найти приора. Ле Бель сказал, что это он и есть, и тогда лакей попросил его следовать за ним во дворец, где с ним хотела побеседовать королева.

После некоторого ожидания в прихожей ле Бель был приглашён к королеве. Он поприветствовал её согласно этикету и осведомился о причинах вызова. Та ответила, что хотела бы побеседовать с ним наедине, и повела приора в Оленью галерею. Там она спросила ле Беля, не встречались ли они прежде, на что приор ответил отрицательно, но присовокупил, что оказывал некоторые услуги при размещении её свиты во дворце. Королева поблагодарила его и сказала, что одежды, которые он носит, являются надёжным залогом её доверия к нему. Ле Бель поспешил заверить её, что он глух, слеп и нем в вопросах сохранения тайн простых людей, а что касается тайн королей — то сдержан вдвойне.

После этих слов королева вручила приору опечатанный тремя печатями пакет с какими-то документами. На конверте не было никаких надписей. Она сказала, что он должен будет отдать пакет тому, кто попросит его об этом. Приор обещал исполнить всё в точности. Прежде чем уйти, королева попросила его как следует запомнить место, день и час, когда это произойдёт. Ле Бель взял пакет, попрощался с августейшей особой и пошёл домой.

В следующую субботу 10 ноября в час пополудни к приору снова явился слуга королевы и опять попросил его пройти в Консьержери. Захватив с собой упомянутый пакет, приор поспешил во дворец и снова очутился в Оленьей галерее. Слуга закрыл двери и ушёл, оставив изумлённого ле Беля одного. И тут посреди галереи он увидел королеву, разговаривавшую с каким-то мужчиной, а чуть поодаль от них — ещё троих человек. Судя по обращению к мужчине, королева беседовала с каким-то маркизом. Позже ле Бель узнал, что это был маркиз Мональдески. Королева, увидев приора, обратилась к нему громким голосом:

— Почтенный отец, дайте мне пакет, который вы от меня намедни получили.

Ле Бель достал пакет из кармана сутаны и передал его королеве. Та внимательно его осмотрела и, убедившись в его подлинности, вскрыла его, извлекла из конверта письмо, передала его маркизу и спросила:

— Вам знакомо это письмо?

— Нет, — ответил тот дрожащим голосом.

После этих слов королева достала другие бумаги, которые оказались оригиналом тех, что находились в пакете, и сказала, что копии с оригинала она сделала сама. Всё это она показала онемевшему маркизу, заставила его признать свой стиль и почерк и назвала предателем. Потом она задавала ему вопросы, а маркиз оправдывался и, как мог, отвечал на них, пытаясь перевалить вину на других. Он бросился перед королевой на колени и попросил смилостивиться над ним. В этот момент трое мужчин, находившихся в трёх-четырёх шагах от маркиза, обнажили свои шпаги.

Маркиз поднялся. Он ходил с королевой то в один угол галереи, то в другой, что-то горячо доказывая и умоляя о пощаде. Королева равнодушно и терпеливо выслушивала его, не делая ни одного жеста и не произнося ни единого слова осуждения. Наконец она повернулась к ле Белю и, опершись на изящную трость из чёрного дерева, произнесла:

— Почтенный отец, будьте моим свидетелем, что по отношению к сему человеку я выказываю неторопливость и терпение, что даю этому предателю, этому вероломному человеку время оправдаться, если он, конечно, может.

При этих словах маркиз начал доставать какие-то бумаги и связку из двух или трёх ключей, и когда он извлекал всё это из карманов, на пол упали две или три серебряные монеты. Это показалось патеру ле Белю настолько символичным, и он был так захвачен развернувшейся перед его глазами сценой, что просто онемел от изумления и уже не мог потом вспомнить, кто из

присутствовавших людей королевы Кристины подобрал их с пола.

Следствие и допросы продолжались не менее двух часов. Ответы маркиза королеву нисколько не убеждали. Она приблизилась к французскому священнику и чётким ясным голосом сказала маркизу:

— Пусть Бог отнесётся к вам милостиво, я же отношусь к вам справедливо.

Потом обратилась к патеру ле Белю:

— Почтенный отец, я покидаю вас всех и оставляю вам этого человека. Подготовьте его к смерти, позаботьтесь о его душе.

Ле Бель писал потом, что если бы даже приговор касался его лично, он не чувствовал бы себя так скверно и тяжело, как после приговора маркизу Мональдески. Священник и маркиз одновременно бросились в ноги королеве и стали просить каждый о своём: приор — об освобождении от неприятной обязанности, а маркиз — о пощаде. Королева объяснила, что о милости к предателю не может быть и речи — слишком много секретов он выдал её врагам и пощады ему не будет. Она осыпала его милостями и благодарностями, как любимого брата, а он коварно злоупотребил её доверием. Такое не прощают.

И ушла.

Маркиз бросился теперь в ноги ле Белю и стал умолять его немедленно пойти к королеве и выпросить у неё пощаду. Трое мужчин со шпагами приблизились к нему, но пока не трогали. Они порекомендовали ему покаяться, и патер ле Бель, обливаясь слезами, призвал его обратиться к Всевышнему. Это растрогало предводителя вооружённых людей[116], и он отправился к королеве просить отменить приговор, но скоро вернулся обратно ни с чем: королева попросила его ускорить экзекуцию.

— Маркиз, подумай о Боге и о спасении своей души. Ты должен умереть, — сказал он.

При этих словах маркиз потерял самообладание. Он снова бросился в ноги патеру ле Белю, снова и снова стал умолять его пойти к королеве.

Ле Бель послушался и ушёл. Он нашёл королеву в той же комнате, в которой она его принимала четырьмя днями раньше. Она была спокойна, как будто ничего особенного не происходило. Патер опустился перед ней на колени и со слезами на глазах стал просить её пощадить маркиза. Она ответила, что смертный приговор дался ей отнюдь не легко, что ей приходилось посылать на смерть людей, заслуживающих её менее маркиза, но что вина Мональдески настолько велика, что менять своё решение она не намерена.

Тогда ле Бель напомнил ей, что она находится во дворце

короля Франции — что подумает Людовик XIV, когда узнает обо всём этом? Королева ответила, что она не питает ненависти к маркизу, готова предстать перед судом Божьим и с чистой совестью свидетельствовать, что его вина заслуживает одного — смерти. Что касается короля Франции, то он позволил ей проживать в Фонтенбло не как своей узнице или беженке, у неё есть права везде, и она вольна во все времена вершить правосудие в отношении своих подданных и не обязана отчитываться об этом перед кем бы то ни было, кроме Господа Бога.

Ле Бель слабо возразил, что всё-таки она вершит правосудие на чужой земле, а не в своей вотчине. Но лучше бы он не говорил этих слов! Глаза королевы сверкнули, и чтобы искупить свою ошибку, приор поспешил заявить, что просит отменить казнь маркиза во имя того уважения и преклонения, которое все и он, в частности, питают к королеве Кристине. Он доказывал, что какими бы мотивами королева ни руководствовалась при оценке поступка маркиза, люди всё равно воспримут его казнь как акт несправедливости и насилия, и предложил передать виновного в руки правосудия.

Но всё было напрасно. Королева заявила, что она обо всём доложит Людовику XIV и кардиналу Мазарини, и отпустила ходатая. Он почувствовал, однако, в конце беседы некие нотки сомнения в голосе королевы и понял, что гордость мешала ей отозвать своё решение. Кроме того, она явно опасалась, что перенос экзекуции в другое место и на более позднее время чреват нежелательными для неё последствиями — к примеру, Мональдески мог совершить побег.

Ле Бель вернулся в галерею, обнял маркиза и, обливаясь слезами, сообщил ему, что тот должен готовиться к смерти. Маркиз вскрикнул, опустился перед патером на колени и начал молиться. Он молился на латинском языке, перемежая молитву французскими и итальянскими словами. В это время в галерее появился придворный капеллан королевы Кристины, и маркиз, не дождавшись отпущения грехов у ле Беля, с надеждой бросился ему навстречу. Капеллан взял маркиза за руки, отвёл его в сторону и долго о чём-то беседовал с ним. Закончив разговор, капеллан удалился, и вместе с ним ушёл предводитель вооружённой стражи. Впрочем, последний быстро вернулся и обратился к маркизу со словами:

— Маркиз, проси Господа Бога о прощении, настал твой час.

Он оттеснил маркиза в дальний угол галереи, патер ле Бель отвернулся в сторону, чтобы не смотреть, как того будут убивать, но всё-таки увидел, как человек вонзил свою шпагу в живот приговорённого. Маркиз пытался защититься и правой рукой

схватился за клинок. Но подошли двое других и отсекли его пальцы с клинка. Шпага согнулась от напряжения, и человек, вонзивший её, сказал своим сообщникам, что у маркиза под одеждой панцирь. Так оно и оказалось. Вероятно, у Мональдески были веские основания для того, чтобы носить защитный доспех, что косвенно доказывало достоверность предъявленных ему обвинений.

Следующий удар предводитель сделал по лицу жертвы, маркиз дико закричал: «Патер, патер!» — и ле Бель подошёл к нему. Двое со шпагами отскочили в сторону, чтобы не поранить приора. Маркиз молился на коленях, ле Бель отпускал ему грехи и просил Всевышнего простить заодно и палачей. После этого маркиз бросился на пол, и один из людей королевы нанёс ему удар в голову. Вероятно, удар был неудачным, потому что маркиз, лёжа на животе, показал рукой на шею. Человек нанёс маркизу ещё два или три удара в шею, но без видимого результата. Защитная панцирная рубашка и твёрдый воротник камзола сдвинулись к шее и мешали осуществить экзекуцию.

Пока ле Бель продолжал молиться, предводитель палачей или стражи обратился к нему со странным вопросом о том, нужно ли завершать казнь. Совершенно очевидно, что убийство безоружного маркиза давалось ему с большим трудом. Ле Бель ответил, что он обращается не по адресу и что его дело — облегчить путь жертвы к Господу Богу.

И тут в галерее снова объявился капеллан королевы. Маркиз встрепенулся, поднял голову, встал и взял капеллана за обе руки. Капеллан обратился к нему с призывом молиться Богу и спросил у ле Беля разрешения на отпущение грехов маркизу. Ле Бель не возражал, и капеллан, со своей стороны, отпустил грехи бедной жертве. Капеллан, совершив церемонию, попросил ле Беля оставаться до конца казни на месте, а сам вернулся к королеве.

Казнь продолжилась. Один из палачей наконец попал своей шпагой в горло, и маркиз свалился на пол. Его конвульсии продолжались ещё с четверть часа, прежде чем не вытекла вся кровь и маркиз не отдал наконец свою душу Богу. Ле Бель прочитал положенные молитвы, палачи обыскали карманы жертвы, нашли в них молитвенник и маленький нож и удалились. Ле Бель последовал за ними и был свидетелем того, как они доложили королеве о совершённой казни Мональдески. Королева выразила сожаление по поводу вынужденной смерти маркиза и попросила Бога простить его за все прегрешения. К ле Белю она обратилась с просьбой взять на себя погребение тела маркиза и совершить как можно больше месс во спасение его души.

Приор заказал носилки, приказал отнести тело к Авонской

церкви и вырыть могилу. Уже смеркалось. Путь до могилы был не близкий, а тело — довольно тяжёлым. Ле Беля сопровождали его викарий, королевский капеллан и трое могильщиков.

Двенадцатого ноября в монастырь Святой Троицы от королевы Кристины поступило 100 ливров на совершение богослужений о спасении души маркиза Джованни Ринальдо Мональдески.

Первую мессу отслужили 14 ноября 1656 года в десять часов утра.

Всего было отслужено 30 месс.

В письме кардинала Аззолино от 15 июня 1669 года папскому нунцию в Польше говорилось: «Мональдески умер после разоблачения его страшного предательства. Он выдал врагу её самые секретные переговоры, в которых он сам играл роль посредника между некоторыми лицами и кардиналом Мазарини. Предательство подтвердили трое свидетелей и собственные его письма, перехваченные королевой. Он признал их своими и признал свою вину».

О казни Мональдески Кристина проинформировала воришку Ф. Сантинелли. Она написала, что спасла его от клеветы и позора, и в назидание на будущее посоветовала адресату вести себя «как честный человек». Вероятно, она ещё верила в исправление мошенника, ибо полагала, что наказывать нужно только тех, кого воспитывать бесполезно.

В своих воспоминаниях Кристина пишет, что первые подозрения в отношении Мональдески у неё появились в октябре 1656 года. Она имела с ним разговор, но маркиз заверил её в том, что в утечке информации были виновны другие лица. Кристина сделала вид, что поверила ему, а сама продолжала внимательно следить за всеми его шагами. Мональдески посчитал, что ему удалось обмануть королеву, и даже имел наглость посоветовать ей, что, если предатель будет разоблачён, примерно его наказать.

— Что, по-вашему, заслуживает этот кавалер? — спросила она маркиза.

— Ваше величество должны без всякого милосердия приговорить его к смерти, и я сам предлагаю себя на роль палача или его жертвы. Тут речь идёт о совершении справедливости.

— Хорошо, — ответила королева, — запомните эти слова, можете быть уверены, что я никогда не прощу его.

Тогда королева ещё не знала, что Мональдески рассорился с братьями Сантинелли, не сумев «справедливо» поделить наворованные у королевы барыши с продаж её драгоценностей. Маркиз нанял в Риме некоего Перуцци, который, расследовав махинации братьев, решил не только разоблачить их перед

королевой, но и полностью уничтожить. Для этого он сфабриковал от их имени письмо, в котором содержались грубые намёки на взаимоотношения королевы с Аззолино. Кристина, и ранее подозревавшая Сантинелли в нечестности и обмане, тем не менее не поверила инсинуациям маркиза. Интуиция ей подсказывала, что всё в этом деле было не так чисто. К тому же неутомимый Ласкарис уже успел обратить её внимание на Мональдески как на отпетого мошенника и подал идею о перехвате и перлюстрации его писем. После некоторых раздумий королева отдала указание почтмейстеру Лиона направлять ей для просмотра всю корреспонденцию своих слуг и подданных. Так она узнала о всех махинациях Сантинелли и Мональдески и о результатах расследований «детектива» Перуцци.

Мональдески почуял неладное, потому что его почта стала работать нерегулярно. Он планировал побег из Франции, но королева своими действиями успела его предупредить. Среди тех бумаг, которые нашли при маркизе в Оленьей галерее, оказалось три письма, в том числе оригинал текста, перехваченного, скопированного и на некоторое время переданного королевой приору ле Белю. Одно письмо было адресовано Кристине и содержало обвинения в предательстве Сантинелли, а третье представляло собой информацию Мональдески для испанцев.

Папа был шокирован поступком Кристины и прямо сказал ей, что он теперь не так снисходительно смотрит на неё, и рекомендовал ей уехать из Рима и поселиться в Авиньоне. Он даже хотел устроить суд над капитаном её гвардии Людовико Сантинелли и двумя солдатами, которые по просьбе Кристины выступили в роли палачей маркиза. Кристина с олимпийским спокойствием выслушала все эти обвинения и… оставила их без всяких последствий. Она даже попросила у Мазарини для брата убийцы, графа Франческо Марии Сантинелли, какое-нибудь французское герцогство!

Мазарини внешне тоже был обеспокоен произошедшим в Фонтенбло и послал к королеве Пьера Шану. Шану предлагал придерживаться версии, согласно которой Мональдески погиб во время дуэли с одним из придворных королевы или стал жертвой вендетты. Но нет, Кристина не собиралась снимать с себя ответственность за поступок, ибо в противном случае это могло выглядеть как её отказ от своих суверенных прав как монарха. После встречи со старым стокгольмским другом, о содержании бесед с которым можно лишь догадываться, она направила Мазарини письмо — блестящий образчик высокомерного эпистолярного жанра:

«Брат мой,

Мсье Шану, один из моих лучших друзей, сообщит Вам, что я со всем вниманием принимаю всё, что исходит от Вас, и если ему не удалось вселить в меня панический страх, то это вряд ли объясняется отсутствием у него способностей к красноречию. Но когда речь идёт о правде, мы, северяне, ведём себя непреклонно и безбоязненно. Поэтому Вы должны отнестись снисходительно к тому, что Шану в своей миссии не достиг того успеха, который Вы желали. Можете быть уверены в том, что я с удовольствием сделаю всё, чтобы Вы остались довольны — кроме одного: испытывать страх. Вам должно быть известно, что когда человеку за тридцать, то он не боится всякой ерунды. Что касается меня самой, то я нахожу для себя менее трудным душить людей, нежели их бояться. О моём поступке касательно Мональдески я могу лишь сказать, что если бы я не сделала того, что сделала, то в ту ночь не могла бы спокойно лечь спать. У меня нет никаких оснований сожалеть о происшедшем, напротив: я имею все основания быть собой довольна.

Это моё единственное и окончательное объяснение дела. Я буду рада, если оно Вам понравится.

Остаюсь на всю свою жизнь Вашим преданным другом.

Кристина».

Ещё более суровую отповедь Кристина дала Мазарини:

«Я не знаю ни одного человека, как ни высоко было бы его положение и власть, который бы заставил меня отказаться от своих убеждений или вынудить меня отречься от своих поступков. Я это говорю Вам отнюдь не из доверия к Вам как другу — я говорю это, потому что это моё внутреннее убеждение, которое я готова открыть всему миру. Препятствовать исповедованию этого убеждения или свободному и открытому его высказыванию — это всё равно что лишать меня жизни».

Некоторые историки, включая Д. Мэссон, придерживаются того мнения, что Мазарини, предлагая Кристине свою версию событий вокруг Мональдески, не хотел насторожить испанцев и пытался спасти неаполитанскую экспедицию. Эта версия, на наш взгляд, выглядит неубедительно: во-первых, испанцы и без убийства Мональдески давно узнали о подготовке французского экспедиционного корпуса графа Мондены, а во-вторых, Мазарини, как мы знаем, к этому времени давно перестал интересоваться неаполитанским проектом.

Более сложным является вопрос, в чём же конкретно состояло предательство маркиза Мональдески. Недоброжелатели Кристины утверждали, что королева имела с ним роман, а после того как он устал от неё, она решила ему отмстить и предала жестокой казни. На самом деле все эти утверждения высосаны из пальца.

Мональдески никогда не был любовником Кристины, потому что у неё, кажется, после выезда из Швеции вообще не было ни одного любовника.

Согласно другой версии, которой придерживалась и Кристина, Мональдески выдал испанцам сроки и план вторжения в Неаполь с моря и с суши. Но так ли это? Ведь слухи о высадке в Италии французского десанта циркулировали ещё в августе, а испанские шпионы могли своими глазами убедиться в концентрации французского флота в Марселе и других портах Средиземного моря. Впрочем, возможно, что маркиз передал противникам Кристины и Мазарини какие-то важные детали десантной операции, что и привело сначала к отсрочке всего плана, а потом и к его полному забвению. Но почему Кристина не предупредила о предательстве Мональдески кардинала Мазарини? Люди кардинала смогли бы тогда и без Кристины изолировать предателя. Уж не свидетельствует ли это обстоятельство о том, что она в этом вопросе не доверяла и кардиналу? Поняла ли она, что Мазарини был заодно с предателем Мональдески? Или она узнала нечто другое, более страшное?

Предательство Мональдески выглядит весьма странным. Он был известен как истинный итальянский патриот, желавший освобождения Неаполя от испанского ига. Все его планы на будущее были связаны с победой французов и итальянских патриотов в борьбе с испанцами. Между тем Кристина, пославшая на плаху и на колесо не одного человека, утверждает, что с подобным страшным предательством она сталкивается впервые. Но почему же тогда Мональдески до конца оставался рядом с Кристиной, в то время как он давно мог заблаговременно и без всяких хлопот уйти к своим испанским покровителям? Зачем такой риск? В испанских архивах нет и упоминания о какой-нибудь услуге со стороны маркиза Мональдески в обороне Неаполя. Кристина, оценивая предательство маркиза, обронила слова о том, что оно коснулось всего мира. Каким образом неаполитанское дело могло влиять на судьбы мира? Или было нечто другое, более важное, что сильно занимало в то время королеву Кристину и о чём мы до сих пор не знаем? Или эти слова были только фигурой речи?

То, что Мональдески выдал планы Кристины и Мазарини своим заядлым врагам испанцам, кажется нам маловероятным. Вряд ли бы он ради них принёс в жертву свою будущую карьеру в Неаполе. То, что его предательство помогло испанцам защитить Неаполь от нападения французов и итальянских патриотов, надо ещё тоже доказать.

Информации к размышлению остаётся немного.

В одном из писем кардиналу Кристина, комментируя дело Мональдески, написала, что предательство маркиза затрагивало «дело, общее для неё и кардинала». Кардинал Аззолино пишет, что Мональдески предал «переговоры, которые он по поручению королевы вёл с кардиналом Мазарини и другими лицами». Сам кардинал Мазарини распространил версию, согласно которой вина за смерть Мональдески лежала на доверенном лице Кристины Людовико Сантинелли, и попытался заставить королеву признать её. Известно также, что во время розысков королевы Мазарини указал на братьев Сантинелли, как возможных предателей и мошенников. (Значит, она связывалась с кардиналом накануне казни Мональдески?) Кристина тоже догадывалась о неблаговидном поступке братьев, но тем не менее маркизу почему-то не поверила.

В этой связи снова всплывает зловещая фигура кардинала Мазарини. Мы знаем, что маркиз предал какие-то планы королевы Кристины. Это с ним вёл переговоры несчастный Мональдески. Вполне вероятно, что кардинал перевербовал маркиза и заставил его работать в свою пользу. Возможно, что они оба начали работать над тем, чтобы вывести Кристину из игры. После смерти Мональдески Кристина ни словом не обмолвилась, что тот работал на испанцев. Сами испанцы аналогичным образом хранили странное молчание. Чего нельзя сказать о Мазарини, который пытался загладить последствия дела Мональдески.

И это всё. Но вопросы остаются.

Ясно одно: больше всех в тайну смерти Мональдески были посвящены Мазарини и Кристина. Пока ограничимся этими предположениями. Возможно, что история когда-нибудь ещё приоткроет завесу над этой тайной.

С членами семьи Мональдески королева довольно быстро сумела примириться. Она вступила в переписку с его родственником графом П. А. Орвието и выдала его дочь замуж за своего камергера маркиза Жана Матьё дель Монте. Великий Г. В. Лейбниц (1646–1716), в момент казни Мональдески десятилетний мальчик, спустя много лет займётся его делом и выскажет свой вердикт: Кристина, как монарх, по законам своего времени имела право вершить правосудие над своими подданными и слугами даже на территории другого государства.

Глава семнадцатая
АМБУЛАНТНОСТЬ — СТИЛЬ ЖИЗНИ

В счастье нужно быть мудрым и правдивым, в несчастье — мудрым и гордым.

Кристина

Чума всё ещё не выпускала из своих грязных объятий Италию, и Кристина, выдерживая шквал критики, недовольства, обвинений, гнева и недоброжелательства, безнадёжно и надолго застряла во Франции, не имея никакой возможности сдвинуться с места. Казнь Мональдески превратила её в глазах общества в убийцу. В феврале 1658 года она, наконец, была приглашена двором в Париж и увидела Людовика XIV на сцене в роли Алкивиада в одноимённом балете Бенсерада и Люлли. Она приняла участие во всех праздниках, но в отношении к себе почувствовала холод. «Именно потому, что она — женщина, его (Мональдески) смерть слишком жестока», — выразила мадам де Монпансье общее мнение французского двора. Кардинал Мазарини и прочие французы стали её просто игнорировать.

Кристина болезненно переживала такую, по её мнению, несправедливость: сначала она оскандалилась в Риме, а теперь вот разгневала Францию. Но одновременно эта ситуация безмерно обострила чувство её собственного достоинства: ведь будь на её месте монарх-мужчина, общественное мнение было бы настроено к нему куда благосклоннее и снисходительнее. И она, несмотря ни на что, продолжала смело высказывать своё мнение по поводу происшедшего и, не снимая с себя ответственности, упорно и открыто защищала своё право на наказание своих слуг и подданных. Иначе в чём же заключалось суверенное и неотъемлемое право монарха?

Кардинал Мазарини был вынужден принять её и предоставил в её распоряжение апартаменты в Лувре, давая тем самым понять, что её пребывание в столице рассматривается им как временное. Король, вопреки опасениям Кристины, воспринял трагический эпизод в Фонтенбло довольно спокойно и продолжал выказывать по отношению к ней знаки внимания. Он поспешил нанести ей визит и проявил дружеские чувства, в то время как мать его, Анна Австрийская, с трудом сдерживая гнев, вместе с Мазарини стала готовить почву для выдворения Кристины из страны.

Кардинал окончательно потерял интерес к неаполитанским

делам и находился в некоторой прострации: в январе скончалась его красавица-племянница Манчини, и он ещё никак не мог оправиться от этого удара. В одной из бесед он сказал Кристине, что по возвращении в Рим она может проживать в его собственном дворце. Намёк был понят, и Кристина стала думать о том, чтобы направить свои стопы в Англию. Но лорд-протектор[117], уже наслышанный об «эскападах» эксцентричной шведки, особого энтузиазма в отношении её визита в страну не проявил. Так и не дождавшись от него приглашения, Кристина приказала паковать вещи и готовиться к отъезду в Италию. Дорога в Рим, наконец, освободилась, и 18 марта 1658 года она выехала из Фонтенбло, «выколотив» из кардинала заём в размере 80 тысяч экю, который должен был быть погашен Стокгольмом за счёт всё тех же субсидий времён Тридцатилетней войны. Впрочем, Мазарини на всякий случай подстраховался: он задержал багаж Кристины, следовавший из Антверпена, и возвращал его королеве частями, по мере погашения долга.

В Тулоне королеву посадили на галеру Людовика XIV, и она поплыла в Ливорно. Там она ещё раз встретилась с герцогом д'Эсте и заключила с ним договор о вторжении в Неаполь. Герцог, по всей видимости, был уже проинформирован кардиналом Мазарини и составил договор в самых расплывчатых и ни к чему не обязывавших выражениях. Но Кристина на это не обратила внимания и продолжала позволять водить себя за нос.

Свой въезд в Рим после почти двухлетнего отсутствия королева осуществила инкогнито, то есть скромно появилась там как обычное частное лицо. Но это не помогло, и Кристину встретил шквал критики и негодования. Вместе с римлянами негодовала вся Европа. Своё возмущение самоуправством шведской королевы в деле Мональдески выразил папа. Особенно шокировала публику открытая защита Кристиной капитана ватиканской гвардии Людовико Сантинелли, одного из палачей несчастного Мональдески. Но ведь в обязанность монарха входит не только наказание, но и защита своих подданных, и Кристина была верна этому правилу.

Не нравилось Ватикану и то, что Кристина продолжала цепляться за свою идею фикс стать королевой Неаполя, встречалась с герцогом Модены, а теперь загорелась двумя идеями сразу: освободить от османов Ближний Восток и с помощью императора Священной Римской империи вытеснить Бранденбург из Померании[118]. В последнем проекте Кристина была заинтересована лично: в Померании находилась недвижимость, с которой ей начисляли апанаж, и последнее время деньги в гамбургский банк Тексейры оттуда не поступали.

Как бы то ни было, папа на всякий случай разместил отряд своей гвардии около дома Мазарини, в котором остановилась королева, запретил её людям появляться в городе с оружием и учредил за ней слежку. Франческо М. Сантинелли возымел планы жениться на вдове герцога Чери, «приличной» даме Анне Марии Альдобрандини, племяннице папы Климента VIII, и папа Александр VII всеми силами попытался помешать этому. В Риме полагали, что Сантинелли отравил мужа своей невесты. Королева «закусила удила» и, невзирая ни на какие доводы, рьяно защищала своего проворовавшегося придворного, вызывая ещё большее раздражение и недовольство Ватикана. В конце концов терпение Александра VII иссякло. Он вызвал Кристину и в ходе бурной беседы предложил ей покинуть Рим.

Вообще Кристине с папами — или папам с Кристиной — не везло. Из четырёх понтификов, с которыми ей приходилось встречаться — Александр VII, Климент IX, Климент X и Иннокентий XI, — только с Климентом X ей удалось установить более-менее ровные и дружеские отношения. Папа в прошлом занимался литературой и театром, интересовался другими видами искусства. Он поддерживал контакт с Лопе де Вегой и, являясь главой католической церкви, продолжал писать либретто для опер и драматические сочинения. Кстати, именно Клименту X в значительной степени удалось нейтрализовать в обществе негативный эффект от дела Мональдески и восстановить авторитет Кристины в Риме, но это случится позже.

К Карлу X в Швецию был отправлен доверенный секретарь Кристины швед Давидссон, перекрещённый вместе со своей госпожой в католическую веру, однако он вернулся из Стокгольма с пустыми руками. Детали этой миссии представляют между тем несомненный интерес для характеристики его госпожи. Король в это время по уши завяз в датских делах, и Швеция, не завершив войны с Польшей, с трудом выдерживала тяготы войны с датчанами. Казна была пуста, и Карл X, очевидно, чтобы отделаться от гонца кузины, отказался его выслушать. Когда же Давидссон стал настаивать на том, чтобы ему позволили изложить цель приезда, Карл X принял его и предложил ему подтвердить или опровергнуть слухи по поводу его вступления в «папистскую» веру. Давидссон в полном смятении проинформировал об этом Кристину: ведь сознайся он в том, что он — перекрещенец, ему бы не сносить головы!

Кристина написала Давидссону длинное письмо, в котором, в частности, говорилось: «Честь и жизнь — это две вещи, которые, по моему мнению, нужно беречь до самой своей смерти. Если Вы решитесь отвергнуть или скрыть Вашу веру, то не спасёте ни того

ни другого, когда вдруг надумаете появиться перед моими глазами. Вы должны жить и умирать, как должно всякому праведному католику. Если Вы этого не сделаете, то потеряете честь принадлежать мне… Так что откажитесь видеть короля и возвращайтесь обратно ко мне… я встречу Вас с радостью и добром…»

И Давидссон с радостью (или без) вернулся в Рим.

Конечно, ей нужно было теперь самой ехать в Швецию, но до отъезда следовало уладить отношения с папой, иначе возвращаться ей будет просто некуда.

Неаполитанское дело между тем не двигалось с места. Неожиданно в октябре 1658 года скончался герцог Модены, Мазарини молчал, Ватикан к «неаполитанской идее» отнёсся резко отрицательно, обстановка вокруг королевы сгустилась во всех отношениях, и она стала смотреть на вещи более трезвыми глазами. Денежные затруднения отрезвили её ещё больше и заставили серьёзно подумать в первую очередь о собственной судьбе, а не о судьбах народов Европы. Она была вынуждена отказаться от дорогостоящей идеи завести собственную гвардию и распустила её. Мундиры по дешёвке реализовал еврейским купцам всё тот же Ф. Сантинелли, положив львиную долю выручки в собственный карман.

Постепенно буря утихла, Кристина стала успокаиваться, и тут же отношение Александра VII к ней изменилось. На помощь пришёл её друг — осторожный и дипломатичный кардинал Аззолино, и за это она испытывала к нему благодарность до конца своих дней. Он фактически вытащил Кристину из пропасти, в которую она сама себя загнала. Королева к этому времени уже страстно влюбилась в кардинала и соглашалась на всё, что он ей предлагал.

В этот критический для неё момент кардинал осуществил санацию всего её хозяйства: он уволил мошенников-слуг, провёл ревизию имущества и финансов, помог ей приобрести собственное жилище — дворец Риарио[119] и нанять туда новых придворных и слуг по собственному усмотрению, в основном выходцев из своей родной провинции. Среди них были знакомые или родственники Аззолино, в основном представители обширного клана Маркиджиани: Лоренцо Адами, назначенный начальником стражи дворца Риарио, секретарь аббат Маттео Сантини, мажордом Канон Стефано де Марчис, лекарь Чезаре Маккиати, библиотекарь и бухгалтер Джованни Франческо Пецца. Среди слуг оказались три женщины — сёстры Франческа, Оттавия и Порция Пассаглиа. Из старого персонала двора остались лишь секретарь Давидссон, кавалер королевской стражи Ландини,

камер-юнкер Клэрет Пуассоне и фактотум граф Галеаззо Гуальдо Приорато, будущий биограф королевы. Всё это произвело на Александра VII хорошее впечатление.

Зная, что королевой постоянно владели «великие проекты», Аззолино мягко переключил её на более достойные дела, например на мобилизацию сил Европы против экспансии османов. Ф. М. Сантинелли в конце 1658 года удалили из Рима и отправили его с какой-то миссией в Вену, а герцогиню Чери сама Кристина убедила в порочности её жениха. Более того: на нечистого на руку Сантинелли, успевшего опустошить кошелёк герцогини, королева подала в суд.

Убедившись в том, что Кристина освободилась от своих «навязчивых» идей и «сброда», папа расчувствовался и принял решение безвозмездно дать ей средства на ремонт дворца Риарио. В июле 1659 года дворец был отремонтирован, и Кристина торжественно въехала в свой первый и последний собственный дом в Италии. Перед этим она посетила папу и получила от него благословение. Тот определил ей ежегодное содержание в сумме 12 тысяч скудо и назначил Аззолино управляющим дворцом Риарио и материальными средствами его владелицы. Отныне жизнь Кристины была упорядочена и появилась прочная основа её финансового обеспечения. Кардинал Аззолино тоже поселился в Риарио и стал надёжным щитом на пути всяких негодяев и прохиндеев, так охотно льнувших к королеве и её деньгам. Отныне он станет её единственным кумиром и авторитетом, которого она будет любить всей душой, ценить его советы и даже к ним прислушиваться. Именно кардиналу в полной мере удастся раскрыть зажатую в тиски стоицизма женскую душу Кристины.

В палаццо Риарио Кристина будет жить до конца своих дней с некоторыми перерывами: в 1660–1662 годах она отлучится в Швецию и Германию, а в 1666–1668 годах — снова в Германию, пару месяцев в 1670 году проживёт в палаццо Ингильтерра, потом на короткое время поселится в кармелитском монастыре под Аракоэли. Но отныне дом её будет всегда в палаццо Риарио.

В апреле 1660 года из Швеции пришла весть о том, что в феврале на тридцать восьмом году жизни неожиданно скончался король Карл X Густав. Это была плохая весть во всех отношениях, в том числе и для материального благополучия Кристины. Король оставил пятилетнего сына Карла, над которым была учреждена опека, в которой главную роль играл её бывший фаворит и шурин умершего короля граф Магнус Делагарди. От него вряд ли стоило ожидать чего-нибудь хорошего, последнее время он превратился в её ярого противника. Тщеславие молодых лет развило в нём

неограниченную надменность. Кроме того, в Швеции ещё были сильны противники пфальцского дома, так что будущее наследника трона Карла XI находилось под угрозой. Нужно было непременно ехать в Стокгольм и самой поставить все точки над «i», но прежде всего она через Делагарди поздравила племянника с восхождением на престол и ещё раз напомнила о своём деле.

Намерения Кристины поехать в Швецию породили там всевозможные слухи: одни говорили, что она едет по приглашению риксдага, чтобы вернуться на трон; другие утверждали, что она отправляется на родину, чтобы привести её к римско-католической вере; третьи считали, что, наоборот, она опять перейдёт в свою прежнюю веру. Слухи активно подогревались официальной пропагандой, направляемой графом Магнусом Делагарди[120].

Большинство историков интересуют вопросы, действительно ли она хотела вернуть корону Швеции и встречалась ли со своей подругой Эббой Спарре-Делагарди. Определённый ответ на первый вопрос до сих пор не найден. Нам представляется, что никаких планов на этот счёт у королевы не было. Как пишет Х. Линдквист, поехать в Швецию Кристину побудили опасения, что после смерти Карла X Магнус Делагарди займёт слишком сильные позиции во власти и станет вторым Биргером Ярлом[121]. Естественно, в интересах Кристины было защитить права малолетнего короля Карла XI, но главное, позаботиться о том, чтобы и при новом короле ей продолжали выплачивать апанаж[122].

Что касается Эббы Спарре, то с ней королева не встречалась. Уже два года, как та овдовела[123] и вела замкнутый образ жизни.

…18 августа 1660 года Кристина с небольшой свитой, в составе которой находился католический священник Сантини, остановилась в Гамбурге и провела там несколько недель, посвятив их урегулированию своих финансовых дел с М. Тексейрой. Оттуда она вступила в переписку с Пером Брахе и Севедом Боотом, который непосредственно отвечал за управление её померанской недвижимостью. Кристина предполагала, что Делагарди будет против её приезда в страну, но то, что она услышала от приезжавших из Стокгольма путешественников, в том числе от английского посла Элджернона Сиднея, встревожило её ещё больше. После беседы с Кристиной англичанин пришёл к выводу, что слухи, распространяемые Делагарди и его сторонниками, не соответствовали действительности. Королева не имела намерений возвращаться на шведский трон и тем более снова менять своё

вероисповедание.

Между тем Делагарди для упрочения своего положения пошёл на беспрецедентный шаг и, в нарушение завещания Карла X, лишил опекунских прав двух самых важных членов опекунского совета: герцога Адольфа Юхана и адмирала Хермана Флеминга. Последний был ведущей фигурой в осуществлении редукции, и аристократия решила от него избавиться. Ещё из Рима Кристина написала письмо Адольфу Юхану и выразила пожелание, чтобы герцог принял в воспитании малолетнего наследника самое деятельное участие. И вот теперь герцога вывели из игры.

Кристина также узнала, что Швеция по-прежнему оставалась воинствующим лютеранским государством и к католикам там относились с подозрением. Однако её обрадовало, что народ её не забыл и относился к ней с сочувствием и даже любовью. Конечно, это тоже не могло не тревожить опекунское правительство, и оно уже приняло меры к тому, чтобы не допустить королеву в страну. Из Стокгольма в Гамбург в спешном порядке отправился государственный советник Лоренц фон дер Линде, который должен был уговорить Кристину либо остаться в Гамбурге, либо, на крайний случай, ждать решения риксдага на острове Эланд. Граф Пер Брахе в мягких выражениях подтвердил ей эту позицию правительства, но королева была настроена решительно и в середине сентября покинула Гамбург.

Фон дер Линде, сын бывшего приближённого и бывшей няни Кристины, успел добраться только до датско-шведской границы, где в Хальмстаде и встретил королеву Кристину с её немногочисленной свитой. Для контроля за её передвижениями снарядили целый эскадрон всадников, но она, не обращая на него ни малейшего внимания, отвергая все резоны, изложенные Линде, пустив в ход женские слёзы и истерику, решила продолжить путешествие и выехала из Хальмстада в Стокгольм. Фон дер Линде был вынужден в качестве сопровождающего следовать за ней. Ещё два государственных советника попытались остановить её в Норрчёпинге, но тоже потерпели неудачу.

Как пишет А. Хенриксон, слухи о приближении Кристины к столице заставили враждующие партии примириться, в частности, крестьянские депутаты риксдага и депутаты от Церкви, выступавшие за строгое выполнение завещания Карла X, дрогнули и присоединились к дворянам, заняв по отношению и к герцогу Адольфу Юхану, и к Кристине враждебную позицию. Стокгольм накануне её приезда консолидировался.

Десятого октября 1660 года она въехала в столицу Швеции и была поселена в королевском дворце в бывших своих — теперь

опустевших — апартаментах. Опекунский совет не мог поступить иначе, раз уж королева появилась в столице. Рядом находился её малолетний племянник Карл XI, но ей его не показывали, ссылаясь на его болезнь. Кристина никоим образом не желала создавать трудности для Государственного совета и в письме его членам от 13 октября прямо заявила, что её единственным пожеланием было подтвердить свои права, зафиксированные в соглашении об отречении, в частности, урегулировать вопрос с выплатой апанажа.

Но Кристина не была бы Кристиной, если бы не проявила свой характер. В Гамбурге она не так уж часто молилась и посещала церковные службы, но именно в Стокгольме вознамерилась продемонстрировать свою приверженность к католицизму. Она дала понять правительству, что находится здесь не на положении «бедной родственницы» и не потерпит притеснений или ущемления своих прав по причине вероисповедания. Поэтому, заявила она, и не подумает посещать католические мессы во французском посольстве или отсылать своего священника обратно в Рим, а будет служить мессы в своих апартаментах. После этого она устроила во дворце часовню, в которой патер Сантини при открытых дверях совершал свои обряды.

Если Кристина хотела скандала, то он ей удался вполне.

Последовали шумные протесты, при демонстрации которых особенно отличались представители клира. Несколько делегаций во главе с епископами приступили к королеве с требованием либо вернуться в лютеранскую веру, либо отказаться от отправления католических обрядов и отослать своего священника обратно в Гамбург. Ни того ни другого Кристина делать не собиралась, но шумные дискуссии с церковниками довели её до слёз. Дотошные священнослужители раскопали документы времён первого короля династии Васа и, тыча в них пальцем, доказывали, что правом наследования в Швеции пользовались только лютеране. Это грозило ей лишением апанажа вообще.

Всё, за чем она приехала, могло кончиться катастрофой. Королева была женщиной разумной и пошла на уступки: она всё-таки отослала из Швеции всех итальянцев и согласилась посещать католические службы в резиденции французского посла Терлона. Одновременно ей пришлось снова защищать свои права, закреплённые в Акте об отречении. Её непродуманный и высокомерный демарш кончился полным фиаско и лишь осложнил её и без того шаткое положение.

Под влиянием оказанного на неё нажима, обозлившись на власти за причинённую обиду и, возможно, опасаясь новых

проволочек и препятствий в своём деле, Кристина неожиданно пошла на опрометчивый шаг. Она вручила риксдагу меморандум, в котором заявила, что её отречение от трона действительно до тех пор, пока Шведское государство выполняет свои обязательства по её содержанию. Она уступила королевскую корону лишь в пользу своего кузена и его кровных наследников, так что если Карл XI неожиданно покинет сей мир, то она как единственная оставшаяся в живых представительница рода Васа будет иметь большие права на шведский трон, нежели кто-нибудь другой. Меморандум завершали слова о том, что королева будет соблюдать новый Акт об отречении только в том случае, если по отношению к ней будет проявлено уважение, а выделенные на её содержание средства будут выплачиваться регулярно.

Вот этот новый демарш и дал пищу для предположений о том, что Кристина имела намерение вернуть себе шведскую корону. Нам представляется, что королева хотела только припугнуть власти и сделать их более покладистыми в решении вопроса с апанажем, а также, возможно, зарезервировать за собой право влиять на выбор претендентов на шведский трон в будущем. Некоторые биографы Кристины, например Л. Морелль, соглашаются с этим, но критикуют её за чрезмерную горячность и запальчивость.

Конечно, она явно переоценила свои возможности и «перегнула палку». Реакция опекунского совета и риксдага на меморандум оказалась очень резкой: её претензии на корону Швеции были решительно отклонены, документ об отречении был признан недействительным, и её заставили подписать новое соглашение об отречении от трона. Новый документ обязывал Кристину навсегда отречься от шведского трона, не способствовать распространению католицизма на управляемых ею германских территориях, а собираемые там денежные средства на её содержание должны были проходить теперь через государственную казну Швеции.

Самым большим для неё унижением было то, что её заставили подписать новый акт «добровольно и без всякого принуждения». В серый октябрьский день подписания нового Акта об отречении прошли похороны Карла X, в которых Кристина приняла участие. Когда её коляска подъехала к усыпальнице королей в Риддархольмсчюркан, народ встретил её криками «ура», что не могли не отметить её ревнивые противники. Во время службы в соборе она демонстративно опиралась на руку присутствовавшего там французского посла Терлона. Строгие няни крепко держали за руки маленького Карла XI и ни на шаг не отпускали его от себя.

Разгневанная и подавленная, в январе 1661 года в сопровождении «почётного эскорта» Кристина удалилась в Норрчёпинг, где поселилась в так называемом Дегееровском дворце и стала дожидаться поступления денег. Вокруг дворца была установлена охрана из членов городской гвардии. Она собиралась провести там не менее года, но власти своими придирками и запретами эти планы снова перечеркнули. Уже в марте они добились от неё удаления католического священника, и Кристина написала отчаянное письмо госсоветнику С. Бооту, в котором жаловалась на грубое обращение с ней шведского правительства и просила поскорее выслать деньги, обещая сразу после этого покинуть страну. Однако Стокгольм продолжал хранить гордое молчание. Не дождавшись от Госсовета никакой реакции, она в мае 1661 года отправилась в обратный путь в Гамбург. В это время до неё дошло известие о смерти кардинала Мазарини.

Чтобы досадить шведскому правительству, Кристина в запале решила обратиться к кесарю Леопольду I, к королям Франции и Дании и к властям Гамбурга с «политическим протестом», в котором призывала их начать кампанию против преследования католиков в Швеции. Но адресаты были мало озабочены судьбами католиков и на обращение отреагировали прохладно. Зато Ватикан похвалил перекрещенку за «храбрую защиту католической религии».

В этой первой поездке на родину королева, кажется, проявила неумеренную заносчивость и гордость, на которую ей скоро укажет король Франции, и в главных своих начинаниях потерпела неудачу. Нужно ли ей было так резко отвечать, например, на реплику 86-летнего архиепископа Ленеуса о том, что «мы знаем уловки папы, который всеми путями пытается ловить наши души»? Кристина ответила ему в довольно оскорбительной форме: «О нет, мои дорогие господа! Я знаю папу лучше вас, он за ваши души не заплатит и четырёх талеров!» Не объяснялось ли её намерение «поднять знамя борьбы за интересы католиков» простой обидой и упрямством, желанием понравиться Ватикану и показать всему миру, что с ней ещё нужно было считаться?

…В конце концов её годовое содержание было определено в сумме 107 тысяч риксдалеров. Деньги из Швеции должны были переводиться всей суммой разом в конце года, но они поступали нерегулярно и не в полном объёме. В Гамбурге она договорилась с Тексейрой, что он будет выплачивать ей по 8 тысяч риксдалеров в месяц, а оставшиеся 11 тысяч будут использоваться для накопления процентов.

В апреле 1662 года она выехала из Гамбурга и 20 июня

вернулась в Рим.

Состояние души её было подавленным, она чувствовала себя опустошённой, ко всему равнодушной и больной, что, по всей видимости, сказалось даже на её лошадях. Она тащилась по Южной Европе без единой мысли в голове и опоздала в Терни на целых две недели. Там её встречал Аззолино. Когда её увидели римляне, то были наповал сражены её внешним видом. Они уже привыкли к тому, что королева мало заботилась о себе, но на сей раз… Её волосы были подвязаны двумя разными по цвету грязными лентами, вся голова была в дорожной пыли, вуаль с головы съехала на плечи и торчала из-под мышек; на ней был мужской камзол и юбка — такая прозрачная, что сквозь неё проглядывало нижнее бельё!

Дворец Риарио ещё ремонтировался, и радушно встретивший её папа приготовил для временного жилья другой дом — так называемое Казино, трёхэтажную виллу из девяти комнат, на месте которой ныне возвышается статуя Гарибальди. За время отсутствия королевы Аззолино окончательно сформировал для Кристины двор. Присутствие в нём сестёр Пассаглиа было бальзамом на душу папы и благочестивых римлян. Все захотели засвидетельствовать королеве почтение, но она с присущей ей откровенностью и прямотой принимала людей избирательно и хотела видеть только тех, кто казался ей интересным. «Лучше провести три дня одной, чем полчаса в вашем обществе», — сказала она одной знатной даме, жалующейся на одиночество и скуку.

Но Кристине до конца своих дней так и не удастся избавиться от какой-то странной тяги ко всякого рода «очаровательным» проходимцам и авантюристам. Вместо уволенных братьев Сантинелли появились новые: английский герцог Нортумберлендский, морской инженер герцога Тоскании, родственник Людовика XIV маркиз Горацио Бурбон дель Монте. Последний, несмотря на своё королевское происхождение, промышлял тем, что за специальную плату предоставлял бродягам, ворам и проституткам возможность пользоваться экстерриториальностью дворца Риарио и селиться на прилегавших к нему участках! Маркиз, по всей видимости, испытывал к своим клиентам жалость и сочувствие, потому что сам был выслан из Папской области. Кристина подобрала его, как бездомную собачку, на пути из Гамбурга в Рим.

Отдохнув с дороги, королева вернулась к своим культурным увлечениям: коллекционированию монет, рукописей и книг. Под руководством болонского математика и астронома Кассини она принялась за изучение математики, а также много времени

проводила в ателье знаменитого скульптора Лоренцо Бернини (1598–1680). Вместе с Аззолино они, вопреки запрету Церкви, тайно организовали у себя химическую лабораторию и «отправились» на поиски философского камня.

Нужно отдать справедливость одному из её недоброжелателей-современников за меткую фразу, что «королева покинула дела Швеции, чтобы взять на себя заботы обо всём мире». У Кристины опять проснулся интерес к политике. Мы уже упоминали, что по подсказке кардинала Аззолино, решившего отвлечь Кристину от неаполитанского проекта, возникла «очаровательная» идея освобождения от турок ещё одного места — теперь острова Крит. Слава богу, вопрос снова упёрся в деньги, и Кристина ограничилась «скромной» суммой на укомплектование для Венеции полка пехотинцев. На призывы Кристины сплотиться против Османской империи никто не откликнулся, кроме Людовика XIV, пославшего для освобождения Крита небольшой воинский контингент. Поскольку король не желал официального столкновения с турками, французы воевали под венецианскими знамёнами[124].

Так что идиллия длилась недолго. Перефразируя М. Ю. Лермонтова, мятущаяся душа королевы искала покоя в буре. Скоро она стала участницей спора между папой и королём Франции. Версаль уже семь лет не имел своего представителя в Ватикане и вот, наконец, решил назначить своим послом герцога Креки. С первых дней своего прибытия в Вечный город — он появился в Риме тогда же, когда королева вернулась из Гамбурга, — герцог испортил отношения и с папой, и с Кристиной. Он отказался первым наносить протокольный визит родственникам папы, а когда речь зашла об аудиенции у Кристины, потребовал, чтобы во время его визита во дворце ему поставили не табурет, как всем послам, а кресло! Естественно, Кристина и не думала из-за него менять этикет, и герцог затаил на неё злобу.

Об «оскорблении» достоинства французского посла герцог доложил Людовику XIV, и король высказал свои претензии к Александру VII. В июне 1662 года Кристина написала королю Франции письмо, в котором подчеркнула, что её персона весит на весах дипломатии больше, нежели персона герцога, и попросила положить этому спору конец и призвать Креки к порядку. Получив головомойку из Парижа, Креки, наконец, исправно посетил всех родственников папы Александра VII, а на аудиенции у «королевы без короны» удовлетворился обычным табуретом.

Казалось, инцидент был исчерпан. Но конфликт разгорелся с новой силой после того, как неприкосновенная персона герцога

чуть было не пострадала в драке между папской и привезённой им с собой французской военной гвардией. Папская гвардия, состоявшая из корсиканцев, преследовала французов до самой посольской резиденции, а когда посол вышел на балкон, чтобы узнать, что случилось, раздалось несколько выстрелов. В это время появилась карета с супругой посла, и корсиканцы набросились на неё и убили пажа. Это был уже не протокол, а более серьёзные вещи.

Людовик XIV потребовал примерного наказания виновных: удаления с поста губернатора Рима кардинала Империали, выдачу военного коменданта Марио Киджи, брата папы, казни пятидесяти корсиканских гвардейцев вместе с их офицером, а заодно и удовлетворения каких-то притязаний к Ватикану со стороны своих вассалов — Пармы и Модены. Умерший в 1661 году кардинал Мазарини завещал Ватикану 600 тысяч фунтов на войну с османами, а теперь король наложил запрет на выплату этих денег. Кроме того, он приказал двинуть к границам Папской области войска, и Вечный город готовился защищаться.

Естественно, Кристина не могла остаться в стороне и взяла на себя роль посредника. Она составила текст соответствующей ноты и предложила римскому папе удовлетворить протесты французов и извиниться перед Креки. В письме к Аззолино Кристина предлагала немедленно допросить корсиканцев и выявить виновного. Если же виновный не объявится, то следует его найти и наказать. В интересах дела, считала королева, можно было наказать и невинного. Она выразила сочувствие герцогу Креки и попросила его задержать курьера, которого он собирался послать в Париж с подробным докладом о случившемся.

Но папа оказался более щепетильным, нежели шведская королева, и отказался наказывать невиновного человека. Теперь у Креки были развязаны руки и он гордо покинул Рим. Едва восстановленные дипломатические отношения между верховным понтификом и королём Франции снова были прерваны. Между тем под влиянием Аззолино посредница резко изменила свой взгляд на произошедшее и теперь уже полагала, что во всём были виноваты французские гвардейцы и посол, покинувший Рим. Она отправила Людовику XIV новое письмо, в котором рекомендовала королю не принимать инцидент в Риме близко к сердцу и предлагала «провести по неприглядной картине мокрой губкой и вытереть её начисто». Результат от письма оказался противоположным — французский монарх возмутился вмешательству Кристины и дал указание распространить в Риме публичное заявление, которое исключало всякий компромисс и винило во всём Ватикан. Подвергалось сомнению и поведение

королевы Кристины.

Поскольку дипломатические отношения Франции с Ватиканом были прерваны, то документ попал сначала в руки королевы. Обеспокоенная возможностью испортить отношения с Людовиком XIV, который взялся продвигать и защищать её интересы в Стокгольме, она написала ему примирительное письмо и отправила с ним в качестве курьера своего театрального директора д'Алиберти. Юный и неопытный д'Алиберти, вполне прилично справлявшийся со своими обязанностями директора, оказался никудышным дипломатом. Приехав в Париж и представ перед Людовиком XIV, он «наломал дров» и окончательно испортил всё дело.

Впрочем, д'Алиберти здесь был ни при чём. Во всём была виновата сама Кристина, посоветовавшая королю Франции «не отдаваться на волю недостойной по отношению к Церкви мести». Восьмидесятилетний Бурдело написал королеве из Франции о том, что вся Франция подняла её на смех, а она в ответ написала, что обожает сатиру и развлечения на собственный счёт, поскольку уже устала развлекаться за счёт других. Король вспылил — всё-таки он был действующим королём, а какая-то там «амбулентная королева» взялась его поучать, как вести государственные дела. В его ответном письме Кристине в ироничном и даже издевательском тоне чётко прозвучали оценки её поведения: «обычная заносчивость и дерзость». Хуже того, Людовик XIV приказал своему послу в Стокгольме шевалье Терлону прекратить поддержку ходатайства Кристины по вопросам выплаты апанажа. Терлон в письме королю так прокомментировал итоги скандала: «Ваше Величество должны знать, что она — самая застенчивая и в то же время самая скандальная принцесса в мире, и чтобы заставить её испытать чувство уважения и страха, необходимо говорить с ней смело».

И опять Аззолино спас дело. Он заставил Кристину написать Людовику более мягкое и примирительное письмо, после чего «король-солнце» тоже взял себя в руки и отписал «сестре», что не «вступает в соперничество с дамами, если речь не идёт о вежливости», и милостиво подтвердил своё к ней прежнее благосклонное отношение. За всеми антифранцузскими кознями король видел руку министра иностранных дел Ватикана кардинала Аззолино, но не стал раздувать конфликт и просил передать кардиналу, что тоже считает его своим другом. Кардинал мог оказаться полезным в будущем, когда Франция станет продвигать своего человека на Святой престол.

В конечном итоге всё закончилось подписанием так называемого Пизского соглашения 1664 года, по которому

римский папа должен был принести извинения «королю-солнце», распустить корсиканскую гвардию и в честь этого воздвигнуть в Риме памятный монумент. Через год из Парижа пришло прощение и Кристине: понтифик серьёзно заболел, а в преддверии его возможной смерти и новых выборов папы Кристина и кардинал Аззолино могли очень пригодиться Людовику XIV.

В 1666 году Кристина порадует короля Франции, направив из Гамбурга по его просьбе аналитическую записку о расстановке сил в Ватикане. Во всех отношениях её меморандум был маленьким шедевром, и благодарный Людовик XIV ответил ей письмом, в котором, в частности, писал: «Информация о римских обстоятельствах и тамошних настроениях так убедительно ясна и наглядна, что я не могу не оценить её как истинное доказательство дружбы. Позиция и заслуги кардинала Аззолино действительно выше всяких похвал. Остаюсь преданным моей госпоже сестре — брат Людовик».

Мир был восстановлен, и Кристина торжествовала. Её авторитет в Риме снова резко возрос. Ещё большим уважением она прониклась к своему другу — она его просто обожала. «Бог и Друг», «Бог и Аззолино» были, если можно так выразиться, транспарантами её души. По настоянию Друга она начинает писать мемуары и сочинять так называемые максимы, то есть сентенции и афоризмы. Теперь Аззолино был её Учителем, который во всех отношениях превзошёл её старых учителей, включая и самого «папу» Акселя Оксеншерну. Что было бы, если бы она встретила кардинала на своём пути значительно раньше? Например, в самый критический момент юности?

Окончательный переезд в палаццо Риарио состоялся лишь в 1663 году. Дом королевы в Риарио стал одним из самых заметных, в том числе и с эстетической точки зрения. Так, как жила в нём королева Кристина, замечает Стольпе, никогда не жил ни один швед.

На первом этаже, где обитала королева, было десять комнат.

В передней стояли лакеи в лиловых ливреях, как бы охраняя статую возлежавшей в античной позе Клеопатры и ещё семь мраморных скульптур, четыре бюста на колоннах и один античный барельеф с изображением вакханалии. На стенах были развешаны пейзажные полотна. Занавеси на дверях, на которых были вышиты гербы династии Васа, тоже были лилового цвета. Картины с пейзажами висели и в остальных комнатах. Везде, кроме одной комнаты, стены были увешаны коврами из струйчатого шёлка.

Во второй и третьей комнатах располагались драбанты и

кавалеры-поклонники, постоянно сменявшиеся, как при действующем королевском дворе. В комнатах для драбантов стояли три статуи и четырнадцать бюстов, из них восемь на колоннах.

Из четвёртой, угловой комнаты был выход в сад. В ней находились четыре статуи, из которых самой изящной и представительной был бронзовый, покрытый позолотой Юлий Цезарь, а также восемь бюстов на колоннах, один из которых — фавн — являлся копией с творения Праксителя[125].

Самой роскошной и богатой комнатой была пятая, так называемая зала с колоннами, служившая Кристине для аудиенций. Из неё дверь тоже вела в сад — прямо к фонтану. Пространство между окнами было завешено зеркалами, украшенными причудливыми узорами из листьев и цветов. Кругом вдоль стен были расставлены 16 колонн с позолоченными основаниями, капителями и карнизами. Над колоннами пробегал красивый бордюр. Кроме колонн в комнате были расставлены восемь скульптур с изображениями муз, выполненные из белого мрамора, стоявшие когда-то на вилле Адриана[126] в Тиволи и проданные Кристине герцогом Акваспарта. Все эти произведения были прекрасно отреставрированы, а утерянные части тела были реконструированы. Лишь скульптура Аполлона была выполнена современником королевы Франческо Марией Ноккиери, учеником её друга великого итальянского скульптора Лоренцо Бернини. Здесь же стояло и кресло-трон с балдахином.

В шестой комнате находились скульптура Клитии, статуи Александра Македонского и Антиноя, а также восемь колонн и женская головка — всё ранние работы Бернини.

В седьмой комнате стояли Венера в позе купающейся девы, несколько малых скульптур, два античных быка в мраморе, не менее шестнадцати античных мраморных голов и семь колонн.

Восьмая комната по богатству и роскоши не уступала пятой. Здесь стояли античные скульптуры из так называемой группы Ильдефонсо, купленные Кристиной у одного кардинала, ещё одна скульптура Венеры, скульптура фавна, несущего на плечах лань, и др.

Девятая, по своим размерам не очень большая, комната была украшена скульптурами и бюстами, изображавшими саму королеву Кристину и выполненными либо самим Бернини, либо его учениками.

За ней находилась ванная комната с двумя ваннами из серого мрамора, здесь в нишах стояли скульптура Венеры, скульптура обнажённой девы с маком в руке под названием «Сон» и некоторые другие[127].

Этажом выше располагались залы для аудиенций, стены которых были увешаны многочисленными гобеленами и картинами. Спальная и гостиная комнаты располагались в восточной части этажа с видом на парк. Здесь ещё находились так называемые девять парадных комнат *(appartemento nobile)* и галерея, в которой было развешано не менее пятидесяти семи картин и размещались коллекции Кристины из медалей, монет и гемм (шесть тысяч экземпляров), семь томов рисунков, среди которых были иллюстрации Боттичелли к «Божественной комедии». Главным шедевром комнат, вероятно, был плафон работы Паоло Веронезе, но бесценны были и полотна известных мастеров кисти: Тициана, Корреджо, Микеланджело, Романо, Караваджо, Рени, Бассано, Ван Дейка и большие парадные портреты самой Кристины — всего 44 полотна!

В доме у королевы находилось 114 больших и девять малых обойных рулонов или гобеленов[128], изображавших эпизоды из римской и греческой античной истории (часть из них была приобретена её отцом, а некоторые ещё раньше, к примеру, королём Эриком XIV).

Третий этаж был предназначен для театральных представлений и концертов. Там тоже висели полотна Рубенса, Романо, Рени, обоих Брейгелей и других известных художников. Общее число живописных картин в палаццо Риарио превышало 300 полотен, и самые лучшие из них действительно были «добыты» в 1648 году генералом Кёнигсмарком в Праге, но много шедевров собрала и сама Кристина за годы своего проживания в Италии.

В двух комнатах размещались библиотека королевы и коллекция редких рукописей в богатых переплётах с золотым тиснением. Им тоже не было цены. Мы не станем описывать сад и парк вокруг дворца Риарио — это тоже был в своём роде шедевр. А в упомянутом выше временном жилище Кристины, в Казино, хранились портреты Карла X, Карла XI, Марии Элеоноры, Хедвиги Элеоноры, кузена Адольфа Юхана, Акселя Оксеншерны, К. Г. Врангеля, М. Г. Делагарди, Эббы Спарре, К. Ульфельдта, Р. Декарта, Бурдело, Гроциуса, Мазарини и многих других современников королевы.

Особая глава в жизни королевы Кристины — её общение с деятелями культуры и искусства и вообще её культурная деятельность. Среди её знакомых были практически все известные мастера XVII века, а с теми, кого не знала лично, она находилась в переписке. Когда знаменитый Ж. Б. Мольер написал своего «Тартюфа» и подвергся за него жестоким нападкам французской церкви, Кристина попросила добыть эту пьесу, с тем чтобы

поставить её у себя во дворце и посмеяться над ханжеством и лицемерием церковников.

Гениальный итальянский скульптор и архитектор Лоренцо Бернини был ещё одним близким человеком Кристины. Ещё занимая шведский престол, Кристина проявляла живой интерес к его творчеству, а по приезде в Италию подружилась с ним. Она сразу посетила знаменитого скульптора в его мастерской и выразила восхищение его работами. Бернини встретил её в рабочей испачканной робе, но Кристину это нимало не смутило, она лишь с благоговением прикоснулась руками к его одежде. После смерти скульптора в 1680 году королева наняла литератора Филиппо Бальдинуччи и поручила ему написать биографию Бернини. Книга вышла в 1682 году с посвящением королеве Кристине. Сам Бернини считал Кристину одной из немногих женщин своего времени, которые понимали искусство. Перед смертью он завещал ей свою скульптуру Спасителя и попросил кардинала Аззолино поговорить с королевой о том, чтобы она обратилась за него с молитвой к Богу. Скульптор, вопреки распространённому в Италии мнению, глубоко верил в искренность Кристины и её способность говорить с Богом на особом языке. Естественно, она пообещала Бернини сделать для него всё, что было в её силах.

Среди друзей королевы были и знаменитые композиторы Корелли и Скарлатти-старший.

Самый спокойный и гармоничный период жизни Кристины заканчивался. Впереди её ждали новые испытания, разлад с действительностью и разочарование в людях. Но была ли она сама на высоте тех требований, которые предъявляла к окружению?

Глава восемнадцатая
РИМ — ГАМБУРГ — СТОКГОЛЬМ

Приятные дела следует делать самому; а о неприятных — советоваться с другими.

Кристина

Вторая половина 1660-х годов стала для Кристины, пожалуй, самым трудным временем. Она миновала отметку в 40 лет, и к привычной головной боли, общему недомоганию и бессоннице прибавились грозные признаки лишнего веса и диабета. Она сильно поправилась, появился двойной подбородок; волосы на голове, расчёсанные на пробор, свисали неровными и неопрятными прядями. Мало подобающей для женщины и королевы была и одежда: мужские камзолы и юбки по колено.

Перманентной проблемой оставались финансы, и нужно было постоянно заниматься ими, потому что из обещанных на 1663 год 107 тысяч крон из Швеции поступили всего 58 тысяч, и королеве снова пришлось «теребить» своего гамбургского банкира. М. Тексейре грозила высылка из Гамбурга, и пришлось просить отцов города отменить это решение. В 1664 году королева отправила в Стокгольм своего секретаря Аппельмана, но он вернулся оттуда ни с чем. К тому же выяснилось, что и он оказался нечист на руку. К воровству Кристина относилась философски: «Менять чиновников — это менять воров, есть исключения из правил, но они очень редки».

В июне 1665 года в Стокгольм поехал другой секретарь — граф Лоренцо Адами, родственник Аззолино и капитан стражи. Он застрял в Швеции на целых семь месяцев, но зато в марте 1666 года смог доложить в Рим, что деньги Кристины… потихоньку разворовывали. Запускали руку в её карман и государственный советник Боот, и Магнус Делагарди. Особенно плохо шли дела с управлением доменов в Померании, где на правах князя жил и купался в роскоши Аппельман. По оценке Адами, Аппельман обогатился за счёт королевы на сумму примерно в 150 тысяч экю. Граф припугнул его, и тот пообещал исправиться. Аналогичное обещание дал и Боот в отношении домена в Норрчёпинге. Адами навёл порядок в делах Кристины на Эзеле и Эланде и обеспечил поступление оттуда денег на сумму около 58 тысяч риксдалеров. Он также обратил внимание Кристины на невыполнение обязательств со стороны Тексейры. Кроме того, граф установил

полезные контакты среди высокопоставленных шведских чиновников (К. Г. Врангель, Бъёренклоу, К. Тотт и др.), подружился с послом Франции Терлоном, а потом и с его преемником Помпоном. Молодой и неопытный, но честный итальянец сделал то, чего за 12 лет не смогли добиться многие секретари Кристины.

После доклада Адами стало ясно, что снова требовалось личное присутствие Кристины в Стокгольме. Она не питала особых иллюзий по поводу её приёма там, но некоторые надежды возлагала на содействие риксдага. Поэтому она хотела появиться в Швеции именно в момент его созыва. Предупредив риксдаг о своём визите, Кристина стала собирать деньги на дорогу. Король Франции и его представитель в Риме Гюгес Лионн пообещали ей всяческую поддержку со стороны французских послов: в Копенгагене — Терлона и в Стокгольме — Помпона.

Члены риксдага к бывшей королеве были настроены вполне лояльно, но вот Тайный комитет Государственного совета занял сугубо враждебную позицию. Опекунский совет тоже был против присутствия королевы в стране во время работы парламента и предъявил к её визиту целый ряд требований: не посещать Швецию во время работы риксдага, не привозить с собой католического священника, не отправлять религиозные службы в своих апартаментах и не посещать мессу в посольстве Франции. В случае нарушения этих условий власти угрожали применить закон и силу.

В Стокгольме всё ещё находился Л. Адами, и Кристина запросила его мнение. Тот ответил, что хотя и не верит в то, что риксдаг или народ поддержат решение Тайного комитета, но допускает, что её противники могут применить силу, чтобы не пустить её в страну. Он советовал ей пока остановиться в Гамбурге и ждать развития событий.

В Гамбурге Кристина появилась 22 июня 1666 года.

Не так просто теперь давались ей сборы в дальний путь. Кардинал Аззолино поддержал её в намерении попытаться самой урегулировать свои финансовые дела и спокойно отпустил из Рима. Ввиду слабого здоровья папы и возможных пертурбаций в Ватикане её присутствие для кардинала было бы обременительным.

Прибыв в Гамбург, Кристина написала Аззолино письмо и тем самым начала целую главу в своём эпистолярии, который дошёл до наших дней и послужил для историков главным подспорьем в деле очищения её биографии от всяких спекуляций и вымыслов[129]. В деловой части письма она сообщала о препятствиях, воздвигаемых шведскими властями на пути к

посещению страны, о запрещении двора входить в контакт с риксдагом, о встрече в Гамбурге с членом опекунского правительства и командующим шведской армией в Бремене риксмаршалом Карлом Густавом Врангелем с семейством.

По всей видимости, Врангель должен был отговаривать королеву от поездки в Швецию, но как выяснилось позже, генерал вёл себя вполне самостоятельно, без оглядки на опекунский совет и оказывал Кристине искренние знаки внимания. Возможно, он честно выполнял указания канцлера Магнуса Делагарди, считавшего лучшим оружием против Кристины оказание ей почестей и проявление лести.

Но королева, по-видимому, разгадала тактику стокгольмских властей и использовала визит Врангеля в своих целях. Она демонстративно прогуливалась с Врангелями по улицам Гамбурга, чтобы все видели, в каких хороших отношениях она была со шведскими властями. «Риксмаршал Врангель получил приказ навестить меня здесь от имени короля, и, судя по его высказываниям, он с радостью будет мне повиноваться. Полагаю, что в их намерения входит убедить меня, чтобы я не приезжала в Швецию, но если будет созван риксдаг, то ничто в мире не сможет остановить меня; если же этого не произойдёт, то не поеду и я», — написала она Аззолино.

Между тем неделя проходила за неделей, созыв риксдага откладывался, и никаких сигналов из Стокгольма не приходило. Было ясно, что Стокгольм специально «мариновал» её в Гамбурге, надеясь на то, что она вернётся обратно в Рим. В приступе злости и отчаяния она написала С. Бооту письмо, в котором просила его сообщить кому надо о том, что собирается переехать в Швецию на постоянное жительство. Пусть опекуны дрожат от страха! Стокгольм, конечно, нимало не испугался этой угрозы, а только ужесточил к ней свои требования по вопросу вероисповедания.

Тоскующей Кристиной овладел приступ необъяснимой ненависти к гамбуржцам и к немцам в целом. Она считала их «отвратительнее, чем сама смерть». «В других местах 24 часа составляют сутки, — писала она Другу в Рим, — здесь один час равняется 24 суткам». Единственное утешение состояло в том, чтобы вместе с Тексейрой вновь и вновь разбирать свои финансовые дела и писать одно за другим отчаянные письма Аззолино. Почувствовав вдруг некоторый холодок в отношении к ней кардинала, она стремится во что бы то ни стало избежать разлада с ним, единственным другом на всём белом свете. Она была по-настоящему несчастна.

Но, несмотря на отсутствие денег, Кристина не прекращает «увеселять» местное общество. Её гамбургский дом всё время

полон гостей. Она устраивает музыкальные вечера, обеды, организует конные экскурсии за город, а для представительских целей приобретает богатый экипаж, нанимает слуг и одевает их в дорогие ливреи. Всё это, естественно, раздражает её «интенданта» в Риарио, и Аззолино то и дело напоминает ей о необходимости соблюдать жесточайшую экономию. Но Кристина последовательно придерживается своего принципа, согласно которому правитель должен быть непременно щедрым и не обращать внимания на такие «мелочи», как отсутствие презренного металла: «Я принимаю здесь столько людей и получаю так много почестей, приглашений и подарков, что должна им соответствовать».

В июле 1666 года Кристина с секретарём Строппом отправляет десятилетнему Карлу XI письмо, которое конечно же попадает в руки Магнуса Делагарди. Возможно, она именно на это и рассчитывала, объявляя «иду на вы»:

«Мой господин брат и племянник! Из Вашего послания я вижу, что Вам внушили страх по поводу ревизии моего отречения. Об этом у меня нет и мысли, ибо это решение является славой и радостью моей жизни. К тому же я слишком лояльна для того, чтобы забирать его обратно или сожалеть о сделанном. Чтобы рассеять все подозрения, которые внушили Вам мои враги, заверяю Вас, что еду в Стокгольм исключительно для того, чтобы урегулировать мои дела. Однако я настаиваю на своём праве свободно отправлять моё вероисповедание, пусть не публично, чтобы не причинять никому беспокойства. Между прочим, было бы в Ваших же интересах, чтобы я выступала в Швеции как католичка, и я не собираюсь это скрывать…»

Опекунский совет в Стокгольме всячески затягивал созыв риксдага, который был им неудобен и по другим, внутриполитическим, соображениям, но Кристина настроилась ждать до победного конца. Если потребуется, она готова остаться в Швеции навсегда — только бы решить этот проклятый финансовый вопрос!

В этот период она поддерживает контакт с Людовиком XIV и его министром иностранных дел Брианом и просит их дать указания своему послу в Стокгольме, чтобы он оказал на опекунское правительство соответствующее давление. В конце августа Стропп сообщает, что регенты вполне определённо заявили ему, что никакой свободы вероисповедания для Кристины во время её пребывания в Швеции не будет. А некоторое время спустя Госсовет Швеции потребовал от Строппа предъявить его переписку с королевой! Среди её писем оказались инструкции по части контактов Строппа с французским послом

Помпоном, предписывавшие послу делать перед Госсоветом демарши по финансовому вопросу. Всё это, естественно, лишь усугубляло обстановку вокруг её приезда в Швецию.

К декабрю 1666 года Адами удаётся внести окончательную ясность в обстановку, и он сообщает в Гамбург, что королева может приехать в Швецию со всей своей итальянской свитой, но без католического священника и не во время сессии риксдага, намеченной на май следующего года. Магнус Делагарди даже пообещал предоставить в распоряжение Кристины свой дом. Адами, со своей стороны, добавляет, что если падре Сантини будет переодет в светское платье, то никто на его присутствие не обратит внимание. Условие о том, чтобы визит состоялся вне рамок сессии парламента, не устраивает Кристину, и она просит Адами сообщить властям, что она выезжает немедленно из Гамбурга, но даёт ему понять, что это её очередная уловка, призванная держать опекунов в напряжении.

На самом деле состояние её здоровья накануне Нового года никак не позволяло тронуться в путь. В декабре королеву мучили мигрени, она жаловалась на боли в боку, а местные врачи, кроме кровопусканий и каких-то экзотических настоек, ничем ей помочь не могли. Дель Монте и Маккиати докладывали Аззолино, что она пренебрегает своим здоровьем, много работает и пребывает в меланхолии, то есть депрессии. Аззолино советовал ей больше бывать на свежем воздухе и играть в бадминтон. Поскольку его совет королева восприняла как приказ, то начала с увлечением играть в эту модную игру.

Но всё это — паллиативы для её мятежной души. Не помогают ни уверения Людовика XIV о том, что французский двор предпринимает двойные усилия в целях благоприятного решения её вопроса в Стокгольме, ни балы, ни праздники. Несмотря на свой возраст и внешний вид, она пытается, как в молодости, показать себя в танцах. Сантини, зная, что его письма читаются Кристиной, в угоду своей госпоже сообщает кардиналу Аззолино в Рим, что королева выглядела в балете «как богиня, спустившаяся с небес». На самом деле она выставила себя на посмешище злым гамбургским сплетникам. Очевидно, королева забыла о собственной сентенции: «Напрасно правитель надеется узнать правду от других, если они не принимают её к сердцу постоянно».

Кстати о балах: в Гамбурге распространились слухи, что Кристина с их помощью хочет усыпить бдительность горожан и облегчить генералу Врангелю оккупацию города. А в Стокгольме твердили о том, что Кристина «обхаживает» Врангеля, чтобы с его помощью вернуться в Швецию и захватить трон. Тревога королевы

усиливалась из-за поведения Друга: в одном из писем к ней он допустил выражения, из которых она сделала вывод о том, что он не желает её возвращения в Рим. В отчаянии она пишет ему: «Если Гамбург расположен не так далеко от Рима, чтобы удовлетворить вашу жестокость, то я, чтобы никогда не вернуться, отправлюсь на конец света».

Шестого марта 1667 года в Гамбурге появляется девятнадцатилетний сын Магнуса Делагарди и наносит королеве визит. Младший Делагарди от имени отца заверяет её в том, что в Швеции ей уготован хороший приём. Как бы в подтверждение этого Адами докладывает из Стокгольма, что власти приступили к подготовке её торжественного визита в Швецию. Из запасников королевского дворца достали ковры, посуду, серебряные приборы, погрузили всё на сани и отправили в Хельсингборг[130]. Для встречи назначили делегацию во главе с братом канцлера, графом Понтусом, жена которого, урождённая графиня Кёнигсмарк, принимала активное участие в праздниках Кристины в Гамбурге. Делегация, в которую вошёл и известный дипломат и писатель Пер Спарре, прибыла на место, но Кристины там не обнаружила. Ожидать её пришлось целых два месяца.

Кристина покинула Гамбург лишь в конце апреля. По пути она посетила голштинских родственников, въехала в Данию и сделала непредвиденную остановку: в местечке Сорё с ней случился серьёзный приступ, от которого её избавил доктор выехавшего навстречу посла Терлона. Кристине сделали кровопускание, дали «французского супчика», и она почувствовала себя лучше. После этого королеве сообщили, что, пока она находилась в пути, Государственный совет принял указ, по которому всем шведам запрещалось посещать мессу в посольстве Франции. Невзирая на это, Кристина в сопровождении свиты и шведского резидента в Копенгагене Лильенкруны 15 мая 1667 года в крошечной каравелле пересекает Эресунд и с «небольшой» свитой в составе… 140 человек высаживается в Хельсингборге.

В Хельсингборге её довольно вежливо и с подобающими почестями встречают граф Понтус и другие официальные лица. Был произведён салют, звучали трубы, произносились высокопарные речи. Через два дня Кристина села в карету маршала Банера, губернатора Сконии, и тронулась в путь. Ехали не спеша — так приказала королева. Никто из шведов и словом не обмолвился об указе, хотя падре Сантини находился рядом с Кристиной и каждый день отправлял службу. Так прошли три дня пути, пока кортеж не достиг Ёнчёпинга. Там ей официально объявили содержание пресловутого указа: патер Сантини в

столице появиться не должен.

По инерции кортеж продолжал двигаться и почти достиг Норрчёпинга, но был ли смысл в том, чтобы снова натыкаться на резкую конфронтацию? Тут ей объявили, что если она захочет принять участие в католической службе, то сможет сделать это в часовне французского посла. Это было совершенно неприемлемо и ниже достоинства Кристины: как королева она никогда не могла снизойти до того, чтобы первой наносить визиты какому-то там послу Франции! Выход был один — повернуть обратно и возвращаться в Рим. Можно было подумать, что Кристину специально заманили в эту ловушку, чтобы подвергнуть её ещё большему унижению. Продолжать путешествие означало развязать в Швеции междоусобицу, а этого она себе позволить ни при каких обстоятельствах не могла и не хотела, ибо это неуклонно повлекло бы за собой отмену положений Акта об отречении. И она отдала приказание готовить лошадей в обратный путь.

Отговорил королеву граф Понтус Делагарди: он предложил обратиться к королю Карлу XI и подождать от него ответа. Письмо Кристины к десятилетнему племяннику содержало такие слова:

«Это Ваше новое несправедливое требование сводит на нет весь почёт, который Вы мне приготовили, потому что оно жестоко оскорбило меня… На свете нет личных выгод или интересов, из-за которых бы я на какое-то время прекратила отправлять свои религиозные убеждения… Я выехала бы в обратный путь уже сегодня вечером, если бы граф Понтус настоятельно не попросил меня подождать ответа от Вашего Величества, чтобы убедиться, достаточно ли у Вашего Величества уважения ко мне, чтобы изменить своё решение. Не дождавшись этого, я уж больше вряд ли получу свидетельства Вашей любезности и отправляюсь в путь немедленно. Вместе с тем хочу напомнить Вам о том, кем являетесь Вы и кем — я: должна просить Вас поверить, что Вы не являетесь той персоной, от кого я в моём положении могу получать приказы. Несмотря на Ваши экстраординарные распоряжения, мой брат и племянник, остаюсь Вашей доброй сестрой и тётей. К. А.».

Письмо в руки Карлу XI, естественно, не попало. Ответ опекунского совета был выдержан в резких тонах. Запрет на въезд священника и секретаря Кристины не только не отменили, но и ужесточили новым требованием: королева не должна была официально справлять мессы во французском посольстве, она могла сделать это лишь под предлогом нанесения послу Помпону частного визита. Магнус Делагарди явно издевался над ней.

Гнев и раздражение королевы были настолько велики, что она приказала немедленно закладывать лошадей. Тот, кто устроил эту ловушку, вероятно, достиг своей цели. От неё ожидали скандала, вспышек гнева, проклятий и недовольства и получили их. Она не захотела даже, чтобы граф Понтус сопровождал её, но поскольку без его содействия королеву могли бы не пропустить через встречающиеся на пути крепости, он остался. На обратном пути она успокоилась — никогда раньше она не была такой безмятежной, как перед посадкой на корабль в Хельсингборге. В отличие от неё свита выглядела измученной и уставшей.

Пятого июня 1667 года П. Делагарди доставил Кристину на пристань Хельсингборга, где она взошла на борт судна и отчалила от берега Швеции, чтобы никогда больше туда не возвращаться. Граф Понтус написал в Стокгольм: «Ни разу в жизни мне не доводилось испытывать такое напряжение, как во время этой бешеной скачки по буеракам. Одна лишь королева Кристина выглядела так, как будто проделала самую комфортабельную поездку».

На пути до Норрчёпинга и обратно Кристина принимала шведов, жалующихся на плачевное состояние страны и народа. Бывшие подданные ещё не забыли свою королеву (чего, собственно, и опасались опекуны). И хотя им при ней жилось не очень сладко, но несравненно лучше, чем теперь. Ну а стокгольмские власти могли быть довольны, хотя и приняли оскорблённый вид, обвиняя Кристину за срыв визита. Пустили слух, что королева планировала выйти замуж за овдовевшего Яна Казимира, но официальной пропаганде мало кто верил: всем было ясно, что королеву специально выставили на позор и посмешище.

Своё зло королева сорвала на невинном Адами. Тот прислал из Стокгольма письмо Маккиати для пересылки Аззолино, в котором упрекал Кристину в том, что она, ради интересов дела, не пожертвовала своим священником. Королева, прочитав письмо, обозвала его автора земляным червём, вознамерившимся давать советы королям. «Достойная награда» верному слуге! Адами сделал также донос на проворовавшихся дель Монте и Сантини, но Кристина не стала вершить над ними свой суд, а выслала обоих в Рим, чтобы там с ними занялся Аззолино. Потом она с удовлетворением узнала, что кардинал во всём разобрался и простил обоих. Ведь наказывать воров было бесполезно!

Королева, в жилах которой текло более три четверти немецкой крови, на обратном пути вновь обрушилась на немцев с уничижительной критикой: «Лучше быть еретиком, чем немцем.

Из еретика может ещё получиться католик, а из бестии ничего разумного никогда не выйдет. Будь проклята эта страна и глупые бестии, которых она производит на свет!» Ей прописали молочную диету, и она выбрала козье молоко («ослов здесь можно видеть лишь двуногих»). На приём к ней напросился ландграф Вильгельм Кристофер Гамбургский, но вместо него явился слуга и заявил, что граф перепил и лежит больной. Кристина тут же отреагировала: «Как и всё в этой стране, пьяное даже солнце». Она пишет Аззолино, чтобы для трёх немецких кардиналов, приехавших в Рим на конклав, приготовили побольше вина, так как они втроём выпьют за день больше, чем всё собрание кардиналов за весь период конклава. Когда ей предложили новый метод лечения — добавить в свои вены кровь другого человека, она саркастически заметила: «Изобретение отличное, но я боюсь им воспользоваться, потому что опасаюсь превратиться в овцу…»

Обвинения в адрес немцев явно надуманные: пьянство процветало в это время во всех странах, и Швеция нисколько не отставала в этом отношении от Германии и даже шла впереди.

Возвращаться в Рим было рано: из Гамбурга хоть как-то можно было влиять на ход решения её вопроса в Швеции, где продолжал действовать Адами, а предпринимать что-либо из Рима было просто бесполезно. И она осталась в Гамбурге.

Сидеть без дела она не умела и написала Бурдело, чтобы он прислал ей медицинскую литературу по вопросам переливания крови. Она также приблизила к себе алхимика, сектанта и чернокнижника Франца Борриса и под его руководством стала проводить поиски «философского камня». Поскольку Боррис был приговорён инквизицией к смерти, связь королевы с ним была крайне нежелательна и для Ватикана, и для Аззолино, так что под их давлением она была вынуждена отпустить его восвояси[131].

В начале 1668 года в Стокгольме, наконец, созвали риксдаг, и у королевы появилась некоторая надежда на то, что с его помощью ей удастся оказать на опекунов давление и решить свой вопрос раз и навсегда. Она было засобиралась снова в Швецию, готовая пожертвовать священником и пойти на другие уступки, но риксдаг обнаружил, что… казна пуста. Аззолино был категорически против её поездки в Швецию, полагая, что, кроме оскорблений и унижений, ничего хорошего её там не ожидает. И тогда она вместо себя направила в Стокгольм некоего померанского дворянина Бернарда фон Розенбаха. Ей в голову пришла «грандиозная мысль» отказаться от всех своих доменов в пользу Шведского государства и попросить взамен в полное распоряжение епископство Бремен и Верден. Бременцы с самого

начала своей вассальной зависимости от Швеции[132] проявляли удивительную строптивость, и шведским солдатам приходилось несколько раз подавлять их восстания.

Розенбах прибыл в шведскую столицу в конце июня 1668 года, когда уже заседал риксдаг. И сразу после этого как ни в чём не бывало началась оживлённая переписка между опекунским советом и королевой. Причина лежала на поверхности: риксдаг был возмущён действиями опекунов и отменил их указ, так что Кристина при желании могла бы теперь снова поехать в Швецию.

Идея о передаче Кристине Бремена сначала в Стокгольме понравилась, и уже начались по этому поводу переговоры, но снова всё «испортила» сама королева. Оказалось, в её планы входило полное владение Бременом со всеми вытекающими отсюда последствиями: чеканкой собственной монеты, свободой вероисповеданий и правом представлять Бремен на съездах Священной Римской империи. Даже если бы Стокгольм и согласился с требованиями королевы, то сделать это не позволили бы условия Вестфальского мира: протестантским городом мог править только протестантский князь. Из-за рецидива «неаполитанского синдрома» проект ушёл в песок.

Сидя в Гамбурге, Кристина умудрялась заниматься благотворительностью и раздавать последние деньги учёным, писателям и философам. Паскаль, Торричелли, Глаубер, Борелли вступали с ней в переписку и получали в ответ похвалу и помощь. Несмотря на упадок сил и настроения, она проявляла прежний интерес ко всему, что происходило вокруг неё и вообще в мире. Её информаторы сидели во всех столицах Европы и исправно сообщали ей самые важные и интересные новости.

Наконец Розенбах известил её, что риксдаг закончил свою работу и рассмотрел вопрос Кристины в целом. Принятое депутатами решение содержало и плюсы, и минусы, но в принципе Кристина осталась им довольна. Главное, что наконец-то должны были пойти деньги. Только позже она узнает, что и риксдаг, следуя политике своего правительства, раз и навсегда запретил ей приезжать в Швецию. Впрочем, этот запрет больше её не волновал.

Пребывание в Гамбурге прервалось известием о смерти папы Александра VII. Кристине было отнюдь не безразлично, кого выберут в преемники, и она вступила в оживлённую переписку с Аззолино по этому вопросу. Аззолино выборы нового хозяина Ватикана касались напрямую: при новом папе он мог не удержаться на своём посту. В письме кардиналу Кристина сетует на то, что на этот пост часто выбирают людей недостойных: «Сколько церковных богатств, доставшихся ценой пота и крови

бедных, служат лишь роскоши и употребляются ничтожными людишками на то, чтобы насытить борзых собак и поддержать каких-нибудь скандалистов и подлецов, в то время как некоторые верующие подыхают с голода…» По-видимому, к подыхающим с голода верующим она относила и себя.

Не успев собраться в дорогу, она узнала, что римским папой стал кардинал Роспильози, её добрый друг и единомышленник. Он взошёл на папский престол под именем Климента IX. Его кандидатура устраивала и французов, и испанцев, а главное — он устраивал Аззолино и Кристину. Новый понтифик повёл непримиримую борьбу с непотизмом и выступал за независимость Церкви от сильных мира сего. Он урезал расходы на собственное содержание до критического минимума и повёл борьбу с расточительством служителей Церкви.

От радости Кристина давала один банкет за другим, позабыв, что жила в протестантском городе. Над своим домом она повесила транспарант с поздравлениями по поводу восхождения Климента IX на Святой престол и приказала по ночам его подсвечивать фонарями. Последовали протесты возмущённых гамбуржцев, но она не вняла им, позаботившись лишь о том, чтобы охрана на всякий случай запаслась порохом и ядрами.

Что послужило поводом для штурма резиденции Кристины, было неясно: то ли терпению гамбургских протестантов пришёл конец, то ли им показалось мало дармового вина, которое постоянно наливала им королева, то ли, наоборот, граждане выпили лишнего, но ближе к ночи в окна её дома полетели камни и в городе начались беспорядки. К гамбургским лютеранам присоединились датские и голландские моряки из порта, и началась совместная осада её дома. Слуги Кристины стали отстреливаться из ружей, что ещё больше распалило толпу. Кристине пришлось спасаться через чёрный ход и заночевать в шведской миссии. Она была вынуждена извиниться перед отцами города и вознаградить пострадавших деньгами, после чего город простил её окончательно — лишь бы только она поскорее покинула Гамбург.

И в октябре 1668 года она наконец выехала в Рим.

Гамбургский период жизни Кристины был отмечен ещё одним событием, получившим своё продолжение и после возвращения в Италию. В это время в Польше король Ян II Казимир (1609–1672), уставший от войн и противостояния со шляхтой, отрёкся от престола и уехал во Францию. Этот правитель, брат Владислава IV, младший сын короля Сигизмунда III из рода Васа, держался на троне исключительно благодаря своей супруге, волевой и непреклонной Марии де Гонзага. В 1667

году королева скончалась и он немедленно освободил трон. В Польше начался очередной период междувластия и поиска кандидатов на власть.

На трон претендовали принц Конде, русский царь Алексей Михайлович и многие другие августейшие особы Европы. Свою кандидатуру — не без давления со стороны римского папы и кардинала Аззолино — выставила и королева Кристина. Зачем она это сделала, она и сама не понимала: то ли от безысходности своего положения, то ли повинуясь безотчётному «зову предков», то ли под влиянием понтифика и Друга. Она ненавидела поляков и знала, что положение короля в Польше было незавидным, в том числе и с финансовой точки зрения[133].

Кристина дала заказ известному ростокскому астрологу на прогноз относительно шансов на своё избрание польской королевой. Прогноз гласил, что Кристина завершит свою жизнь «в великой нищете и бедности», за что она приказала как следует наказать прорицателя, но от идеи надеть польскую корону не отказалась.

Агитацию в пользу Кристины в Польше вёл нунций Маскотти, а связующим звеном между ним и претенденткой стал польский католик Антон Михаил Хацкий. Тот сразу же потребовал от Кристины денег — без звонкой монеты, без раздачи «подарков» шляхте и думать было нечего об успехе. Но какими деньгами располагала Кристина? Да если бы и обладала королева необходимой суммой, разве рассталась бы с ней в обмен на пустые обещания? «Я знаю поляков: они деньги возьмут у кого угодно, да и посмеются над ним, а потом поступят так, как им выгодно», — ответила она Хацкому. Так что кампания по выдвижению её кандидатуры на польский трон шла ни шатко ни валко, и сама претендентка мысленно желала себе поражения.

Маскотти пришлось успокаивать шляхту по поводу эпизода с маркизом Мональдески. В письме Хацкому Кристина в резкой форме написала, что ни перед кем об этом отчитываться не собирается и в последнюю очередь — перед Польшей, где зло и насилие творятся ежедневно. «Если Бог призовёт меня на этот трон, — пишет она Аззолино, — то потребую для отдыха один-два года, чтобы потом предпринять что-нибудь против турок. Если же Бог распорядится иначе, я не буду роптать и в этом случае».

Казалось бы, отсутствие у 42-летней Кристины наследников и нежелание их иметь было для Польши большим преимуществом — ведь там королей выбирали. Тем не менее, к большому удивлению и недовольству претендентки, вопрос о детях встал и в Варшаве. Когда в Польше возникли сомнения относительно возраста кандидатки, Аззолино шифрованным текстом

проинформировал Маескотти: «…её темперамент ещё полон огня, так что вполне можно надеяться, по крайней мере, на десятилетний период плодоносия». Хотел ли кардинал избавиться от Кристины или желал видеть её на самой вершине славы, чтобы купаться в её лучах? Нам не дано это знать, потому что лукавый ватиканец унёс эту тайну с собой.

Настойчивость кардинала Аззолино в продвижении её кандидатуры на польский трон напугала Кристину, потому что, став королевой Польши, ей пришлось бы с ним расстаться. Она стала подозревать, что кардинал собирался от неё избавиться. И она поставила ему нереальное условие: она согласится править Польшей только вместе с ним, своим Другом.

Папа Климент IX тоже поддержал Кристину в борьбе за польский трон, но поддержка его была условной — он успел уже высказаться в пользу двух других соперников королевы: герцога Нойбургского и князя Лотарингского. Так что, по всей видимости, он пошёл на это не из убеждения, а в угоду Аззолино и самой Кристине. О том, что Ватикан поддерживал кандидатуру Кристины, нунций Маескотти должен был объявить лишь в том случае, когда её кандидатура явно перевесит другие. Но, как мы уже сообщили выше, такого момента в польском интеррегнуме не наступило, и польская кампания закончилась для Кристины поражением.

Характерным является следующий эпизод. Когда весной 1669 года монсеньор Маескотти открыл епископу Познаньскому, одному из влиятельных участников на предвыборной сцене, «великую» тайну, что папа Климент IX выступает в пользу кандидатуры королевы Кристины, епископ несколько раз осенил себя крестом и попросил нунция, если тот не хочет выставить себя на всеобщее посмешище, никогда не произносить это имя вслух.

В июне 1669 года поляки выбрали, наконец, короля из своих аристократов — Михаила Вишневецкого. И Кристина с облегчением вздохнула. Когда в 1672 году под Парижем умер Ян II Казимир, она сказала: «Я рада, что он скончался среди людей. Если бы он остался в стране, в которой когда-то правил, то умер бы среди зверей».

Встаёт вопрос: почему такие умные и прозорливые люди, как римский папа и кардинал Аззолино, всерьёз занялись продвижением Кристины на польский трон? Разве они не видели всю бесперспективность этого начинания? С папой Климентом, кажется, всё ясно: он поддался уговорам Аззолино. Но каковы были мотивы у всеведущего кардинала? Прельщала ли его перспектива быть другом польской королевы? Вряд ли. Скорее

всего, за его инициативой и в самом деле стояло желание раз и навсегда решить для Кристины пресловутый финансовый вопрос и избавиться от её присутствия в Риме. Д. Мэссон полагает, что кардинал не оставил мысли достичь самой верхней ступени ватиканской иерархической лестницы — папского достоинства. Климент IX, по его расчётам, долго занимать этот пост не будет, и вот когда пробьёт его час, он выставит свою кандидатуру в папы. Присутствие же Кристины в Риме, по мнению Мэссон, могло сослужить ему лишь дурную службу.

Как бы то ни было, кардинал и вида не подал, что сильно разочарован поражением Кристины. Видимо, он смирился с судьбой и решил честно нести свой крест до конца, оставаясь верным другом королевы.

…За день до отъезда из Гамбурга к королеве Кристине явился шведский наместник в Бремене Дитрих Клейхе, который от имени короля и донёс до неё «приятную» весть о том, что она больше никогда не увидит свою родину. Король якобы предложил Кристине выбрать для проживания любую шведскую провинцию в Германии. Королева ответила гордым «спасибо, не надо» и покинула Гамбург.

Двадцатого ноября она встретилась с Аззолино в городе Нарни. Поскольку никаких подробностей об этой встрече нигде не сохранилось, можно сделать предположение, что она проходила в обстановке глубочайшей секретности. Судя по всему, между друзьями произошло серьёзное объяснение, результатами которого Кристина, кажется, осталась довольна. Во всяком случае, многие потом в Риме отметили её ровное и умиротворённое состояние, «розовые настроения» и «сверкающие от радости свидания глаза».

А глаза, на самом деле, были зеркалом её души.

Глава девятнадцатая
БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

Сердце создано для любви.

Кристина

Из предыдущих глав мы узнали о сексуальнопсихологической раздвоенности личности королевы Кристины и о её «романах» как с представителями мужского (Карл Густав, М. Г. Делагарди), так и женского пола (Э. Спарре). Смена веры и переезд в Италию мало что изменили в характере и натуре королевы. В Риме она с первых дней окружила себя красивыми мужчинами и женщинами и эпатировала местное общество своими свободными манерами поведения. Но как и прежде, она не переходила ни с кем границ и держала всех на расстоянии.

В числе её «слабостей» в этот период называли племянницу кардинала Мазарини Марию Манчини, в которую был влюблён король Людовик XIV. Манчини вышла потом замуж за князя Лоренцо Колонну и в 1661 году появилась в Риме, но через четыре года она покинула мужа и стала вести рассеянный образ жизни, ни в чём не уступая, а во многом и превосходя «эскапады» самой Кристины — правда, в другом роде. Конечно, никаких интимных отношений между обеими женщинами никогда не существовало, Манчини была самодостаточной женщиной, так что Кристина любовалась ею в основном на расстоянии.

Зато рядом постоянно находился красавец-кардинал Децио Аззолино.

Мы уже писали, что Кристина считала себя человеком стоических убеждений, способным возвыситься над толпой путём контролирования своих чувств и наклонностей. Но также хорошо известно, что, будучи вольнодумкой, она постоянно нарушала налагаемые на себя конвенции и табу.

Теперь на её пути появился Аззолино. Он начал свою карьеру секретарём у кардинала Пансироле, папского нунция в Испании, и зарекомендовал себя умным и проницательным дипломатом. По возвращении Пансироле в Италию Аззолино взяли в папский секретариат, в частности в отдел шифров и кодов. Фактически он занял ключевые позиции в дипломатической и разведывательной службе Ватикана. Он вошёл в фавор к папе Иннокентию X и сумел поладить с его честолюбивой и жадной свояченицей Олимпией Майдальчини (ходили даже слухи о их интимных отношениях). В 1654 году Аззолино стал кардиналом. Майдальчини прочила его

на пост статс-секретаря папской канцелярии, то есть правительства Ватикана. Иннокентий X, однако, не захотел расстаться со своим прежним статс-секретарём кардиналом Киджи, и Майдальчини должна была удовлетвориться компромиссным решением: Аззолино статс-секретарём не стал, но присутствовал на всех аудиенциях кардинала Киджи[134].

Кристине, вероятно, было кое-что известно о взаимоотношениях Друга с женским полом, и она пару раз с горькой игривостью делала намёки по поводу интереса, проявляемого кардиналом к красивым актрисам. Естественно, саркастически замечает она, его тянуло к ним стремление облагородить свою душу.

В защиту кардинала можно лишь вполне определённо сказать, что он на протяжении многих лет оставался самым верным другом королевы Кристины и помогал ей в самых сложных ситуациях. Объяснялась ли эта лояльность истинными чувствами, карьерными или церковно-политическими соображениями, сказать невозможно.

Так же трудно сказать, в каких отношениях Кристина была с ним в первые годы своего пребывания в Италии. Знакомство их состоялось сразу по прибытии королевы в Рим, и во дворце Фарнезе он стал появляться чуть ли не каждый день. Когда папа из предосторожности запретил кардиналам инкогнито или в масках посещать знатных дам, Кристина тут же добилась для кардинала Аззолино отмены этого запрета. Один римский сплетник обнаружил, что королева носила в кармане своей одежды портрет кардинала. По Риму стали ходить упорные слухи об особых отношениях кардинала с королевой. Сохранилось письмо Аззолино папе от 22 марта 1656 года, в котором он объясняется по поводу этих сплетен и слухов и обмена с королевой записками. Сам папа Александр VII был обеспокоен тем, как развивались отношения между бывшей шведской королевой и кардиналом католической церкви. Как мужчина он хорошо знал кардинала и понимал, что дыма без огня не бывает. Между тем нет никаких иных доказательств, кроме того, что королева умерла *virgo intacta,* то есть девственницей.

Папа как в воду глядел: от дружеских отношений между Кристиной и Аззолино до пылкой страсти расстояние было короткое. Как протекал процесс в реальном времени, никому не известно. О любовной страсти впервые узнали из писем Кристины, посланных Аззолино в 1666–1668 годах из Гамбурга. К этому времени любовь Кристины к кардиналу, пережив целый ряд трансформаций, успела пройти относительно счастливый период и достигла в 1665 году того момента, за которым пугающе зияла

чёрная дыра одиночества.

Вспомним, в каком возбуждённо-тревожном состоянии королева находилась в Гамбурге из-за охлаждения к ней кардинала. В чём была причина, что произошло между ними, покрыто мраком. Единственными реальными были лишь слухи и обвинения, которым подвергался её Друг и к которым он как представитель высшего католического клира был довольно чувствителен. Любовная связь с женщиной могла сильно повредить его карьере, особенно если учесть, что женщина эта пренебрегала общепринятыми в Риме нормами поведения, то есть не скрывала своих чувств, а потому могла нечаянно подвести кардинала Аззолино «под монастырь».

Её письма из Гамбурга наполнены страхом и беспокойством, а её нервы напряжены до предела. Она охвачена жгучим чувством ревности, постоянным спутником разлуки. Она впадает в истерику и вообще становится смешной и раздражительной. Королеву, всегда сохранявшую олимпийское спокойствие и исповедовавшую высокомерное (стоическое) отношение к человеческим слабостям, трудно узнать. Она готова пойти на всё, даже на унижение, чтобы вернуть любовь Аззолино. Она взывает к его состраданию, просит, умоляет, заклинает, — одним словом, делает всё, что обычно делает любая женщина, теряющая любимого человека. «Она обладала слишком горячим нравом, чтобы суметь подавлять свои аффекты, и была слишком гордой, чтобы подчиниться принуждению извне», — писал шведский историк Эрнст Кассирер. И в этом, очевидно, состояли её дилемма и драма.

Из писем видно, что Аззолино ведёт её дела в Риме, что Кристина предоставила ему на это «карт-бланш» и что кардинал находится перед сложным выбором, его терпение на пределе, и он предупреждает её об этом. Кристина высказывает сожаление по поводу того, что не может выслать ему денег, и каждый раз просит подождать. В ответном письме Аззолино высказывает предположение, что Кристина не хочет возвращаться в Рим и, вероятно, желает вернуться в Швецию. Это настораживает её — уж не хочет ли он на самом деле, чтобы она больше не появилась в Риме? «Верьте мне, — отвечает она на это предположение, — что лучше я буду в Риме жить на одном хлебе и воде и располагать единственной камер-фрау, чем обладать всеми королевствами и богатствами мира». И продолжает: «Я также могу Вас заверить, что заслуживаю Вашу дружбу, потому что испытываю самую большую L. на свете. Я знаю, что больше никогда не буду счастлива, но знаю также, что я буду R. Вас до смерти». Буквой «L» она закодировала существительное «любовь»,

а «R» — глагол «любить».

Итак, в Гамбурге сорокалетняя королева уже говорит о своей любви к кардиналу и о его дружбе как ответном чувстве. На большее она уже не рассчитывает. 14 июля кардинал — вероятно, из жалости — отвечает ей, что его чувства к ней намного теплее, чем она себе представляет. Она, в свою очередь, пишет ему, что он тоже вряд ли может представить себе её чувства к нему. 21 июля она сообщает ему о том, что он не должен её забывать и что она с нетерпением ждёт его писем из Рима, «чтобы узнать, дарят ли они мне жизнь или смерть». Она снова заверяет кардинала, что её дружба к нему «не имеет никаких границ или конца, кроме смерти».

Кардинал, по всей видимости, раздражён любовными излияниями Кристины, поэтому она о своей любви уже не упоминает, а пишет о «дружбе без границ». В письме королевы от 4 августа содержится утверждение о том, что его письма составляют единственную радость в её жизни, и выражается надежда, что она «была бы счастлива, если бы перед смертью представилась возможность ещё раз увидеть Вас». Холодность любовника пугает Кристину, и в письме от 29 сентября она пишет, что какие бы изменения ни произошли в его сердце, она не перестанет сохранять ему верность до самой смерти.

До самой смерти…

Эти слова лейтмотивом проходят через все её многочисленные послания к остывшему любовнику. «Несомненно, сама любовь говорит в этих письмах, — писал барон Бильдт, — и, по моему мнению, не важно, делил ли Аззолино с королевой ложе или нет. В любом случае ясно, что только он играл в её жизни роль повелителя».

Из последующей переписки явствует, что отношения между королевой и кардиналом становятся всё более напряжёнными. Кардинал, по всей видимости, настоятельно просил её больше не писать о своей любви к нему; она не отвечает на целый ряд его посланий, «ибо я не могу ни изменить мои чувства, ни говорить о них Вам, не раня Вас». 23 октября она прямым текстом сообщает в Рим: «Вся Ваша холодность не помешает мне до V. обожать Вас» («V» означает «смерть»).

Чтобы переключить её мысли на другой предмет, Аззолино предлагает ей продолжить заняться автобиографией, Кристина соглашается и во второй раз приступает к работе над ней. В этот период она постоянно больна и регулярно жалуется то на боли в боку, то — в животе, то на изнуряющую жажду. Она пребывает в глубокой меланхолии и целыми сутками не выходит из своей холодной комнаты на Крайенкампштрассе. В ней она спит, ест,

пишет, принимает посетителей и отстаивает мессы. Вечерами зажигают камин, и она читает у огня. Когда доктор прописывает ей лечение молоком, она выпивает в день до… десяти графинов этого напитка! Её одолевают сомнения и подозрения. Главное из них, что Аззолино не желает её возвращения в Рим, и она тоже не остаётся в долгу и пишет, что поскольку он не отвечает на её любовь, то ей незачем возвращаться в Италию. Аззолино злится и упрекает её в том, что она плохо слушается его советов — разумеется, советов в области политики или денег. О необходимости сдерживания чувств он уже не напоминает — устал.

Королева радуется, что Аззолино одобрил её письмо Карлу XI и пишет: «Надеюсь, что Вы довольны моими поступками, и если я допущу промашку, то Вы извините меня. Заклинаю Вас поступать со мной всегда справедливо… Меня чрезвычайно радуют Ваши заверения в том, что Ваши чувства превосходят все мои представления, но верьте мне, что всё равно они отстают от моих…»

Двадцать шестого января 1667 года она пишет одно из своих самых страстных писем кардиналу: «Я хочу добавить, что моё намерение — да поможет мне Бог — состоит в том, чтобы не разгневать Его и никогда не дать Вам повода быть недовольным; но это решение никогда не заставит меня прекратить любить Вас до самой смерти, а поскольку преданность *(devotion)* освобождает Вас оттого, чтобы быть моим любовником, то я освобождаю Вас также от обязанностей моего слуги, ибо я хочу жить и умереть Вашим рабом»[135].

Это письмо заслуживает некоторого нашего внимания. Многие историки задавались вопросом: написано ли оно Кристиной вполне искренно или за патетикой скрывается злая ирония? О какой преданности говорит королева? О преданности кардинала Богу? Многие её биографы так и понимали это слово.

С. Стольпе считает это ошибкой.

То же самое слово мы находим и в другом её письме к Аззолино — от 9 февраля 1667 года, но там оно употреблено без всяких сомнений в ироничном смысле: «Из Вашего письма от 15 февраля я узнала, что Вы на самом деле стали святым. Я радуюсь этому и обещаю впредь работать над Вашей канонизацией, но при условии, что и Вы после моей смерти обещаете работать над моей… Вы приняли историю с врачом таким образом, какой удивил бы меня при других обстоятельствах, но поскольку я знаю, что вы *devot*[136], то это меня нисколько не удивляет; обвинять Бога во всех глупостях, которые люди совершают, это и есть проявление *devotion;* но я, ещё не так глубоко погрязшая в *devotion,*

как Вы, воспринимаю всё это совершенно иначе».

Ясно, утверждает Стольпе, что слово «devotion» употреблено Кристиной в значении «ханжество» или «притворная набожность».

Девятого марта 1667 года Кристина пишет ещё одно — тридцать восьмое — весьма ироничное и ядовитое письмо в Рим:

«…Догадываюсь, что Ваша душа полностью погружена в Бога… Вы осаждаете меня теологическими и моральными медитациями, на которые Вас вдохновляют события, и я нисколько не сомневаюсь, что Ваша душа, когда Вы сидели у французского посла и слушали комедию, как всегда, была направлена к Богу и что две молодые дамы, выступавшие на сцене, не слишком мучили Вас, когда притягивали Ваши взгляды к себе. Естественно, Вы пошли туда, следуя внушению Спасителя и с целью обратить их… ибо, когда я начинаю размышлять о том, какие соображения совести помешали Вам присутствовать на фейерверке у испанского посла, я прихожу к выводу, что Вами владело то самое проявление ханжества *(devotion)*, которое не помешало Вам пойти к послу французскому…»

Сомнений нет — тут Кристина буквально издевается над ханжеством кардинала и слово «devotion» употребляется именно в этом ироничном смысле. С. Стольпе полагает, что в этом значении слово употреблено и в упомянутом выше письме от 27 января, и соответствующую фразу следует читать следующим образом: «поскольку Ваше лицемерие не позволяет Вам быть моим любовником[137]». Это означает, что Кристина не принимает всерьёз ссылки кардинала на принадлежность к Церкви, а считает их отговорками. Ей слишком хорошо известны жизнелюбие и свободные нравы служащих Ватикана, и к тому же она не зовёт Аззолино идти под венец.

Ясно, что всё стоическое мировоззрение королевы рухнуло. От него не осталось и осколков, напоминавших о возможности контролировать свои страсти и с олимпийским спокойствием сверхчеловека-стоика взирать на то, как слабые и глупцы барахтаются и тонут в бурных волнах житейского моря. Кристина в данной ситуации удивительно точно повторяет переживания своей матери, королевы Марии Элеоноры, также страдавшей от ревности и выпрашивавшей любовь у Густава II Адольфа.

Письмо от 2 февраля 1668 года содержит фразу: «Можно быть счастливым сверх всякой меры, только бы пользоваться Вашим одобрением и Вашим уважением».

Никаких требований о взаимности чувств: «…Хочу жить и умереть Вашим рабом…»; «Только бы пользоваться Вашим уважением…» Где же былая гордость, высокомерие, презрение к человеческим слабостям? Это была полная капитуляция.

Ответ Аззолино нам не известен. Можно только быть уверенным, что такие откровения ему вряд ли могли понравиться и он написал что-нибудь лицемерно-ханжеское, как и положено было по сану.

В последующих письмах — тоже сплошное уничижение. Она пишет о том, что её присутствие в Риме вряд ли доставит Аззолино большое удовольствие (16 февраля 1667 года). От отчаяния на последние деньги она устраивает большой праздник, приглашает на него массу гостей. Торжество заканчивается грандиозной попойкой, а для Кристины — приступом болезни. Доктора вынуждены выпустить из неё около пол-литра крови. Аззолино пытается её урезонить, а она в ответ подвергает его издевательствам и насмешкам. Всё развивается по обычным человеческим канонам.

Потом она смиряется, проявляет покорность и пишет о том, что готова удовлетвориться и тем, чтобы только быть с ним рядом в одном городе и изредка видеть его. Впрочем, в апреле 1667 года она сообщает, что в Рим возвращаться не планирует. Она устала от жизни, ничто её больше не радует, и она всё чаще заводит разговор о смерти. Очевидно, что Кристина пытается вызвать у кардинала чувство сострадания — последнее убежище покинутой женщины.

Психическое состояние королевы усугубляется в это время и сложными взаимоотношениями со шведскими властями. Униженная и оскорблённая, она возвращается из Швеции в Германию и по пути заворачивает в Варшаву, где после Яна II Казимира тоже освободилась корона. Но и там её не приняли, и она ни с чем, разбитая, обиженная на целый свет, возвращается в Гамбург.

К маю она тем не менее выздоравливает. Как и несколько лет тому назад в Стокгольме, к ней приехали французские доктора и поставили её на ноги… всё тем же куриным бульоном! 13 мая, на пути в Швецию, она не без рисовки пишет из Дании: «Я не думаю, что моя жизнь продлится долго. Мне бы только заплатить мои долги, и тогда я могла бы спокойно умереть…» Но, судя по всему, умирать она ещё не собирается и, отложив в сторону работу по продвижению Аззолино на папский престол, с головой окунается в борьбу за освободившийся трон Польши. Выборы очередного папы, как мы видели, она отмечает разнузданным праздником и своим поведением вызывает у степенных жителей Гамбурга удивление и возмущение. Новый папа — Климент IX — по мере своих возможностей оказывает ей протекцию.

Понемногу Кристина отвлекается от мучившей её проблемы на другие дела. Она начинает заниматься алхимией с Боррисом.

Она интересуется проблемами переливания крови, а когда Аззолино присылает ей свою незаконченную комедию, она с энтузиазмом бросается на неё, анализирует поведение её персонажей, высказывает свои замечания. Время от времени она возвращается к своей неразделённой любви и, будучи «уверена, что только дружба с Вами является смыслом и счастьем всей моей жизни и смерти», заверяет Аззолино в своей неизменной «дружбе до самого гроба». По всей видимости, запреты кардинала напоминать ему о любви достигли своей цели, но время от времени чувства прорываются и она возвращается к этой теме, потому что это выше её сил.

Двадцать второго августа 1668 года: «…Если моя дружба мучает Вас, то заверяю Вас, что я готова покончить с собой, лишь бы освободить Вас от неё, и что смерть будет намного легче перенести, нежели чувство снисхождения, которое Вы ко мне питаете».

Двенадцатого сентября: «Я без ума от счастья, что Вы довольны мной! Буду стараться вести себя по отношению к Вам так, чтобы Вы всегда были довольны».

Когда Аззолино упрекнул Кристину в том, что она рассказала о своих чувствах к нему какой-то даме, она отвечала: «Не знаю, кто Вам донёс, но будьте уверены, что мои уста никогда Вас не скомпрометируют… Если же мою любовь к Вам читают по выражению моих глаз, которые вспыхивают при упоминании Вашего имени, то тут я ничего поделать не могу, напрасно пытаться скрыть то, о чём знает целый свет. Но, видно, такова моя доля терпеливо сносить Ваши упрёки».

Счастье длилось недолго, так как уже 10 октября горечь снова переполняет Кристину: «Надеюсь, Вы понимаете, что несчастья не изменили моего сердца. Я знаю, что от этого становлюсь в Ваших глазах ещё более противной, но что мне делать с этим? Такова моя судьба… Что бы со мной ни случилось, я до самой своей смерти останусь такой же. Прошу Вашего прощения за то, что захожу слишком далеко и осмеливаюсь говорить о неприятных вещах: сердце так переполнено, что я должна высказаться. Но не беспокойтесь. Вы обрадуетесь, увидев меня самой несчастной женщиной в мире, но я не буду жаловаться…»

Перед возвращением в Рим настроение королевы выравнивается: «Для меня несказанная радость снова увидеть Вас… Уезжаю отсюда с такой же радостью, с какой звёзды покидают чистилище…»

Кардинал Аззолино, несмотря на все мольбы и страдания Кристины, остался непреклонным, но сохранил по отношению к ней дружеские чувства. И не более того. Их дружба длилась ещё

пару десятилетий, но любовь Кристины к нему так и не угасла. О кардинале биографы Кристины в последние годы её жизни упоминают скупо — он просто куда-то исчез, хотя всё время был рядом. Из римского периода сохранились записки, которыми они продолжали обмениваться, хотя виделись почти каждый день. Записки Кристины по-прежнему полны нежности и любви к кардиналу, в то время как его ответы подчёркнуто сухи и деловиты. Когда Аззолино в одной из записок обратился к ней с инициалами «S. M.», она впала чуть ли не в состояние экстаза от радости и восторга[138]. Как писал один немецкий историк, «могло случиться, что кардинал в это время чувства платонической любви превратил в чувства настоящей дружбы».

Шведский историк Курт Вейбуль скептически относится ко всем выводам о любовных романах Кристины. «Истории в прошлом, как и нашим современникам, достоверно не известно о каких-либо любовных связях королевы Кристины, — пишет он, — ни об одном: ни о Магнусе Габриэле Делагарди, ни о Пиментелли дель Прадо, герцоге Гизе, Сантинелли, Мональдески, Аззолино, ни о многих других, как мужчинах, так и женщинах, о которых так много рассказано в романах и в трудах квазиисториков».

Вероятно, можно согласиться с Вейбулем по всем пунктам, кроме Аззолино. Здесь есть достоверные доказательства — письма Кристины.

С годами чувства Кристины вошли в русло спокойной и искренней дружбы. Как и во многом другом в жизни, ей пришлось от них отказаться. Вообще её жизнь в Риме — это нескончаемая череда поражений на личном фронте, цепь компромиссов, сдача в утиль больших претензий и требований. Найти утешение в религии, как советует Аззолино, она пока не в состоянии. Более того, она поднимает его лицемерие и ханжество на смех.

Но пройдёт время, и Кристину подхватит религиозная волна и понесёт её к новым ориентирам. Но будет ли она счастлива? Одно лишь общение с Богом до конца дней не удовлетворяло её. Искусство, политика никогда не переставали интересовать королеву.

Глава двадцатая
БОЛЬШОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Бороться с собственными слабостями и пороками, страдать от них — вот смысл нашей жизни. Самопрезрение — единственное преимущество, которое можно извлечь из греха.

Кристина

Вышеприведённый эпиграф как нельзя лучше отражает новые настроения на последнем этапе жизни бывшей королевы. Её прежние стоистические принципы, как мы уже говорили, рухнули, и незаметно даже для себя самой она начинает движение в сторону Церкви, веры, Бога. Только на сей раз её взгляды претерпят кардинальные изменения не на глазах всего двора или общества, не под звуки фанфар или органа, а в ходе мрачных, мучительных и тяжёлых размышлений, в полном одиночестве, наедине с Всевышним и Всемилосердным. Если её восшествие на престол, уход с него, переход в иную веру являлись оглушительной демонстрацией триумфа духа, то теперь уход к Богу знаменовал собой её полную моральную капитуляцию перед жестокой действительностью.

Королева никогда и никому не рассказывала о том, что ей пришлось пережить в процессе этой мучительной трансформации, зато она оставила неоспоримые следы в своих литературных произведениях — автобиографии, афоризмах, исторических эссе.

«У кого в жизни ничего не осталось, тот должен приехать в Рим и жить там», — сказал как-то Шатобриан. Это высказывание подходило ей больше, чем кому-либо другому, в момент её возвращения в конце 1668 года в Рим. Погоня за миражами — чужими коронами, влиянием на ход мировых событий — оказалась тщетной и бессмысленной, все надежды, связанные с Неаполем, Польшей и Швецией, рассеялись словно дым. Впереди оставалась лишь одна реальность — Рим. Больше её нигде не ждали. А в Риме были Аззолино, дружественно настроенный папа Климент IX, любимый дворец Риарио.

Возвращение в Вечный город было обставлено с не меньшей помпой, нежели 12 лет тому назад: Триумфальная арка, швейцарская гвардия, пушечные салюты, бесчисленные кардинальские сутаны, плюмажи нотаблей и толпы ликующего

народа. Понтифик уделил Кристине самое пристальное внимание, он навестил её во дворце Риарио и познакомился с её коллекциями картин и скульптур; он пригласил её на неофициальный обед к себе в Ватикан, а 9 декабря устроил в её честь грандиозный банкет с участием двадцати четырёх кардиналов и избранной публики. В зале играла громкая музыка, и поскольку понтифик и королева сидели за разными столами, то разговор между ними происходил с помощью монсеньора Фебея, курсировавшего от одного стола к другому. Дамам из семейства Роспильози по этикету на таких обедах присутствовать не позволялось, но в данном случае для них было сделано исключение: их допустили в зал и поставили за ширмой с проделанными отверстиями, через которые они могли наблюдать за происходящим пиршеством.

Кажется, после двадцати лет поисков и честолюбивых предприятий наступал период настоящего покоя. Теперь Кристина могла всецело и безвозмездно отдаться музыке, театру, искусству. Новый папа был во вкусе королевы, на громкий её отъезд из Гамбурга он не обратил ни малейшего внимания и встретил её с распростёртыми объятиями. Из ватиканского фонда «Пропаганды» он выделил ей годовую пенсию в размере 12 тысяч крон, предоставил ложу в театре комедии и вообще оказывал ей всякие знаки внимания. Пожалуй, это были самые лучшие годы её жизни в Италии. Как отметил немецкий историк Л. Ранке, и сама она слегка изменилась, нрав её смягчился, она стала более терпимой, внимательной и снисходительной к людям.

Рим при Клименте IX сильно преобразился. Бернини на площади Святого Петра заканчивал строительство колоннады и устанавливал скульптуру всадника — императора Константина. Брат понтифика в фойе Пантеона устроил выставку картин, на которой были представлены экземпляры из коллекции королевы Кристины. И днём и вечером звонили колокола, напоминая о том, что папские войска пока доблестно сражаются с турками на Крите. Рим жил лишь развлечениями, которые Климент IX умел так ярко и талантливо разнообразить и поощрить. Театры Рима ставили одну пьесу за другой, а карнавалы не сходили с улиц города. Папа пошёл на невиданный дотоле шаг — по совету Кристины разрешил женщинам петь в опере!

Культурную жизнь Рима в новом, 1669 году сильно оживил приезд в город знаменитой племянницы Мазарини 25-летней красавицы Марии Манчини. Своей красотой, богатством и блеском она затмила популярность Кристины, которую местные жители уже называли *Padrona di Roma.* Впрочем, королева быстро поняла, что ей не стоило пускаться в состязание с красоткой

Манчини. Её преимущество заключалось в уме, а не во внешней броской красоте. Она «скромно» уступила ей место и наблюдала за праздниками и за Манчини со стороны или из специально сооружённой для неё ложи.

Двадцать пятого октября 1669 года в Рим пришла печальная весть о завоевании Крита турками. Объединённое войско христианских государств Европы оказалось слишком слабым, чтобы противостоять мощному натиску османов. Общеевропейский антиосманский фронт, общее детище королевы Кристины и папы Климента IX, оказался непрочным и недолговечным. Колокола на башнях церквей замолчали. В этот же день с понтификом случился удар, от которого он уже не оправился. 2 декабря 1669 года состоялась церемония последнего помазания понтифика. Климент IX трогательно распрощался с ближайшими друзьями, присутствовавшая на церемонии Кристина не выдержала и расплакалась. Через неделю римский папа почил в бозе. К великому огорчению Кристины, понтификат Климента IX оказался недолгим. Зато смерть папы дала ей возможность отвлечься от своих душевных ран и сосредоточиться на выборах нового главы католической церкви. Это была насущная политическая задача, и Кристина приняла в её решении самое деятельное участие.

Двадцатого декабря открылся конклав, на который собрались 70 кардиналов. Кристина и Аззолино, для которого уход Климента IX тоже не предвещал ничего хорошего, принялись продвигать на Святой престол своего кандидата — кардинала Видони, входившего в так называемый «летучий эскадрон» кардиналов. При нём Аззолино имел все шансы оставить за собой пост государственного секретаря. Среди всех других *papabili*[139] Видони выделялся тем, что выступал за независимость Церкви от светского влияния — в первую очередь от вмешательства во внутренние дела Ватикана королей Испании и Франции. Кандидатура Видони имела все шансы на успех, поскольку он устраивал как Мадрид, так и Париж. Аззолино удалось продвинуть своего лекаря Маккиати на должность медицинского советника конклава и с его помощью контролировать там обстановку. Маккиати появлялся в конклаве по вызову какого-нибудь простудившегося или занемогшего кардинала, встречался со сторонниками Видони и обо всём докладывал Аззолино и Кристине.

Сам Аззолино в число *papabili* не входил, потому что был слишком молод — ему исполнилось всего лишь 48 лет. Естественно, свои действия Кристина и Аззолино тщательно маскировали — ведь если Видони не будет избран, то от нового

папы ожидать благосклонности не приходилось. Шпионы Кристины сновали по городу и отмечали все встречи, контакты и передвижения помощников кардиналов и добывали информацию, которую она потом конспиративно передавала засевшему в конклаве Аззолино. Решающее слово на конклаве должны были сказать французские кардиналы Ретц и Бульон, за которыми стоял французский посол герцог де Шольнес, и все ждали их прибытия в Рим.

Запертый в неотапливаемом помещении конклава, Аззолино простудился. В январе 1670 года он отправил Кристине записку с сообщением о том, что пошёл на поправку. Это была та самая записка, которую он то ли случайно, то ли намеренно начал с аббревиатуры «S. M.». Королева расценила аббревиатуру как знак любви и, переполненная радостными чувствами, написала ему ответ, в котором спрашивала: «Ошиблась ли я, предположив, что буквы „S. M.“ означают то, что они когда-то означали? Если бы Вы могли вообразить мою радость, которую я испытала при их виде, то Вы бы признали меня достойной этого титула, который я бы предпочла званию королевы Вселенной. Но я не могу быть достойной его, ибо Вы у меня его отобрали. Думайте, что хотите, но я Ваша до такой степени, что только в случае ужасной несправедливости и жестокости Вы можете сомневаться в том, что я достойна S. M.».

Бедная Кристина! Оказавшись на вершине счастья, она забыла о том, что эту сугубо личную приписку она сделала на очередном информационном сообщении. Аззолино сухо ответил ей, что теперь из-за этой оплошности он не может показать это ценное послание своим сообщникам в конклаве, и посоветовал впредь личное отделять от делового. А смысл аббревиатуры «S. M.» продолжает до сих пор волновать умы историков и биографов Кристины.

Борьба внутри конклава, в ходе которой происпанская и профранцузская группировки успешно отвергали неугодные им кандидатуры, продолжалась ещё два месяца. Все уже устали, и вдруг кардинал происпанской группировки Киджи перешёл на сторону французов и спутал все карты. В последний момент он сумел добиться между враждующими сторонами компромисса, в результате которого конклав выбрал папой происпански настроенного кардинала Эмилио Альтьери, дряхлого восьмидесятилетнего старичка, взявшего себе имя Климента X (1670–1676). Он долго отказывался от предложенной чести по причине преклонного возраста и слабого здоровья, но кардиналы, включая французов, сумели его уговорить, надеясь через короткий промежуток выбрать себе более подходящего

понтифика. Однако Климент X их всех обманул и продержался на Святом престоле больше шести лет!

Реакция Кристины при известии о выборе папы была весьма характерной: она грубо выругалась и немедленно приказала запрягать лошадей, чтобы первой успеть поздравить Климента X. Аззолино потерял свою должность, но Климент X не мешал Кристине жить так, как ей хотелось. Он вообще ни во что не вмешивался, лишь бы его самого оставили в покое.

Главным утешением Кристины в этот период стали книги и переписка со старыми и новыми друзьями, которым она продолжала оставаться верной, несмотря ни на какие внешние обстоятельства. Просто удивительно, каких размеров достиг её эпистолярий! Королева живо и постоянно интересовалась тем, что происходило в Риме и в мире вообще, не гнушаясь никакими источниками, слухами и сплетнями. В этом смысле незаменимым человеком для неё в послегамбургский период стал граф Жак д'Алибер, дипломат, способный импресарио и аккуратный секретарь. Как и все остальные придворные Кристины, он был мастером на все руки и служил ей до самой её смерти. В 1670 году по инициативе королевы он на месте тюрьмы Тор ди Нона стал строить театр. Кристина осуществляла над театром общий патронаж. С помощью д'Алибера она скоро сделалась законодательницей театральной жизни города. Её итальянская труппа каждую пятницу играла во дворце Риарио итальянские, а по воскресеньям — испанские комедии. Она попыталась добиться от Климента X разрешения на круглогодичные представления, но папе не понравился способ преподнесения ею ходатайства и в разрешении он отказал. Более того, он отдал антрепризу не д'Алиберу, а другому лицу, чем, конечно, сильно разозлил патронессу театра.

Королева устроила себе в театре отдельную ложу, над которой приказала повесить королевскую корону и герб Васа. В 1671 году театр дал в её честь оперу композитора Франческо Кавалли «Сципион Африканский», а потом его же оперу «Ясон», посвящённую Марии Манчини. При Клименте IX на сцене разрешили играть актрисам, но театральный сезон по-прежнему ограничивался сорока днями в году. Климент X, наоборот, был театралофобом и запретил все публичные представления и выступления церковных певцов на светской сцене, а во избежание интимных свиданий приказал сломать в театрах все ложи. По мнению Климента X, представления на сцене были настолько зажигательными, что зрители в ложах бросались друг к другу в объятия. Запрет на женские голоса при публичных выступлениях Кристина обходила с помощью певцов-кастратов.

Кристина не прекратила организовывать концерты и музыкальные вечера, на которых давали оперу. И в этой области она тоже заняла ведущие позиции, поддерживая многочисленные контакты с композиторами, дирижёрами и певцами. К тому же у неё появился собственный большой оркестр. Однажды ей удалось устроить концерт, в котором выступил оркестр из 150 музыкантов, сотни певцов и шести солистов. Меломаны съезжались в Рим со всей Европы, чтобы поприсутствовать на грандиозных представлениях во дворце и парке Риарио. Самой большой величиной среди друзей-композиторов был, вероятно, Алессандро Скарлатти. В сотрудничестве с ним Кристине удалось поставить несколько красивых опер, имевших грандиозный успех у публики. Ведущие партии пел знаменитый в то время и состоявший на службе у Кристины Джованни Франческо Гросси. В качестве дирижёра выступали Бернарди Пасквини, тоже выдающийся композитор, или Арканджело Корелли.

Но истинной звездой её театра был оперный певец Антонио Ривани, известный также по кличке Чикколино. Он без сомнения тогда являлся лучшим оперным певцом Европы и при существовавшем среди итальянских князей соперничестве в театральной области был очень востребован. Кристина ревниво следила за тем, чтобы никто не посягал на её монопольное право пользоваться услугами певца, и когда герцог Савойи попытался переманить Чикколино в свой театр, Кристина приказала д'Алиберу всеми силами помешать этому: «Я хочу, чтобы все знали, что он в этом мире существует только для меня, и если он не поёт для меня, то, значит, он не будет петь ни для кого, кем бы эти другие ни были. Хоть он и покинул мою службу, я хочу вернуть его обратно, сделайте это любой ценой. Говорят, он потерял голос, но это не важно: каким бы он ни был, он будет жить и умрёт на моей службе, иначе ему не поздоровится!» Вот таким «яростным» меценатом была Кристина. Ну чем не пушкинский барин Троекуров? Антонио Ривани действительно вернулся к Кристине и в 1686 году умер, находясь на её службе.

Устроив свои финансовые дела, королева щедрой рукой теперь раздавала деньги на поддержание искусства и науки. Палаццо Риарио оказал гостеприимство так называемой Экспериментальной академии, основанной в 1677 году известным астрономом Джованни Доменико Кассини. Кристина отдала дань своему веку и в конце жизни увлекалась алхимией и астрологией, поддерживала связь и с серьёзными учёными, и с шарлатанами, спонсируя их занятия. У её двора, к примеру, кроме Ф. Борриса, обретался известный датский алхимик Оле Борк, взявшийся извлечь из своих колб для королевы золото. С самого начала

жизни в Риарио Кристина по инструкции астронома Кассини устроила для себя обсерваторию и алхимическую лабораторию, в которой рядом с хозяйкой и «интендантом» дворца Аззолино «философский камень» упорно искали Пьетро Антонио Бандьера и маркиз Паломбара. На жалованье у королевы состоял также известный физик Борелли, непременный участник всех дискуссий в академиях. Естественно, она поддерживала также гуманистов, историков, археологов, чем и заслужила от них многочисленные посвящения к своим изобретениям и открытиям. Не нужно также забывать, что она до конца своих дней живо интересовалась религией, общалась с философами, теологами и церковными политиками и в этой области тоже оставила свой след.

С 1674 года в стенах дворца начала действовать собственная академия королевы — *Accademia Reale.* Многие академии пригласили Кристину в ряды своих членов, например, приглашение от *Accademia dei Misti* было направлено ей в 1680 году графом Паоло Мональдески, родственником казнённого ею в Фонтенбло придворного.

Таким образом, Кристину с полным правом можно было назвать крупным культурным деятелем Италии да и Европы середины и конца XVII века.

Известный немецкий правовед, историк и философ Самуэль Пуфендорф предложил свои услуги для написания истории Швеции с посвящением благословенному Густаву II Адольфу. Посвящение обязывало королеву к выдаче материального пособия автору, и она выдала ему… 200 риксдалеров. Деньги лютеранину Пуфендорфу показались смешными, но, слегка поиронизировав над Кристиной, он всё-таки приступил к работе. Первая же глава его книги, посвящённая положению дел в Церкви во время Реформации, вызвала недовольство Святого престола, и Кристина была вынуждена прервать с ним контакт. Она всё чаще позволяла Ватикану «поправлять» себя и всё дальше скользила по наклонной плоскости его пропаганды. Пенсию приходилось отрабатывать.

В 1672 году Карл XI был объявлен совершеннолетним королём Швеции, и Кристина поспешила отправить в Стокгольм своего камергера маркиза дель Монте для урегулирования своих финансовых дел. Карл XI обнаружил, как несправедливо обошлись с его тёткой опекуны, и написал Кристине несколько любезных писем, в которых высоко оценил её политическую мудрость и пообещал раз и навсегда решить вопрос с апанажем в соответствии с Актом об отречении. Дель Монте вернулся в Рим и мог сообщить своей госпоже и другие приятные новости: риксдаг отменил дискриминационные постановления бывшего опекунского совета, восстановил королеву во всех её правах, а её

врагов отдали под суд. Но только в 1681 году её управляющему Ю. П. Оливекранцу, наконец, удалось отрегулировать финансовый вопрос так, чтобы материальное положение королевы оставалось стабильным до конца её дней.

В 1674 году во Франции были опубликованы мемуары П. Шану. Сам бывший друг и наставник Кристины умер, а его воспоминания попали в руки недобросовестных дельцов, которые постарались представить в них Кристину в самом неприглядном свете. Королева правильно угадала, что за всем этим стоял французский королевский двор, который был зол на неё за критику и хотел её дискредитировать.

Ровное течение жизни в палаццо Риарио снова было нарушено летом 1676 года, когда Климент X отдал Богу душу и 21 сентября на его место был избран Иннокентий XI (1676–1689), кардинал из дома Одескальки да Комо[140]. При Иннокентии XI сразу изменились и «физиономия» Вечного города, и его жизнь. «Папа Минга», что в переводе с миланского диалекта означало «папа Нет», прослыл борцом за чистоту нравов. С первых же дней своего правления он принялся чистить авгиевы конюшни, то есть Церковь, и немедленно вошёл в конфликт с королевой Кристиной. Основной свой удар он нанёс против распущенности римлян и «безбожных» развлечений и представлений. Палаццо Риарио остался единственным местом, где музы ещё правили бал, но и сюда скоро проникли запреты: не разрешили представления во время поста, а женщинам запретили носить декольте и выходить на сцену. Кристина, естественно, не пожелала подчиняться запретам и в насмешку над ними явилась перед папой, высоко замотав шею мужским шарфом. Впрочем, когда у Иннокентия XI возник конфликт с Людовиком XIV, Кристина держала сторону папы. Выступали они единым фронтом и по вопросу борьбы с турецкой опасностью.

Конфликт «профранцузского» понтифика с французским королём возник из-за преследования во Франции гугенотов, то есть протестантов. Приведение их в католическую веру с помощью оружия и насилия[141] не понравилось даже папе, не говоря уже о Кристине. Королева писала Людовику XIV, что жестокое отношение к гугенотам было большой ошибкой и что Франция, преследуя их, уподоблялась больному, отрубавшему от своего тела собственные руки и ноги. «Солдаты — странные апостолы, — писала она французскому послу в Швеции шевалье Терлону, — и я лично полагаю, что они больше годны на то, чтобы убивать, уничтожать и грабить, нежели обращать кого-либо в веру». Никому в Париже подобные высказывания не нравились, и французские католики набросились на Кристину с грубой

критикой, но она тоже за словом в карман не лезла и стойко защищалась.

Когда польский посол князь Радзивилл не нанёс родственникам Иннокентия XI визитов, Кристина тут же вмешалась и «поправила» посла. В вопросах защиты Святого престола как организующего и направляющего центра католической церкви она была теперь непреклонна.

В 1677 году королева начала писать свои «Принципы и мнения», а в 1681 году в третий раз приступила к работе над автобиографией. Можно критиковать её за отсутствие большого литературного таланта, но одно нужно подчеркнуть непременно: Кристина отнеслась к этому труду с полной серьёзностью и ответственностью. Её произведение, надо признать, не представляло собой лёгкого порхания по датам своей жизни и не являлось простым самолюбованием, что было типично для произведений подобного жанра.

Если первый вариант текста автобиографии (1656) отличался ярко выраженным стоическим ригоризмом и апологетикой королевской власти и рода Васа, то последний, тоже неоконченный, вариант свидетельствовал уже о предпочтении ею других идеалов. Перед нами предстаёт Кристина набожная. «Автобиография — это саркофаг, воздвигнутый над её огромными, буйными и непрактичными амбициями», — едко замечает П. Энглунд.

Автобиография Кристины — это также своеобразный отчёт перед Богом. Она подходит к этому труду с большой ответственностью и в самом начале его, обращаясь ко Всевышнему, пишет: «Ты знаешь, что биографии в моём столетии — это вечные панегирики или кровавая сатира… Ты ещё не дал мне достаточно сил, для того чтобы… я могла смотреть на такие несправедливости с равнодушием. Я чувствую по отношению к ним возмущение, которое пока не удаётся обуздать. Я не хотела бы стать объектом зависти или лести… Я хотела бы только следовать Твоему воодушевлению и пойти по следам великих людей, которым Ты дал мужество говорить о самих себе без тени высокомерия и одновременно одну только правду».

Сохранились лишь варианты двух неоконченных рукописей, одну из которых можно условно назвать мемуарами, а вторую — историей её правления, доведённую, к сожалению, только до 1632 года. Литературная деятельность давалась ей тяжело, темперамент и характер заставляли её часто отвлекаться на другие дела. Не исключено, что она прекратила работать над мемуарами по причине недовольства полученными результатами.

Кристина, кроме прочих, имела большие литературные

амбиции. Она окружила себя известными итальянскими поэтами и пробовала себя на драматургическом поприще, набрасывая сценарии к операм и музыкальным дуэтам. Она на французском языке писала эссе о Цезаре и Александре Македонском и боролась за чистоту итальянского языка, остро реагируя на маньеризм и искусственные упражнения с языком и литературным стилем. Но больше всего ей по душе была афористика, и она более плодотворно работала над так называемыми максимами[142].

Биографы королевы в один голос говорят о недостаточной их глубине и смысловой ёмкости, но считают, что они достаточно рельефно выпячивают её характер и духовный мир. После её смерти нашли 1300 переписанных начисто афоризмов и максим, почти всегда двусмысленных (П. Энглунд), не всегда точных (С. Стольпе), часто поверхностных и тривиальных, к примеру: «Армия не может побеждать без строгой дисциплины», «Личность и характер Алкивиада мне по нраву», «Не обязательно держать слово перед тем, кто тебя обманул или нарушил собственное слово», или «Наша вера в Бога основана на Его величии и на нашем ничтожестве», «Отчаяние рождается от высокомерия и самонадеянности», или «Без Бога добродетель и честь — химера».

Кое-какие максимы повторяют выводы других авторов, как, например, изречение о том, что «Человек должен есть, чтобы жить, а не жить для того, чтобы есть». Его высказал Мольер, но, похоже, Кристина самостоятельно пришла к тому же выводу. Образцом в области изречений для неё был Франсуа де Ларошфуко (1613–1680), и его слава, по всей видимости, не давала ей покоя.

Впрочем, работала она над своими максимами тщательно, много и упорно, время от времени возвращаясь к ним, переделывая и переписывая начисто. Выстраданные же собственным опытом мысли звучат вполне искренно: «Истинная любовь не требует ничего, кроме любви», «Любовь рождает ревность, а ревность убивает любовь», «Если ты любишь кого-либо больше, нежели он того заслуживает, то ты не любишь себя», или «Любовь существует всегда — и в счастье, и в несчастье», или «Любовь, рождённая из почитания, никогда не умирает».

Отношение к браку у королевы не менялось до конца жизни: «Для брака требуется больше мужества, чем для военного похода», «Удовольствия брака не перевешивают его неудобств», «Женщины выходят замуж, чтобы получить свободу… Что за странная свобода!».

Многие историки обращают внимание на то, что между изречениями королевы и её образом жизни существовала

глубокая пропасть. Сентенции «Добрая вера и твёрдое слово правителя должны быть нерушимыми» и «Добрый хозяин должен думать больше о счастье своих подданных, чем о собственном благополучии» являются ярким примером тому. Они явно противоречат практике королевы, гордившейся своим мастерством «диссимиляции» и даже способной пойти на передачу секретов своей страны ради достижения личных эгоистических целей. Или взять высказывание «Правитель должен рассматривать себя как коронованного раба общества». Вся жизнь Кристины является доказательством того, что она не только никогда этому принципу не следовала, но открыто заявляла нечто противоположное. И таких изречений Кристина сочинила достаточно много: «В вопросе о себе легче обманывать других, чем себя», «Любовь сглаживает и уничтожает все ошибки и преступления, а тот, кто любит Бога, невинен» или «Всё покинет нас рано или поздно. Нужно уметь предвидеть это и пойти на добровольный отказ от всего. С того момента мы должны остаться наедине с Богом, Его одного достаточно и для жизни, и для смерти» и т. п.

В Риарио она организовала нечто вроде дискуссионного клуба — «Академию политических и литературных упражнений» *(Accademia Reale)* — и очень много времени отдала ей. Одним из пунктов устава академии был запрет на восхваление собственной персоны, для чего она подбрасывала членам академии такие дискуссионные темы, как: «Человек сам себе враг», «Человек любит лишь однажды» или «Стыдно давать себя обманывать и обманывать других», и с интересом наблюдала, как итальянцы в спорах «ломают копья». Тему обычно излагал основной докладчик, затем выступали его оппоненты и другие члены академии. Перед началом и в конце собрания оркестр играл симфонию. Тайное голосование «академиков» определяло, стоило ли публиковать ту или иную их работу. Кристина, словно на троне, восседала в президентском кресле и своим «чутким» руководством одухотворяла работу клуба.

К концу жизни Кристина прошла через этап определённого переосмысления жизненных ценностей. С. Стольпе пишет: «Мы видели, что девичья вызывающая самоуверенность Кристины основывалась, в частности, на стоическом идеале человека той эпохи. Этот идеал рассыпался… частью из-за уничтожающего опыта, проделанного с помощью всесильной страсти…»[143]

Кристина, внимательно изучавшая труды критиков стоицизма, пошла вслед за ними: «Человек — это пропасть несчастья и неумения; он не знает ни своего тела, ни своей души, но знает только, что он — истинное Ничто, покрытое сверху

тонким слоем жизни, и осознание этого делает его не только умным, но и несчастным, ибо вся философия не меняет его и не исправляет». Кристина полагает теперь, что стоицизм не даёт средств к тому, чтобы человек избежал страданий. Для этого он слишком слаб, а если ему это удаётся, то, значит, страдания были не так велики. Да и нужно ли избегать страданий? Бедность, болезни, боль всегда с нами, и разум не в состоянии утешить нас. Спасение можно найти только в религии.

Кристина верит лишь в то добро, которое является результатом Божьей милости — всё остальное чистой воды эгоизм. «Покой, о котором хвастают философы, — это пустое и ничего не содержащее состояние», — говорит она, а «страсти — это соль жизни». Счастлив ли ты или несчастлив, зависит от силы этой страсти. Но главное, чтобы была страсть.

Несмотря на глубокую эволюцию взглядов, произошедшую в 1668–1676 годах, или благодаря ей сама Кристина считала это время самым счастливым в своей жизни. Но одновременно этот период — самый тёмный для её биографов. О нём сохранились лишь общие и довольно скудные сведения, на основе которых трудно проследить процесс трансформации её мировоззрения от стоического к религиозно-мистическому.

Здравый смысл по-прежнему не изменял королеве. В 1679 году она писала во Францию своему другу Бурдело: «…Что касается меня, то я слепо верю взглядам римской церкви и безоговорочно верю всему, что провозглашают её руководители». В то же время своему камергеру дель Монте во время его пребывания в Стокгольме она писала такие строки: «Я сожалею, что в Стокгольме негде посещать мессу, но человек может найти Бога повсюду… и никакое учреждение, как бы хорошо и свято оно ни было, недостаточно без Него». Или епископу Бёрнету: «Церковь конечно же должна управляться Святым Духом; за время пребывания в Риме я видела четырёх пап и клянусь, ни в одном из них не было здравого смысла».

До определённого времени Кристина, приняв католическую веру и проявляя некоторый интерес к теологии, глубоко и серьёзно богословскими вопросами не интересовалась. Никакие модные течения и взгляды на религию её глубоко не волновали и не задевали. Совершенно безразлично, к примеру, она относилась к янсенизму[144], с которым Ватикан упорно и последовательно боролся многие годы.

После её столкновения с духовником Людовика XIV, иезуитским патером Анатом в Париже, Анна Австрийская предупредила Кристину, что критика иезуитов равнозначна поддержке янсенистов, на что Кристина возразила ей, что

никакого янсенизма она вокруг себя не видит. Таким образом, борьба Римско-католической церкви с этим течением практически её не коснулась, хотя её друг кардинал Аззолино был членом комиссии по борьбе с янсенизмом.

Впрочем, равнодушие королевы Кристины к внутрирелигиозной борьбе было однажды всё-таки поколеблено. Во время поездок во Францию в 1656–1657 годах внимание Кристины неожиданно привлёк совершенно неизвестный слепой марсельский мистик Франсуа Малаваль. Выходец из буржуазной семьи, он, несмотря на свою слепоту, получил солидное теологическое образование, интересовался естественными науками, писал религиозные труды, принимал верующих и лечил их души. В Марселе его считали оракулом. Суть его учения сводилась к пассивному созерцанию жизни и полному подчинению божественной воле, то есть это был в чистом виде квиетизм[145]. Он говорил, что не обязательно быть учёным, чтобы созерцанием подарить душе покой — самые глупые и обычные люди способны на это.

Кристину, которой всегда претили ханжество и лицемерие служителей Церкви, всякие церковные реликвии и церковные таинства, коварные иезуиты и разгульные кардиналы, учение Малаваля заинтересовало. Марсельский «оракул» предлагал простой, мягкий и доступный путь к миру и спокойствию. Королева встретилась с ним, побеседовала, и он заронил в её душу семя сомнения. Между ними началась переписка. Это, по всей видимости, и стало началом пути, по которому Кристина пошла в своих душевных исканиях. Других видимых событий потом вроде бы не происходило.

Косвенным доказательством того, что среди её интересов был квиетизм, является упомянутая выше переписка с Аззолино из Гамбурга. В письме кардиналу от 15 сентября 1666 года, отвечая на продолжавшуюся в Риме критику её поведения, она пишет: «Я прошу Вас от моего имени передать патеру Фозио, что он напрасно теряет время своими просьбами, чтобы я стала святой, ибо я никогда не смогу обладать достаточной добродетелью для этого, а также достаточной низостью, чтобы притворяться таковой… Я непременно попытаюсь достать *L'interieur Chretien* и, как только мне это удастся, послать её Вам». Книга «L'interieur chretien»[146] в 1659 году была написана нормандским отшельником Анри де Верньером де Лувиньи и являлась своеобразной программой квиетизма.

Кристине всегда был чужд аскетизм: «Что плохого в том, что человек хочет развлечений?» или «Богу причиняют немало неприятностей, когда думают умилостивить Его подобными

глупостями». (Кстати, именно на этой почве у неё и произошёл конфликт с последним папой в её жизни Иннокентием XI.)

В Италии получила распространение испанская форма квиетизма. Римско-католическая церковь считала квиетизм одной из опаснейших разновидностей еретичества и вела с ним непримиримую борьбу. Квиетизм, в отличие от официальной католической религии, был доступной формой общения с Богом без всяких посредников и легко воспринимался всеми слоями населения. Иезуиты, например, разработали целую систему приёмов для культивации души, создали подробнейшие рекомендации о том, как человек должен был себя вести в определённой ситуации, но система была слишком сложной, для многих непонятной и утомительной. У тех, кто пытался ей следовать, всё оставалось по-старому: душа — голодной и неудовлетворённой и там, где была.

Квиетисты же нашли простое и эффективное решение. Человеку не надо было напрягаться, делать над собой какие-либо усилия и разбивать лоб до крови, чтобы быть услышанным на небесах. Достаточно было лояльно настроиться к Богу и в тишине прислушаться к Нему. Молитва могла быть пассивной, ожидающей, воспринимающей, и не было надобности в том, чтобы постоянно думать о Христе, триединстве или о каких-нибудь иных христианских догмах и божественных атрибутах. Если Бог говорил с пассивно настроенной душой — хорошо, если нет — ничего страшного, никаких попыток приблизиться к Нему делать не надо. Достаточно, если человек хотя бы раз в жизни искренно отдаст себя Богу. Если на его пути появится искушение — пусть: и искушение имеет отношение к всевластию Всевышнего.

Не удивительно, что в Италии квиетизм нашёл многочисленных сторонников. Многие священники и кардиналы пришли к выводу, что традиционные устные молитвы и другие упражнения верующих были необязательными и бесполезными. Даже сам верховный понтифик симпатизировал квиетизму, но инквизиция была на страже, и в стране против квиетистов прошло несколько процессов.

Самым видным квиетистом в Италии был испанский священник Мигуэль Молинос (1627–1696), пользовавшийся на первых порах благосклонностью самого Иннокентия XI и кардинала Аззолино. Он приехал в Италию в 1663 году и с помощью Аззолино был введён в дом Кристины. Он использовал палаццо Риарио как своеобразную платформу для пропаганды своего учения и стал популярным как среди церковников, так и во всех слоях населения. Многие считали его святым. Его книги

быстро распространялись среди верующих и были переведены в других католических странах.

Квиетизм стал лишь подсобным инструментом Кристины на пути к Богу. Д. Мэссон пишет, что учение Молиноса привлекло Кристину тем, что оно совпало с её жизненным убеждением — считать себя подотчётной одному лишь Господу. Мигуэль Молинос практически стал её исповедником, но в то же время у историков практически нет никаких данных, что королева целиком и полностью поддерживала его учение. Несомненно, он казался ей симпатичным, ей импонировала его критика внешней набожности Ватикана и лицемерия иезуитов, но, по всей видимости, не более того. Она продолжала считать мессы основным способом обращения к Богу, не приняла тезис Молиноса о так называемой мистической смерти («Думается, мистическая смерть — это какая-то химера») и «болтовню» о совершенном человеке («Кто из нас не грешник? Совершенства на земле нет»), не соглашалась с тезисом об абсолютном покое в этой жизни. Наибольший отпор королева оказала положению квиетизма о том, что душа человека, освободившая себя от воли и особенно подверженная нападкам дьявола, не может служить основой для обвинения в самых страшных прегрешениях, совершённых обладателями таких опустошённых душ. Она вполне трезво считала, что дьявол здесь вовсе ни при чём.

Ватиканская верхушка скоро заметила, что верующие толпой валили к Молиносу и его последователям. Народ стал говорить о бесполезности церковных таинств, а монахи и монахини — считать себя безгрешными, приписывая все грехи дьяволу. Народ переставал нуждаться в римских священниках как в посредниках между собой и Богом. Власть папы и кардиналов могла рухнуть в одночасье, и смириться с этим никто не хотел. И Церковь зашевелилась. Когда Молинос стал подвергаться преследованию со стороны Ватикана, королева не могла остаться в стороне и выступила в его защиту.

Молинос принял критику в свой адрес вполне спокойно. Он вошёл в контакт с генералом ордена иезуитов Оливой и попытался с ним объясниться, но главный иезуит его не понял или не захотел понять, и началась кампания травли «еретика». На поприще теоретизирования победить квиетистов было трудно. И тогда в дело вмешалась инквизиция. Инквизиторы действовали иначе: они поняли бесполезность теоретических споров и взялись за самого Молиноса. Они обнаружили «проколы» в личной жизни проповедника, собрали на него компромат, и одним прекрасным июльским утром 1685 года папские сбиры[147] ворвались к Молиносу в дом, конфисковали около двадцати тысяч писем от

верующих, среди которых были найдены около двухсот писем от королевы Кристины, и увели его в тюрьму. В стране поднялся ропот. У арестованного были многочисленные сторонники в самых знатных и богатых семьях Италии. Папа Иннокентий XI был тоже возмущён арестом «отличного человека». Королева Кристина выразила протест и каждый день посылала в тюрьму своего слугу, чтобы осведомиться о состоянии квиетиста.

Процесс против Молиноса, затеянный инквизицией, не обещал быть простым и лёгким и затянулся на долгие годы. Главное обвинение, заключавшееся в том, что проповеди Молиноса являлись дьявольским искушением, доказать было не так просто, и поэтому инквизиторы сосредоточились на доказательствах его «аморального» поведения. Они обвинили проповедника в неподобающем поведении по отношению к женскому полу. Молинос защищался, но иезуиты были опытными теологами и буквоедами. Постепенно и методично они припирали его к стенке, пока тот не признал себя виновным.

Под удары инквизиции попал и марсельский отшельник Франсуа Малаваль. Он тоже обратился за помощью к королеве Кристине. Французский квиетист полагал, что авторитет королевы в католическом мире был настолько высок, что «любое Ваше одобрение — это печать, которая сможет запечатать рты наших противников» и будет способствовать оправданию Молиноса.

Кристина быстро принялась за дело. В защиту попавших под огонь критики квиетистов она написала несколько писем и выразила епископу Палермскому благодарность за поддержку, оказанную им арестованному Молиносу. Убеждённая в том, что Молинос не виновен и скоро будет оправдан, она допустила неосторожное (или намеренное?) публичное высказывание, что если всё-таки его вина будет доказана, то он должен быть примерно осуждён. Однако в продолжение всего процесса она не переставала интересоваться состоянием здоровья заключённого и посылать ему в тюрьму фрукты и сладости.

Между тем инквизиторы шаг за шагом находили и доказывали всё новые и новые прегрешения Молиноса, и Кристина, очевидно не посвящённая во все детали личной жизни своего исповедника, волей-неволей стала верить в эти доказательства. В конце концов она капитулировала. Королева признала, что Молинос был шарлатан, и, таким образом, пала жертвой ещё одной иллюзии — если, конечно, она сознательно не дистанцировалась от квиетизма и Молиноса.

Двадцать третьего сентября 1687 года состоялся заключительный акт суда над Мигуэлем Молиносом. Перед

лицом всех кардиналов и собравшейся многочисленной публики он отрёкся от своих «заблуждений». Папа Иннокентий XI, постоянно симпатизировавший Молиносу, был вынужден признать суд инквизиции правильным и своим присутствием почтил его последнее заседание. Среди публики не наблюдалось лишь одной знаменитости — бывшей королевы Швеции. Её отсутствие было, конечно, слишком многозначительным. На процессе ни слова не было сказано о конфискации в доме у квиетиста писем Кристины. Здесь чувствуется рука кардинала Аззолино, спасшего королеву от ещё одного публичного скандала. Письма эти исчезли — скорее всего, они были сожжены инквизиторами.

На пути из тюрьмы к месту суда на Молиноса каким-то религиозным фанатиком было совершено покушение, которое, к счастью, не удалось. В зале суда публика исступлённо кричала: «Молиноса на костёр!» или «Еретика в Тибр!»

Оставшуюся часть жизни Молинос провёл в монастыре. Единственное его наказание состояло в том, что он был обязан прочесть какое-то число молитв.

Как Кристина реагировала на приговор, мы не знаем. Один источник утверждает, что королева устроила в своём доме аутодафе из бумаг и книг Молиноса.

Глава двадцать первая
ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Эта наша земля — всего лишь приют, в котором мы останавливаемся на некоторое время.

Кристина

Нигде не найти покоя тому, кто не нашёл его в себе.

Ф. Ларошфуко

Годы шли, королева старела, но энергии у неё ещё хватало на всё.

Она с удовольствием отметила разгром Яном Собесским турок под Веной (1683). Мир продолжал удивлять её, и она старалась понять его и предсказать ход событий: «В нашем столетии все вооружены до зубов. Все следят и наблюдают друг за другом, и трудно понять, кто же больше всех испытывает страх. Никто не знает, чего он хочет и что должен делать».

Более-менее упорядочивались её дела в Швеции. Когда у Карла XI родился сын, королеву пригласили в Стокгольм на его крестины. Возраст не позволял ей отправиться в дальнее путешествие, но стать крёстной матерью принца и будущего короля Карла XII она любезно согласилась.

Натянутыми оставались лишь отношения с римским папой. Апологеты Кристины рисуют образ нового и последнего в её жизни понтифика в самых неприглядных красках, а его понтификат — самым неудачным в истории Ватикана. А между тем уже сразу после его смерти Ватикан стал обсуждать вопрос о причислении папы к лику святых. Кстати, Иннокентий XI довольно лояльно относился к королеве Кристине и при всех её выпадах сохранял философскую снисходительность: «Женщина! Чего с неё возьмёшь?» В том, что отношения с ним испортились, виноваты неуёмная гордость и амбиции королевы. К описываемому времени её чувство собственного достоинства приняло гипертрофированный вид. После поражений на «домашнем» фронте, то есть в Швеции, неудач с коронами Неаполя и Польши авторитет Кристины сильно упал, и для того чтобы совсем не сойти с политической сцены, ей пришлось

предпринимать дополнительные усилия.

Впрочем, аскет Иннокентий XI — обычный церковник, воспитанный в ортодоксальном духе с пренебрежением к аристократическим замашкам, не интересовавшийся искусством и плохо владевший теологией, не бывавший за границей, жёсткий пуританин, скрытый женолюб, но не сладострастник — и любительница роскоши, утончённая поклонница всех муз королева Кристина были обречены на разногласия. Умная, образованная и воспитанная женщина не могла подняться над своим оскорблённым самолюбием и прибегла к тактике мелких, недостойных уколов. Увидеть в Иннокентии XI человека, пытавшегося отстоять и утвердить достоинство Церкви, она так и не смогла. Мелкая обида застила глаза. А Церковь? Церковь ей была всегда безразлична.

В 1686 году Кристина написала: «Папа выглядит как человек лет на восемьдесят, поправляющийся после серьёзной болезни. Можете вообразить, как велика могла быть моя радость, если бы он не выжил. Но он имеет так мало склонности приносить пользу человечеству, что не доставит мне даже такой сатисфакции… а поскольку он медлителен во всём, то он не будет спешить со смертью». Тут она окажется права: Иннокентий XI переживёт королеву — правда, ненадолго, всего лишь на несколько месяцев. А ещё совсем недавно она писала: «…Что касается меня, то я слепо верю взглядам римской церкви и безоговорочно верю всему, что провозглашают её руководители». Вероятно, в этот момент ей было выгодно так считать.

Критику в свой адрес Кристина встретила своеобразным манифестом: «Королева не выбирает неудобные выражения наугад, она не оправдывает свои поступки и слова ни перед кем, кроме Бога. Она всегда действовала и говорила свободно и будет продолжать делать это до самой своей смерти, независимо оттого, одобрят это кардиналы или нет. Они должны знать, что скорее можно отучить рычать льва, нежели заставить Её Величество изменить манеры речи».

Поводом к ссоре королевы с папой послужили меры, принятые Иннокентием XI по наведению порядка в дипломатическом корпусе Рима. Дипломатические миссии де-факто распространили свою экстерриториальность не только на резиденции, но и на окружавшие их участки города, где селились бродяги и спасавшиеся от правосудия преступные элементы. Кристина тоже частенько укрывала у себя во дворце людей сомнительного поведения и нрава[148].

Королева на первых порах была вынуждена согласиться с мерами по наведению порядка в дипломатических кварталах,

которые в феврале 1687 года стал проводить комендант Рима кардинал Империале. Комендант рассчитывал, что Кристина покажет другим дипломатам, в первую очередь французам, пример. Но королева разрушила эти надежды. Однажды ко дворцу Риарио прибежал человек, за которым гналась городская милиция. Он ухватился за решётку ворот и стал громко просить защиты. Кристина приказала своей страже впустить беглеца на территорию дворца, но поскольку человека уже крепко держали городские стражники, королевским гвардейцам пришлось применить силу. Они буквально вырвали несчастного из рук милиции и под одобрительные возгласы толпы завели его на территорию Риарио.

Ватикан не мог пройти мимо такого грубого нарушения общественного порядка и потребовал от Кристины передать «подзащитного» городской страже, наказать своих слуг и извиниться. Но не тут-то было! И то и другое королева сделать категорически отказалась. Более того: она потребовала оправдания действиям своих слуг и удовлетворения со стороны папы! Естественно, понтифик не стал применять силовых мер, но постарался нарушить вокруг королевы «режим благоприятности». Однако корзину с фруктами в Риарио всё-таки послал.

А Кристина демонстративно вступила в альянс с французским послом Лаварденом, получившим от Людовика XIV приказ восстановить принцип экстерриториальности для своего посольства в Ватикане в полном объёме. Лаварден, сменивший умершего в начале года герцога д'Астре, прибыл в Рим в ноябре 1687 года в сопровождении целой воинской части численностью в тысячу человек(!), поселился во дворце Фарнезе, поднял французский флаг, расположил своих солдат лагерем вокруг дворца и распорядился патрулировать все соседние улицы. Практически он занял целый квартал Рима и стал полновластным его хозяином. Кристина тепло встретила посла и оказала ему всяческую моральную поддержку.

Официальный Ватикан признать посла Людовика отказался, на аудиенцию к папе не допустил, а потом и вообще подверг экскоммуникации, то есть отлучению от церкви. Но шевалье Лаварден на всё это плевал: он решил сидеть в Риме до тех пор, пока папа не отдаст Богу душу и не выберут нового понтифика. И вот в этом предприятии Людовик XIV надеялся найти союзников в лице Кристины и Аззолино.

Кристина ухватилась за протянутую руку французского короля, поскольку увидела в этом шанс продвинуть на папский престол своего друга. Как к этому отнёсся сам кардинал Аззолино, доподлинно неизвестно. Но если судить по тому, что

он всё время был рядом со своей неугомонной подругой, то напрашивается вывод, что особых возражений к такому раскладу событий у него не было. Оставалось только ждать смерти Иннокентия XI. Но папа со своей кончиной не торопился.

Конфликт между самым сильным королём Европы и верховным понтификом разгорался всё сильнее. В сочельник 1688 года Париж поставил Рим перед ультиматумом: либо папа признает Лавардена, либо Франция вводит войска в Италию. Детронизация Якова II в Англии заставила Кристину вспомнить о том, к чему могут привести насильное обращение людей в иную веру и вмешательство иезуитов в мирские дела. Она уже договорилась до того, что Иннокентий XI якобы тайно помог Вильгельму Оранскому прогнать Якова II и утвердиться на английском троне. Это был явный абсурд, созданный галльским честолюбием Лавардена и его агентов, и ей вдруг становится ясно, что своими действиями она подрывает всякую основу для дальнейшего пребывания в Риме, и в то же время она осознаёт, что не может представить своё существование вне Рима.

Курфюрст Бранденбурга, словно угадав её мысли, направляет к ней своего эмиссара камергера Добржинского и делает через него предложение поселиться в курфюрстве. Ведь в конечном итоге королева Кристина — его племянница. Вряд ли королева догадалась, что курфюрстом руководили далеко не родственные чувства, а желание пополнить свои доходы за счёт богатенькой родственницы, у которой в Риме дворец битком набит всякими раритетами, драгоценностями и бесценными предметами искусства. Королева уже в годах, и хорошо было бы заблаговременно заманить её к себе в Берлин. Не оставлять же всё проклятым папистам!

Курфюрст обещал Кристине полную независимость и годовое содержание в размере 15 тысяч талеров. Трудно сказать, как бы кончила свои дни бывшая королева Швеции, если бы переговоры не упёрлись в одну мелкую деталь: Кристина в качестве условия потребовала для себя суверенитета, то есть предоставления ей таких же прав и почестей, как самому курфюрсту. Этого Георг Вильгельм допустить не мог — суверенным в его княжестве мог быть только один человек — он сам. И дело о переезде в Бранденбург, к счастью, заглохло.

В это же время Кристина снова стала тормошить папу вопросами о борьбе с Османской империей, за что, как пишут многие биографы королевы, якобы Его Святейшество лишил её пенсии Ватикана. Историки ссылаются на гордое заявление Кристины: «Я получила от Вас приятное известие… Одному Богу известно, что я говорю правду: эти 12 тысяч эскудо, подаренные

папой, были единственным тёмным пятном в моей жизни. Я приняла их тогда, как из Божьих рук, от великодушного друга Климента IX, но они унизили мою гордость. Теперь Господь Бог освобождает меня от этого, и я рада, словно Он подарил мне целое царство. Я от этого не обеднею, обеднеют многие люди, которые в этом нуждаются и которым я раздавала подачки…»

На самом деле пенсии Кристина лишилась за четыре года до того, как поссорилась с папой. И папа через кардинала Аззолино честно объяснил ей причины такого шага — причины, которые ей должны были быть понятны и близки: нехватка средств на войну с турками. Но королеве было важнее защитить своё королевское достоинство, и она стала в позу, заявив, что пенсия была самым большим унижением в её жизни. Когда папа в знак примирения прислал ей корзину с фруктами[149], она демонстративно отказалась от неё и сказала, что осаждающий в осаждённую крепость продукты не доставляет. Утешительный дар Иннокентия XI она восприняла как попытку подкупить её!

…А королева всё старела и по меркам того времени достигла уже преклонного возраста. Возраст во многом сгладил её независимый и порывистый характер, но угли былой энергии ещё тлели в её душе и время от времени давали пламя. «За последнее время я вряд ли стала более красивой, — писала она Мадлен де Скюдери, французской писательнице, автору нашумевших в Европе „легкомысленных“ романов, — но все мои хорошие и дурные качества остались такими же живыми. И я по-прежнему очень недовольна собственной персоной… Моё здоровье, кстати, отличное, и я ещё буду пребывать в добром здравии, покуда Господь этого хочет. По своей природе я питаю отвращение к старости и не знаю, как стану к этому привыкать. Если бы я могла выбрать между старостью и смертью, полагаю, я бы без колебаний выбрала последнее».

Это, конечно, грубое кокетство — до последних своих дней Кристина не теряла интереса к жизни и к тому, что происходит в мире. Отсутствие информации приводило её в отчаяние, и она продолжала поддерживать переписку со многими европейскими политиками и дипломатами. «Рим — это место, где действительно можно узнать правду, — писала она Бурдело в Париж, — и у меня повсюду есть друзья и слуги, которые снабжают меня сведениями о событиях. Вы должны мне направлять интересные новости из Франции, но Вы, как и прежде, всё ещё дрожите от страха: какого чёрта Вы боитесь теперь, когда Вам уже за восемьдесят?»

Королева до конца своих дней сохраняла прозорливость и

острое чувство реальности. Она одна из первых поняла опасность экспансии Оттоманской империи и подняла тревогу. Она предсказала большую роль английского флота в будущем и возрастание влияния в мире Франции. Что касается Швеции, то её прогнозы на будущее были довольно пессимистичны: «Следует привыкнуть к тому, чтобы Швецию больше не брать в расчёт. Развитие событий показывает, что страна ничего не хочет и ничего не может. Бедная Швеция! Кто бы мог подумать, что всё кончится для неё так плачевно и что у неё не будет иных врагов, кроме её самой». Здесь долговременный прогноз «проницательной» королевы тоже был правильным, хотя она и не угадала взлёта страны при Карле XII.

Характер с возрастом портится.

Старческое раздражение чувствовали и слуги дворца Риарио. Королева страдала бессонницей, бесцельно бродила по залам дворца, вызывала слуг и просила зажечь свет. Хозяйство дворца упростилось до минимума, потому что апанаж опять выплачивался нерегулярно, и Кристина была вынуждена продавать книги и драгоценности, чтобы поддержать не только себя и своих слуг, но и многочисленных писателей, художников, артистов. Последнее время в Риарио жила подобранная королевой вместе с сестрой способная певица Анжелина Джорджини, выполнявшая одновременно обязанности её компаньонки.

В 1688 году в палаццо Риарио получил аудиенцию шведский путешественник Мортен Тёрнъельм, который оставил краткое описание внешнего вида королевы Кристины:

«Королева чисто и хорошо говорила по-шведски и, расспросив меня о том о сём про Швецию, стала рядом со мной у окна и, опершись правой рукой на подоконник и направив взор в пол, некоторое время простояла в молчаливой задумчивости. Наконец она протянула мне руку для поцелуя и пожелала мне счастливого пути. На королеве было платье из чёрной ткани, собственные волосы её на голове были волнисты, без всяких бантов или украшений; лицо её и тело были полными, ростом была совсем не высокой».

Французский путешественник Франсуа Максимилиан Миссон оставил нам другой портрет королевы, записанный в апреле 1688 года: «Ей более шестидесяти лет: ростом очень маленькая, очень полная. Если обратить внимание на кожу, голос и черты лица, то она производит впечатление мужчины: крупный нос, большие голубые глаза, светлые брови, двойной подбородок с признаками бороды, слегка выпяченная нижняя губа. Волосы русые, средней длины, напудрены, растрёпаны и со лба не расчёсаны, улыбчивый

и приветливый внешний вид. Представьте себе в качестве костюма плотно прилегающий мужской сюртук из чёрного сатина, достающий до колен и застёгнутый на все пуговицы; очень короткая чёрная юбка, не скрывающая мужских башмаков, очень большой чёрный бант вместо шейного галстука, пояс вокруг сюртука, врезающийся в живот и подчёркивающий её округлые формы».

Шведский архитектор и художник Никодемус Тессин-младший, посетивший королеву за год до её смерти, в своём описании внешнего вида и манер Кристины также обращает внимание на её привычку расспрашивать собеседника, стоя у окна и опершись на подоконник. Почти у каждого, кто её посещал, она интересовалась, женат ли он, и в случае положительного ответа делала какое-нибудь язвительное замечание. Н. Тессину она сказала: «Надеюсь, вы хорошо прежде подумали…» Согласно рассказу Тессина, Кристина, не стесняясь присутствия мужчин, могла подойти к камину, подтянуть до бедер юбку или платье и погреться у огня. По этому поводу шведский поэт Хейденстам сочинил фривольное стихотворение под названием «Королева Кристина в Риме»[150]:

Куранты на башне пробили.
Над Римом сгустилась гроза.
Кристина, всем телом дрожа,
Оставив престол свой фамильный,
Согреть у камина не может
Ни руки, ни ноги. Глядит
На тени на стенах, дрожит,
Но совесть её уж не гложет.
Бьёт злобною палкой в кararе,
Сшибаясь с ним в яростной стычке.
И, верная старой привычке,
Ворча, поворачивает к жару
То место, что было на троне,
Задрав свою юбку повыше.
А дьявол гуляет по крыше,
И ветер гудит на тромбоне…

Некоторые из посетителей дворца Риарио отмечали, что в последние годы жизни королева Кристина, мягко говоря, «опустилась» и личную гигиену не очень соблюдала. Один француз утверждал, что поскольку королева не любила носить шляпы и перчатки, она всегда выглядела запачканной и неряшливой, как цыганка. Многие отмечали у неё тёмный цвет

кожи. С. Стольпе полагает, что это могло объясняться обычным солнечным загаром, поскольку королева никогда не обращала внимания на моду и, в отличие от светских дам своего времени, от солнца не пряталась.

В архиве королевы за 1689 год сохранилось письмо от так называемого Лионского предсказателя, в котором этот помешанный человек призвал её уничтожить в своём доме все «неприличные» картины и скульптуры и пригрозил ей смертью в том же году, если она не выполнит его рекомендаций. Все входящие письма, относящиеся к этому периоду, содержат пометки и комментарии Кристины, но на письме Лионского пророка никаких пометок нет, хотя письмо наверняка было ею прочитано. Судя по всему, оно было получено в тот момент, когда её уже ничто в этом мире не волновало. Она доживала свои последние дни в полном соответствии с рекомендациями квиетистов.

Накануне получения этого письма Кристина приказала изготовить себе из белой атласной материи необычное одеяние — нечто вроде мантии или ризы, украшенное золотой вышивкой и бахромой. В Рождественский сочельник 1688 года она надела это платье и вышла прогуляться по дворцу. Она долго и молча бродила по пустым залам, пока не наткнулась на сестёр Пассаглия. Подойдя к зеркалу, она сказала:

— Вот смотрю на себя в зеркало и думаю, что скоро по очень важному случаю мне придётся надеть это платье.

Потом взглянула на одну из сестёр, Джулию, и спросила её:

— Сибилла[151], скажи своё пророчество: на какой церемонии оно мне понадобится?

— Простите меня, мадам, — ответила старая служанка, — но скоро Ваше Величество будет похоронена в этом платье.

Все от испуга замерли, а потом закричали о том, какой вздор несёт эта глупая девица, но Кристина остановила их и произнесла:

— Сибилла сказала правду. Именно об этом я и думала.

В начале 1689 года королева заболела — возникла рожа на ногах — и призвала к себе лекарей. 13 февраля у неё закружилась голова, и на некоторое время она потеряла сознание. Поднялась высокая температура, ноги опухли. Через три дня приступ повторился, и она снова потеряла сознание. На всякий случай её причастили. Потом к роже добавилось воспаление лёгких. Вице-король Неаполя дон Лоренцо Колонна написал Кристине письмо с обещанием отправить к ней трёх своих лучших лекарей. Аззолино непрестанно находился рядом.

Кристина отлично понимала, что означали эти зловещие

болезни, но приняла их довольно спокойно: «Как бы ни приятна и ни славна была жизнь, было бы большим несчастьем, если бы она не кончалась… Долгая жизнь — это долгое ожидание смерти». В марте она составила завещание, которое начиналось словами: «Мы, Кристина, Божией милостью королева Свеев, Готов и Вендов, настоящим актом извещаем, что Мы, снова подверженные недомоганию, способному сократить жизнь Нашу, пока с Божьей помощью можем здраво думать о спасении Нашей души и, благодаря дарованной Господом Богом власти, распоряжаться Нашим имуществом, выражаем Нашу волю…»

Как можно было предполагать, всё своё имущество, за исключением, разумеется, долгов, она завещала кардиналу Аззолино. Бросается в глаза, что ни одного слова в адрес шведов в завещании произнесено не было. Что это: обида, забывчивость или нечто иное? Э. Хоке считает, что Кристина должна была написать для шведов особенное завещание, но не успела. Вряд ли. Такая женщина, как Кристина, такие вещи не забывала.

В последнее время королева состояла в переписке со своим представителем в Стокгольме Оливеркрансом и настоятельно просила его приехать к Пасхе в Рим: «Я сгораю от нетерпения увидеть Вас и ожидаю Вас, как евреи ждали Мессию. Мне нужно сказать Вам тысячу вещей, о которых писать не могу. Надеюсь, Вы будете мною довольны, как и я Вами; долго держать Вас не стану, Вы скоро вернётесь обратно». Что королева хотела сказать Оливеркрансу и чем он мог быть доволен, неизвестно. Эту тайну, как и многие другие, Кристина унесла с собой. Оливеркранс живой её не застал.

Ей захотелось примириться с папой Иннокентием XI, и она написала ему пространное письмо с изъявлениями покорности и просьбой о прощении. Тронутый до слёз папа, сам также тяжелобольной, направил к королеве одного из своих секретарей синьора Антонио Пиньятелли дель Растрелло, будущего папу Иннокентия XII (1691–1700), и заверил её в том, что подвёл черту под всеми их спорами и противоречиями и дал ей отпущение всех грехов.

Сам папа из-за тяжёлой болезни прийти к ней не смог, и процедуру совершил кардинал Оттобони, будущий папа Александр VIII.

Последние дни королевы омрачились одним неприятным эпизодом, который, по всей видимости, и ускорил её смерть.

Сёстры Джорджини сыграли роковую роль в жизни Кристины. В красавицу Анжелину был влюблён директор Французской академии в Риме скульптор Теодон. У матери сестёр — Катарины Джорджини — было очень много хлопот, связанных с тем, чтобы

её красавицы-дочери не стали жертвой насилия или дурного обращения со стороны многочисленных кавалеров. С разрешения королевы Кристины мадам Джорджини поселилась в палаццо Риарио, чтобы не спускать глаз со своих дочерей.

У скульптора Теодона между тем появился соперник в лице аббата Ванини. Аббат уже успел ранее отличиться на поприще ухаживания за хористками Кристины, одну из которых пришлось уволить, поскольку та оказалась в довольно интересном положении. Королева знала, кто был виноват в этом, и затаила на Ванини злобу. (Нужно вспомнить, что Кристина не выносила вида беременных женщин.)

Скоро аббат Ванини подобрал «ключик» к сердцу синьоры Катарины и отправился на «охоту». Это было 4 марта 1689 года. Кристина лежала больная у себя в спальне, и аббат был уверен, что никто ничего в доме не услышит и не заметит. Когда синьорина Анжелина то ли после репетиции, то ли после концерта вернулась в свою комнату, то увидела там свою мамашу, ненавистного аббата Ванини с несколькими слугами королевы и празднично накрытый стол. Она вскрикнула от неожиданности и хотела было убежать, но аббат бросился к ней в ноги и стал умолять не кричать и остаться. Хористка не послушалась и продолжала во весь голос звать людей на помощь. Между тем все, включая слишком доверчивую или подкупленную мамашу, из комнаты ускользнули и оставили аббата наедине с его жертвой.

Крика Анжелины никто не услышал, но зато Кристина услышала над собой звуки падающей мебели и проснулась. Она позвала слуг и кавалеров из драбантской комнаты, и по её приказанию они бросились наверх и всё увидели. Среди драбантов оказался и Теодон, который тигром набросился на аббата Ванини и стал «рвать его в клочья». Если бы ему не помешали, аббат был бы задушен. Послали за братом кардинала Аззолино, чтобы посоветоваться с ним о том, что делать с любвеобильным аббатом. Тот сообщил, что Ванини пользуется покровительством влиятельных лиц, и его пришлось отпустить с миром. Королеве рассказали, что причиной шума оказались кошки. Казалось, инцидент был исчерпан.

К середине марта Кристина поправилась и сообщила об этом некоторым своим друзьям. Король Карл XI написал ей из Швеции почтительное письмо и поздравил с выздоровлением. Годом раньше Кристина обменялась письмами с его маленьким сыном принцем Карлом, будущим Карлом XII[152]. Выздоровевшая королева обнаружила, что Анжелина Джорджини куда-то исчезла. На недоуменные вопросы ей ответили, что хористка заболела и

съехала из дворца. Кристина приказала доставить её в Риарио. При очном свидании с королевой Анжелина расплакалась и поведала о том, что с ней случилось в злосчастную ночь 4 марта.

Кристина пришла в бешенство, позвала к себе слугу по имени Мерола и приказала ему убить Ванини. Мерола был неаполитанцем, и дважды повторять ему приказание не потребовалось. Он нашёл убежище у шведской королевы, спасаясь от наказания: на его совести была смерть двух папских сбиров. Мерола немедленно отправился к Ванини, но убивать его по каким-то причинам не стал, а попросил убраться подобру-поздорову из Рима. Долго упрашивать аббата не пришлось, он дал Мероле щедрое вознаграждение и тут же исчез в неизвестном направлении. Мерола вернулся в Риарио и доложил хозяйке, что задание выполнено. Сообщение было воспринято с глубоким удовлетворением.

И снова Кристина поняла, что её обманули. Каким-то невероятным способом до неё дошли слухи, что аббат Ванини живёт и здравствует в городе Субьяко. От негодования она не могла произнести ни слова, но ей удалось встать с кресла, найти смертельно напуганного Меролу и протянуть обе руки к его горлу, чтобы задушить негодяя на месте. Меролу спасло то, что у Кристины закружилась голова, она потеряла сознание и рухнула на пол.

Это произошло 14 апреля 1689 года. Жить ей осталось пять дней.

Её последним исповедником стал известный богемский кармелит патер Славата. Кардинал Аззолино был тяжело болен и мог только молиться о спасении души своей подруги.

Согласно точным исследованиям П. Энглунда, в полдень 19 апреля 1689 года Кристина попыталась левой рукой погладить себя по горлу, чтобы смягчить боль, но рука бессильно упала. Жизнь кончилась. Рядом с ней стояли больной Аззолино и служанка.

Кристина завещала похоронить её просто, тихо и спокойно, но этому воспротивился папа. При жизни он её преследовал, а умершую решил «вознаградить» по достоинству, то есть похоронить с помпой, по высшему разряду. И мёртвая, Кристина продолжала служить разменной монетой в большой политике.

Королеву одели в то самое белое с золотой вышивкой атласное платье, примеренное ею накануне Рождества, а поверх него надели монашескую накидку. На лицо умершей наложили тонкую серебряную маску, точно повторяющую все его черты и складки.

Тело умершей четыре дня лежало в палаццо Риарио на

катафалке, обитом золотой парчой с тремя коронами династии Васа. В пятницу 22 апреля при зажжённых факелах и в сопровождении лейб-гвардейцев гроб на катафалке отвезли в церковь Святой Марии в Валичелле, находившуюся под управлением Аззолино. На следующий день там в присутствии коллегии кардиналов была отслужена заупокойная месса. Аззолино с тремя кардиналами стоял в почётном карауле у гроба.

Из церкви гроб с телом Кристины в сопровождении огромной процессии перенесли в собор Святого Петра. Процессию возглавляли мальчики-школьники и дети из приютов, за ними шли представители не менее шестидесяти различных орденов, братств и сообществ, включая «любимых» иезуитов, потом монахи из пятнадцати римских монастырей — все с крестами, хоругвями и зажжёнными свечами по пять человек в ряд. Вслед за ними шли служители церкви Святой Доротеи (на территории их прихода находился дворец Риарио), слуги королевы, певцы, музыканты и др. И уже за ними, высоко на руках, плыли носилки с гробом. На голове умершей королевы была корона, в руке — скипетр; тело было завёрнуто в белое с золотым шитьём одеяние, сверху которого был фиолетовый, подбитый горностаем плащ. Гроб несли слуги Кристины, рядом шли служители её двора, а впереди — последний её фаворит граф Уорвикский и герцог Нортумберлендский Роберт Дадли. За носилками шествовали конная швейцарская гвардия, папские герольды, церемониймейстеры, камергеры, епископы, кардиналы. Процессию завершали десять карет, принадлежавших королеве.

В соборе Святого Петра тело с короной и скипетром опустили в кипарисовый гроб, рядом в особом ящичке положили несколько её медалей и гербов, гроб опустили в простой, деревянный, и поставили его в склеп, так называемый *Grotte vecchie,* где он до сих пор находится в мраморном обрамлении, снабжённый надписью:

D. O. M.

Corpus Christinae Alexandrae

Gothorum Suecorum Vandalorumque Reginae

Obiit die XIXAprilis MDCLXXXIX[153]

В своём завещании королева Кристина недвусмысленно

просила: «Наше желание также состоит в том, чтобы наше тело было облачено в белое платье и похоронено в церкви Ротонда[154] или в другом месте на усмотрение наших наследников, но без выставления гроба напоказ и без всякой помпы и других знаков тщеславия».

Но она уже была мертва, и никто не уважил эту её последнюю волю. Кардинал Аззолино попытался напомнить об этом, но его тоже никто не послушал.

Испытательный срок жизни мятежной души закончился.

Ради личной свободы и ненасытной жажды познания мира она сложила с себя королевские регалии — как потом выяснилось, по ложным мотивам. Свобода без короны имела не менее горький привкус ограничений, а интеллектуальный поиск закончился поражением и примирением с реальной действительностью.

Но разве тускнеет от этого её необыкновенная личность в свете истории и в глазах потомков? Разве не состоит смысл всей нашей жизни в том, чтобы не удовлетворяться достигнутым, а стремиться к углублению нашего познания мира? Жизнь королевы Кристины — это яркий пример личности, бросившей вызов своей судьбе и пытавшейся подняться над внешними обстоятельствами.

Даже с точки зрения современного человека королева Кристина выглядит необыкновенной женщиной. Её мужество и смелость, вера в права и свободу человека, признание духовных и религиозных ценностей намного перевесили её недостатки и ошибки, в которых она, собственно, вряд ли была виновата. К тому же она сполна оплатила их своими страданиями.

Она следовала своему гению и не обращала внимания на то, что о ней говорили.

«В поисках правды и Бога, стремясь к познанию, она пыталась подняться над вещами и проникнуть в их тайну — живой человек и сильная личность»[155].

СЕРЕБРЯНАЯ МАСКА (вместо эпилога)

В декабре 1965 года склеп с телом Кристины был вскрыт.

Взорам учёных предстали жалкие останки той, чьи дела и помыслы когда-то влияли на судьбы королевств, определяли действия правительств, армий, дипломатов, вдохновляли учёных и людей культуры и искусства.

Тлен и прах, прах и тлен…

Хорошо сохранились только золотой скипетр, вложенный в руку умершей 276 лет тому назад, и серебряная маска на лице. Теперь, покрывая лишь усохший череп, она единственная казалась здесь живой. Выражение изображённого лица, в зависимости от угла зрения, удивительным образом менялось: то оно казалось наполненным миром и покоем, то через него проглядывали мрак и горечь.

Если же на неё смотреть сзади, то кажется, она над вами насмехается…

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОРОЛЕВЫ КРИСТИНЫ (даются по новому стилю)

1626, 8 декабря — родилась принцесса Кристина.

1632, 16 ноября — гибель отца Густава II Адольфа под Лютценом.

1633, 14 марта — Кристину объявляют королевой Швеции.

1636 — Кристину отлучают от матери.

1644, 7 декабря — восхождение Кристины на престол Швеции.

1645, 13 августа — заключение мира с Данией в Брёмсебру.

1646, январь — в Стокгольм прибывает посол Франции Пьер Шану.

1648, февраль — П. Шану сообщает в Ватикан о желании Кристины поменять веру.

24 октября — заключение Вестфальского мира.

1649 — Карл Густав объявляется наследником Кристины на королевском престоле Швеции.

Сентябрь — Рене Декарт прибывает в Стокгольм.

1650, 2 февраля — смерть Декарта.

26 октября — коронация Кристины.

1651, лето — патер Мачедо отправляется по поручению Кристины в Рим.

18 августа — Кристина на заседании Государственного совета объявляет о своём намерении отречься от престола.

1652 — иезуиты Малинес и Кассати, лекарь Пьер Бурдело появляются при дворе Кристины.

2 августа — в Стокгольм прибывает посол Испании А. Пиментелли дель Прадо.

1653, лето — Бурдело покидает Стокгольм.

Осень — падение фаворита графа Магнуса Делагарди.

1654, 6 июня — Кристина отрекается от престола и передаёт власть Карлу X Густаву; смерть канцлера Акселя Оксеншерны.

24 декабря — Кристина тайно принимает католичество в Брюсселе.

1655 — смерть Марии Элеоноры, матери королевы Кристины.

3 ноября — Кристина принимает официальное крещение в Инсбруке.

20 декабря — торжественный въезд Кристины в Рим.

1656, июль-сентябрь — первое посещение Кристиной

Франции.

22 сентября — кардинал Мазарини подписывает тайный договор в поддержку притязаний Кристины на корону Неаполя.

Сентябрь — начало «сидения» в Пезаро.

1657, июнь — Кристина вторично посещает Францию.

Ноябрь — казнь Мональдески в Фонтенбло.

1658, март — Кристина покидает Францию и возвращается в Рим.

1660 — смерть Карла X Густава, провозглашение его сына Карла XI наследником шведского престола.

Октябрь — Кристина появляется в Швеции.

1661, май — Кристина покидает Швецию.

1666, июнь — Кристина по шведским делам приезжает в Гамбург.

1667, май-июнь — Кристина совершает вторичную поездку в Швецию.

1668 — Кристина претендует на корону Польши.

1681 — Кристина возобновляет работу над автобиографией.

1689, 19 апреля — смерть королевы Кристины.

БИБЛИОГРАФИЯ

Булгаков М. Жизнь господина де Мольера. Кишинёв, 1987.

Гаршин Е. М. Королева Христина Шведская // Исторический вестник. 1889. Т. XXXVII.

История Европы. В 8 т. М., 1993, 1994. Т. 3, 4.

Мелин Я., Юханссон А., Хедеборг С. История Швеции. М., 2002.

Åberg A. Vár svenska historia. Lund, 1978.

Åslund L. Att fostra en kung. Stockholm, 2005.

Den svenska historien. Stockholm, 1967. B. 4.

Den svenska historien. Stockholm, 1982. B. 5.

Englund P. Den oövervinnerlige. Stockholm, 2002.

Englund P. Ofredsár. Stockholm, 2003.

Englund P. Silvermasken. Stockholm, 2006.

Goldsmith M. Christina of Sweden. New York, 1935.

Grauert W. H. Christina und ihr Hof. Bonn, 1837.

Grimberg C. Svenska folkets underbara öden. Stockholm, 1914. B. 3.

Henrikson A. Svensk historia. Stockholm, 1992.

Hildebrand E. Sveriges Historia. Stockholm, 1926.

Hocks E. Christine Alexandra, Königin von Schweden. Leipzig, 1936.

Kristina Brev och skrifter. Stockholm, 2006.

Lindqvist H. Historien om Sverige. Stockholm, 1992–1998. B. 5.

Magnusson G. Magnus Gabriel. A B «Timbro», 1993.

Marelle L. Königin Christine von Schweden. Berlin, 1933.

Masson G. Queen Christine. London, 1974.

Olofsson S. I. Drottning Christinas tronavsägelse och trosförändring. Uppsala, 1953.

Ranke L. Die römischen Päpste in den letzten vier Jahrhunderten. Leipzig, 1885. B. III.

Stolpe S. Kristina — drottning och rebell. Stockholm, 2004.

Wetterberg G. Levande 1600-tal. Stockholm, 2003.

Whitelocke B. A journal of the Swedish Embassy. 2 vol. London, 1772.

Widl R. Königin Christine von Schweden. Wien, 1989.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Christina

Густав II Адольф, отец королевы Кристины. *1626 г.*

Мария Элеонора, мать королевы Кристины

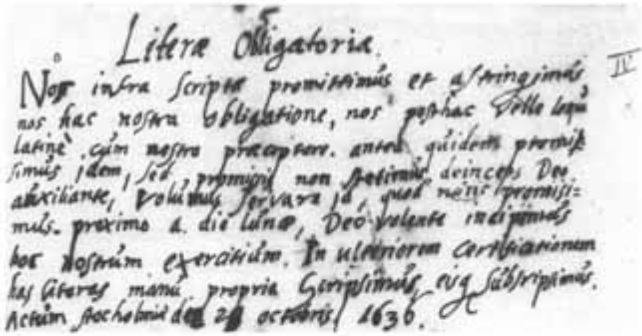
Риксдалер 1632 года

Украшения, заказанные королевой Марией Элеонорой в память о муже

Канцлер Аксель Оксеншерна

Пфальцграфиня Катарина, тётя королевы Кристины

Стокгольмский королевский дворец «Три короны».
Середина XVII в.



Litera Obligatoria.

Nos infra Scripti promittimus et astringimus nos hac nostra obligatione, nos posthac Dalla lingua latinè cum nostro præceptore. antea quidem promisimus idem, sed promissa non præstitimus deinceps Deo adjuvante, volumus servare id, quod nunc promittimus. proximo a die lunæ, Deo volente inchoamus hoc nostrum exercitium. In ulteriorem certificationem has Literas manu propria Scripsimus eig subscripsimus. Actum Stockholmiæ die 28 octobris 1636.

Письменное обязательство десятилетней Кристины говорить со своим учителем на латинском языке. *1636 г.*

Королева Кристина в возрасте семи и пятнадцати лет

Граф Магнус Делагарди,
фаворит королевы
Кристины

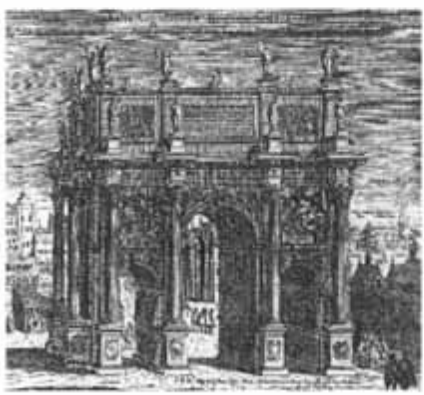
Карл X Густав,
кузен и наследник
королевы Кристины

Шпаги Л. Торстенссона,
К. Г. Врангеля
и Карла X Густава

Камзол и кюлоты
короля Карла X Густава

Риксдалер
1642 года

Кристина —
Северная
Минерва



Триумфальная
арка на площади
Густава II
Адольфа
в Стокгольме,
возведённая
для проведения
коронации
Кристины.
Гравюра с рисунка
Э. Дальберга

Пер Брахе

Леннарт Торстенссон

Загородная усадьба Тидё А. Оксеншерны

Рене Декарт

Джованни Кассини

Диспут королевы Кристины и Рене Декарта.
Художник П. Л. Дюмениль-младший. XVIII в.

Джованни Лоренцо Бернини

Алессандро Скарлатти

Людовик XIV. *Мраморный бюст работы Д. Л. Бернини. 1665 г.*

Графиня Эбба Спарре. *Художник С. Бурдон. 1652—1653 гг.*

Трон королевы
Кристины

Карта Шведского
королевства
в границах
1660 года.
1696 г.

Кардинал Децио Аззолино-младший

Палаццо Фарнезе

Кардинал Джулио Мазарини

Маркиз Джованни Ринальдо Мональдески

Панорамный план резиденции французских королей Фонтенбло. *Адам Перель. Вторая половина XVII в.*

Римский папа
Иннокентий X

Римский папа
Александр VII

Испанский богослов
Мигуэль Молинос

Франсуа де Ларошфуко

Королева Кристина
в последние годы жизни

Палаццо Риарио

Надгробие королевы Кристины в соборе Святого Петра.
Скульптор К. Фонтана. 1702 г.

notes

Примечания

1

Родилась и жила свободной, умру независимой *(лат.)* — надпись на медали, выбитой в честь Кристины в Италии.

2

Швеция, в отличие от остальной Европы, жила в это время по юлианскому календарю, поэтому все даты в первой части книги будут указаны по старому и новому (в скобках) стилю.

3

В переводе со шведского языка drots — наместник, воевода, но фактически эта должность означала в тогдашней Швеции главного судью и министра юстиции вместе. Риксдротс формально являлся также председателем Госсовета. Первым по рангу шёл риксдротс, за ним риксмарск, потом риксадмирал и канцлер с казначеем, однако истинной властью в новом формировании стал обладать именно канцлер Аксель Оксеншерна.

4

В переводе на русский — «маршал», но в данном контексте означает главнокомандующий сухопутными войсками.

5

Сигизмунд III (1566–1632) — сын шведского короля Юхана III (1537–1592) и внук Густава Васы (1496–1560), будучи избранным на польский трон, формально стал королём и Швеции. Однако его дядя герцог Сёдерманландский Карл (1550–1611) фактически узурпировал власть в Швеции, короновался потом как Карл IX и по смерти передал власть сыну Густаву II Адольфу (1594–1632). Династийный спор между Польшей и Швецией длился несколько десятилетий и «окрашивал» все последующие шведско-польские войны. Окончательно династийный вопрос в шведско-польских отношениях был снят с повестки дня в 1660 году при подписании Оливского мира.

В Италии этот показатель составлял 44 человека, в Голландии — 40, во Франции — 34, в Германии — 28 человек. На территории Швеции, Финляндии и Прибалтики проживали всего 1 миллион 250 тысяч человек (население Европы — 103 миллиона человек).

7

Об уровне развития шведов того времени свидетельствует следующий факт: когда шведская армия в 1630 году высадилась на севере Германии, то солдаты стали обращаться к местным жителям с вопросом, как пройти до… Рима, чтобы вздуть хорошенько главного паписта — тамошнего папу.

8

Зато известны планы короля обеспечить будущее дочери с помощью брака с сыном бранденбургского курфюрста и «конъюгировать» таким образом Швецию с Бранденбургом. В этом варианте Кристине отводилась «почётная» роль супруги короля «конъюгированного» королевства.

9

П. Ш. — принцесса Швеции.

10

Шведский историк Вивека Хейман называет вдовствующую королеву «отвратительной карикатурой» на женщину (1959). Но есть и другие суждения на этот счёт. Шведский историк Карл Гримберг называл Марию Элеонору «слабой, необычно слабой бедной женщиной» (1918). Гунхильд Чюле убеждена в том, что королева стала жертвой существовавших в то время стереотипов и предвзятых мнений (1996). Лейф Ослунд (2005) не считает Марию Элеонору больной или истеричной женщиной, а объясняет всё её поведение чувствительной, экзальтированной натурой, глубоко любившей своего мужа и страдавшей от неразделённой любви. Он замечает, что ничего странного в том, что Густава II Адольфа долго не хоронили, нет. Между смертью человека и его похоронами в то время могло пройти до года. Несостоятельны, по его мнению, и обвинения Марии Элеоноры со стороны дочери Кристины и её современников в том, что она «одела» залы королевского дворца в чёрные «одежды» и слишком долго носила траур по мужу. Всё это было в традициях описываемого времени.

11

Согласно медицинским воззрениям того времени, в частности, Гиппократу и Клавдию Галену (II век н. э.), тело человека состояло из четырёх элементов: земли, воздуха, огня и воды, причём земля должна быть сухой, воздух — холодным, огонь — горячим, а вода, естественно, влажной. Жидкость, по античным воззрениям, состояла из крови, слизи, жёлтой и чёрной желчи. Комбинация упомянутых элементов давала восемь различных человеческих темпераментов, причём преобладание жёлтой желчи способствовало формированию горячего и сухого (холерического), чёрной желчи — холодного и сухого (меланхолического), крови — горячего и влажного (сангвинического), слизи — холодного и влажного (флегматического) темперамента.

12

Юхан Адлер Сальвиус (1590–1652) родился в семье городского писаря в Стрэнгнэсе. При местном соборе получил школьное образование, учился в Упсальском университете, а в девятнадцатилетнем возрасте в качестве домашнего учителя и репетитора сына шведского ландсхёвдинга выехал за границу. В 1614 году в Хельмштедте получил степень магистра философии, в 1616 году стал репетитором ещё одного богача, объездил с ним всю Германию, побывал в Голландии и дополнил своё образование в университетских городах этих стран. Попал в поле зрения канцлера А. Оксеншерны и при его поддержке уехал в Монпелье, где получил степень доктора медицины. По возвращении в Швецию поступил на государственную службу и стал работать в канцелярии Оксеншерны. В 1620 году ездил в Италию и получил в Падуанском университете степень доктора юридических наук. Потом женился на матери своего ученика, вдове ювелира Лоренса Хартмана, которая была на 30 лет старше его, получил приданое в размере 150 тысяч риксдалеров и стал одним из богатых людей Швеции. Во время германского похода Густава II Адольфа был заведующим его походной канцелярией, получил дворянство. При заключении Вестфальского мира представлял Швецию вместе с сыном канцлера Юханом Оксеншерной. При королеве Кристине (1648) был введён в состав Госсовета и получил баронство (1651). Умер летом 1652 года.

13

Председатель парламента.

14

Мария Элеонора к этому времени, благодаря своей рассеянности, непрактичности и безалаберности, на самом деле наделала много долгов. Но надо иметь в виду, что она вышла замуж за Густава Адольфа вопреки согласию курфюрста Бранденбургского, своего брата, и не получила в приданое ни фоша, так что ей с первых же дней пребывания в Швеции нужно было занимать деньги на свадебные наряды, туалеты, подарки жениху и т. п.

15

Пер Брахе, представитель старейшего и знатнейшего рода Швеции, сподвижник короля Густава II Адольфа, в это время занимал пост генерал-губернатора шведской провинции и был членом Госсовета. После смерти Г. Г. Оксеншерны занял пост риксдротса и встал в оппозицию как к А. Оксеншерне и его клану, так и к королеве Кристине, пытаясь расширить свои полномочия и стать вице-королём Швеции.

16

В Швеции конституционная монархия уже существовала с момента вступления на трон короля Густава II Адольфа. Правда, на практике страной почти единолично правил король, и вот теперь клан Оксеншернов был озабочен тем, чтобы эту практику «слегка» скорректировать в собственных интересах.

17

Вообще-то царь Михаил Фёдорович снаряжал это посольство для того, чтобы заключить военно-политический союз с Густавом II Адольфом, направленный против Польши. Но пока это посольство, названное в Москве Великим, во главе с боярином Борисом Ивановичем Пушкиным и его помощниками боярином Григорием Горихвостовым и дьяком Михаилом Неверовым, добиралось до Швеции, пришла весть о гибели короля. Пришлось остановиться в городе Нюслогге (Финляндия) и ждать новых инструкций из Москвы. Союза с Россией, которого так желал Густав II Адольф, не хотел новый регент канцлер Оксеншерна, так что после пустых переговоров в «Стекольне» с П. Бан*е*ром в октябре русское посольство ни с чем вернулось в Москву.

18

Торговые суда самой шведской метрополии проходили пролив Эресунд беспошлинно, но корабли из шведских заморских провинций, направлявшиеся через Балтийское море на запад, и морская торговля Швеции с другими странами облагались обременительными датскими пошлинами.

19

Причиной служили подозрительные контакты французов с баварцами по поводу передачи Мюнхену территории, занятой шведской армией.

20

Так, Густав II Адольф надел корону в 18 лет, а Карл XII и того раньше.

21

Мы всё-таки будем звать Кристину королевой.

22

Принятая форма обращения к высокородным шведским дворянам того времени. Речь идёт о Пере Брахе.

23

На мирную Вестфальскую конференцию были приглашены все европейские государства, за исключением Англии, Дании, России и Турции. Оснабрюк был выбран для переговоров Габсбургов со шведами, а Мюнстер — для переговоров с французами. Настоящие переговоры по существу дела начались лишь в марте 1644 года.

24

Европа, в конце концов, согласилась в религиозном отношении вернуться к статус-кво не 1618-го, а 1624 года. Швеция получила Померанию, Рюген, Бремен-Верден и пять миллионов риксдалеров компенсации за понесённые в войне убытки. На самом деле полностью востребовать эту сумму с германских княжеств не удалось. Многим «должникам» эти деньги шведы потом простили или списали. Часть полученной суммы пошла на выдачу наёмным солдатам и офицерам выходного жалованья, а большая часть осела в карманах генералов, дипломатов и членов Госсовета в виде вознаграждений за оказанные услуги. В государственную казну не попало ни гроша. Оставшихся в живых шведских инвалидов войны поместили в дом призрения в Вадстене. Вдовы погибших шведов и их дети не получили ничего.

25

Фронда (буквально «праща») — союз противников абсолютизма во Франции во главе с принцем Конде, в 1648 году заставивший пойти на уступки, а потом и бежать из страны Анну Австрийскую, регентшу при малолетнем Людовике XIV, и её первого министра кардинала Мазарини. После распада Фронды (1653) и подавления фрондистов Конде эмигрировал в Испанские Нидерланды (Фландрию). В 1645 году, когда принц лояльно служил Людовику XIII и принимал участие в Тридцатилетней войне, Кристина написала ему письмо, в котором благодарила за победу, одержанную им над габсбургской армией при Нёрдлингене. В 1634 году под Нёрдлингеном потерпела крупное поражение шведская армия под командованием Г. Хорна, так что в ответном письме Конде сообщал, что был счастлив отомстить Габсбургам за поражение шведского оружия.

Из этой идеи на сей раз ничего не вышло, но она запала в душу Карла Густава, и как только он взойдёт на шведский трон, тут же приступит к её реализации. Начнётся Первая Северная война, в которой примет участие и Россия и в которой все будут воевать против всех.

Всё это богатство осело потом в стокгольмском королевском дворце, а также во дворцах и замках шведской знати; что-то попало в университет в Упсале, часть оказалась в лютеранских храмах.

28

Династия Васа на протяжении своего царствования имела какую-то необъяснимую слабость к роду Делагарди. Первый из них — Понтус Делагарди — был «солдатом удачи», который во время шведско-датской войны попал в шведский плен, в 1556 году он поступил на службу к Эрику XIV и стал его близким другом и помощником. Лангедокский шарм Понтуса Делагарди пришёлся по вкусу и Юхану III, который использовал его как на поле брани, так и в качестве дипломата. За большие заслуги Делагарди было позволено жениться на внебрачной дочери короля Юхана по имени Сигрид. Сын Понтуса и Сигрид — Якоб Делагарди — был обласкан Карлом IX и преподавал военные науки сыну, а потом королю Густаву II Адольфу. Я. Делагарди особенно выдвинулся во время войны на восточном фронте своим участием в великой русской Смуте. Потом он женился на Эббе Брахе, и из этого брака вышли сыновья Магнус и Якоб. Якоб женится потом на «любовнице» Кристины красавице Эббе Спарре и в 1658 году погибнет на войне с датчанами. В Лангедоке у шведских Делагарди остались родственники, с которыми они во всех поколениях поддерживали постоянную связь. Семья была настолько там известной, что имя Понтус стало нарицательным и употреблялось для обозначения богатого и удачливого человека.

29

Согласно тогдашней практике чрезвычайные послы назначались в исключительных случаях и их миссия ограничивалась определённым временем. На постоянной основе работали посланники, а чаще всего — резиденты.

30

Джулио Мазарини (1602–1661) — итальянец, в 1641 году сменил кардинала Ришелье на посту первого министра Франции. Священником стал из карьерных соображений, но никогда им не был. Во время восстания Фронды (1648–1649) был вынужден бежать в Кёльн, из эмиграции вернулся лишь в 1653 году. Находясь на посту первого министра Франции, практически неограниченно правил страной.

31

Сеньория — тип феодальной вотчины в Западной Европе, отличавшийся малыми размерами домена (феодального поместья) или полным его отсутствием.

32

Детали этой беседы взяты из заметок самого Карла Густава.

33

Интересно бы узнать, какого мнения Кристина была о женщине, изменившей свою веру.

34

Похоже, имя Эбба было просто роковым для правителей династии Васа!

35

Очаровательная графиня *(фр.)*.

36

Сохранившиеся письма Эббы свидетельствуют о её внутренней напряжённости, нервозности и неуверенности и обнаруживают довольно низкий культурный уровень. В 1646 году она обручилась со своим кузеном Бенгтом Оксеншерной, но потом помолвка расстроилась. По слухам, разрыв был вызван вмешательством королевы Кристины. Впрочем, через два года Эбба сделала отличную партию, выйдя замуж за блестящего кавалера того времени графа Якоба Казимира Делагарди, брата Магнуса Делагарди. Этот брак, оказавшийся, кстати, не совсем удачным, положил начало вражде двух могущественных родов Оксеншернов и Делагарди. Эбба Спарре родила трёх детей, умерших в раннем возрасте, а сама скончалась в 1662 году в возрасте тридцати шести лет. В 1654 году, когда королева Кристина, отказавшись от трона, покинула Швецию, Эбба Делагарди некоторое время сопровождала её в путешествии по Европе.

Bedfellow в английском и *sangkamrat* в шведском тексте, что дословно означает «подруга по кровати». С. И. Улофссон предлагает оценивать это выражение с точки зрения не нынешней «испорченности нравов», а с позиции того времени, когда под этим понимали слугу, которого господа брали в холодную постель для «сугрева». Густав II Адольф брал с собой в постель графа Акселя Банера. Может быть, может быть…

38

В Париже все фонтаны ремонтировались слесарями, во главе которых стояла женщина. Венецию от пожаров спасали трубочисты-женщины.

39

Одной из таких женщин была, в частности, Мария София Делагарди, толстая, как бочка, молодая бесцветная девица, лихо заправлявшая рудником, а заодно и бумажной, рукавичной и пороховой фабриками.

40

Придворная жизнь шведских монархов проходила в тихой, чинной и скромной обстановке. Например, Густав II Адольф жестоко экономил на содержании своего двора, при нём существовал запрет на выделку из салаки филе, потому что предлагалось поедать её целиком, вместе с костями. Король обедал в столовой, опутанной вековыми слоями паутины, на цинковой посуде, взятой в долг. Жёны королей часто сами следили за ведением своего хозяйства и лично выдавали слугам нитки на починку и штопку их одежды.

41

На посла Франции в Стокгольме Пьера Шану это произвело большое впечатление. «Хотя Швеция и бедная страна, — докладывал он в Версаль, — наклонности к роскошной жизни здесь на фоне доходов страны намного сильнее, нежели в любом другом месте».

42

Невежество шведов того периода общеизвестно. Когда известный поэт Георг Шернъельм показал одному служителю церкви блоху под микроскопом, тот был шокирован и так испуган, что донёс на него вышестоящим властям. Поэта обвинили в атеизме и колдовстве, ему грозила смертная казнь, и он был бы казнён, если бы его не спасла Кристина.

43

Считается, что либертинцы появились во Франции под влиянием профессора-провансальца Пьера Гассенди, работавшего там в 1640—1650-е годы, преподававшего риторику и прекрасно знавшего историю, философию, физику и математику. Гассенди досконально изучил и возненавидел учение Аристотеля и с жаром отдался идеям Николая Коперника, Джордано Бруно и Галилео Галилея. Профессор был новатором по природе, обожал ясность и простоту мышления, безгранично верил в опыт и уважал эксперимент. «Подо всем этим находилась гранитная подкладка собственного философского учения», — пишет М. А. Булгаков.

В основе учения лежали идеи философа Эпикура, согласно которому человек, как всякое существо, должен стремиться к удовольствию как высшему благу на Земле. «Единственно, что врождено людям, — говорил Гассенди своим ученикам, — это любовь к самому себе. И цель жизни каждого человека есть счастье!» Счастье, по мнению Гассенди, слагалось из спокойной души и здорового тела. О теле должны заботиться врачи, а вот о том, как сохранить спокойствие души, знал он, Гассенди. Философ рекомендовал не совершать поступков, из-за которых приходилось бы потом испытывать чувство раскаяния или сожаления.

Вокруг нового Эпикура группировались и многочисленные ученики, и просто образованные люди. С Гассенди был знаком молодой Мольер, который сразу стал его горячим поклонником и воплощал его идеи в своих пьесах. Скоро учение Гассенди стало модным и захватило широкие слои дворянства и учёного мира Франции, а оттуда его идеи перекинулись в соседние страны. Его адептов позже стали называть *либертинцами.* Среди либертинцев, то есть вольнодумцев и эпикурейцев гассендиевского толка, естественно, было много людей случайных, поверхностных или просто авантюристов, проходимцев и вообще людей нечистоплотных. Век либертинцев пришёлся в основном на XVIII столетие, и под этим названием они прошлись по Европе как лишённые всякой морали циники и распутники. В XVII же веке либертинцы не обязательно были аморальными людьми и, даже наоборот, считались людьми порядочными и честными. Их отличали вольнодумие и критическое отношение к религиозным догмам.

44

Шведский историк Х. Висельгрен утверждает, что Хейнсиус, поняв, что денег ему с королевы никогда не получить, впал в «меланхолию» и запил. Требовать долги с королей считалось тогда дурным тоном, кредиторы молча переживали, подсчитывая свои убытки, надеясь, что когда-нибудь монарх всё-таки вспомнит о них и вознаградит другими способами, например подарками, недвижимостью или льготами на торговлю.

45

Он родился в 1610 году в семье цирюльника в Сансе *(Sens)* и по рождению носил имя Пьер Мишон Боннэ. Только после получения наследства от дяди Жана Бурдело, находившегося на службе у королевы Марии Медичи, сын цирюльника обрёл дворянское достоинство и фамилию Бурдело.

46

Перед отъездом Кристина посвятила Бурдело в свои секретнейшие планы сменить религию и отблагодарила его за оказанные услуги тем, что с помощью П. Шану добилась от Парижа передачи в его управление аббатства Массай в Берри с годовой рентой в кругленькую сумму пять тысяч ливров. Никогда и ни во что не веривший, Бурдело скоро испортил отношения с монахами аббатства и вступил с ними в длительную судебную тяжбу. Монахи обвиняли его в денежных махинациях, в натравливании их друг на друга и в том, что он «осчастливил» монашку своим наследником. Ну чем не комедия в стиле Бомарше?

Выделено автором.

Некоторые историки, в частности католик С. Стольпе, из этого эпизода делают вывод, что уже в детстве у Кристины сформировалась мечта о том, чтобы стать девственницей, и утверждают, что именно в этом и состояла главная — мистическая — тайна шведской королевы. Логика их рассуждений такова: раз королева не могла и не хотела выйти замуж и дать стране наследника, то ей надо было уступить трон другому человеку. Но оставаться в лютеранской Швеции девственницей ей было никак невозможно, следовательно, ей надо было принять католичество и уехать из страны. И с этими аргументами трудно не согласиться.

49

Французы Мариньи и де Серизан в шведской столице появились в начале 1640-х годов. Первый был типичным авантюристом своего времени, наглым пасквилянтом и памфлетистом, состоявшим на службе у принца Луи де Конде и успевшим не самым лучшим образом отличиться в период французских религиозных столкновений. Никто не знал, что его привело в шведскую столицу — по всей видимости, у него были веские причины для того, чтобы покинуть Францию. Он обратил на себя внимание Кристины и использовался ею в качестве своеобразного «культуртрегера». Де Серизан, шотландец с французским воспитанием, был поэтом и по части скандалов ни в чём не уступал де Мариньи. Этот элегантный и тщеславный кавалер успел послужить кардиналу Ришелье в ответственной разведывательной миссии в Константинополе и принять там ислам — вероятно, для пользы дела. В 1643 году он познакомился со шведским дипломатическим резидентом, известным голландским правоведом Хуго (Гуго) Гроцием и по указанию Кристины стал его помощником по шведским делам, а в его отсутствие — временным поверенным в делах. В 1646 году де Серизан, замешанный в любовные скандалы с дуэлями, без разрешения Стокгольма дезертировал со своего поста, срочно покинул Париж и объявился в Швеции. Кристина обласкала его, приблизила ко двору и предложила ему офицерскую должность в шведской армии, но дерзкий шотландец в армии служить не захотел — он увидел свой шанс при дворе королевы. Но и здесь он успел испортить отношения с фаворитом королевы М. Г. Делагарди и был удалён от двора. Де Серизан не растерялся: надев маску раскаявшегося грешника, он поехал в Рим и в 1646 году с благословения папы Иннокентия X принял католичество, поступил на службу к герцогу Гизу и погиб в Неаполе в сражении с испанцами. Несколько лет спустя Кристина пойдёт по стопам этого бесшабашного человека и тоже окунётся в неаполитанские дела.

Зато это удалось Петру I.

Лучшим способом для этого могли бы послужить беседы с Декартом, но она этот шанс упустила. Да и не рисовкой ли и кокетством была эта фраза?

52

Изъятие земель у дворян в пользу казны. Она будет проведена сыном Карла Густава — Карлом XI и продолжена внуком Карлом XII.

53

Спор польской ветви династии Васа за шведскую корону начался ещё при короле Сигизмунде, первом представителе рода на польском троне. Сигизмунд, сын короля Юхана III, в этом споре уступил корону Швеции своему дяде, королю Карлу IX, деду Кристины. Династийный спор послужил причиной нескольких затяжных войн между Польшей и Швецией.

54

Залив перед Старым городом и королевским дворцом.

55

Было бы вовсе печально, если бы Карл Густав за время своего короткого, но яркого правления не показал бы себя энергичным, умным, решительным и волевым правителем и способным военачальником, передавшим своему сыну Карлу XI Швецию с новыми территориальными приобретениями. Тот, кто дрожал как осиновый лист перед королевой Кристиной, скоро заставит дрожать всех своих соседей.

56

Ландграф 10 ноября сочетался браком с кузиной королевы, пфальцграфиней Элеонорой и стал таким образом членом королевской семьи.

57

С. Стольпе полагает, что Шану при этом имел в виду не королеву, а дворянина Бенгта Шютте, сбившегося с панталыку сына известного сподвижника короля Густава II Адольфа Ю. Шютте. Стольпе, конечно, прав: Кристина к этому времени даже в своих мыслях ещё не стала католичкой.

С. И. Улофссон считает, что П. Шану не был заинтересован ни в переходе Кристины в католическую веру, ни в её уходе с трона, поскольку опасался, что ослабленная Фрондой Франция лишилась бы тогда такого мощного союзника, как Швеция. Свою роль француз видел в том, чтобы создать у Кристины терпимое отношение к католицизму — не более. С этим можно согласиться, но нельзя забывать, что патер Виоге мог действовать по своему усмотрению или, вернее, по усмотрению Ватикана.

59

Об этом поведал членам Государственного совета бывший фаворит королевы М. Г. Делагарди.

60

Братья Шютте — сыновья Ю. Шютте, учителя и сподвижника короля Густава II Адольфа, который, занимая пост губернатора Ливонии, отправлял сыновей в Россию учить русский язык. Судя по всему, русский язык не заинтересовал их, и они увлеклись католицизмом. Л. Шютте проявлял интерес к наукам и рано подверг сомнениям ценности лютеранского вероисповедания. Будучи послом Швеции в Лиссабоне, он в 1648 году тайно перешёл в католическую веру. Вскоре он запросил у Кристины отставку и, получив её, удалился под крыло ордена францисканцев. Долгое время он пребывал духовником королевы Кристины, хорошо знал её настроения и взгляды и мог отлично сориентировать иезуитов в отношении тактики и стратегии обращения её в католическую веру. Вряд ли без такой посторонней помощи в далёкой Португалии пришла бы кому-либо в голову мысль самостоятельно начать хитрую и дерзкую атаку на королеву Швеции.

61

Крепость и гавань у входа в стокгольмские шхеры.

62

Шведские историки до сих пор не знают, как оправдывалась потом Кристина перед «папой Акселем», Государственным советом и парламентом и был ли вообще у них разговор на эту щекотливую тему.

63

Абдикация *(лат. abdicatio)* — добровольное отречение от престола, отказ от власти, должности или сана.

Ещё один пример того, что физическая храбрость не имеет ничего общего с гражданским мужеством: отношение Карла Густава к пасквилю было лицемерным, а к авторам — циничным, справедливо замечает П. Энглунд.

65

Г. Никкель, немец по происхождению, был временным исполнявшим обязанности главы ордена иезуитов до избрания генерала Алессандро Готтифреди. После скоропостижной смерти Готтифреди Никкель был избран на его место.

38-летний Ф. Малинес был довольно заурядной личностью, и его достоинства в данном случае заключались в том, что он был графским сыном. 34-летний П. Кассати — личность широко известная. Это был иезуит с семнадцатилетним стажем и уважаемый в Европе учёный, который, наряду с теологией, успешно занимался метеорологией, астрологией, физикой, геометрией, механикой, гидростатикой, изучал деятельность вулканов и конструировал компасы. После скандала с Галилеем иезуиты сделали для себя выводы и «воспитали» в своих рядах современных служителей Церкви, способных совмещать несовместимое — по крайней мере на словах.

На конспиративном языке иезуитов это означало «ловить души», «обращать в свою веру».

Энтузиаст своего дела Г. Франкен, поставивший своей «скромной» целью контрреформировать всю Швецию, после неудачи в Стокгольме уехал в Африку обращать в католическую веру африканских язычников и скоро погиб в Гвинее.

69

Л. Морелль и некоторые другие авторы сообщают, что иезуиты были представлены ко двору под легендой экспертов антиквариата, прибывших из Италии для осмотра и оценки коллекций королевы Кристины. Эта «легенда» была более убедительной, нежели легкомысленное туристское «прикрытие».

О содержании бесед иезуитов с Кристиной мы знаем из их отчётов.

Смысл эмблемы ордена, его девиз «Semper idem» («Всегда тот самый»), выгравированные на обратной стороне эмблемы слова *Dolce Nella Memoria* (Сладкая память) и его деятельность до сих пор остаются неразгаданными. Шану в своих мемуарах пишет, что холостые и незамужние члены клуба при вступлении в орден давали обет не вступать в брак, а женатые и замужние — после смерти супруга или супруги не вступать в брак повторно. По некоторым данным, председательствовала в ордене в качестве «абсолютного арбитра» искусств и наук не только в Швеции, но и за её пределами королева Кристина.

Именно в копенгагенских архивах сохранились сведения, порочащие королеву Швеции. Они-то наряду с измышлениями некоторых французских либертинцев, живших в Швеции, и послужили материалом для целых поколений историков.

73

После Вестфальского мира Швеция, получив в своё владение Померанию и некоторые другие германские земли, стала полноправным членом Священной Римской империи.

74

Император Священной Римской империи Фердинанд III и король Испании Филипп IV были прапраправнуками первого Габсбурга Максимилиана I и одновременно кузенами, поскольку тётка Фердинанда III, Маргарита Австрийская, была матерью Филиппа IV.

Вступление Швеции в союз с Испанией и заключение тройственного шведско-испано-английского альянса, направленного против торгового засилья Нидерландов, сведение к минимуму присутствия Швеции в Германии перечёркивали все достижения Швеции в Тридцатилетней войне и давали преимущество австрийским Габсбургам. Вся традиционная внешнеполитическая ориентация Швеции летела вверх тормашками. Всё забывалось. Швеция явно вовлекалась в орбиту испанокатолических интересов, и общепротестантское единство значительно ослаблялось.

Путь между Мадридом и Стокгольмом занимал тогда три месяца. Вероятно, испанское могущество потому и разрушилось, что король и его министры просто не успевали реагировать на события.

77

К. К. фон Шлиппенбах после неожиданной смерти канцлера Э. Оксеншерны в 1656 году станет главным советником Карла X Густава, возьмёт в свои руки внешние сношения Швеции и «наломает кучу дров».

М. Г. Делагарди при Карле X вернёт своё былое положение при дворе, а после его смерти в 1660 году станет канцлером и главным опекуном малолетнего Карла XI. Вот тогда-то и скажется его мелочная натура. Он станет мстить королеве Кристине. Во время войны с Россией он покажет себя бездарным военачальником.

79

По-видимому, речь идёт о после Головине. См. о нём ниже.

80

Нет ничего для меня на земле *(лат.)* — надпись, выбитая на медали, посвящённой Кристине.

81

Посол А. да Сильва обратился с жалобой к канцлеру Оксеншерне и с его помощью смог продержаться в Швеции до отречения Кристины, а потом весь эпизод с его высылкой предали забвению.

Дания тогда находилась в голландско-французском лагере.

Скорее всего, Кристина и в данном случае излагала англичанину «легенду». Выше мы уже приводили мнение Д. Мэссон о том, что Кристина изначально вполне определённо ориентировалась на Италию.

84

И без тебя сохраняю звание своё *(лат.)* — надпись, выбитая на медали, выпущенной в Стокгольме в 1654 году в честь отречения Кристины от престола.

85

С. И. Улофссон утверждает, что описания того, как Кристина хитрила со своим маршрутом, не соответствуют действительности. Он полагает, что барон Стейнберг уже 1 мая 1654 года уведомил Карла X о том, что маршрут Кристины будет пролегать через Данию. Впрочем, вполне возможно, что после этого королева передумала и выбрала другой путь, а потом неожиданно вернулась к старому варианту. Мистификация вполне была в её стиле.

Расплатиться с ним Кристина так и не сможет. К. Ульфельдт станет советником Карла X Густава во время его войны с Данией в 1657–1659 годах. После его смерти Элеонору Шлезвиг-Голштинскую выдаст датчанам английский король Карл II, и она проведёт в копенгагенской тюрьме 22 года. Королева Кристина возьмёт на себя заботу о детях этой пары.

Интерес английской разведки объяснялся опасениями Кромвеля, что Кристина станет поддерживать свергнутого и проживавшего в Голландии короля Карла II. Ходили слухи о предстоящем браке шведки с англичанином. Интерес Интеллидженс сервис к Кристине упал, как только ещё один тайный агент доложил Тарлоу, что Кристина намеревается проследовать в Рим.

88

С. И. Улофссон пишет, что к моменту отъезда Кристины из Швеции Карл X Густав с Хедвигой Элеонорой был уже обручён. Хедвига Элеонора проживёт долгую жизнь: она переживёт мужа, похоронит сына Карла XI и скончается за три года до смерти внука Карла XII.

Кристину обслуживали сам Диего, его сын Мануэль и внук. Старший Тексейра, по некоторым данным, не был бескорыстным человеком и частенько запускал руку в карман своей клиентки. Кристина знала об этом, но что-либо предпринять в отношении него отказывалась. Для неё было достаточно, что человек оказывал ей услуги. В 1687 году она выдала ему квитанцию, в которой прощала ему всё, что он сумел за все годы на ней «заработать».

90

В описываемый период Европа жила по григорианскому календарю, поэтому все даты, начиная с этого места, будут указаны только по новому стилю.

91

Напомним читателю, что Фландрия в это время находилась под властью Испании и носила название Испанских Нидерландов. Во Фландрии, где французская армия воевала с испанской, сложилась парадоксальная ситуация: испанской армией командовал принц Конде (герцог Энгиенский), бывший французский генерал, а французской — генерал Тюренн, воевавший до этого на стороне испанцев.

По другим данным, визит сорвался из-за того, что королева предложила ему более низкое кресло, то есть посчитала его статус ниже того, которого он заслуживал.

93

Кристина продолжала защищать Маттиэ и в эмиграции, учредила для него пенсию и выплачивала её до самой его смерти в 1670 году. После оказывала солидную материальную помощь его сыну и зятю.

Чичероне *(cicerone)* — проводники иностранцев при осмотре местных достопримечательностей, памятников и т. п.; названы по имени Цицерона (намек на их говорливость).

95

Есть ли что больше Рима? *(лат.)* — надпись на медали.

Теперь в этом доме размещено посольство Франции.

Ныне переименованы в Порта-дель-Пополо.

98

«Летучий эскадрон» возник во времена папы Климента VIII (1536–1605), когда в Ватикане стали формироваться происпанская и профранцузская партии. Папа решил бороться с «иностранным» влиянием в Ватикане, для чего создал институт государственного секретариата и образовал группу кардиналов, которые получили потом название «летучий эскадрон». Для справки: папа Александр VII принадлежал к происпанской партии.

Именно благодаря маркизу мы знаем теперь об этом периоде жизни Кристины.

100

Д. Мэссон придерживается мнения, что Джиандемария, наоборот, был рачительным хозяином и хорошим администратором.

101

Будущий папа Климент IX (1667–1669).

Пример Кристины, однако, не оказался заразительным: вслед за ней в католическую веру перешёл лишь один пфальцграф Кристиан Август Зульцбахский.

103

Судейский меч, достойный всех мужчин, в руке у женщины — проклятье (Ф. Шиллер «Мария Стюарт»).

104

Неаполь принадлежал Испании с 1501 года и управлялся испанскими вице-королями.

105

Намёк на происхождение основателя династии Васа — Густава Васы, освободившего Швецию от засилья датчан.

106

Шведская монахиня Бригитта (1303–1373), известная своими мистическими откровениями, основательница монашеского ордена, с 1349 года жила в Риме, в 1391 году канонизирована католической церковью. Святая Бригитта считается покровительницей Швеции.

107

Претензии Франции на Неаполь имели под собой основания: ещё в XIII веке он принадлежал анжуйскому королевскому семейству. Существование соглашения между Кристиной и Мазарини долго оспаривалось историками, пока в архивах МИД Франции не была найдена его копия. Оригинал документа хранился у Людовика XIV на руках и затерялся.

108

Кардинал де Ретц был лидером Фронды, посаженным после её поражения в Бастилию. Ему протежировал Ватикан и назначил его архиепископом Парижа. Скоро де Ретцу удалось бежать из тюрьмы в Италию, где он и противостоял Мазарини.

109

Бог вразумит нас *(ит.)*.

110

Княжество на севере Италии, находившееся под влиянием Франции.

111

Американский биограф Кристины М. Голдсмит сочувственно пишет, что одежда королевы «стала для неё трагическим фактором жизни». Возможно, для биографа, но не для королевы, добавили бы мы. Сама королева от этого «трагического фактора» нисколько не страдала.

112

«Мазарини нечего бояться, ибо он контролирует мысли короля, — писала она Аззолино в Рим. — Он не любит короля — он его обожает. Он не может жить без него… Мазарини осторожный, умный и тонкий человек, но из своей чести он делает ремесло, и это делает его лицемером. Все его эмоции под контролем, и можно сказать, что у него есть только одна страсть, достойная восхищения — это амбиции… Он любит или ненавидит, если это способствует его интересам, а эти интересы, в свою очередь, сосредоточены вокруг его ошеломляющей жажды власти… Я не знаю, чего у него больше: достоинств или денег…»

113

Виды на брачный союз с Испанией лишний раз свидетельствуют о том, что Мазарини в этот период не хотел обострять отношения с этой страной, а надеялся браком короля с инфантой достичь мира с Мадридом. Амбулантный — перемещающийся в пространстве, в данном случае «королева-странница».

114

В её честь герцог провозгласил замысловатый тост: «Рассказывают, что птица Феникс летала над Римом императора Клавдия, но нет, она появилась над землёй при Александре VII в образе дочери великого Густава Адольфа: королева, учёная, воительница и дева, величественная, как Юнона, всезнающая, как Диана, храбрая, как Паллада, девственная, как Астрея».

115

Рассказ о событиях в Фонтенбло основывается на его мемуарных записках.

Это был Людовико Сантинелли.

117

О. Кромвель.

118

В начале Первой Северной войны Бранденбург был союзником Швеции, но когда армия Карла X Густава в 1657 году покинула Польшу и ушла воевать в Данию, Бранденбург стал на сторону Польши. К Польше и Бранденбургу примкнула Австрия, и скоро совместная польско-австро-прусская армия заняла почти всю шведскую Померанию. Кстати, император Леопольд I благосклонно отнёсся к ходатайству Кристины взять под свой контроль Померанию, но в последний момент королева от этого проекта неожиданно отказалась.

119

Дворец был построен в XV веке для родственников папы Юлия III (1550–1555) и сдавался Кристине внаём за 1125 скудо в год.

120

У правящей шведской верхушки в это время были все основания опасаться появления Кристины в Стокгольме. В правительстве шла борьба вокруг завещания Карла X, определившего в качестве главных опекунов малолетнего наследника свою 23-летнюю супругу королеву Хедвигу Элеонору и брата — герцога Адольфа Юхана. Аристократы были не согласны с таким раскладом и добивались исключения из опекунского совета герцога Адольфа. Кристина могла сильно повлиять на решение вопроса о престолонаследии, и Стокгольм всячески хотел воспрепятствовать её приезду в Швецию.

121

Всесильный правитель XIII века.

122

О других, кроме опекунских и финансовых, намерениях Кристины в Швеции известно мало. Свои впечатления от поездки она излагала в письмах к Аззолино, но тот перед своей смертью их сжёг.

123

Её муж Якоб Казимир Делагарди в возрасте пятидесяти пяти лет погиб при осаде Копенгагена.

Политика Людовика XIV в этом вопросе была непоследовательной и даже опасной. Согласившись поддержать Ватикан и Венецию в борьбе с османами, король извинился за это перед султаном и в дальнейшем вёл себя так же непредсказуемо.

125

Скульптор античной Греции (IV век до н. э.).

126

Римский император (76—138).

Заметим, что «некоторые другие» представляли собой не меньшую ценность, чем названные конкретными именами — просто их список утомил бы нашего читателя. И ещё одно существенное замечание: мы перечисляем предметы искусства, которые Кристина собирала в течение всей своей жизни в Италии. Многие несправедливо упрекали Кристину в том, что она «прихватила» с собой из Швеции богатства и ценности, награбленные шведами во время Тридцатилетней войны в Германии. С. Стольпе утверждает, что это не соответствует действительности: часть своего богатства она взяла из старых запасов шведских королей, часть купила в Италии. С собой она взяла только несколько предметов из числа военных «трофеев». Всё это богатство, подробно описанное шведским архитектором и художником Тессином-младшим и вполне сравнимое, к примеру, с коллекцией Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве, после её смерти большей частью бесследно пропало. Лишь часть этих сокровищ можно увидеть теперь в музее Прадо (Мадрид), музеях Швеции, Германии, Италии, Англии, а также в Ватикане.

128

Гобелены в описываемое время вешались на стену свободно, как картины, при необходимости снимались, чистились, сворачивались и употреблялись в других местах. Известно, что знатные граждане Рима одалживали свои гобелены для украшения стен собора Святого Петра.

Сделать это удалось в конце XIX века шведско-норвежскому посланнику в Риме барону Карлу де Бильдту, раскопавшему в архиве Ватикана около восьмидесяти писем Кристины и, главное, сумевшему расшифровать цифровой код, который королева и кардинал Аззолино использовали в своей переписке. Письма кардинала к ней не сохранились, поскольку он перед своей смертью их сжёг. Более подробно об этой переписке см. следующую главу.

130

После войны с Данией в 1657–1658 годах Швеция присоединила к своей территории бывшие датские провинции на всей южной оконечности Скандинавского полуострова.

131

Ф. Боррис отправился в Данию и очаровал там весь королевский дом. Но кончил он плохо: из Копенгагена его выслали в Рим и выдали инквизиции.

132

В результате Вестфальского мира 1648 года.

По всей видимости, движущей силой в этом вопросе был кардинал Аззолино. Ещё в 1661 году он просил варшавского нунция выяснить, какие распоряжения сделал король Ян II Казимир в отношении своих наследников. Предшественник Яна II Казимира на польском троне король Владислав, женатый на представительнице семьи Сфорца, располагал в Италии недвижимостью, и кардинал изучал вопрос о возможных правах Кристины на это наследство.

134

Подробных сведений о личной жизни Аззолино практически нет. Накануне смерти он сжёг все свои архивы, и историки вынуждены пользоваться лишь косвенными данными или вообще полагаться на ненадёжные слухи. Известно, однако, что Аззолино был «элегантным кавалером» и любил вращаться в дамском обществе. Папский историк Пастор саркастически замечает в своих трудах, что Аззолино никогда не блистал «чистотой нравов», а его современник литератор Анжело Корраро в своей вышедшей в 1663 году книге писал, что кардинал «большую часть своего времени тратил на амурные похождения». Другими увлечениями, которым он отдавался, были искусство и театр. Он играл ведущую роль на четырёх папских конклавах. В некотором роде судить об Аззолино можно на основании отчётов его агента и прелата Ласкариса, тёмной, по мнению некоторых историков, личности, которого он послал в Пезаро следить за королевой. Отчёты эти отличаются грубостью и непозволительной для духовных лиц скабрёзностью. Если Ласкарис позволял себе такие выражения перед своим высоким патроном, значит, он рассчитывал на то, что будет им услышан, понят и одобрен? Большинство современников, включая друзей и врагов, говорили об Аззолино как об элегантном, гибком, подвижном и трудолюбивом человеке. В его сохранившихся письмах он выступает трезвым, энергичным и сухим политиком. Вместе с тем они не создают впечатления истинной морали или высокого интеллекта — скорее можно говорить о ловком дельце и политике, не страдавшем от угрызений совести.

135

В переводе со шведского языка. Оригинал был написан на французском языке.

В переводе с французского языка означает «ханжа».

137

Во французском оригинале употреблено слово «amant», что чаще всего должно переводиться на другие языки как «любовник». Но в XVII веке слово «amant» могло означать и «любимый». В каком смысле его употребила королева, известно только ей самой, потому что контекст допускает оба значения.

Что эти инициалы могли обозначать: «Sa Majesté» или «Sua Maestá» («Ваше Величество»), «Sempermea» или «Sempre mia» («Люби меня») или ещё что-то, известное только Кристине и Аззолино.

139

Papabili *(ит.)* — реальный среди кардиналов кандидат на должность папы римского.

140

На сей раз Людовик XIV взял реванш за неудачу на предыдущем конклаве: его посол д'Астре произнёс в конклаве речь и дал ясно понять, какой папа был нужен «королю-солнце». Впрочем, французы, кажется, просчитались — новый понтифик был франкофилом, но не настолько, чтобы поступаться своими принципами о независимости Церкви.

141

Одним из методов, практиковавшимся властями в борьбе с гугенотами, были так называемые *драгунады* — насильственные поселения в их дома драгун. Владельцы домов должны были взять драгун на полное довольствие и в результате разорялись — если, конечно, не меняли веру.

142

Максима — логический или этический принцип, выраженный в краткой формуле; правило или норма поведения.

143

Интересно отметить, что вместе с королевой ревизию стоического учения проходила вся Европа. Причин для этого было много — в первую очередь последствия Религиозных войн в Германии и Франции, которые показали несостоятельность тезисов античных философов. В первых рядах критиков стоицизма выступили Ларошфуко, Паскаль и другие учёные.

144

Религиозное течение внутри католицизма, близкое к кальвинизму, возникшее в XVII веке и названное по имени голландского богослова Янсения.

145

Религиозно-этическое учение, возникшее в XVII веке и проповедовавшее смирение, созерцательно-пассивное отношение к действительности и полную покорность божественной воле.

146

В буквальном переводе означает «Христианский интерьер» *(фр.)*.

147

Сбир — низший служащий инквизиции.

148

Взять хотя бы «графа» Вазенау, «внебрачного сына» польского короля Яна II Казимира, которого Кристина определила полковником в свою гвардию. Человек он был хоть и честный, но никуда не годный, и королева обломала об него много палок, чтобы «привести в чувство», но так и не смогла это сделать. Включить его в своё завещание она всё-таки не забыла.

149

Знак особого внимания со стороны папы.

150

Перевод автора.

151

Сибилла — мифическое существо в Древнем Риме, предсказывавшее судьбу человека.

152

Научившись кое-как писать, принц Карл вступил в переписку с Кристиной, и та ответила ему любезным письмом на французском языке, которого Карл еще не знал. Она обратилась к нему со словами: «Мой дорогой племянник», а подписалась «Ваша добрая тётушка Кристина Александра».

153

Прах Кристины Александры, королевы Готов, Шведов и Вендов, почила 19 апреля 1689 года *(лат.)*.

То есть в Пантеоне.

155

Л. Марелль.